Митрополит Митрофан
(Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Мурманск–Санкт-Петербург
Издательство Мурманской епархии
Ладан
2019

Издание осуществлено при благотворительной
финансовой помощи **Кировского филиала АО «Апатит»**.

Автор выражает сугубую благодарность
доктору исторических наук, профессору
Мурманского арктического государственного университета
Алексею Алексеевичу Киселеву
за внимательное отношение к данному труду
и важные критические замечания.

Том 3

Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи

ББК 63.3(2)
УДК 93

Митрополит Митрофан (Баданин). Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи, 2-е изд. испр. и доп. // Кольский Север в Средние века. Т. 3. СПб.: Ладан, 2019. – 392 с.: ил.

Фундаментальный трехтомный труд митрополита Митрофана (Баданина), правящего архиерея Мурманской епархии, подводит итог многолетней работе автора и посвящен истории христианского просвещения Севера Европы и в частности Кольского Севера.

Третий том исследования раскрывает ход активной христианизации Кольского Севера, наступившей в XVI веке, и являет читателю удивительные жизненные пути святых просветителей края: преподобных Трифона Печенгского, Феодорита Кольского и Варлаама Керетского.

Подробно освещаются трагические страницы военного противостояния на Кольском Севере в XVI веке, повлекшего жестокие разорения монастырей, храмов, селений.

Автор подводит итоги и оценивает результаты христианской миссии на Кольском Севере, а также дает обзор дальнейшей просветительской деятельности в крае и краткие описания жизни наиболее выдающихся подвижников в последующие века.

ISBN 978-5-9907265-6-7

ISBN 978-5-9907265-6-7
© Митрополит Митрофан (Баданин), 2019

Раздел VIII

Начало активного просвещения Кольского Севера с конца XV до тридцатых годов XVI века

XVI век по Р. Х. – важнейший рубеж в духовной жизни Кольского края. В заповедных языческих землях трудами святых просветителей началось великое делание – знаменитый на всю Европу народ потомственных магов и чародеев приводился в веру Христову.

Никогда народ лопарский не слышал от многочисленных пришельцев доброго слова, не знал милосердия и справедливости. У лопарей не было ни князя, ни дружины, ни какой иной защиты от окружающего злобного и алчного мира. Не имея иных средств уберечь свою жизнь и защитить семью, саамы (лопари) в максимально полной мере освоили возможности сотрудничества с «духами нечистыми», призывая их в помощь и используя для этого целый арсенал магических приемов. Надо признать справедливым замечание католического ученого-епископа: «Знание этого искусства для них совершенно необходимо, так как иначе они терпели бы неисчислимые бедствия и от пришельцев, и от своих же земляков»[1].

Можно представить, насколько тяжек был труд проповедника Слова Божьего на земле, коренное население которой пребывало во мраке тяжкого язычества, повседневно и буднично общаясь с «духами злобы поднебесными» и стремилось всячески расширить свои возможности чародейства. «В могуществе волхвований лопари обладают далеко не равными

[1] *Иоанн Шеффер из Страсбурга.* Лапландия. Франкфурт, 1674 / Перевод с латинского В.С. Золотилова. Апатиты, 1930-е гг. С. 131. (Рукопись). (Далее: *Шеффер И.* Лапландия).

Преподобный Трифон Печенгский. Икона Трифонова Печенгского монастыря. 2016

силами. Демоны составляют часть наследства рода, и часто одна семья кичится перед другой тем, что имеет более могущественных»[1].

Безусловно, все просветители Кольского Севера, вступая в контакт с этим кочевым племенем, в полной мере сталкивались с этой темной силой, познавая на практике возможности «лопарского искусства боевой магии»[2].

Но вот, в начале XVI века, апостолы «стран полунощных», преподобные Трифон Печенгский и Феодорит Кольский, продолжая великое делание преподобных Евфимия Карельского, Зосимы, Савватия и Германа Соловецких, дерзновенно вторглись в самые дальние северные пустыни Европы, в очарованные земли легендарной Гипербореи. Московские цари и митрополиты нацеливали православных подвижников совершить великое дело христианской миссии на самых дальних подступах Святой Руси: «Христианство было призвано, чтобы просветить этот заброшенный народец, поднять его нравственный уровень, превратить его лучших людей из колдунов в подвижников»[3].

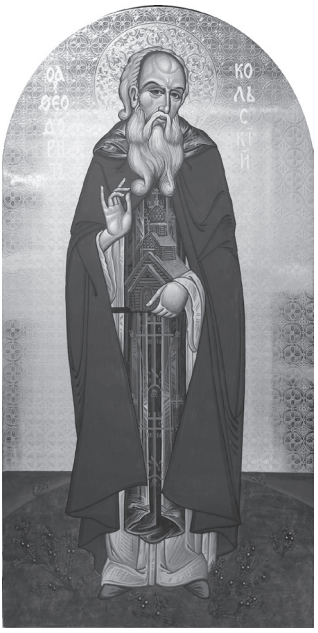
Подобно первоверховным апостолам Петру и Павлу, два истинных воина Христова, преподобные Трифон и Феодорит, были столь же удивительно не похожи друг на друга и представляли собой личности прямотаки противоположные.

Высокообразованный книжник и богослов, знаток Писания и творений святых отцов, владеющий многими языками, с детства возраставший в духе веры, целомудрия и постничества – таков Феодорит. И Трифон – малограмотный («невежда и малокнижен»), статный и очень крепкий физически, некогда страшный и неукротимый «воин на грани-

[1] Tornaes Johannis. Lappmarckerna och Deras Tillstand. Uppsala, 1900 // De svenska landsmalen ock svenskt folklif. Stockholm, 1901. S. 51.

[2] Изучение этих возможностей с практическими целями являлось одной из задач, которые были поставлены королем Швеции известному исследователю Лапландии, епископу И. Шефферу.

[3] *Соловьев В.* Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки / Собр. сочинений. СПб., 1890. Т. VI. С. 179. (Далее: *Соловьев В.* Первобытное язычество).



Преподобный Феодорит Кольский. Икона Трифонова Печенгского монастыря. 2016

це», горячий и решительный предводитель разбойников, нежданно властной рукой Господней брошенный в столь глубокое сокрушение о своих тяжких грехах и такое слезное покаяние, что долгие годы *«бездомно и бесприютно скитался по пустыням лесным и расселинам каменным»*[1], на самом краю земли, плача и стеная, жестоко истязая плоть свою постом, обетами и веригами…

Господь объединил этих столь не похожих людей, вручив им великое дело Евангельского благовествования в этих неприветливых полнощных странах на краю земли и полной мерой отмерил им скорбей и испытаний на этом пути.

Величайшим смирением, любовью и искренним плачем о заблудших людских душах сумели оживить они эти мрачные земли. Именно любовью они победили силы «князя тьмы», «просветили Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего»[2]. И в благодарной памяти последующих поколений коренных жителей Севера бережно хранились древние предания об этих великих просветителях.

Именно с того времени между лопарями и русскими стали складываться самые добрые отношения. «Тот народ Лопский, люди зело просты и кротки и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути же Спасения тщательны и охочи зело»[3], – так описывал лопарей князю Курбскому преподобный Феодорит.

При этом, надо прямо сказать, отношение к лопарям со стороны прочих народов, окружавших их земли, разительно отличалось от отношения

---

[1] Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 98. (Далее: Житие преподобного Трифона).

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб.,1997. Т. 9. С. 139. (Далее: *Карамзин Н.М.* История).

[3] *Курбский Андрей.* История о великом князе Московском // Памятники Литературы Древней Руси. 2 пол. XVI в. М., 1986. С. 246. (Далее: *Курбский А.* История о великом князе Московском).

россиян. «Даже еще в начале этого столетья (XIX век) отношение норвежцев и шведов к лопарям было самое презрительное; Бух говорит, что норвежцы называют лопарей "пеной рода человеческого", трудно даже поверить, с каким презрением норвежец относится к лопарю: он едва позволяет ему переступить порог своего дома»[1]. В Норвегии бытует поговорка: «он для меня ничто – как лопарь».

Замечательный обычай существовал в отношениях русских поморов с лопарями. В знак крепкой дружбы и братства они обменивались нательными крестами – «крестовались», после чего уже считали друг друга «крестовыми братьями». В отношениях с русскими промышленниками народ лопарский проявлял самые свои лучшие черты. «Окончив промыслы, все свои снасти и припасы рыбаки оставляют на берегах в амбарах под надзор лопарям. Нужно отдать справедливость, они очень честно все это сохраняют. Случаи воровства среди лопарей крайне редки»[2].

[1] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Архангельск, 1877. С. 32. (Далее: *Дергачев Н.* Русская Лапландия).

[2] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. Архангельские губернские ведомости. 1861, № 45. С. 366. (Далее: *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии).

ГЛАВА ПЕРВАЯ
1481–1519 ГОДЫ. СТАНОВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ДЕРЖАВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА КОЛЬСКОГО

§ 1. Ростов Великий. Рождение просветителя

Средневековые великие города-княжества Русского Севера в полной мере простирали свое влияние на земли Беломорья, Подвинья, Югры и на заполярные просторы Европы.

Исстари так сложилось, что ростовские князья Борисоглебской линии располагали в Двинских землях, в Заволочье, обширными земельными владениями – так называемой «Ростовщиной». Однако еще при князе Иване Калите половина Ростова «со всем, что к нему потягло», отошла к Москве. К концу XV века, в 1474 году, князья Борисоглебской линии продали великому князю Московскому Ивану III остатки своих ростовских владений и княжеских прав: «В 6982 *(1473/1474. – **Е. М.**)*. Тоя же зимы князи ростовские, князь Володимер Андреевич со всеми детьми и братаничи, продали отчины своей половину города Ростова со всем»[1].

В то же время, на протяжении долгих столетий Ростов сохранял за собой значение важного религиозного центра. Находясь в составе Московского государства и несмотря на потерю политической самостоятельности, Ростов продолжал оставаться резиденцией митрополита и крупнейшим церковным центром. Территория Ростовской епархии простиралась далеко за пределы современной Ярославской области, а ростовские архиереи были в числе наиболее влиятельных церковных владык в сане архиепископов, который ростовские архиереи получили в конце XIV века.

---

[1] *Татищев В.Н.* История Российская. М.–Л., 1966. Т. VI. С. 44.

«При Ростовской митрополии».
Рис. по фотографии конца XIX века

В это время, в 1481 году, в Ростове Великом родился мальчик, которому было суждено стать великим православным подвижником, «Феодоритом русским», и оставить яркий след как в истории просвещения Крайнего Севера Руси, так и в деле становления российской государственности в XVI веке.

Родители Феодора (таким было мирское имя Феодорита), наградив его стойким характером, светлым умом и блестящими способностями к языкам, воспитали юношу в крепкой вере и благочестии и дали ему превосходное образование. Все обстоятельства жизни Феодорита ясно указывают на его близость к высшему свету того времени[1].

Ростов Великий еще со времен правления великого князя Константина Всеволодовича, называемого в летописях «Мудрым»[2], отличался особой тягой к просвещению. Именно в Ростове (после Ярославля) великий князь впервые на Севере Руси открыл училище. «Восточные Патриархи наряду с религиозными реликвиями присылали великому князю рукописи. В княжеском книгохранилище было около тысячи греческих книг»[3]. После смерти Константина в 1218 году его библиотека осталась в Ростове при так называемом «Григорьевском затворе». Несмотря на тяжелые последствия татарского нашествия, многие рукописные духовные сокровища древности уцелели.

С самого малолетства Феодор был отдан на воспитание и обучение в этот небольшой монастырек во имя святителя Григория Богослова, наследовавший древнему училищу и существовавший при ростовском

[1] «Близость Феодорита к князю Курбскому и то, что царь возлагал на него такое серьезное поручение, свидетельствуют не только о его уме, но и о знатном происхождении». *Энгельгардт А.П.* Русский Север: Путевые записки. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1897. С. 88.

[2] *Клосс Б.М.* Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 421.

[3] *Эдинг Борис, фон.* Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины. М., 1899. С. 17.

Святитель Стефан Пермский. Гравюра

архиерейском доме, «близь епископии», на территории Ростовского Кремля. Этот просветительский центр, с давних времен называвшийся «Затвором», обязан своим возникновением епископу Ростовскому Парфению (на кафедре с 1370 по 1382 год) – греку из Константинополя. Богатейшая «константиновская» библиотека греческой духовной литературы, значительно пополненная усилиями владыки Парфения, в свое время послужила учебной базой для изучения греческого языка, богословского и филологического образования святителю Стефану, просветителю зырян, а позже, спустя почти сто лет, и юному Феодориту, в дальнейшем «просветителю лопарей»[1].

Ко временам отрочества Феодорита, в конце XV века, этот удивительный богословско-образовательный центр возглавлял архиепископ Ростовский и Ярославский Тихон (Малышкин). Насельники монастыря привыкли читать книги, написанные на древнегреческом языке, в подлиннике. Службы в храмах Ростовского Кремля («Митрополичий двор») совершались на два клироса: пели попеременно как на церковнославянском, так и на греческом языках.

Ростов Великий, несмотря на явное затухание своей некогда выдающейся культурной роли в истории Древней Руси, к концу XV века еще сохранял традиции крупнейшего просветительского центра того времени.

Именно здесь, в ростовском архиерейском доме, среди книг, юный Феодорит возревновал о подвигах просветительских, о подражании Стефану Пермскому и испытал ту самую жажду *«пойти в землю не обетованную, и не путную, в землю, жаждущую… »*[2]. Жизненный путь святителя Стефана, этого выдающегося просветителя языческих народов Севера, стал образцом для юного Феодорита. Свою просветительскую деятельность он строил на примере подвижнических трудов великопермского

[1] Из жития святителя Стефана: «Изучися и греческой грамоте и книги греческия извыче добре, и почиташе я и присно имеяше я у себе, и бяше умея глаголати тремя языки, тако же и грамоты три умеяше, яже есть: русскыи, гречески, пермский». Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 141.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 97–98.

святителя, стремясь повторить опыт равноапостольного служения своего прославленного предшественника.

Если средневековую российскую агиографию можно упрекнуть в излишней формализованности, приверженности к неким искусственным житийным клише («топосам»), то на примере жития преподобного Феодорита мы видим противоположную и уникальную ситуацию, когда сама реальная жизнь подвижника детально строго повторяет житие выдающегося предшественника. Подвижники Кольского Севера начала XVI века – прямые последователи великих святителей Стефана Пермского, Алексия Московского и великого преподобного Сергия. В.О. Ключевский писал: «Эта приснoблаженная троица ярким созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарею политического и нравственного возрождения русской земли»[1].

И в этом смысле особое значение имеет место рождения Феодорита. «Ростов Великий – врата Северной Фиваиды: через них прошли ученики Сергия Радонежского, глубоко воспринявшие его главный урок – земная жизнь должна вторить Святой Троице, воспроизводя по мере сил своих гармонию Ее нераздельных и неслиянных Ипостасей. Свободолюбивый Русский Север в наибольшей степени следовал этому идеалу»[2]. Именно поэтому два первых монастыря на Кольской земле, на Печенге и в Коле, будут вскоре посвящены Святой Троице.

§ 2. «История» князя Курбского – важный источник знаний о Кольском Севере

Практически единственным широко известным и наиболее полным дошедшим до нас источником исторических сведений о миссии архимандрита Феодорита, просветителя лопарей, является посвященная ему глава в «Истории о великом князе Московском», написанной в XVI веке князем А.М. Курбским и озаглавленная «*О преподобном Феодорите священномученике*»[3]. В этой связи будет уместно сказать несколько слов о самом авторе упомянутой «Истории».

---

[1] *Ключевский В.О.* Благодатный воспитатель русского народного духа. Речь, произнесенная 26 сентября 1892 года в память преподобного Сергия // Троицкий цветок. М., 1892. № 9.

[2] *Линник Ю.В.* Духовность Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 18.

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 324–347.

Герб князя А.М. Курбского. Гравюра Н. Ческого. 1833

Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) – князь, умелый воевода, политик и писатель, один из образованнейших людей своего времени. Вначале самый близкий друг и сподвижник царя Иоанна IV Грозного, затем противник, скрывшийся на территории Литвы от развернувшегося на Руси террора и опричнины. Вступил в длительную и обширнейшую переписку с царем Иоанном, которая сегодня является богатейшим источником наших знаний во всех областях жизни России XVI века.

Историческая оценка личности князя схожа с ситуацией, возникающей при оценке личности его государя и друга – Иоанна Грозного. Мнения историков противоречивы, а подчас диаметрально противоположны. Похвальные отзывы о князе, безусловно, превалируют в высказываниях западных историков, но при этом их нельзя не признать объективными: «Курбский был поистине великим человеком: во-первых, великим по своему происхождению, ибо был в свойстве с московским князем Иоанном; во-вторых, великим по должности, так как был высшим военачальником в Московии; в-третьих, великим по доблести, потому что одержал такое множество побед; в-четвертых, великим по своей счастливой судьбе: ведь его, изгнанника и беглеца, с такими почестями принял король Август. Он обладал и великим умом, ибо за короткое время, будучи уже в преклонных годах, выучил в королевстве латинский язык, с которым дотоле был незнаком»[1].

В своей «Истории» А. Курбский называет архимандрита Феодорита «священномучеником», что было связано с дошедшими до находившегося уже в эмиграции Курбского слухами о мученической кончине Феодорита от руки Иоанна Грозного, который *«повелел такого святого мужа в реке утопити»*[2]. Сведения эти были не точны, что, собственно, допускает и Курбский, оговаривая возможность иной, мирной кончины старца. По Соловецкому патерику, блаженный Феодорит, просветитель лопарей, погребен на Соловках «близь Южной стены Преображенского

[1] Симон Окольский. Польский мир. Краков, 1641. Т. 1. С. 504. Цит. по: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 4. (Далее: *Калугин В.В.* Андрей Курбский).

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 340.

«Близь Южной стены Преображенского собора». Сень над могилой монаха, писателя, историка, первого воеводы Колы Авраамия (Палицына) (1625 г.) и надгробие могилы кошевого атамана Запорожской сечи Петра Кальнишевского (1803 г.). Соловецкий монастырь. Фото С.М. Прокудина-Горского 1916 года

собора»[1]. Забегая вперед, отметим, что исторические документы свидетельствуют о серьезной угрозе жизни старца в период опричнины, и, следовательно, предположения Курбского о мученической кончине Феодорита имели реальные предпосылки.

§ 3. О годе рождения Феодорита

Начиная свое повествование о старце Феодорите, А.М. Курбский указывает местом рождения подвижника город Ростов и напоминает, что и святой Сергий был родом из этих мест, как бы подчеркивая преемственность с духовным отцом северно-русского монашества преподобным Сергием Радонежским. Но при этом Курбский не указывает года рождения Феодорита, что привело в итоге к самым разнообразным вариантам этой даты у различных исследователей (от 1480 и до 1500 года)[2].

Наиболее исторически выверенным годом рождения Феодорита, на наш взгляд, следует считать 1481 год[3]. Для достижения этого заключения нужно согласовать указанный год со временем иных событий, происходивших в жизни Феодорита и других героев «Истории» Курбского.

---

[1] Соловецкий патерик. СПб., 1873. С. 43.

[2] Ср.: *Шестаков П.Д.* Просветители лопарей архимандрит Феодорит и святой Трифон Печенгский. СПб., 1868; *Священник Смирнов.* Кольский Благовещенский соборный приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896; *Козмин Н.* Распространение христианства среди лопарей: Исторический очерк // Архангельские епархиальные ведомости. 1900; Христианство: Словарь. М., 1993. Т. 3; *Калугин В.В.* Андрей Курбский.

[3] Этот год вполне согласуется с мнением весьма авторитетного церковного историка XX века. См.: *Смолич И.К.* Русское монашество // Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999. С. 189.

В частности, чрезвычайно важным оказалось провести критическую оценку раздела сообщения Курбского «О старце Порфирии». Вспоминая богомолье Феодорита *«за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри»*[1], А. Курбский упоминает, что поселяется он в одной из пустыней, основанных старцем Порфирием. В истории Церкви этот подвижник известен как Порфирий I, «из пустынников Белозерских, устроивший близ Кириллова Белозерского монастыря собственную пустыню, поставленный на игуменство если не в 1520 году, то в самом начале 1521 года (Типограф. лет., с. 373 fin.)»[2]. Его надо отличать от другого игумена Лавры – Порфирия II, ученика старца Артемия. «Порфирий II, правивший обителью с 1539 по 1541 год»[3].

Поясняя, о каком Порфирии пойдет речь, князь Курбский уточняет: *«бывшего уже игумена Сергиевой обители, много страдавшего мучениями и тяжкими оковами от князя великого [Василия III. – **Е. М.**]»*[4].

Эта последняя фраза становилась для многих исследователей камнем преткновения, ибо прочитывалась в том смысле, что Феодорит встретил Порфирия уже после злополучной истории с его игуменством в Троице-Сергиевом монастыре, то есть после 1524 года[5], когда Порфирий был отрешен от управления обителью. Привязка к этой дате автоматически изменяла и дату рождения Феодорита, и всю хронологию событий его жизни. На наш взгляд, Курбский, упоминая Порфирия как «бывшего игумена», имеет в виду «бывшего» на момент написания книги, а вовсе не на момент его встречи с Феодоритом. Надо учитывать, что Курбский пишет свою «Историю» в 1560–1570 годах и, вспоминая важные факты и имена, помнит о своей главной цели – обличении царской тирании, чему, собственно, и посвящен последующий значительный раздел текста – жестокостям и беззакониям, творимым великим князем по отношению к Порфирию, в бытность последнего игуменом Лавры.

Таким образом, первая встреча Феодорита с Порфирием произошла в пустыни до призвания Порфирия на игуменство, то есть до 1521 года,

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 325.

[2] *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892. С. 137.

[3] *Калдубовский А.* Очерки из истории древнерусской литературы Житий святых. Варшава, 1902. С. 343.

[4] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 326.

[5] См.: Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1901. Т. 1. Кн. 3. С. 308. Прим. № 16.

стало быть, Феодорит прожил с «*божественным*» старцем Порфирием (I) около четырех лет.

Далее Курбский, прервав повествование с целью изложить историю мучений Порфирия I и некоторых иных богословских рассуждений, возвращается к истории Феодорита. «*В той же пустыне жившу ему с Порфирием, обрел Артемия, премудраго Иоасафа, глаголемого Белобаева, и других немало пустыников, мужей святых некоторых и престаревшихся уже во днех*»[1]. Упоминая вновь Порфирия, Курбский не оговаривает, что это совсем иной приход Феодорита к «заволжцам» и иной Порфирий, что, опять же, приводило к путанице в датах жизни. В памяти Курбского два разновременных события и «два Порфирия» со временем слились воедино.

Доподлинно известно, что инок Артемий поселился в Порфириевой пустыни только в 1536 году[2]. Причиной последующих хронологических ошибок явилась все та же путаница с именами Порфирия I и Порфирия II. Именно Порфирий II как раз и был связан со старцем Артемием, являясь его учеником.

О разных периодах знакомства Феодорита с Порфирием I и со старцем Артемием сообщает и архимандрит Иаков в «Летописи событий Кирилло-Белозерского Успенского монастыря». Перечисляя пустыни монастыря, он пишет: «*Пустынь Порфириева, бывшего игумена Троице-Сергиевой лавры,* **где жил** преподобный Феодорит, просветитель лопарей; пустынь Артемиева, в которой вместе с ним **подвизался некоторое время** тот же Феодорит… »[3].

Таким образом, то самое «некоторое время» приходится на период первого возвращения Феодорита из лопарских пустыней, произошедшее после 1533 года. Будет он здесь и третий раз, около 1536 года, дабы, укрепляясь духовно, трудиться над созданием лопарской письменности и готовиться к одному из важнейших событий в своей жизни – основанию монастыря на Кольской земле.

Возражения по столь ранней дате рождения – 1481 год – часто сводились к тому, что исследователям виделось сомнительным широко извест-

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 329.

[2] «На время их знакомства проливают свет "Постнические словеса" Василия Великого, которые Артемий переписал в Порфириевой пустыни в 1543 году. В послесловии к этой рукописи он сообщил, что поселился в Порфириевой пустыни в 1536 году» (*Калугин В.В.* Андрей Курбский. С. 194); также см.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. М.: Синодальная типография, 1911. Т. 2. Ч. 2. С. 832. (Далее: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви).

[3] Архив Кирилло-Белозерского музея // К свету. 1996. № 15.

ное путешествие Феодорита в Константинополь с дипломатической миссией в возрасте 77 лет и что окормление лопарей в Коле и Печенге вплоть до своей смерти на 91-м году жизни вряд ли были бы ему под силу. Подобные возражения никак нельзя признать решающими. Первый просветитель лопарей преподобный Лазарь Мурманский, к примеру, «предал дух свой Господу 8 марта 1391 года. Всех лет жизни его было 105»[1]. Другу и сомолитвеннику Феодорита преподобному Трифону Печенгскому Господь отвел 98 лет жизни. Практически сто лет прожил преподобный Варлаам Керетский.

Кроме того, надо учитывать, что у решения Иоанна Грозного делегировать на переговоры именно Феодорита были серьезные основания. Феодорит «был столь нужным человеком, с его знанием греческого языка, что именно его послали с почетной миссией в Константинополь»[2]. Кроме того, эти сомнения предвидел и сам А. Курбский, потому особо оговаривает, что Феодорит хотя и был *«уже во старости и в немощном теле»*, но *«повеление царево послушал и пошел с радостью на таковое посольство»*[3].

Хотелось бы подчеркнуть, почему видится очень важным отстоять этот ранний, 1481, год рождения Феодорита. Все, кто всячески «омолаживал» Феодорита, затем в своем скепсисе шли дальше и в конечном итоге заявляли о «маловероятном» столь долгом пустынном жительстве Феодорита в районах Крайнего Севера[4]. Нам же кажется, что не следует безосновательно обвинять князя Курбского в недостоверности сведений, тем более что речь идет о принципиально важном (можно сказать, основополагающем) факте жизненного подвига его духовного отца. Надо хорошо понимать, что именно эти долгие годы молитвенного и аскетического подвига в *«прегорчайших лопарских пустынях»* и определили меру святости старца и обильное стяжание им даров Святого

---

[1] Книга глаголемая описание о Российских святых. М., 1888. С. 269. (Далее: Книга глаголемая). Святой подвижник именуется Муромским, или Мурманским, как по названию острова Муром и речки Муромки, так и в память его апостольских трудов по просвещению «мурманской чуди и лопарей», приходивших в эти места.

[2] *Карташов А.В.* Лекции по истории Русской Церкви. СПб., 1901 Т. 1. С. 511.

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 340.

[4] См.: « … Он *[Феодорит]* провел в Коле всего несколько лет с конца 30-х годов» (*Калугин В.В.* Андрей Курбский. С. 195); «Лопари крещены до Феодорита, миссионерская деятельность которого между язычниками должна быть относима приблизительно к году 1545. Не полагая, чтобы А. Курбский совсем выдумал эту деятельность Феодорита, нужно будет думать, что он был крестителем того или другого числа лопарей, живших по реке Поною *[восточная оконечность Кольского полуострова. – **Е. М.**]*» (*Голубинский Е.Е.* История русской Церкви. Т. 2. Ч. 2. С. 860).

Духа, позволивших достичь столь великих результатов просветительской миссии на Крайнем Севере.

§ 4. «Сын Авраамов». О происхождении Феодорита

Выскажем теперь наши предположения относительно происхождения преподобного Феодорита.

В конце XIX века, с возрождением Трифонова Печенгского монастыря, естественно, пробудился интерес и к личности основателя обители. При этом официальное «забвение» памяти о Феодорите Кольском, явившееся следствием его принадлежности к школе Нила Сорского и к «делу старца Артемия», в дальнейшем привели к усвоению ряда его деяний и житийных черт его ученику – преподобному Трифону Печенгскому. Понимание этого обстоятельства многое может для нас прояснить.

Так, например, наиболее добросовестный исследователь лопарских преданий, русский консул в Норвегии Д.Н. Островский (XIX век), опираясь на материалы норвежских архивов, а также на мнение профессора Я.А. Фрийса (Норвегия), сообщал, что Трифона Печенгского считали, с одной стороны, сыном священника родом близ Торжка, а с другой стороны, сохранилось предание, что он был из крещеных евреев. На это указывал и В.С. Соловьев: «Здесь главным образом действовал среди русских лопарей сын крещеного еврея, преподобный Трифон чудотворец»[1].

Если всмотреться в иконографию Трифона, созданную в конце XIX века, то становится очевидным, что авторы икон, отступив от прорисей XVII века, это ошибочное мнение учитывали.

При этом надо признать, что утверждения о священнической родословной Трифона и одновременно о его иудейских корнях для начала XVI века носили взаимоисключающий характер. Монах мог происходить из крещеных евреев, но кандидата в «приходские батюшки» в абсолютном большинстве случаев избирали из своей, приходской, крестьянской среды. Избранный на должность священника после утверждения на деревенском сходе направлялся с ходатайством к архиерею для принятия решения о рукоположении[2]. Именно поэтому исследователь Севера

[1] *Соловьев В.* Первобытное язычество. С. 302.

[2] «Прихожане избирают священников и диаконов жития нравственного и грамотных: кто из них читает или пишет худо, того отсылать в училище … » (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. С. 234).

Памятная открытка, изданная монастырем в 1999 году с изображением иконы преподобного Трифона Печенгского конца XIX века

Н.Н. Харузин указывает на существование двух различных версий: «по одной – он был сыном священника, по другой – сыном крещеного еврея»[1].

Что касается Феодорита, то хотя А. Курбский прямо и не говорит о том, что он происходил из крещеных евреев, но весьма характерную фразу, которой поприветствовал молодого Феодорита преподобный Александр Свирский, приводит примечательно дословно: *«Вот сын Авраамов пришел к нам, Феодорит диакон»*. Сын Авраамов – это значит иудей[2]. *«Мы – семя Авраамово… » (Ин. 8, 33)* – именно так гордо называли себя иудеи; *«Отец наш есть Авраам» (Ин. 8, 39)*.

В этой связи становится понятной и весьма характерная мирская фамилия «русского философа Федора» (Феодорита) – Жидёнов. Очевидно, фамилия произошла от слова «жид», «жидовин», что на древнеславянском означало «иудей», «еврей»[3]. Фамилии людей в те времена формировались из даваемых их предкам прозвищ. Так, например, знаменитый род Палицыных начинался от богатыря Ивана Микулаевича, прозванного за его недюжинную силу Палицей[4].

Таким образом, и фамилия Жидёнов вполне могла происходить от прозвища его предка – «Жидовин». Учитывая близость Феодорита к представителям высшего света, очевидные лингвистические таланты и редкую образованность, можно предположить, что он вышел из среды людей весьма именитых и образованных. А таких, следует признать, в то

---

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари // Записки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и истории при Московском Университете. М., 1890. С. 38. (Далее: *Харузин Н.Н.* Русские лопари).

[2] Конечно, можно возразить, что каждый христианин духовно наследует сыновство «Аврааму, Исааку и Якову» и что «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 9), но, думается все же преподобный Александр в своем приветствии имел ввиду не эти богословские тонкости.

[3] *Дьяченко Георгий, протоиерей.* Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 185. (Далее: *Дьяченко.* Словарь).

[4] *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Т. 2. Мурманск, 1998. С. 214–215.

Митрополит рязанский Иона благословляет ослепленного князя Василия II Темного. Художник К.В. Лебедев. Журнал «Нива», 1896

время было не так много, тем более с такими фамилиями.

В то же время, в первой половине XV века в церковной истории Руси упоминается имя небезызвестного Федора Жидовина, книжника и автора знаменитого перевода Псалтири, а также «Послания к иудеям Федора Жидовина». Этот иудей, принявший православное крещение около 1455 года, вполне мог бы быть одним из предков Феодора Жиденова и основателем этой фамилии.

О Федоре Жидовине известно, что он был ортодоксальным иудейским книжником, человеком весьма образованным, владеющим языками. В новгородских пределах он появился, видимо, придя из Литвы, во всяком случае из западных областей России, о чем свидетельствует диалектологический анализ его «Послания»[1]. Неизвестно, каким образом (подробности не сохранились), но в судьбе этого иудействующего книжника приняли участие и сам великий князь Василий II Васильевич Темный, и митрополит Киевский Иона[2], что привело к его решительному обращению и крещению с именем Феодора.

О том, что в среде иудействующих Федор был фигурой весьма заметной, говорит сам факт этого «Послания». Он направляет его «своему роду и своим приятелям, и всему роду иудейскому», поскольку его обращение ко Христу, как видно из «Послания», вызвало большое волнение иудействующих: «И аз приял грамоту послания вашего ко мне и нашел в нем вопросы ваши об обретении истинного пути, и о вере христианской»[3].

О себе Федор сообщает, что он сорок лет пребывал во тьме, а теперь узрел истинную веру христианскую, крестился и молит Господа утвер-

---

[1] См.: *Соколов М.И.* Послание Федора Жидовина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1907. Т. 2.

[2] «О митрополите Ионе известно, что он раньше, в качестве епископа Рязанского, занимался миссионерским делом, "многия неверныя к Богу обрати и просвяти святым крещением"». (*Соколов М.И.* Послание Федора Жидовина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1907. Т. 2. С. 106).

[3] Цит. по: *Соколов М. И.* Послание Федора Жидовина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1907. Т. 2. С. 109.

дить «в ней его и живот свой скончати в той непорочной вере и сподобить видеть в ней и своих приятелей»[1].

По возрасту Федор Жидовин приблизительно 1410–1415 года рождения. Учитывая все сказанное выше, вполне можно выдвинуть гипотезу, что Феодор Жидовин приходится дедом «русскому философу» Федору Жиденову, будущему Феодориту Кольскому[2]. Впрочем, нельзя исключить, что Феодор Жидовин мог быть и престарелым отцом Федора, что может объяснить факт столь раннего ухода мальчика Феодора из мира в монастырскую жизнь.

Тем не менее, мы можем еще раз подчеркнуть близость Феодорита к высшим государственным кругам. Об этом круге общения старца в Великом Новгороде, собственно, упоминает и князь А. Курбский: *«потом бывает и самому архиепископу духовником и приводит тамо немало светлых и богатых граждан к пути спасенному и, не бывше епископом, воистину светлого епископа дела исправляет»*[3].

§ 5. Соловки как северный центр книжности

В это время, к концу XV века, в далеком Белом море, на архипелаге Соловецких островов, трудами преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких набирала силу монашеская обитель, которой суждено было стать поистине оплотом православия на Крайнем Севере Руси. И, что особо важно, заявить о себе как о центре православной книжности в полярных широтах: обитель собрала уникальную и богатейшую коллекцию рукописной книги.

Еще была свежа память о невосполнимой утрате книжного рукописного наследия Руси при нашествии Орды. «Так, по свидетельству летописца, когда в 1382 году при приближении рати Тохтамыша москвичи снесли книги в храмы, то книг было столько, что груды их лежали почти до сводов церкви. Но и соборы не спасли. Книги были все уничтожены ворвавшимися татарами»[4]. Именно потому от тех давних лет сохранились

---

[1] *Соколов М. И.* Послание Федора Жидовина // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1907. Т. 2. С. 109.

[2] Более подробно об этой гипотезе см.: *Митрофан (Баданин), иеромонах.* Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию жития. Мурманск, 2002. С. 79–83.

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 246.

[4] *Башилов Б.* Московская Русь до проникновения масонов. М., 2008. С. 48.

Святитель Геннадий (Гонзов), архиепископ Новгородский. Литография. 1895

для нас лишь рукописи Пскова и Новгорода – городов, до которых не дошли татары.

Начало Соловецкой обители как книжному центру Северной Руси положил святитель Геннадий (Гонзов), архиепископ Новгородский. Будущий святитель еще юным монахом подвизался вместе с преподобным Савватием на острове Валаам и в дальнейшем всегда помнил это время, непременно называя себя «учеником преподобного Савватия Соловецкого». Владыка Геннадий, будучи тонким ценителем книжного слова, хорошо понимал, сколь уязвима рукописная книга, сколь высока опасность разорения как уникальной новгородской библиотеки, так и книгохранилищ иных древних русских городов в наступивший нестабильный период формирования российской государственности.

Игумен Соловецкой обители старец Досифей стал тем человеком, который сумел воплотить в жизнь мечту святителя Геннадия о создании на далеком, труднодоступном острове, *«иже лежит на Ледовом море»*[1], хранилища русской словесной духовности, библиотеки древней православной рукописной книги.

Старец Досифей, заставший «еще в живых преподобного Зосиму Соловецкого, которого сподобился с братией погребсти своими руками», имел большую любовь к книжному слову. Он положил начало братскому Синодику монастыря, восстановив имена почивших монахов начиная «с 1449 году, с начала обители, от жизни преподобного Зосимы»[2]. Им же написано «Слово о сотворении Жития начальников соловецких» и «неухищренно» составлены черновые материалы к житиям Зосимы и Савватия, позже литературно обработанные митрополитом Спиридоном-Саввой *[митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, заточенный в Ферапонтовом монастыре, активно занимался литературной деятельностью. – **Е. М.**]*.

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 245.

[2] *Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А.* Старцы Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. Приложение. С. 137.

Переписчики книг. Миниатюра из лицевого «Жития преподобного Сергия Радонежского», XVI век

По собственному признанию, Досифей не имел особых способностей к литературной деятельности и «долго отрицался, сознавая свою малоопытность», но, благословленный святителем Геннадием, тем не менее, взялся за этот великий труд. И если в 90-х годах XV века Досифей еще был игуменом монастыря, то в дальнейшем отошел от властных попечений и уже полностью отдался делу создания ставшей впоследствии столь знаменитой Соловецкой библиотеки. С того времени в монастырских документах он упоминался не иначе как «бывший игумен». Результатом трудов его жизни стали сорок шесть переписанных и вложенных им в библиотеку книг – так называемых «книг Досифеева данья».

Эти сорок шесть книг являли собой итог многолетнего тяжкого и чрезвычайно кропотливого труда. Рукописные тексты этих книг, найденные и переписанные для монастыря игуменом Досифеем, представляли собой подчас весьма объемные сборники, каждый из которых мог включать в себя несколько отдельных книг. Так, например, в 1493 году Досифей писал: «Летом послал есмь книгу правил святых Апостол, да Пророчества, да Маргарит *[от Μαργαρίται (греч.) – жемчужины; византийский сборник Слов Иоанна Златоуста. – **Е. М.**]*, да Сильвестр *[Житие святого Сильвестра, Папы Римского. – **Е. М.**]*, да Пчелу *[сборник душеполезных изречений. – **Е. М.**]*, да Феодора Студита, да Кузьму Пресвитера *[Слово на новоявленную ересь богомилов. – **Е. М.**]*, да Ивана Экзарха *[«Шестоднев» в его редакции. – **Е. М.**]*, да Ивана Дамаскина, да Палею *[«Палея Толковая» – антииудейские толкования библейских книг. – **Е. М.**]*, да Василия Кесарийского, да Дионисия Ареопагита, да Анастасия, да Кирилла Александрийского, да Шестодневец Васильев, да Торжественник постный, да Апокалипсис Иоанна Богослова»[1].

Несомненно, столь масштабный труд, проделанный старцем Досифеем, был совершенно немыслим без энергичных и грамотных помощников. Архиепископ Геннадий озаботился решением и этой проблемы.

[1] *Лилов А.И.* Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 1. С. 34.

Игумен Досифей первым на Руси стал ставить на книгах экслибрис – знак, указывающий на принадлежность книги ее владельцу (книжный знак)

Хорошо зная замечательную ростовскую школу «при архиерейском доме», он отписал ростовскому архиепископу Тихону, попросив подыскать способных для книжного дела послушников. Так решилась судьба Феодорита, будущего просветителя Кольского.

В «книжной» команде святителя Геннадия трудились выдающиеся ученые и богословы того времени. Среди них Влас Игнатов, Николай Булев («Николай Немчин»), Дмитрий Герасимов (Дмитрий Схоластик, «толмач латинский»), переведший с латыни столь востребованные тогда трактаты против иудаизма. Также их трудами получил на Руси известность сборник толкований на Псалтирь отцов и учителей Церкви, живших до Великой схизмы 1054 года – святителя Григория Великого, Блаженных Иеронима и Августина, английского пресвитера Беды Достопочтенного[1] и выдающегося римского писателя Кассиодора. Безусловно, эта замечательная команда единомышленников и образованнейших людей своего времени, «посредников между европейской культурой и Московским княжеством», оказала большое влияние на формирование мировоззрения юного Феодорита.

С 1492 года одиннадцатилетний Феодор уже трудится под началом игумена Досифея над переписыванием новгородских книг, которые («по возможности, лучшие») тот отбирал по рекомендациям архиепископа Геннадия,. О том, насколько ценными были эти рукописи, свидетельствует, например, приписка, сделанная в одной из монастырских книг того времени: «Книгу сию: “Беседа на новоявившуюся ересь” взял на список владыке, а писана она на хартии, и есть ей за пятьсот лет»[2].

В собраниях Соловецкой рукописной книги и по сей день можно видеть немало этих уникальных древних фолиантов – «книг Досифеева данья». При желании можно найти и тексты, переписанные рукою юного Феодорита, в то время еще Федора. Среди них «Толкование на пророков» – весьма объемистая книга, написанная ровным, аккуратным

[1] В 1978 году канонизирован как местночтимый святой Сурожской епархии РПЦ.

[2] *Попруженко М.Г.* Козмы Пресвитера слово на еретики // Памятники древней письменности. СПб., 1907. Вып. 167. С. 99.

полууставом XV века. Приписка писца на обороте последней страницы открывает нам имя переписчика – «последнего и худшего всех в человеках и первого в грешниках дьяцишки Феодора». Указано и точное время написания книги: «Лето же тогда течаше *[год тогда протекал. – **Е. М.**]* 1492, а закончил есмь месяца июня 20, на память святого мученика Мефодия *[священномученика, епископа Патарского. – **Е. М.**]*. Слава совершителю Богу. Аминь»[1]. Ниже нарисован экслибрис книг старца Досифея в виде круга-печати с текстом о принадлежности книги, написанным сложной вязью: «Священноинока Досифея».

Надо сказать, эта особая забота о сбережении книжного наследия справедливо воспринимается как русская национальная черта, а такое любовное отношение русских людей к книге не утратилось и в течение последующих столетий. В полной мере трепетное отношение к книге являли и государи российские. Знаменитая библиотека Иоанна Грозного, включавшая в себя многовековые коллекции книг византийских императоров и редчайшие греческие манускрипты, была привезена в Москву в качестве приданого византийской царевны Софьи Палеолог. В конце XV века по царской воле, понимая всю ценность этого сокровища, знаменитый архитектор Аристотель Фиораванти создал особое подземное тайное хранилище книг – «Либерию». Иоанн Грозный за время своего царствования значительно увеличил это уникальное собрание. Очевидец, немецкий историк и хронист, свидетельствует: «Книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах»[2].

Местоположение этих сокровищ все еще не обнаружено.

§ 6. Шуя – книжное подворье монастыря

Побережье Белого моря в районе Шуи было наиболее приближено к Соловецким островам и потому являлось наилучшим для расположения монастырского подворья на материке. Немаловажным было и то обстоятельство, что невдалеке, милях в сорока от Шуи, на побережье у Сорокинской губы выходил древний Новгородский путь, ведущий к северным морям. С XVI века «официальная государственная дорога шла от

[1] Имя писца скрыто под цифровой тайнописью и расшифровано на внутренней стороне нижней крышки переплета. РНБ. Отдел рукописей. Соловецкое собрание, № 694/802.

[2] *Ниеншитедт Ф.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. IV. С. 48.

Село Шуя. Свято-Климентовская,
Пятницкая и Никольская церкви.
Фото С.М. Прокудина-Горского 1916 года

Шуи вдоль берега до Сороки и Сумы, далее на юг через Выгозеро к Повенцу, что на Севере Онежского озера, по Онеге до Ладожского озера, а там по реке Волхов в озеро Ильмень, на котором стоит славный Новгород Великий»[1]. Как свидетельствуют «Выписи из новгородских изгонных книг», государственная дорога из Новгорода в Соловки доходила по беломорскому побережью «до Шуи и далее шла по льду Белого моря, через Кузовы острова к Соловецкому монастырю»[2].

Место расположения монастырского погоста на реке Шуе было выбрано в удалении от морского побережья, в трех километрах вверх по течению. Это обычная практика размещения северных поморских селений, призванная затруднить непрошенным «варяжским гостям» их обнаружение.

Селение Шуя считалось центром Никольского погоста Обонежской пятины. В конце XV века, когда здесь жил Феодорит, Никольский погост имел традиционный церковный комплекс: теплую церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи и холодную во имя святителя Николая Чудотворца с приделом во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Сюда, по мысли игумена Досифея, должно было доставляться и главное монастырское сокровище, над которым он столько трудился, – рукописные книги. Здесь можно было дожидаться начала навигации или пережидать непогоду, прежде чем книги эти будут доставлены на Соловецкие острова.

Но здесь же было можно и спокойно копировать рукописные тексты с тех книг, что давал новгородский Владыка на время, «на списание», не

[1] *Шаскольский И.П.* Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 23.

[2] *Голубцов И.А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии, М., 1950. Сб. 20. С. 300.

подвергая их опасностям путешествия по морю. Вот тут-то и был особо востребован способный переписчик. В 1493 году юный Феодорит, отойдя *«от дому родителей своих»*, отправился на Север в Соловецкий монастырь. Надо сказать, дорога на Белое море пролегала тогда именно через Ростов[1].

Двенадцатилетний отрок Феодор был зачислен в послушники *«на Соловецкий остров, в монастырь, иже лежит на Ледовом море»*[2]. В это время обычный искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но в этот раз всего один год пробыл юный Феодорит послушником. В 1494 году ему исполнялось лишь тринадцать лет, но игумен Досифей уже принял решение о постриге Феодора. Имя новопостриженному иноку дано было в честь священномученика Феодорита Антиохийского, день именин – 8 марта.

В атмосфере живых преданий, строгих традиций и святоотеческого слова началось воспитание молодого монаха. *«Навыкнув всякой духовной премудрости»*, он формировался как молитвенник, книжник и богослов. И, несомненно, первую информацию о *«лопи дикой»* юноша получил именно здесь, подвизаясь в скиту на берегу Белого моря. Кроме того, непосредственно в этих краях у него была великолепная возможность познакомиться с самой «лопью» и иными малыми народностями Севера, с их языком и наречиями.

В царской грамоте того времени читаем: «Се язь Князь Великий Василей Иванович всея Русии, пожаловал есми в своей отчины в Вотцкой пятине у Студеного моря от Каинских немцев, с рубежа, Лопь крещеную и некрещеную Шуи реки, да у Кеми реки, и во всех Лоплян место крещеных и некрещеных… »[3]. Таким образом, юный Феодорит в полной мере использовал опыт подготовки к просветительской деятельности, завещанный святителем Стефаном Пермским, который долгое время предварительно изучал быт и язык зырян (пермяков).

Конечно же, все Поморье знало об этом центре русской книжности, так чудесно образовавшемся на Шуе. И один из отроков поморского села Керети, именем Василий, будущий Варлаам Керетский, именно здесь,

---

[1] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Перевод А.И. Малеина. СПб., 1908. С. 43. (Далее: *Герберштейн С.* Записки о московитских делах).

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 330.

[3] *Новиков Н.И.* № 137. Две жалованные грамоты // Древняя Российская Вифлиофика … М., 1774. Ч. 3. С. 71.

у старца Зосимы и Феодорита, постигал книжную премудрость и вскоре, как повествует житие, «научен бысть книгам»[1].

§ 7. Подготовка к главному делу жизни

Монашеское послушание, молитвенные и книжные труды Феодорита продолжались непрерывно в течение 12 лет. В 1506 году Феодориту исполнилось 25 лет, а это значило, что он вошел в возраст, когда мог бы быть рукоположен в первый священный сан – диакона. В 1503 году Московский Собор, созванный великим князем Иоанном III и митрополитом Симоном «для водворения правильного порядка в Церкви»[2], напомнил всем возрастные требования к хиротониям: «Производить во священство не вдруг, в диакона не ранее 25 лет возраста, а в иерея не менее 30 лет»[3].

Однако в это время приехать к новгородскому Владыке для рукоположения было абсолютно невозможно. В Новгороде и его пределах с 1505 по 1508 год свирепствовала эпидемия оспы: «Бысть въ Новегороде мор велми велик железою *[нарывами. – **Е. М.**]*, паде же и людей безчислено, и того бысть по три осени. Последнюю же осень, лета 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женска, 15000 душ и 400»[4]. Таким образом, рукоположение Феодорита могло состояться лишь в 1509 году. В этот сан иеродиакона Феодорита возводил уже владыка Серапион, новый новгородский архиерей. Архиепископ Серапион совсем недавно, в 1506 году, возглавил новгородскую кафедру, которая более двух лет сиротствовала после удаления святого архиепископа Геннадия в заточение в Чудов монастырь.

Иеродиаконом Феодорит вернулся к своему учителю старцу Зосиме. Подвизавшийся в уединении в скиту, вдали от большого общежительного Соловецкого монастыря, старец Зосима был приверженцем пустынножительства. И, конечно, он воспитал своего ученика Феодорита в том самом духе нестяжательного пустынного подвижничества, умного

---

[1] *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.–Л., 1970. Т. 25. С. 177. (Далее: *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама).

[2] Определения Московского Собора 1503 г. // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1863. Ч. 2. С. 352.

[3] Сведения о Соборах, бывших в Русской Церкви с X до XIII столетия // Христианское чтение. СПб., 1852. Ч. 1. С. 314–315.

[4] Четвертая Новгородская летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 460.

Преподобный Нил Сорский в Белозерском скиту. Миниатюра из «Сборника» XVII века. ГИМ, Собр. Уварова, № 107, л. 64

молитвенного делания, которое еще существовало на Руси и питалось духовными токами истинного монашества древнего православного Востока.

Это направление религиозной жизни на Руси в начале XVI века получило название «нестяжательства». Духовными лидерами «нестяжателей», давшими совершенно уникальный устав монашеской жизни, стали старец Паисий Ярославов и его ученик преподобный Нил Сорский. К моменту, когда это направление развития духовности на Руси в полной мере столкнулось с необходимостью иного подхода к монастырскому строительству, с переменами в религиозной жизни и практики спасения, с так называемым «осифлянством», Нил Сорский уже почил. Многочисленные его последователи расселились в «Заволжье», на Белозерье и Вологодчине, в пустынных уединенных скитах, всё более тяготея к Северу России. «Заволжцы» жили исконной духовной традицией православия – «процессом духовного и нравственного сложения христианской личности»[1].

[1] *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. Париж, 1983. Монография. С. 21.

Однако, надо признать, формирующемуся Московскому царству требовался уже совсем иной образ церковной жизни. Официальная Церковь как бы оказывалась в плену у интересов государства, была вынуждаема составлять с ним единое целое.

При этом надо ясно понимать, что сама противоположность духовных исканий «нестяжателей» и «осифлян» не являлась поводом для борьбы. Так, например, знаменитый Устав преподобного Корнилия Комельского, собственноручно написанный им для братии монастыря, удивительным образом гармонично сочетал в себе как «Поучения о скитском житии» Нила Сорского, так и положения «Духовной грамоты» Иосифа Волоцкого. Важнейший аспект духовного возрастания инока – «умное молитвенное делание» – был умело сцементирован в нем со строгостью общежительного устава и неукоснительностью цикла монастырских богослужений.

Но, увы, ситуация развивалась при активном участии иных сил: на карту были поставлены огромные материальные богатства, а вопросы пути спасения души неизбежно отходили на дальний план. Главными стали практические выводы этого противостояния, затрагивающие интересы государства: отношение к монастырским имениям, землям и вотчинам, к крепостным людям, а также к еретикам, что сделало эту борьбу жестокой и бескомпромиссной. Ее последствия для православия на Руси оказались весьма печальными.

В 1511 году Феодориту исполнилось 30 лет. У старца Зосимы в Шуерецком погосте Феодорит пробыл *«в послушании духовном неотступно»* целых семнадцать лет, стяжав за это время *«всякой духовной премудрости и взойдя ко преподобию по ступеням добродетели»*[1]. Именно здесь он сформировался как книжник и богослов, в полной мере впитав всю мудрость святоотеческих творений, ибо, можно сказать, вся Соловецкая библиотека прошла через его трудолюбивые руки, жаждущую душу и пытливый ум.

В 1511 году иеродиакон Феодорит принимает решение отпроситься на богомолье, или, как тогда говорили, «на созерцание». Отныне он готов был к странствиям по славным святым местам Русского Севера, готов воспринять, разделить и приумножить те благодатные духовные дары, коими так богаты были еще в то время многочисленные монастыри, скиты и пустыни, населенные великими подвижниками православной святости.

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 325.

Надо заметить, «странничество было распространено среди северного русского монашества тех веков. Странник уходил иногда и тайком, чтобы видеть обычаи разных монастырей и поклониться святым местам Русской земли»[1].

Взяв благословение, он со слезами попрощался со своим духовным отцом, престарелым наставником Зосимой, под руководством которого возрастал в «духе и истине» целых 17 лет, и *«изыде из того монастыря за благословением старца своего, на созерцание»*. В те времена оставить православный монастырь и пойти «на созерцание» в иные монастыри можно было по благословению своего духовного отца. «Мужи, проходящие житие монашеское, да исходят, когда настоит нужда, по благословению того, кому вверено начальство»[2].

§ 8. Александр Свирский и «заволжцы»

Первым, к кому устремился *«на созерцание»* Феодорит, был *«славный и великий муж»*, чудотворец Александр Свирский. Встреча их была встречей *«чистого с чистым и непорочного с непорочным»*. Преподобный Александр, не зная Феодорита, но прозрев его приближение, вышел к нему навстречу за ограду монастыря и произнес: *«Вот сын Авраамов пришел к нам, Феодорит диакон»*[3]. Вспомним при этом, что свирского подвижника часто называют «новым Авраамом» как удостоившегося явления Святой Троицы в виде трех Ангелов.

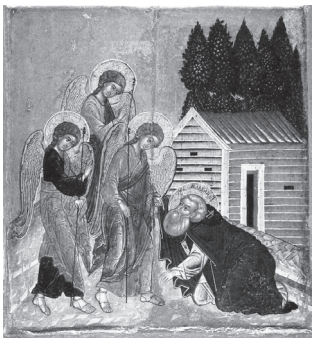
Молодой иеродиакон пришелся по сердцу преподобному – *«зело любяше его, покуда жил он в монастыре оном»*. Монастырские службы справлялись братией в деревянной церкви монастыря, освященной в 1508 году в честь Живоначальной Троицы, после того памятного Ее явления. До этого свирский старец подвизался в этих непроходимых пустынных лесах в полном одиночестве, в тяжелейших подвигах, питаясь в течение семи лет лишь травой. Злые духи этой пустыни долго бороли подвижника и всячески изгоняли из этих мест, но теперь вокруг него собрались истинные ревнители пустынной жизни.

---

[1] *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1. С. 214.

[2] VI Вселенского Собора правило 46 // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 532. К слову сказать, в западном монашестве со времен Бенедикта Нурсийского (VI век), введен дополнительный четвертый монашеский обет – «пребывание в своем монастыре до смерти».

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 325.



Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому

В Свирском монастыре Феодорит пробыл относительно недолго. Главное направление его богомолья – это «Заволжские пустыни», *«за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри»*, к знаменитым «заволжским старцам». Живущие по многочисленным скитам, эти подвижники продолжали великое духовное делание преподобного Нила Сорского, возрастая на древних традициях пустынных отцов православного Востока в духе «нестяжания» и умной молитвы.

Оказавшись в Белозерье, Феодорит поселяется в одной из пустынь, основанных известным подвижником того времени – старцем Порфирием. Феодорит прожил с *«божественным»* старцем Порфирием около четырех лет, до 1519 года. Здесь обрел он *«немало иных пустынников, мужей святых, некоторых престарелых уже во днях, и там с ними в трудах духовных подвизался вкупе»*[1]. Этот *«труд духовный»* стал подготовкой к главному делу его жизни – просвещению Великой Лапландии. *«Сего ради разжегся он желанием пустынного безмолвного жительства»*[2].

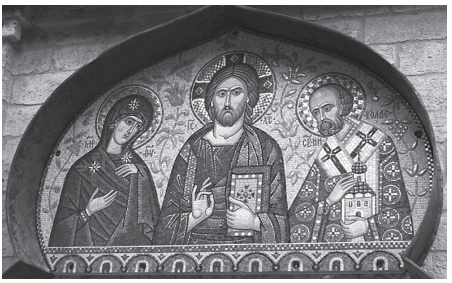
§ 9. Догмат Троицы. Смена духовной парадигмы

Опыт пустынножительства и создания северного монастыря преподобным Александром Свирским был в полной мере воспринят Феодоритом. Эта Свирская Свято-Троицкая обитель позже отозвалась в Свято-Троицком монастыре, построенном Феодоритом в устье реки Колы около 1540 года и Свято-Троицком монастыре, построенном преподобным Трифоном на Печенге в 1532 году.

Почему именно в честь Святой Троицы желали освятить свои обители северные старцы XV–XVI веков? Дело в том, что вместе с московским духом государственной державности пришло и духовное наследие Свято-Троицкой Лавры преподобного Сергия. Раньше Новгород и Новгородская Русь еще не чувствовали этой великой созидающей силы Святой

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 329.
[2] Там же. С. 330.

Икона XVII века
Деисусный чин икон со святителем Николаем на месте Иоанна Предтечи.
Икона XVI века



Мозаика при входе на Патриаршее подворье в г. Бари. Фото 2010 года

Троицы, и ситуация с посвящением северных храмов и монастырей отразилась в поговорке: «от Холмогор до Колы тридцать три Николы»[1].

По свидетельству польского историка Матфея Меховского (Карпиго), на рубеже XV–XVI веков в Новгороде было «столько церквей в честь св. Николая, сколько дней в году»[2]. Аналогичная картина и в других городах Руси: «В Москве в XVI веке во имя св. Николая Чудотворца 128 церквей»[3].

Почитание святителя Николая Чудотворца было всеобъемлющим. В храмах на Руси, и особенно в северных ее землях, можно было видеть на иконостасах «начала XVI века в деисисе замену предстоящего Христу Иоанна Предтечи на Николая Чудотворца наряду с Богородицей, что выражало таким образом идею особого предстательства святителя за род христианский, посредничества между человеком и Господом»[4].

Многие иностранцы с недоумением отмечали необъяснимую любовь россиян к этому архиерею из далекой Малой Азии, называя святителя Николая, по сути, «русским богом»: «Среди прочих святых они больше всего чтут Николая Угодника и воздают ему почти божеские почести»[5],

---

[1] Есть сведения, что в древности поговорка звучала иначе. «Что ни шаг, то церковь Николы, почему и пословица: "От Кеми до Колы тридцать три Николы"». *Пыжов Н.Г.* Сибирский Никола // «Порядок». 1881, № 295. С. 8.

[2] *Комментарии В. Н.* Семенковича к книге: *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов … // Из Записок Московского Археологического Института за 1911 г. М., 1911. XIV. С. 33. (Далее: *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны).

[3] *Кондратьев И.К.* Московский Кремль. М., 1900. С. 15.

[4] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 13.

[5] *Гваньини Александр.* Описание Московии. М.: Греко-Латинский кабинет, 1997 / Перевод Г.Г. Козловой. С. 24.

Святитель Николай Чудотворец на море. Художник С.Н. Ефошкин

или: «Николу... аки Бога почитают православнии»[1].

В наибольшей степени именно Север Руси был подвержен этому явлению: «Те, которые живут к Северу, в Архангельске, Коле и пр., не знают никакого другого бога, кроме святителя Николая, который, по мнению их, управляет всем миром»[2]. Также очевидна привязка этого почитания к морским рубежам Севера, к северному Поморью, что «позволяет проследить его связь с мифологией моря и порожденной ею еще языческой морской культурой»[3]. С уничтожением языческих капищ, в самом начале формирования христианского мировоззрения на Руси, Николай Чудотворец как бы взял на себя часть функций славянского бога Велеса, считавшегося в представлении русских хозяином как подземного, так и морского миров. «Никола Морской бог. Так называют поморы св. Николая Чудотворца, которого считают покровителем мореплавания»[4], и, более того, «форштевни кораблей нередко представляли собой изваяние того же Николы Морского»[5]. Таким образом, «его резное изображение и имя не просто украшают поморский корабль, но превращают в тело морского бога»[6].

Не было ни одной избы, где бы на почетном месте не находилась украшенная икона Николая Угодника. То же самое происходило и во дворцах русских царей. «На самом Великом Князе было богатое одеяние, все унизанное жемчугом и драгоценными камнями. Над ним находился образ Пресвятой Девы, богато украшенный жемчугом, а напротив его образ Святого Николая».[7] Широко бытовало мнение, что иконы Нико-

---

[1] *Зиновий Отенский.* Истины показания к вопросившим о новом учении. Казань, 1863. С. 485.

[2] *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны. С. 99.

[3] *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 16. (Далее: *Теребихин Н.М.* Сакральная география).

[4] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 56.

[5] *Фиш Г.С.* Скандинавия в трех лицах. М., 1969. С. 296.

[6] *Теребихин Н.М.* Сакральная география. С. 17.

[7] Воспоминания Даниила Принца фон Бухау от 1576 года. Цит. по: *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М., 1863. Т. II. С. 191.

Троица. Икона преподобного Андрея Рублева. 1411

лы «выше» всех иных икон, и все они чудотворные, о том и пословица: «Нет икон, как Никол».[1]

В этой связи особое значение приобретает вклад преподобного Сергия Радонежского в прославление на Руси имени Святой Троицы: основание им в 1342 году первого Троицкого монастыря. Это плодоносное наследие духовного открытия преподобного Сергия Радонежского отозвалось в русской душе и самым благодатным образом привилось на суровой земле Крайнего Севера: «С именем преподобного Сергия связывается величайший литургический сдвиг – Троичный День как литургическое творчество русской культуры… Византия не знала этого праздника, как не знала она, в сущности, ни Троичных храмов, ни Троичных икон… Праздник Пятидесятницы был праздником исторического, а не онтологического значения. С XIV века на Руси этот праздник Троицы начинает выявлять свою онтологическую суть»[2].

Если оценить современную статистику посвящения храмов в Русской Православной Церкви, то имя святителя Николая по-прежнему доминирует: в честь святого названа почти четверть всех храмов России. Однако упомянутая нами духовная перемена XIV века сделала свое дело: второе и третье места теперь разделяют храмы, посвященные Святой Троице и Покрову Пресвятой Богородицы.

---

[1] *Антонова В.И.* Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // ТОДРЛ, М.–Л., 1957. Т. 13. С. 382.

[2] *Флоренский П.А.* Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1919. С. 18.

ГЛАВА ВТОРАЯ
1519–1533 ГОДЫ – АКТИВНАЯ ФАЗА ХРИСТИАНСКОЙ МИССИИ. ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОРИТ КОЛЬСКИЙ – ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЛОПАРЕЙ

§ 1. К «Ребрам Северовым». Начало миссии

В 1519 году иеродиакон Феодорит *«на малом кораблеце великою рекою Колой [водный путь между Белым и Баренцевым морями. – **Е. М.**], яже впадает своим устьем в Ледоватое море»*, добрался до *«глубоких варваров, лопарей диких»*. Здесь *«восходит он на горы высокия, их же нарицает Святое Писание ребра Северовы» (Пс. 47, 3)*, и вселяется в *«тех лесах пустынных, местами непроходимых»*[1], срубив себе келью.

Спустя несколько месяцев Феодорит встречает здесь еще одного пустынника, *«единоко [одинокого] старца, Митрофан было имя ему»*, живущего тут уже около пяти лет.

Несомненно, эта встреча для Феодорита была очень важной: он приобрел надежного друга и единомышленника. Кроме того, опыт пятилетнего выживания старца Митрофана в этой *«прегорчайшей пустыне»* оказался и ему весьма полезным. А.М. Курбский писал, что питаются они весьма аскетично: от *«жестоких зелей и корений, их же тамо преизводит пустыня оная»*.

О том, что это была за еда, свидетельствует «Повесть о пустынножителях с Соловецких островов». Подвижники в наших северных краях питались «мохом белым квашеным *[белый мох – ягель. – **Е. М.**]* с брусникою»[2]. «Аще хочешь узнать, чем Владыка питает окалянное тело наше, прими

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 330–331.

[2] Повесть о пустынножителях Соловецкого острова. Цит. по: Никодим, иеромонах. Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 183. «Ягель, содержа большое количество крахмала, превращающегося при варении в студень, составляет хорошее питательное вещество, особенно для оленей Лапландской тундры». Дергачев Н. Русская Лапландия. С. 47.

«Восходит он на горы высокия, их же нарицает Святое Писание ребра Северовы» среди «глубоких варваров, лопарей диких». Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

сие и уведай… Брат же взял и ел. Было же сие белый мох, стертый с брусникою, и усладилась та еда в гортани его… »[1]. Что касается корений, то речь идет о некоем «коренье Вакха и ему подобном»[2]. Если быть точным, то о «коренье Вакхи», поскольку речь идет не о греческом божестве Вакхе, а о русской русалке Вакхе. По народным верованиям, она была падчерицей водяной царицы Волховы, красотой которой был пленен знаменитый «Садко, богатый гость». Вакха не угодила царице своей любовью к земному миру и была превращена в известное северное болотное растение – вахту трехлистную (Menyanthes trifoliata).

Что касается встреченного Феодоритом отшельника по имени Митрофан, то им был не кто иной, как преподобный Трифон Печенгский до своего пострига. Для бывшего разбойника Митрофана эта встреча стала первым добрым знаком наступающего прощения, ясной возможностью потрудиться для Господа во искупление тяжких грехов бурной юности.

Ко времени этой встречи в 1518 году Феодориту уже 37 лет, Трифону около 30. Он пришел в эти края на пять лет раньше Феодорита, *«аки за пять лет»*, то есть где-то в 1514 году. В его житии об этом периоде

[1] *Петренко Н.А.* Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 504.

[2] Рукопись «Книга повести о пустынножителях Соловецкого острова». РНБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, л. 2 об.

Вахта трехлистная (Menyanthes trifoliata)

и о месте подвигов Митрофана (Трифона) пишется, что *«еще в мирском чину, прииде в часть норваньския земли… на реку Печенгу, преподобный отец Трифон в той непроходной дальней стране был един пришелец»*[1].

Кроме того, житие Трифона указывает, что первое время преподобный *«выше писаныя реки Печеньги [в верховьях реки. – **Е. М.**], бездомно и бескровно, по лесам и по горам, и в пропастях земных скитался, странствуя»*[2].

Встреча Феодорита с Митрофаном положила конец *«бездомным и бескровным»* скитаниям последнего, и далее весьма значительное время они подвизаются вместе и «пребывают вкупе в прегорчайшей пустыне той»[3].

§ 2. Феодорит и Трифон – союз единомышленников

Строительство церкви. Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких» XVII века. Собр. Вахрамеева, № 71, л. 50

Для Митрофана, будущего преподобного Трифона Печенгского, эта встреча со святым подвижником, книжником, богословом и духоносным старцем Феодоритом стала по истине судьбоносной. При всей очевидной внешней несхожести этих двух подвижников, этих двух величественных фигур и самобытных характеров, ими был явлен удивительный союз единомышленников, верных соработников в великом деле просвещения земель Северных и оглашения племени лопарского.

Примерно к 1524 году учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной евангельской проповеди среди язычников. Стало понятно, что они уже могут раз-

[1] Житие преподобного Трифона. С. 97.
[2] Там же. С. 98.
[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 331.

На фото 1889 года монастырская церковь стоит на берегу реки Маны, которая вместе с Печенгой в те времена огибала территорию монастыря

делиться и приступить к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания.

Митрофан возвратился в места своих первоначальных покаянных скитаний – в район реки Печенги, к своим давним знакомым, к лопарям из обнаруженного им ранее поселения в устье реки Маны (ныне Намайоки).

«Тогда задумал он построить небольшую часовенку. Сам рубил для нее бревна в печенгском лесу и носил их на своих плечах. В этой часовне поставил иконы, им же самим написанные»[1]. Часовенку эту Митрофан поставил у лопарского погоста «Печенгска зимня». На карте владений Трифонова Печенгского монастыря начала XX века это поселение обозначено как погост Печенгский. В наше время здесь находится поселок Корзуново.

Позже, в 1530 году, когда Митрофан уже приступил к созданию «монастыря первоначального», он поставил Свято-Троицкую монастырскую церковь несколько ниже по течению, там, где в Печенгу впадает река Мана, в месте, более уединенном. Это и понятно: надо было отделить лопарей-монахов от их родового лопарского поселения.

Кроме того, выбранное для монастыря место в полной мере соответствовало принципам выбора места обители в те времена: оно максимально использовало естественные, природные преграды. Территория с трех сторон была окружена водой, что значительно повышало защищенность обители от непрошенных гостей[2].

---

[1] Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. Предание, добавленное архивными данными СПб.: Изд. Т.Ф. Кузина, 1893. С. 4. (Далее: Печенгский монастырь. Предание, добавленное архивными данными).

[2] Этот «полуостров», когда река практически огибала монастырь, сохранялся до изменения русла реки Маны монахами в конце XIX века. Монастыри на Руси традиционно располагались на мысах при слиянии рек.

В наше время именно здесь, при могилах преподобного Трифона и его учеников, на исконном месте первой монастырской церкви, возрожден Трифонов Печенгский монастырь. Невдалеке находится военный городок Луостари (фин. «монастырь»).

§ 3. «Феодорит Пустынник». Имя и суть мировоззрения

Под таким именем знали Феодорита современники – так он упомянут в «Списках иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви»[1]. Пустынножительство было сутью его мировоззрения: «Пустыня покоя и ума наилучшая воспитательница, тишина мысли и божественного зрения плодовитый корень … »[2]

Отшельничество как необходимая ступень для стяжания даров Святого Духа и последующего миссионерства – характерная черта православного подвижничества. Путешественники-католики отмечали эту российскую особенность: «Монахи-отшельники и теперь отправляются в разные страны, лежащие на север и на восток, куда достигают только с величайшим трудом и с опасностью чести и жизни. Они не ждут и не желают никакой от того выгоды, ибо, запечатлевая иногда учение Христово смертью, они стараются единственно только о том, чтобы сделать угодное Богу, наставить на истинный путь души многих, совращенных с него заблуждением, и приобрести их Христу»[3].

Келья отшельника. Гравюра из журнала «Русский паломник», конец XIX века

Надо подчеркнуть, просветительская деятельность Феодорита вовсе не ограничивалась саамским этносом, тем более если учесть, что территории лопарского кочевья в значительной мере населяли иные народности. Деятельность его была более масштабной, и задачи, стоявшие перед ним, были во многом по силам только ему. Воистину он был «апостолом Земли Северной».

---

[1] *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. С. 664.

[2] *Лаврентий Сурий.* Достоверные повествования о святых. Кельн, 1575. С. 798–799. Цит. по: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 42.

[3] *Герберштейн, Сигизмунд.* Записки о Московитских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 197.

Саммы. Гравюра 1880 года. Из книги: Norwegian pictures drawn with pen and pencil, 1885

В замечательном предании, «древней памяти», сохранившейся в народе лопарском, мы можем прочувствовать, кем являлся для них Феодорит. Когда по душу старого лопина пришла Смерть и задала ему трудные вопросы, то за ответами на эти вопросы «род-племя лопарское» решает обратиться не к кому-нибудь, а именно к «Феодориту Русскому, ибо он широко ходит»[1]. Примечательна и та важная мысль, мудрости которой подивилась и сама Смерть: «Видно, знал ты, лопин, с кем об ответе подумать». Это мысль о том, что лишь в союзе с русским народом, а не на «Датской стороне», может уцелеть народ лопарский: «Род твой без имени не останется и память твоя в забвение не придет». Ибо «сказал Феодорит: "Добро тебе и роду твоему сообщиться с Русью, добро тебе и роду твоему приложиться к языкам всея Руси"»[2].

Надо понимать, равноапостольное «широкое хождение Феодорита Русского» и проповедь евангельского учения весьма осложнялись известным обстоятельством. Как указывают специалисты по саамской культуре, различные группы лопарского народа использовали совершенно различные языковые диалекты[3]. Причем различные до такой степени, что порой и сами не вполне понимали друг друга[4]. Однако Феодорит, обладая уникальной способностью к языкам, сумел успешно преодолеть это препятствие в общении.

---

[1] *Шергин Б.В.* Древние памяти. М., 1989. С. 249.

[2] Там же. С. 249.

[3] Сейчас лопарский язык составляют две группы: восточносаамский (в России и Финляндии) и западносаамский (в Норвегии и Швеции), и подразделяются на 11 диалектов.

[4] «Язык их имеет столько наречий, что и сами лопари с трудом всех своих одноплеменцев слова разумеют». *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.: Изд. К.В. Миллер, 1776–1777. С. 4.

§ 4. Феодорит – основатель кандалакшской церкви для «поморцев и лоплян»

Отшельнику Феодориту, жившему в пустыне с 1518 года, даже при наличии такой хорошей языковой базы, для проповеди Евангелия понадобилось целых семь лет, прежде чем он добился первых реальных успехов среди лопарей. Произошло это в районе устья реки Нивы. Именно здесь, в местах зимовок «лешей лопи», на месте нынешнего города Кандалакши, в 1526 году отмечены первые плоды просветительских трудов Феодорита, крестителя лопарей: «Приехаше к Москве лопляне с моря Окияна, ис Кандолакжской губы, усть Нивы-реки, из дикой лопи, били челом государю и просили антиминса *[плат со вшитой в него частицей мощей мученика. – **Е. М.**]* и священников, церковь священати и просветити их святым Крещением, и Государь велел архиепископу Макарию послати из Новаграда от соборныя церкви священника и диакона. И они ехавше священали церковь Рождества Иоанна Предтечи, и многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына, и Святого Духа, в нашу Православную веру христианскую»[1].

Феодорит хорошо понимал, что челобитчиков-лопарей с берегов Нивы-реки надо направлять прямо в столицу, поскольку испрашивалось благословение на строительство русской православной церкви на земле Лапландской, в месте, державе Московской доселе вовсе не принадлежащем. Потому и шли «лопляне с моря Окияна» именно к царю Московскому, ибо дело это было чрезвычайной государственной важности и, как показала история, далеко небезопасное. Для практического воплощения задуманного великий князь перенаправил «поморцев и лоплян» в Новгород, к только что назначенному на новгородскую кафедру архиепископу Макарию.

В то же время, к своему архиерею за благословенной грамотой пришел и Феодорит, после чего уже со священником Илией вновь убыл в «Кандолакжскою губу, на усть Нивы-реки». Здесь, на ее правом берегу, в устье, они освятили церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, и «многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в нашу Православную веру христианскую».[2] Церковь эта, изначально построенная для крещения обитавших здесь лопарей, в дальнейшем служила приходской церковью «волости Кандолакши». К сожалению, она разде-

[1] Софийская летопись // ПСРЛ. Л.–М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

[2] Там же.

Здание кандалакшской церкви Рождества Иоанна Предтечи на месте, где ее основал преподобный Феодорит в 1526 году. Фото Я.И. Лейцингера. 1887

лила печальную участь многих храмов Поморья, уничтоженных шведскими финнами из Остерботнии, которые летом 1589 года «…в ночи приходили к морю, в Кандалакшскую волость. И в монастыре братию, и в волости всех людей присекли, и монастырь, и церковь, и волость пожгли»[1]. Эти же шведские разбойники спустя полгода, в декабре 1589 года, сожгут и Печенгский монастырь.

§ 5. Церкви в Коле как ответ на «челобитье лоплян»

В 1529 году, после двенадцати лет пустынножительства, Феодорит завершает свой первый миссионерский этап в Русской Лапландии, на берегах Нивы, Колы и Туломы. К этому времени многие лопарские семьи, жившие вблизи Кольского залива, были уже подготовлены им к принятию Святого Крещения. Кроме того, стала совершенно очевидной необходимость строительства церкви в устье Колы, взамен существовавшей здесь с древних времен часовни Николая Чудотворца, или «Николы», что вызывало некоторую путаницу у иностранных исследователей в названии места – Кола[2]. К приходу Феодорита здесь уже существовало постоянное поморское русское поселение, не говоря уже об огромном количестве ватаг сезонных промышленников, приходивших сюда ежегодно, с ранней весны до поздней осени. Есть мнение, что, в том или ином виде, «Кольский острог выстроен двинянами в XII столетии для покровительства беломорским тресколовам»[3]. В таком случае вопрос о происхожде-

[1] Исторический архив. Вып. VII. М., 1951. С. 229. Цит. по: *Ушаков И.Ф.* Хрестоматия по истории Кольского Севера. Мурманск, 1997. С. 32–33.

[2] См.: Malmus // *Lindahl E., Oehrling J.* Lexicon Lapponicum, cum interpretatione vocabulorum Sueco-Latina, et indice Suecano-Lapponico. Holmiæ, 1780. P. 56.

[3] *Козмин Кир.* Варангерское море и его история. (Из жизни Архангельского севера). Архангельск, 1914. С. 4. (Далее: Козмин К. Варангерское море).

Изображение Кольского острога на гравюре из книги Геррита де Веера «Правдивое описание трех морских путешествий» 1598 года

нии названия Кола будет легко разрешен, поскольку на старославянском слово «коула» означает крепость, башня, замок[1].

Все свои действия в Лапландии Феодорит, конечно же, согласовывает с новгородским святителем Макарием, регулярно информируя его о ситуации в этом стратегически важном для России крае. Очередное возвращение в Новгород в 1529 году он предпринял вместе с Трифоном (тогда еще Митрофаном). А.М. Курбский пишет: *«оба возвращаются во вселенную и приходят до великого места Новаграда»*. Это принципиальный момент в истории просвещения края: бывший атаман разбойников Митрофан впервые с момента своего покаянного ухода на Север из районов Норботнии в 1513 году решается выйти в мир, «во вселенную».

После встречи с новгородским архиепископом та епитимия, которой Трифон, по Промыслу Божьему, за грехи разбойной юности добровольно подверг себя, уйдя на покаяние в лопарские пустыни, будучи подтвержденной владыкой Макарием, получила законное основание. До ее двадцатилетнего исполнения теперь оставалось три года.

Кроме того, обоим подвижникам Владыка выдал «благословленные грамоты» *[письменное дозволение от архиерея на построение или на освящение храма. – **Е. М.**]*. Так что возвращались они уже со строителями – рубщиками церквей. Трифон приступил к возведению церкви на Печенге (у реки Маны) – Свято-Троицкой, Феодорит – на реке Коле – Благовещенской (летней) и Никольской (зимней). Теплая Никольская церковь была перестроена из той самой, древней Никольской часовни, что было не сложно: часовни на Кольском Поморье традиционно строили вместительными, рассчитанными на большое количество молящихся добытчиков, приходящих сюда на сезон.[2]

---

[1] *Дьяченко.* Словарь. С. 275.

[2] Так, часовня «весновальщиков» на Кашкаранском наволоке имела «высотой четыре сажени *[восемь с половиной (!) метров. – **Е. М.**]*, а длина с притвором пять саженей *[десять с половиной метров]*,

Церковь на Печенге построили первой, и «*по воздвижении же та святая церковь пребывала три лета*» неосвященной: шло строительство церквей на Коле. В 1531 году Феодорит со своими «лоплянами с Колыреки и с Тутоломы» выехал «бить челом» к «преосвященному Макарию и просить антиминсов и священников церкви Божии свящати». По этой челобитной «боголюбивый архиепископ Макарий» с иеродьяконом Феодоритом направил к «Мурманскому морю» священника «от соборныя церкви Святой Софии» – «*иероинока Илию*».

Это путешествие на Север – широко известная северная миссия иеромонаха Илии и иеродьякона Феодорита. Для подвижников этот путь стал не просто преодолением расстояния, а непрестанным миссионерским трудом, равноапостольным подвижничеством среди языческих народов по «искоренению прелести кумирской и просвещению их Божественным учением»[1]. По его итогам в 1534 году владыке Макарию была представлена информация, которая, в свою очередь, легла в основу доклада царю Иоанну Васильевичу «о прелести кумирской».

Первой церковью, построенной Феодоритом на берегах Колы, была церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Феодорит по-прежнему выверяет свою деятельность по житию святителя Стефана Пермского: «Когда число веровавших возросло значительно, святой Стефан построил для них первую церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, имея в виду ту мысль, что как Благовещение было началом спасения для всего мира, так и церковь эта послужила начатком спасения земли Пермской»[2].

По весне в Колу приходили так называемые «мурманщики» – рыбаки с Белого моря и Онеги. Они появлялись именно к престольному празднику кольской церкви и, отпраздновав здесь Благовещение (25 марта / 7 апреля), уходили на лов рыбы до «Петрова дня» (29 июня / 12 июля). Так же и для лопарей день Благовещения имел особое значение: к этому времени они полностью рассчитывались с царскими данщиками, после чего готовились вслед за оленьими стадами кочевать на морские побережья.

---

*а поперек три трехаршинных саженей [шесть с половиной метров. – **Е. М.**]*» (ГАМО. Опись 1802 года. Ф. 8-и, оп. 1, д. 20, л. 13 об.).

[1] *Насонов А.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го … » // Псковские летописи. Вып. 1. М.–Л., 1941. С. 141. (Далее: *Насонов А.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го … »).

[2] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. СПб., 1866. Кн. 3. С. 90. (Далее: *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви).

Декабрь, 1532 год. Освящение церквей в Коле. «Церкви Божия священали: Благовещения Святой Богородицы, да Чудотворца Николу в Филиппов пост». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 19. С. 228

Позже, в 1591 году, к стенам Благовещенской церкви переберутся уцелевшие после разгрома монастыря печенгские монахи, образовав здесь Кольско-Печенгский монастырь. Эта первая Благовещенская церковь в Коле сохранится до большого городского пожара при шведском нашествии 1611 года.

Вторая церковь Колы, Никольская, всегда считалась зимней, теплой. Церковь эта, по сути, – одна из древнейших святынь кольских берегов. Перестроенная под зимнюю церковь известная Никольская часовня стояла на этом месте с древности, как минимум с начала XV века, со времен славных деяний монахов – учеников преподобного Евфимия Корельского.

Зимой 1531 года Феодорит с иероиноком Илией освящает эти две церкви волостки Колы, что на излучине рек Колы и Туломы. Событие это происходит на Филиппов пост. Конец ноября и декабрь на Крайнем Севере – период крайне суровый. Однако мы видим, сколь безотлагательно святитель Макарий стремится выполнить просьбу лопарей – известно, что только в это время, к середине зимы, все лопарские семьи возвращаются на свои погосты.

Об этом событии, освящении здесь двух церквей, сообщает нам Софийская летопись: «В лето 7040 года … тое же зимы приехаша в Великий Новгород лопляне с Мурманского моря, с Колы-реки, с Тутоломи, и били челом государеву преосвященному Макарию и просили антиминсов и священников церкви Божия священати и самих просветити святым крещением. И боголюбивый архиепископ Макарий послал от соборныя церкви святей Софии священника и диакона, и они ехавши церкви Божия священали, Благовещения Святей Богородицы да чудотворца Николу в Филиппов пост, и самих многих крестиша **за Святым Носом** Лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа, в нашу православную и святую веру»[1].

[1] Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

§ 6. «За Святым Носом». О важнейшем рубеже древности

Слова «за Святым Носом» – вовсе не свидетельство слабого знания географии нашими предками, что подчас можно услышать в некоторых комментариях. С одной стороны, действительно, какое отношение Кола может иметь к мысу Святой Нос, ведь их разделяют сотни миль? Однако следует пояснить, что слова эти как раз подчеркивали особую значимость произошедших событий. Именно на рубеже Святого Носа заканчивались восточные земли великого князя Московского, а далее на запад простирались берега Ледоватого моря, и земли здесь были все еще двоеданными.

В старинном норвежском сборнике, хранящемся в Копенгагене и опубликованном норвежским историком Петером Андреасом Мунком, приводятся сведения о расстояниях между некоторыми географическими точками на побережьях Скандинавского полуострова и Кольского Севера[1].

Норвежское прибрежное мореплавание ввело в обиход некие узловые точки на берегу как ориентиры проходимых расстояний. Все побережье Норвегии от Бергена до Вардё делилось на отрезки по 48 шведских миль (48х10 688 м = 513 км), что вполне соответствует реальным расстояниям на современных картах. Но есть и некая странность.

Конечной точкой побережья Норвегии, по сути дела, пограничным пунктом с Россией указано географическое название Æghestaf (Вегестаф). При этом указано и расстояние от Вардё (Варгава, Вардехуса) до Вегестафа – это путь протяженностью в 72 мили. Если мы также вычислим это расстояние, используя **шведские** мили того времени (по 10,7 км), то получится 770 км, то есть граница Норвегии окажется за мысом Колгуев, что очевидная нелепость. Эту загадку пытался разгадать известный историк К.Ф. Тиандер, но при этом, глядя на карту, Карл Федорович делал странные утверждения: «Путь вдоль берега от Трондгейма до Вардегуса кажется немногим длиннее расстояния между Трондгеймом и Бергеном»[2].

Так же вряд ли можно всерьез принять утверждение историка, что эти расстояния указывались не по фактической длине пути, а «по ощущению» длительности плавания: «Плавание, очевидно, становилось

[1] *Munch P.A.* Symbolae ad historiam antiquiorem rerum Norvegicarum. Kristiania, 1850. P. 12.
[2] *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. Думбсгаф и Вегестаф. СПб., 1906. С. 84.

труднее, чем больше путешественник поднимался к северу, и поэтому и движение его замедлялось»[1].

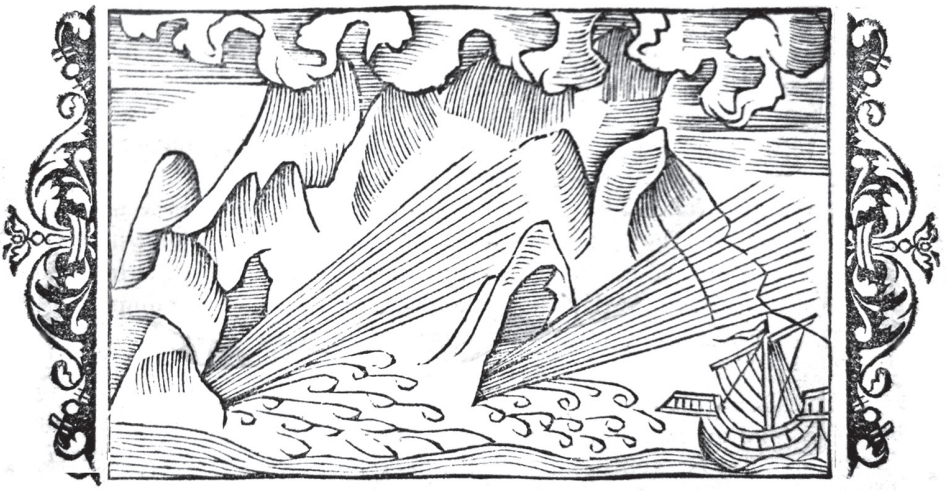
Реальное расстояние от Вардё до Святого Носа – около 500 километров. И если предположить, что на отрезке **русской** территории пользовались древними **русскими** милями, то все совпадает (72х7 467 = 537 км).

В то же время, надо согласиться с уважаемым ученым, что под названием Æghestaf (Вегестаф) действительно следует понимать мыс Святой Нос. Тем более что тому есть и иные свидетельства.

Так, в вводной части анонимного латинского исследования «История Норвегии» (1160–1180) сказано: «четвертый и наиболее удаленный Северный округ Норвежской юрисдикции заканчивается у Вегестафа (Æghestaf), и здесь же проходит граница с Биармией (Bjarmeland) (Que patria in aquilonem terminat Norwegiam iuxta locum Wegestaf, qui Biarmoniam ab ea dirimit)»[2]. По ходу заметим, что К.Ф. Тиандер, ссылаясь на П.А. Мунка, сообщает, что «в так называемой коротенькой норвежской хронике (“breve chronicon Norvegiæ”), составление которой относят к началу XIII века, упоминается местность Wegestaf, которая отделяет Норвегию от Биармаланда». Мы проверили эту ссылку и убедились

[1] Там же. С. 84.

[2] Цит. по: *Ekrem I, Boje L.M.* Historia Norwegie. Museum Tusculanum Press. University of Copenhagen. 2006. P. 56.



Страшные береговые пещеры с водоворотами.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

в ее некорректности: в упомянутой «Краткой норманнской хронике» («Breve chronicon Northmannicum») речь идет о византийских проблемах, связанных с нашествием норманнов, а земли Севера не упоминаются вовсе[1].

Тем не менее, у нас достаточно оснований полагать, что до изгнания биармийцев граница совместного сбора дани с терфиннов (лопарей) проходила, как мы уже упоминали ранее, от реки Вялы на южном (Терском) берегу беломорского побережья и тянулась до Святого Носа на северном побережье.

Привязку к Святому Носу можно найти и в этой фразе «Хроники»: «Там находится северный залив, который заключает в себе Харибду, Сциллу и пучины, которых невозможно избежать». Напомним, что именно такими эпитетами в конце XV века оперировал дьяк Григорий Истома, описывая опасности плавания у Святого Носа.

В то же время, в более поздних норвежских источниках можно обнаружить уже иное местоположение Вегестафа. Так, на карте известного норвежского историка Людвига Кристенсена этим названием обозначен

[1] См. Chronicon breve Northmannicum ab anno MLXI usque ad annum MLXXXV // Rerum Italicarum Scriptores, V. Milano. 1734. Перевод Похлеба И.В. 2002, комментарии. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Norm_Chron/text.

новый рубеж – мыс Цып-Наволок на полуострове Рыбачьем или остров Б. Аникеев – Anikijev (Vægestav).[1]

Земли беломорского берега, начинающиеся от Умбы, уходящие по Терскому берегу к Поною и тянущиеся далее до Святого Носа, еще в глубокой древности породили очаги православия на Кольском Севере. Как показали археологические исследования, первая церковь на р. Варзуге, Никольская, была основана около 1325 года.

Именно поэтому факт, возвещенный в летописи, что теперь русские православные церкви были построены за Святым Носом, на территории с общей юрисдикцией, был большой победой в деле усиления влияния Руси здесь, на Крайнем Севере Европы.

§ 7. Первый священник Колы отец Иоанн

Новгородский архиепископ Макарий, снабжая антиминсами иеромонаха Илию по просьбе «феодоритовых» лопарей, имел в виду и необходимость освящения готовой церкви на Печенге. Именно так и сообщает житие Трифона: «*Прииде преподобный Трифон в волостку Колу и там Божием строением обрете иероинока, именем Илию и, взяв с собою паки*

[1] См.: *Daa Ludvig Kr.* Skisser fra Lapland, Karelstranden og Finland. Kristiania, 1870. P. 289.

прииде на реку Печенгу, идеже во имя Живоначальныя Троицы построена церковь. Ту святую церковь иероинок Илия освятил»[1].

Новгородский Владыка озаботился и тем, чтобы освященные церкви в Коле не остались «без пения». Как сообщает «Архангельский патерик», «первый и единственный священник в Коле стал быть 6 декабря 1533 года»[2].

Этот «первый священник в Коле» – известный подвижник Севера, «белый поп Иоанн», будущий иеромонах Иона, сопостник преподобного Трифона и первый преподобномученик при разорении Печенгского монастыря в 1589 году. Очевидно, автор имел какую-то информацию или документы о праздновании первого престольного праздника Никольской церкви в Коле на Николу зимнего 6 декабря 1533 года, однако ссылок на источники отец Никодим не привел. Так же и по церковному преданию, вошедшему в некоторые редакции жития Трифона, священником Никольской церкви был иерей Иоанн: «Во граде Коле, в соборе чудотворца Николы и во всем граде един иерей бысть, именовася Иоанном»[3].

Из каких мест на служение в Колу был приглашен белый поп Иоанн, можно высказать лишь предположение. В древнем Синодике Соловецкого монастыря была отдельная страница, куда записывались «поминовения многих монастырей иноков». Естественно, туда вносили имена особо памятных, почитаемых угодников Божьих. Так, в списке есть имена, по-видимому, печенгских мучеников: «игумен Гурий», «инок Герман», а также «священноинок Иона из Варзуги». Так что не исключено, что известный северный подвижник, в течение пятидесяти лет служивший при преподобном Трифоне, преподобномученик Иона Печенгский, был родом из древнейшего поселения Кольского полуострова – села Варзуги, что на Терском берегу.

Итак, в Коле появился поп Иоанн с матушкой. «Супруга же роди ему дщерь. По рождении же ономy непросвященному младенцу прилучися зело болеть, и по общему совету с супругою крестиша ее»[4]. Так повест-

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 102.

[2] *Никодим (Кононов), иеромонах.* Архангельский патерик. 1901. С. 224, сноска 17.

[3] Агиографический сборник с «Житием преподобного Трифона Печенгского» 2-я пол. 1780-х гг. РГАДА, Рук. собрание Ф.Ф. Мазурина, ф. 196, оп. 1, № 634, л. 196.

[4] Никодим, архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 227. То есть крестил сам родитель, вынужденно, «по-скору», что является исключением из правил: «Священник для крещения своих детей приглашает другого… (Ном., 209)» (*Булгаков С.В.* Настольная книга священно-церковно-служителя. М., 1993. С. 973).

Преподобномучник Иона Печенгский. Деталь иконы «Собор Кольских святых». Иконописец И.В. Куксенко. 2006

вует рукопись Печенгского монастыря № 3 и далее добавляет: «И тоя ради вины остави супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель святого и бысть ему ученик»[1].

На первый взгляд, поступок «попа Иоанна», бросившего жену с ребенком, вызывает полное недоумение – и, более того, осуждение. Подобная реакция современного христианина повлекла и архимандрита Никодима на путь «корректуры» соблазнительного, на его взгляд, текста предания. Отец Никодим дописал важные для современного читателя горестные подробности: «Только крестили – дитя умерло. Вскоре умерла и супруга отца Иоанна. Осиротелый отец Иоанн оставил мир, пришел в Печенгскую обитель и сделался любимым учеником преподобного Трифона»[2].

Надо прямо сказать, в этом домысливании нет никакой необходимости. Просто в те давние времена все то, что требовали чрезвычайно строгие канонические правила Православной Церкви, выполнялось тщательнее, и многие следовали им неукоснительно.

В случае с отцом Иоанном имеет место ситуация, оговоренная в 53-м Правиле VI Вселенского Собора. Мать ребенка, жена священника, была вынуждена сама стать восприемницей своей дочери, поскольку, как надо понимать, кроме нее иных женщин, могущих стать крестными, в Коле в тот момент не оказалось. Лопари, как известно, в это время уходят от моря вглубь материка, на озера. А откладывать кре-

[1] «Книга жития преподобного отца нашего Трифона Печенгского чудотворца», что находилась в библиотеке Печенгского монастыря под № 3». См.: *Калугин В.В.* «Житие Трифона Печенгского» в письменности XVII–XX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 420. (Далее: *Калугин В.В.* Житие Трифона Печенгского в письменности).

[2] *Никодим, архимандрит.* Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 158.

щение было нельзя: «младенцу прилучися зело болети», и была угроза, что девочка умрет некрещеной, что тяжелейшим грехом легло бы на родителей. И, «по общему совету», отец Иоанн с матушкой приняли эту волю Божию и окрестили дочь.

Но неумолимые каноны гласят: «Понеже родство по духу есть важнее союза по телу… да отступят от сего незаконного супружества»[1], что и было свято исполнено батюшкой с матушкой. Вот почему и какой «ради вины» поп Иоанн «оставил супругу и дщерь в дому и отъиде во обитель Святого и бысть ему ученик и от Преподобного навыче искусного монашества. И потом благословлен иеромонахом»[2]. Так иеромонах Иона Печенгский начал свой долгий пятидесятилетний путь монастырской жизни, завершившийся в 1589 году при разорении монастыря славным венцом преподобномученика.

В Колу был назначен новый молодой священник, уроженец села Керети поп Василий с матушкой. Этим служением в Коле начнется удивительная история жизни одного из величайших подвижников Кольского Севера – преподобного чудотворца Варлаама Керетского.

§ 8. Миссия иероинока Илии – стратегический план святителя Макария Московского

Среди подвижников, потрудившихся на ниве просвещения Русского Севера, личность иеромонаха Илии занимает особое место. Его деяния напрямую связаны с житиями Феодорита Кольского и Трифона Печенгского. «Священник с сеней[3] от Рождества Христова инок Илия»[4] хорошо известен как миссионер, книжник и доверенное лицо святителя Макария Новгородского, и даже спустя годы на его удивительные просветительские труды ссылались как на образцовые. В то же время, увы, современные исследователи истории Кольского Севера весьма редко упоминают его славные деяния.

Настоятель владычного домового храма Рождества Христова иеромонах Илия, прибывший в Колу от владыки Макария в конце 1532 года,

---

[1] Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша) // VI Вселенского Собора правило 53. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1. С. 538.

[2] *Никодим, архимандрит.* Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 227.

[3] «Сени» – в Новгороде этим словом называли Архиерейский дом.

[4] *Насонов А.* Псковские летописи. М.–Л., 1941. Вып. 1. С. 142.

Единственное сохранившееся изображение кольских просветителей. На миниатюре святитель Макарий Новгородский благословляет иероинока Илию и иеродиакона Феодорита на миссию на Кольском Севере. Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 19. С. 128

конечно же, имел все полномочия и обладал всей информацией и о Коле, и о Печенге. Добравшийся сюда в Филиппов пост, то есть в самую темень и непогоду, иероинок вместе с диаконом и «детьми боярскими» в ноябре-декабре 1532 года, «по просьбе лоплян с Мурманского берега, с Колы-реки, с Тутоломи (Туломы)», то есть лопарей, подготовленных к крещению Феодоритом Кольским, здесь, на берегу Колы, «церкви Божия свящали: Благовещения Святой Богородицы, да Чудотворца Николу в Филиппов пост, и самих многих лопарей крестиша … »[1]

Новые подробности этих событий мы можем узнать из недавно обнаруженной редакции Новгородской летописи[2]: «Того же лета [1531] била челом великому князю Диколопская земля, с мурман, сказывают, крестилось их 60 человек в Православную Христову веру. И князь великий прислал в Новгород к архиепископу Макарию, что б архиепископ послал в их землю своего собора священника и дьякона, да у них бы они, приехав служили сорок обедней, да крестили бы их, которые похотят. А нехотящих не нудити. И архиепископ Макарей, по государеву слову послал с ними в их землю своего собора попа с дьяконом крестити их и уставити у них церковный чин у церквей, а дияки великого князя Яков Васильев сын Шишкин, да Дмитрий Васильев сын Великой, по государеву слову, послаша с ними из государевой казны колокол в полтретя пуда без двадцати гривенок и книги церковные, и иконы, и кресты, и ризы служебные, весь чин церковный, и ругу церковную *[или помощь «ружными» деньгами. – **Е. М.**]* уставили из великого князя казны»[3].

Как видно из летописи, помимо освящения двух церквей в Коле и крещения лопарских семей района Колы и Туломы, только «обедней»

---

[1] Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1863. С. 289. Филиппов (Рождественский) пост: с 28 ноября по 6 января по новому стилю.

[2] См.: *Конявская Е.Л.* Новгородская летопись XVI века из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 322–383.

[3] РГБ. Собр. Большакова Т.Ф, № 333, л. 122 об., 123. Надо иметь в виду, что год на Руси начинался с 1 сентября и описанное в летописи «установление церковного чина» состоялось уже в наступившем 1532 году.

(Божественных литургий) в новоосвященных церквях было отслужено четыре десятка.

Читая летописный отрывок, еще раз обратим внимание на важную особенность просветительской деятельности Русской Церкви в этом сложном, спорном регионе Севера Европы. Инициатива строительства церквей и внедрения православия на территории Великой Лапландии должна непременно исходить от коренного населения. Бить челом великому князю должны были сами лопари – «Диколопская земля». Как мы ранее указывали, так же было и в 1526 году, когда «приехаше к Москве лопляне с моря Окияна, ис Кандолакжской губы, усть Нивы-реки, из дикой лопи, били челом государю и просили антиминса и священников, церковь свящати и просветити их святым Крещением». И лишь после этого «Государь велел архиепископу Макарию послати из Новаграда от соборныя церкви, священника и диакона»[1].

Крестивший лопарей, освятивший первые церкви на Кольском Севере и постригший в 1532 году в монахи самого Трифона Печенгского иеромонах Илия, безусловно, фигура весьма заметная в истории Церкви XVI века. Историки порой были склонны связывать его личность с боярином Василием Михайловичем Тучковым, который в 30-е годы XVI века входил в число приближенных к великому князю Василию III. Образованность и литературные способности Тучкова хорошо видны в его агиографических произведениях, вошедших в Макарьевские Четьи-Минеи[2]. Владыка Филарет (Гумилевский), не указывая, правда, источника, пишет, что Тучков «носил в иночестве имя Илии», и отождествляет его с «Ильей пресвитером»[3]. Однако, надо прямо сказать, активная миссионерская биография иеромонаха Илии никак не совпадает с фабулой мирских деяний боярина Василия. Также и обстоятельства завершения его жизни, когда он был избран быть «дружкой» со стороны невесты на свадьбе царя Иоанна Васильевича, а «Василей им не был за тем, что убился с коня»[4], никак не вяжется с монашеским обликом.

---

[1] ПСРЛ. Л.–М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

[2] По мнению Владыки Филарета, кроме жития Михаила Клопского и Канона, перу Тучкова принадлежат житие Георгия Нового, а также одна из редакций «Повести о житии Александра Невского» и служба Александру Невскому.

[3] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Обзор русской духовной литературы: в 2 кн. СПб., 1884. С. 153.

[4] *Сахаров И.* Свадьба царя и великого князя Иоанна IV Васильевича с Анастасиею Романовною Юрьево-Захарьиной в 1547 году // Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 5–8. С. 48.

Крещение лопарей на берегах Колы и Туломы. Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 19. С. 129

Рассуждая над этой загадкой, следует вспомнить, что в то время довольно строго соблюдалась традиция, при которой, выбирая при постриге монашеское имя, старались учитывать первую букву мирского имени. Например, Феодор – Феодорит, Василий – Варлаам и т. п.[1] Так что, скорее всего, здесь речь может идти о брате боярина Василия Тучкова – Иване Тучкове. В пользу того, что братья Тучковы входили в особый круг высокообразованных, передовых людей своего времени и хорошо знали Феодорита Кольского, говорит тот факт, что их сестра Мария Михайловна Тучкова была матерью князя Андрея Курбского, преданнейшего духовного чада старца. Возможно, упомянутые выше агиографические произведения были плодом совместного творчества братьев Тучковых, что привело к таким историческим переплетениям. Если это так, то иеромонах Илия (Тучков) по строгости монашеских традиций не позволял брату афишировать свое участие в создании этих произведений. Таким образом, все похвальные панегирики того времени доставались брату: «Како не удивимся Божия благодати, сей храбрый воин, преждеписанный Василей, светлое око и селика *[столько]* разумия от Господа сподобился!»[2]

Самое первое упоминание «иероинока именем Илия» мы находим именно в житии Трифона Печенгского, когда на Печенге в 1532 году была «Живоначальныя Троицы построена церковь, и ту святую церковь иероинок Илия освятил»[3].

Это был тот случай, как пишет летописец, когда «архиепископ Макарей по государеву слову послал своего собора попа с дьяконом» к «лоплянам с Мурманского моря». То есть именно подвижническая деятельность преподобного Феодорита, затронувшая нехоженые ранее земли

[1] Что касается мирского имени Митрофан и имени Трифон в постриге, то следует учитывать, что в те времена полным именем величались лишь очень уважаемые, именитые люди. В простом народе имена чаще всего имели «уничижительную» форму: Васюк, Сашук, Федко, Митя. В случае с Митрофаном – Троша, Троха.

[2] ПСРЛ. Софийские летописи. СПб., 1853. Т. 6. С. 301.

[3] Житие преподобного Трифона. С. 102.

«Боголюбивый архиепископ Макарий сам входя в соборную церковь святой Софии, молебны совершая и мощи святых омывая и посылавше ту святую воду… » Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 19. С. 126

и самые дальние уголки Кольского Севера, пробудила всплеск этой миссионерской активности. В том путешествии «до лопи дикой» священноинок Илия вместе с дьяконом Феодоритом собрали по ходу движения на Север крайне важный материал о положении дел в инородческих северных областях Новгородской епархии (Чудской, Ижорской, Корельской).

Позже эта тревожная информация была доложена архиепископу Новгородскому Макарию. Так после их возвращения с Крайнего Севера появилась написанная Макарием с соизволения государя окружная грамота от 25 марта 1534 года о духовном неблагополучии в северных новгородских пределах. Вскоре была предприняты соответствующие меры, известные в истории Русской Церкви как миссия иеромонаха Илии по искоренению рецидивов язычества на Севере России среди ранее крещеных народов. В этой окружной грамоте вновь упоминается упорство чуди в своем идольском веровании, языческая духовность биармийских магов – «злодеевых отступников, арбуев Чюдцких». Слово «арбуй» на Руси всегда имело негативный оттенок[1]. Этимология слова указывает на связь с марийским «arbuj» – жрец, колдун»[2], учитывая единство этой финно-угорской ветви наряду с прибалтийско-финскими, саамскими и другими ветвями.

Тексты посланий святителя Макария, а позже и его преемника на новгородской кафедре владыки Феодосия, показывают, что северные миссионеры в своей деятельности напрямую столкнулись со значительным

[1] «Название Арбуй сохранилось на Псковщине в бранных выражениях». *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 169.

[2] *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка / Перевод О.Н. Трубачева. М., 1986–1987. С. 84.

Уничтожение капищ. Деталь прориси из жития преподобного Феодорита Кольского. Автор И.В. Куксенко. 2006

сопротивлением. Безусловно, существовали особые «географические и историко-этнографические причины стойкого, долговременного господства двоеверных понятий на финском северо-востоке, где христианство распространялось среди финских племен вместе со славяно-русской колонизацией»[1].

Путешествие священноиноков Илии и Феодорита 1532–1533 годов показало, что если «по всей Русской земле скверные мольбища разорены были, то в Чуди, и в Ижоре, и в Кореле, и до Каянских немец рубежа, и около Пелейского озера *[озеро Пель в Онежском уезде. – **Е. М.**]* и до Лексы реки *[или Лекши, впадает в Белое море. – **Е. М.**]* до Лопи до дикия»[2] вскрылись многочисленные факты духовного неблагополучия, и не только в виде так называемого «двоеверия», но и прямых рецидивов тяжелого язычества у ранее крещенных северных народов. В докладе 1534 года царю Иоанну Васильевичу «о прелести кумирской…» говорится: «В тех местах прельщаемы человеки от невидимаго врага диавола, являясь по званию христианами, обычиев держатся от древних прародителей… Слышахом, что втайне детей своих в жертву закалают и образы святых икон огню предают, всячески диаволу угождая, и всякие кудесы творят, чтобы с бесами им беседовать…»[3].

---

[1] *Щапов А.П.* Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мире // Православный собеседник. Казань, 1861. Ч. 1–3. С. 270–271.

[2] Летописный отрывок «В лето 7042…» // ПСРЛ. Псковская Вторая и Софийская Первая летописи. Прибавления. СПб., 1851. Т. 5. С. 73. (Далее: *Насонов А.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го…»).

[3] *Насонов А.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го…». С. 143.

Святитель Макарий освящает воду на мощах: «…и освящают воду со всех мощей и крестом Животворящего Древа, на котором был распят Владыка наш Христос». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 21. С. 88

Также было отмечено, что новокрещенные народы Севера пытаются приспособить новую официальную религию государства к своим традиционным языческим духовным ценностям и служениям, которые «не могли бесследно погибнуть в сознании народа». Поскольку «этого можно было достигнуть только долгим путем перевоспитания народа по христианским началам. В истории слияния обеих вер первою степенью была замена внешней стороны верования христианскими формами, в которые таким образом облеклось содержание древней языческой религии. Порой предметы и личности языческого поклонения, не теряя своего прежнего значения, получили христианские названия»[1]. «Мертвых своих они кладут в селах по курганам и по холомищам с теми ж арбуями, а к церквам на погосты тех своих умерших они не возят схороняти; так же у них у которые жены дитя родитца, и они наперед к тем своим родильницам призывают тех же скверных арбуев, и те арбуи младенцам их имена нарекают свойские, а вас игуменов и священников они к тем своим младенцем призывают после; а на кануны свои *[поминальная трапеза. – **Е. М.**]* призывают они тех же скверных арбуев, и те арбуи и над кануны их арбуют скверным бесам… »[2]

[1] *Костомаров Н.* О борьбе христианства с язычеством в России // Православный собеседник. Казань, 1865. Т. 2. С. 257.

[2] Грамота новгородского архиепископа Феодосия. 8 июня 1548 г. *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). Петрозаводск, 1990. С. 68.

«Боголюбивый же архиепископ Макарий во святей Софии молебны пел и воду святил со всем священным собором, и с тою священною водою и своею посыльною грамотою послал своего священника инока Илию кумирскую прелесть искоренити и просветити божественным учением»[1]. «Леса сечи и огню предавати, камения же в воду метати» – то есть речь шла о физическом уничтожении объектов языческого поклонения на древних местах их почитания и поголовном окроплении всех жителей святой водой, лично приготовленной святителем в храме Святой Софии Новгородской, с омовением «животворящих крестов, чудотворных икон и святых мощей».

Нет сомнений, что иеромонах Илия был пастырем особо высокой духовности: «Летопись отмечает, что приход священника Илии предчувствовали дети»[2]. «Иные младенцы пророчествовали за три дня, и за два, и за день глаголюще: «Гости к нам будут лес и камения жечи».

«И проповеди ради слова Божия Дух Святый помогал Илие священнику», и более того: «обращения ради их и покаяния многие показал Бог знамения». Совершались многочисленные и удивительные чудеса: «яко слепые многие прозрели, и всякими недугами одержимые исцеление прияли, и бесы от людей отгонимы бывали»[3], что безусловно, во многом предопределило успех миссии.

Таким образом, иеромонах Илия и диакон Феодорит, действуя смело и решительно, являли перед народом очевидную Божью волю и действенную Его помощь. Позже новгородский архиепископ Феодосий, укоряя карельских священников за нерешительность, приводил в пример действия старца Илии при уничтожении пережитков языческой веры у народов чуди, води, ижоры. «Мужи и жены» тех народов, пребывая в той прелести бесовской, «не смели даже прикоснуться, а не то чтобы разорить те скверные мольбища»[4]. И для этого страха были вполне реальные основания: «Поне же мольбища оные дияволом блюдомы были, аще кто их прежде сего касался, то диявол» тех смельчаков «сокрушал и смерти их предавал – так в них сила вражия действовала». Когда же «пришел священник и священною водою окропив, молитву сотворил, они со страхом и трепе-

---

[1] *Насонов А.* Псковские летописи. М.–Л., 1941. Вып. 1. С. 142.

[2] *Макарий (Веретенников), архимандрит.* Макарий, митрополит Московский и всея Руси. М., 1996. С. 8. (Далее: *Макарий, архимандрит.* Макарий).

[3] *Насонов.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го … ». С. 74.

[4] Там же. С. 74.

Языческие поклонения стихиям. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

том прикасались своих мольбищ, и ничем же не повреждаемы были»[1]. Более того, еще до прихода Илии «малые дети их, четырех лет, трех и меньше, едва на ногах ходить умеющие, сами ходили на те их мольбища и старались их разорить». Это чудо произвело на бывших язычников сильнейшее впечатление, и они «слово Божие с радостию прияли и ту прелесть свою прокляли, а прежде сего всякие пакости священнику делали»[2].

Н.М. Карамзин указывает, что иеромонах Илия начал свою миссионерскою деятельность при царе Василии III (1479–1533 гг.), и к этому факту активно апеллировали в дипломатических спорах с Данией. Так, «знатный дворянин Ржевский и дьяк Дмитриев в Копенгагене для разрешения старых, бесконечных споров о Кольских и Варгавских пустынях, доказывали, что она (Лапландия) без сомнения наша, ибо еще в царствование Василия Иоанновича новогородский священник Илия крестил ее диких жителей»[3]. Как видим, описанные выше освящения церквей на Крайнем Севере в Кандалакше в 1526 и в Коле в 1531 году были совершены именно иеромонахом Илией.

Позже, спустя и 10, и 15 лет, новгородский архиепископ был вынужден вновь возвращаться к этой работе по искоренению рецидивов язычества, дабы «прелесть кумирскую и скверные мольбища разорити». В 1548 году священник новгородского Софийского собора Никифор повторяет опыт священноинока Илии, так же с двумя помощниками («боярскими детьми») отправившись в Водскую пятину для обращения жителей, уклонившихся в язычество. Владыка Феодосий Новгородский повелевает отцу Никифору «скверные мольбища разоряти и истребляти, и огнем

[1] *Насонов.* Летописный отрывок: «В лето 7042-го… ». С. 74.

[2] Грамота новгородского архиепископа Феодосия в Корелу. 15 января 1543 г. *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах (X–XVI в.). Петрозаводск, 1990. С. 67.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. СПб., 1816–1829. Т. XI. Гл. I. С. 212.

СТУДЕНОЕ МОРЕ
Паз-река
Печенга
Кола
прп. Трифон Печенгский
1514 г.
прп. Феодорит Кольский
1519 г.
Кандалакша
Умба
Варзуга
Поной
ЛОПСКИЕ
ПОГОСТЫ
БЕЛОЕ МОРЕ
ЛАТГИНА
ОЗЕРО ОНЕГО
ОБОНЕЖСКАЯ ПЯТИНА
ОЗЕРО ЛАДОЖСКОЕ
Выборг
ОЗЕРО КОТЛИНО
Копорье
ВОДСКАЯ
ШЕЛОНСКАЯ ПЯТИНА
Новгород
ОЗЕРО ИЛЬМЕНЬ
БЕЖЕЦКАЯ ПЯТИНА
Псков
Порхов
ДЕРЕВСКАЯ ПЯТИНА
Тверь

жещи, а християн тех мест наказовати и поучати на благочестие истинныя православныя Христовой веры, и о целомудрии и правде, и о чистоте душевней и телесной, и о брачном и девственном пребывании»[1].

Открылись и новые виды уклонения в языческие обычаи «в чюдской земле»: «замужние жены и вдовы головы бреют, старые и молодые, а покров на главах и одежду носят подобно мертвечьим одежам». Владыка повелел «поучать их по Божественному Писанию, чтобы жены все, молодые и старые, влас глав своих никак не брили и не остригали, от девства и до скончания житья своего, а девицы бы ходили замуж власы главы своея отрастив, и замужем бы покрывали главы своя, и одежду носили яко же христианам лепо, ибо в том их безчинии великое поругание женскому полу»[2].

Владыка Феодосий «повелел своим детям боярским, Федке Прокофьеву и Сенке Мартьянову, изо всякого погоста арбуев человека по два, а из Чудской земли из погоста жонки так же по две или по три, которые бриты, перед архиепископа в Великий Новгород поставить»[3].

В дальнейшем сопротивление приверженцев и служителей языческого культа было преодолено. При этом многие из «арбуев» и «кудесников» покинули места прежнего жительства. Так, например, перечень их запустевших дворов и угодьев приводится в Обыскной книге Феодора Калитина за 1571 год[4].

§ 9. Географические масштабы миссии в XVI веке

Оценивая протяженность территорий просветительской деятельности кольских святых и их значительное отстояние от Москвы и Новгорода, невольно поражаешься масштабности деяний северных подвижников.

Надо признать, первоначально миссия иероинока Илии (Тучкова) была сосредоточена на борьбе с рецидивами язычества у народов, проживавших в относительной близости от Новгорода, таких как чудь, водь, ижора (район нынешней Ленинградской области), максимум до корелы, которая обитала в так называемых «семи лопарских погостах». Однако решительные действия преподобных Феодорита и Трифона, дерзновенно вторгнувшихся в нехоженые пределы Лапландии, *«и даже до края*

---

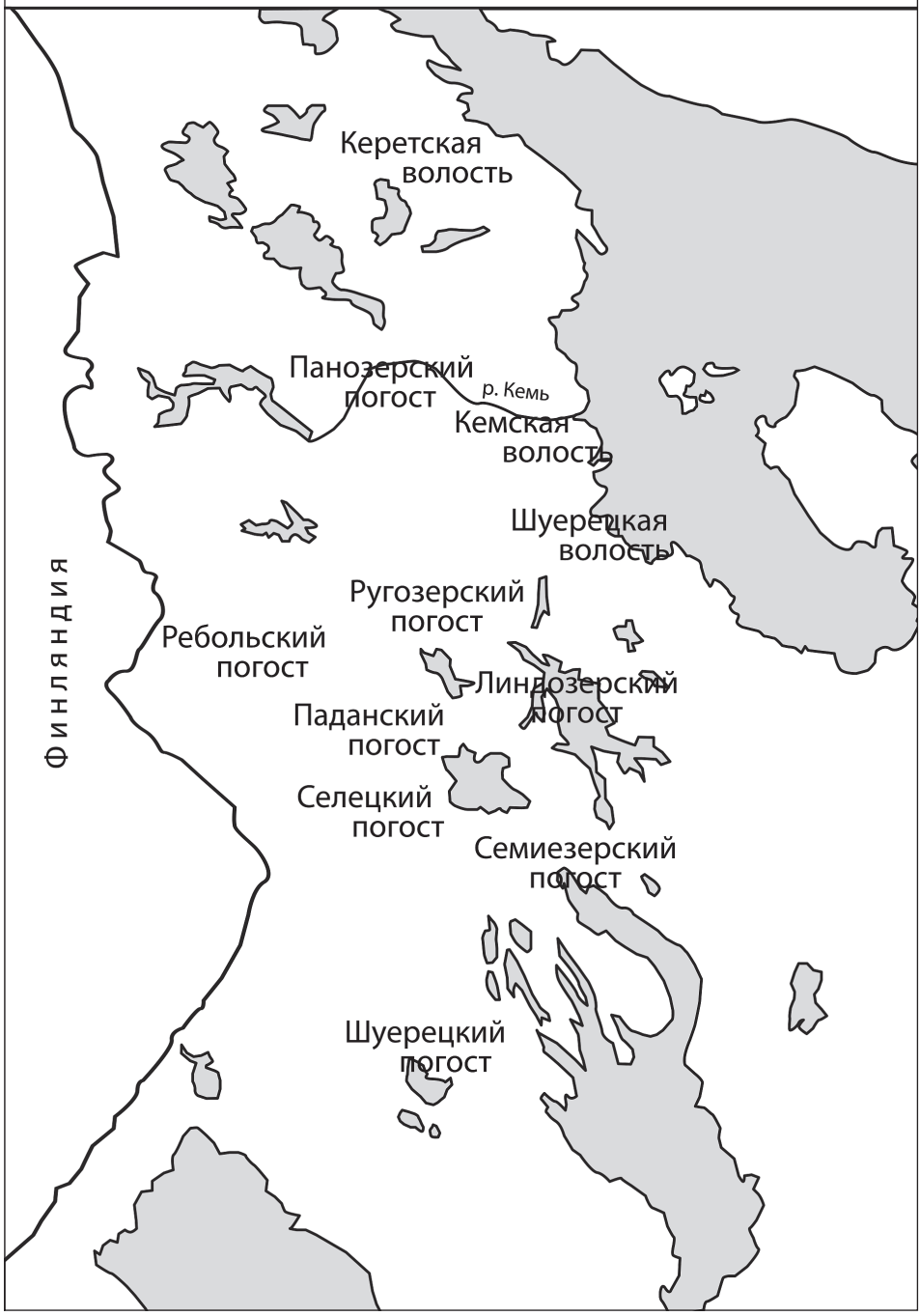
[1] Грамота новгородского архиепископа Феодосия. 8 июня 1548 г. С. 69.

[2] Там же. С. 69.

[3] Там же. С. 71.

[4] *Чернякова И.А.* Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории. С. 29; http://illmik.petrsu.ru/Alkonost/pdf_s/Pan19-82/Pan19-41r.pdf … С. 377.

ЛОПСКИЕ ПОГОСТЫ И ВОЛОСТИ КОРЕЛИИ



земли» (Деян. 1, 8), небывало расширили задачи православной миссии. Именно потому отец Илия вскоре оказался на самом Крайнем Севере Европы, освящая новые храмы для крещеных русских лопарей.

«Се язь Князь Великий Василей Иванович всея Русии, пожаловал есми в своей отчине в Вотцкой пятине у Студеного моря от Каинских немцев, с рубежа, лопь крещеную и некрещеную Шуи реки, да у Кеми реки, и во всех лоплян место крещеных и некрещеных… »[1]. Мы видим, что в этой грамоте 1530 года царь Василий III решительно продлевает территорию исторической новгородской Водской пятины до «рубежа Каинских немцев», до «Студеного моря». К Водской пятине присовокупляются Кемская и Шуерецкая волости. Кроме того, причисляются к «пожалованию» и иные районы проживания саамов – «всех лоплян место». Имеются в виду лопарские погосты как реальные районы проживания саамов Кольского Севера, в отличие от исторических «семи лопарских погостов», практически уже заселенных корелами.

Понятно, что издревле лопарские погосты располагались значительно южнее. Упомянутые «семь лопарских погостов Карелии» исторически сформировались в составе Новгородского уезда, а с 1649 года перешли во вновь образованный Олонецкий уезд. Но уже где-то с XIV века лопари (саамы) были частично ассимилированы пришельцами-корелами, в основной же своей массе оттеснены дальше на север. Хотя еще в житии преподобного Лазаря Муромского XIV века упоминается, что здесь, «около Онеги жили лопь и чудь, страшные сыроядцы»[2]. Так или иначе, к началу XVI века карельское население стало занимать здесь господствующее положение, и этот народ стал объектом миссионерских усилий иероинока Илии (Тучкова) в 30-е годы XVI столетия.

При этом именно Феодорит и Трифон подготовили земли Кольского полуострова к принятию христианства. Эти подвижники прошли огромные пространства Кольской тундры, и Слово Божие дало свой благодатный плод. Трифон сосредоточил свои усилия на северо-западе, в Финнмарке. Его центры православия здесь, *«на Примории великого моря-окияна, в части Норванския земли»*, – Печенга и Паз-река. Феодорит взял под свое окормление центральную и юго-восточные части Кольского полуострова. Это Кола, Кандалакша, Поной.

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н.С. Всеволожского. 1813. Ч. 1. С. 436.

[2] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
1485–1533 ГОДЫ. ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН ПЕЧЕНГСКИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ ПОДВИЖНИКА

§ 1. О юности Трифона. Свидетельства и домыслы

«Сей святой великий проповедник и пустынный житель преподобный отец Трифон рождение и воспитание имел в Новгородских пределах, близ града Торжка, от священных и благочестиво живущих родителей»[1] – так начинается история жизни выдающегося святого Крайнего Севера, которую сохранило нам древнее его житие[2]. Автор этой редакции жития сразу предупреждает, что *«когда Божиим попущением, грех ради человеческих, святые Троицы и праведного обитель от немцев разорена и сожжена была до основания, в то время и житие святого самовидцами написанное погибло»*. И лишь у некоторых «по вере ко Святому в малых книжецах» сохранились «писания краткие»[3].

Эти материалы были использованы для написания широко распространенного с XIX века текста жития и отдельных случаев из жизни преподобного с чудесами. В описи монастырского имущества 1757 года при Петропавловской церкви, что «на острову против Кольского острога», упоминается «амбар казенный, а в нем сундук с печатными и писмянными книгами». Среди тех книг имелся и текст жития в сборнике-конволюте[4]: *«сборник писан уставом, книга Дионисия Ареопагита, аввы Дорофея*

---

[1] Здесь и далее в тексте курсивом выделены цитаты из наиболее древних источников, посвященных житию преподобного Трифона: Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 89–120; «Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу», «Канон преподобному Варламу Керетьцкому, новому чюдотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника, фонд Никандровой пустыни, № 292.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 89.

[3] Там же. С. 91.

[4] Конволют – сборник, составленный из самостоятельных печатных или рукописных произведений, переплетенных в один том.

Город Торжок времен Трифона Печенгского. Гравюра из книи: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию. Шлезвиг, 1656

и житие преподобного Трифона», и, кроме того, отдельной книгой «служба и житие преподобного Трифона Печенгского чудотворца, писана уставом»[1]. Эти «служба и житие», скорее всего, и есть ныне известная древняя редакция жития, поскольку и сам автор оговаривает, что *«се, ныне, понудихся службу и житие преподобного во едину книгу совокупив, написати»*[2].

Также в начале XIX века упоминалась и некая *«писцая службы и чудес преподобного Трифона Печенгского»*[3], однако в настоящее время об этом ничего не известно.

Как мы покажем ниже, особую роль в формировании текста жития сыграл в конце XVII – начале XVIII веков архиепископ Афанасий (Любимов), правящий архиерей Холмогорской и Важской епархии.

Если говорить о полноценной работе по восстановлению подлинной истории жизни преподобного Трифона, то она была начата в конце XX века как следствие образования самостоятельной Мурманской епархии. Эта работа была закончена автором данного исследования в 2009 году и завершилась защитой кандидатской диссертации[4].

Одним из положений, вынесенных на защиту, было уточнение года рождения преподобного Трифона, который в житии обозначен как 1495.

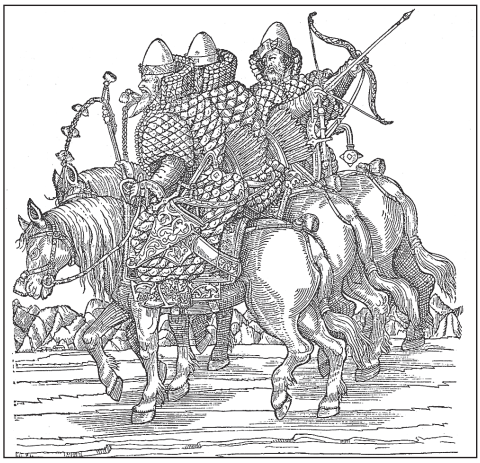
---

[1] К истории Трифоно-Печенгского монастыря. Монастырские описи 1722,1727, 1754 годов // Архангельские епархиальные ведомости. 1886. С. 670.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 91.

[3] *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательностей со многими древними историческими известиями и знамениями. СПб., 1813. С. 37. Прим. (Далее: *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии).

[4] *Митрофан (Баданин), игумен.* Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Мурманск – СПб.: «Ладан», типография «Моби Дик», 2009. 304 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера. Книга IV).



Всадники русской конницы.
Гравюра XVI века из книги:
Сигизмунд Герберштейн.
Записки о Московии. 1526

В то же время, есть достоверные свидетельства о более раннем годе рождения святого. Так, по житию, которое печаталось непосредственно с вышеупомянутого рукописного списка, хранившегося в кольском Благовещенском соборе, «блаженный Трифон родился около 1485 года»[1].

Этот список, надо понимать, сгорел вместе с Кольским острогом в 1854 году. Дата «1485» заслуживает нашего доверия, поскольку именование подвижника «блаженным Трифоном» указывает на значительную древность этого списка. Блаженным называли почитаемого, но еще не прославленного в лике святых подвижника[2]. Этот же год рождения указан и в авторитетной древней книге «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви…»[3]. Логика и хронология событий, изложенных в житии Трифона, убедительно подтверждают, что его рождение следует отнести к 1485 году[4].

Итак, родившийся в июне месяце 1485 года и получивший в крещении имя Митрофан[5] будущий великий святой Русского Севера был на-

[1] *Шестаков П.Д.* Просветители лопарей Феодорит и святой Трифон // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. Ч. 138. С. 276.

[2] Эта практика объявления «блаженства» весьма древняя. В Католической Церкви этот чин разработан досконально – это беатификация (Beatus), что и означает объявление «Блаженным». В Восточной Церкви этот вопрос строго не регламентирован.

[3] Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836. С. 232.

[4] Подробнее об этом: *Митрофан (Баданин), игумен.* Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Мурманск – СПб.: «Ладан», типография «Моби Дик», 2009. 304 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера. Книга IV).

[5] В честь святителя Митрофана, первого Патриарха Константинопольского († 325). Память 4 июня.

гражден от Господа богатырским телосложением, исполинской силой и отменным здоровьем. По традиции того времени, сын попа должен был следовать по отцовским стопам. Однако приложиться к стезе своих предков Митрофану не довелось. Красивый и статный отрок из благочестивой семьи священника приглянулся кому-то из местных торжковских князей или бояр, может, самому *«наместнику великокняжескому Василию Китаю»*. Так или иначе, Митрофан был взят прислугой в богатый дом и должен был присматривать за боярскими детьми. Конечно, для родителей Митрофана это было большим облегчением: «содержание приходского духовенства в то время было чрезвычайно скудное»[1].

Юный Митрофан рос в боярском доме, где в те времена первой обязанностью мужчин была военная служба. Войны, как с соседями формирующегося Московского государства, так и «междоусобные брани», являлись обычным фоном жизни на рубеже XV–XVI веков. Сам Торжок, родной город Митрофана, не так давно, в 1478 году, был «повоеван» московским князем Иваном III в составе всей Новгородской вольницы и стал называться Новым Торжком.

Набиравшая силу молодая Московская Русь утверждала себя как внутри страны, так и на ее границах. Государь и великий князь Василий Иванович воевал с Казанью, Литвой, Швецией.

Война с последней то угасала, то разгоралась. Громадные северные территории Ижоры, Карелии, Ботнии, Каяни и Лапландии имели весьма неопределенные линии границ, с установленным еще древними новгородскими князьями и норвежскими конунгами статусом так называемой «двоеданности». Создавать здесь постоянные поселения и строить укрепления запрещали тексты соответствующих договоров: *«Ни мы, ни вы не должны сооружать укреплений, ни в Русии, ни в Карелии»*[2].

Однако простой народ, как с восточной, так и с западной стороны, видя великое природное богатство края и не обращая внимания на договорный статус этих земель, стремился прочно обосновываться здесь. Незаконность таких поселений привлекала с обеих сторон множество разбойного люда, жаждавшего легкой добычи. «Право сильного», беззаконие, убийства и грабежи были обычным фоном жизни этих мест,

---

[1] *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. Т. VIII. С. 183; Знаменский П. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. М., 1867.

[2] *Бутков П.Г.* Три древних договора // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 35.

постоянно тлевших очагами вооруженных конфликтов, временами переходивших в настоящие войны, которые зачастую напоминали карательные экспедиции.

Именно в это неспокойное время формировался юный Митрофан, и, к сожалению, вовсе не *«божественное семя пало в добрую бразду»*, как пишет автор жития преподобного Трифона. Иным, страшным путем греха и скорби пришел к Богу будущий просветитель Лапландии. «Преподобный Трифон чествуется по всему православному миру как великий угодник Божий и строгий подвижник. Но не вся жизнь преподобного Трифона протекала в служении Богу. По преданию, в юности своей он был страшным разбойником и с шайкой своих товарищей опустошал пределы Финляндии и Карелии, убивал народ, жег селения и проливал много человеческой крови»[1]. Как же сын священника оказался атаманом шайки разбойников?

Во второй половине XIX века известный знаток Лапландии, создатель грамматики лопарского языка профессор Королевского университета Норвегии Я.А. Фрисс предпринял попытку реконструкции первой части рассматриваемого жития на основе лопарских преданий, сохранивших историю юности преподобного Трифона. Профессор, проведя значительные исследования, касающиеся времени подвижнических трудов Трифона Печенгского и деятельности его монастыря в Русской Лапландии, в 1883 году, к 300-летней годовщине со дня смерти преподобного, опубликовал труд «Kiostrte i Petschenga Skildringer fra Russisk Lapland». В 1885 году работа увидела свет и в России благодаря усилиям горячего патриота и исследователя Русского Севера Д.И. Островского, в то время консула России в Северной Норвегии.

Книга профессора Я.А. Фрииса «Печенгский монастырь в Русской Лапландии» в части, касающейся юности преподобного Трифона Печенгского, опирается на факты, взятые им из лопарских преданий, которые в большинстве своем нашли подтверждение в исторических документах. Записанный Фриссом и приведенный в книге рассказ печенгского лопаря, «старика Нила», позволяет нам понять причину отсутствия в нынешней редакции жития значительного отрезка жизни преподобного Трифона, начиная от его благочестивого отрочества *«близ града Торж-*

[1] *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Вестник Европы. СПб., 1885. С. 261. (Далее: *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь).

ка» и до прихода его *«в слезах и сокрушении сердца» «на реку Печенгу, в народ лопарский»*.

Нет сомнений в том, что описание разбойной юности преподобного и иные подробности начального периода его жизни присутствовали в ранних редакциях жития, *«писанных самовидцами»*, и сохранялись в *«малых книжицах и писаниях кратких»*. Редактор «Православного собеседника», в середине XIX века опубликовавший текст жития, также замечает эту неполноту: «Следовательно, это не полное житие, писанное самовидцами, а только некоторые сведения о житии и чудесах»[1].

Причина изъятия этой части информации о юности Трифона – ее явно «неблагочестивый» характер, претящий любителям идеальных, написанных «по законам жанра», житий подвижников. Но реальная жизнь много богаче и мудрее любых умозаключений и схем.

Мы же ободримся замечательными словами известного собирателя житий православных подвижников прошлого святителя Димитрия Ростовского: «И нет стыда говорить нам о сем, так как далее речь будет о блаженном и чудесном изменении этой жизни; ибо когда святым воздается похвала, то не умалчивается и об их прежних грехах, дабы показать, что не все с юных лет были блаженны и праведны, а имели подобно другим растленное тело, но истинным покаянием, доброй в себе переменой и великими добродетелями прославились своею святостью»[2].

§ 2. Лопарское предание об атамане Митрофане

В 1505 году, по завещанию Ивана III, бóльшая часть земель российских и богатые города отходили к новому великому князю – Василию III. Однако самодержавие российское было еще не столь сильно, а потому часть земель и городов завещалась и остальным (младшим) сыновьям Ивана III и его братьям. *«Торжок в Новгородской же земле.., Карельскую землю всю со лопью, с лешею и с дикою»* получил в вотчину князь Ф.И. Бельский. Так решилась судьба Митрофана. Родной Торжок оказался связан с Великой Лапландией. Воеводы и дружинники торжковские по долгу службы перед князем пошли *«воевать шведа и каянских немцев»*, наводя порядок на спорных границах *«земли карельской»*. Вскоре с дружиной боярской стал хаживать в это вечно неспокойное приграничье и юный

[1] Житие преподобного Трифона. С. 91.

[2] *Святитель Димитрий Ростовский.* Жития святых. М., 1906. Кн. 4. С. 505.

Гроза Остерботнии атаман Митрофан

Митрофан. Так формировался он *«в мужа зело храброго и искусного в богатырских вещах»*[1]. Чувствуя в себе особые способности к войне, этот редкий и жестокий талант профессионального воина, Митрофан вскоре уже не мог жить без своей «кровавой работы».

Во всем мире было лишь одно живое существо, о котором не забыл в своем горделивом одиночестве воин Митрофан и при воспоминании о котором теплело его сердце, смирялся его жестокий нрав. Дочь боярская, девочка Леля, еще недавно росшая под его присмотром, неожиданно превратилась в милую девицу. И вскоре стало понятно, что девица Елена решительно завладела сердцем отважного воина. Чудным образом ее доброта и скромность преображали душу Митрофана, исцеляя ожесточившееся сердце. При встрече с ней в его памяти пробуждались воспоминания детства, возвращая к иным временам, когда *«измлада взирал он на праведное пребывание родителей своих и подражал благочестию их»* и старался *«паче прилеплятися Богови, посещая церковь святую Его»*[2].

Юные влюбленные хорошо понимали, что надежды безродному воину добиться руки благородной Елены нет никакой. Сильнейшие чувства, взаимные и всепоглощающие, не оставляли им выбора. Было принято роковое решение: бежать вдвоем из боярского дома, пока не раскрылась их тайна и гнев родителя не разлучил бы их навсегда. В шведском приграничье, в Остерботнии и Каяни, по-прежнему было неспокойно. Митрофан хорошо знал эти края. Знал он и места, где обитают свободные, лихие люди: бывшие воины, беглые крестьяне, провинившиеся холопы-сбои. Именно туда устремились беглецы добыть себе имя и воинскую славу,

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 301.
[2] Житие преподобного Трифона. С. 96.

дабы вернуться с повинной, да с богатой добычей, и, может, тогда упросить отца Елены благословить их брак.

Эти районы Остерботнии, Каяни[1], где селились финны, были те самые «восемь рек», которые совсем недавно, в 1497 году, «повоевал» Иван III и жителей одной из этих рек – Лименги (Liminka) – даже привел в подданство России. Незаконность этих поселений на территории, считавшейся ничейной, провоцировала их разорение с российской стороны. Считаясь подданными Шведской короны и не имея официального статуса, эти финские поселения, не могли рассчитывать на государственную помощь и защиту. То привычное дело, что дружинник Митрофан делал на войне по воле великого князя, теперь он надумал творить по своей воле, может, и не до конца уяснив, что теперь он не воин государев, а разбойник-душегуб.

Можно привести строки летописи, описывающие этот процесс человеческого падения: «Ни смирился, ни укротился, но паче на горшее совратился и горее давнего, пущи прежняго бысть лют разбойник. Потом же приложишеся к нему юноши немилостивии, мужи суровые и злые человецы, подобии ему, таковы же разбойницы и хищницы, и умножишяся зело»[2].

Все точки над «i» расставило заключенное в 1510 году перемирие со Швецией сроком на 60 лет. Назад пути не было: воин Митрофан превратился в главаря шайки разбойников. И «много разбойники пролили крови честных христиан».

Скоро по всему побережью Ботнического залива заговорили о страшном атамане, который со своими друзьями-подельниками подмял под себя все финские и карельские селения края. Исполинская сила и неукротимая ярость атамана Митрофана не знали пощады и не терпели преград. Огнем и мечом подчинил он этот богатый край своей жестокой единоличной воле. Он творил беспощадный суд и расправу над каждым, кто осмеливался усомниться в его превосходстве над всеми простыми смертными.

Единственной и последней надеждой на спасение была возможность тайного заступничества со стороны его «царицы Елены». Неумолимый атаман никогда и ни в чем не оказывал ей, просто не мог отказать, по-

[1] Остерботния, Каянь – финские земли на восточном побережье Ботнического залива.

[2] Повесть о Темир-Аксаке // Русские повести XV–XVII веков. М.–Л.: ГИХЛ, 1958. С. 49.

Пир у северных разбойников.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

скольку горячо и нежно любил Митрофан эту милую целительницу его мятущейся и искалеченной души.

Любовь соединяла молодых людей, но это была страсть, плотское влечение, не освященное церковной благодатью. *«Днем с полюбовницей тешился, ночью набеги творил»*. Кровь и грабежи, беззаконие силы и неправедное богатство, обильные трапезы с винными возлияниями все безжалостнее искажали облик Митрофана, неумолимо уродуя его душу. Голландский путешественник Симон ван Салинген много позже будет вспоминать рассказ самого Митрофана (к тому времени уже Трифона) о том периоде его жизни: *«Много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил»*[1]. Елена, как повествует предание, всячески старалась сдерживать буйство Митрофана: *«Пользуясь своим влиянием на удалого атамана, она часто спасала многих людей от смерти и укрощала его дикий нрав»*[2].

Сколько продлилась эта их «вольная» жизнь? Видимо, недолго. Приближалась неизбежная развязка. Тяжесть содеянного, груз грехов становились все невыносимее. Невинно пролитая кровь взывала к небу об от-

[1] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб. 1901. Т. I. Кн. III. С. 302. (Далее: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии).

[2] Печенгский монастырь. Предание, добавленное архивными данными. С. 3.

мщении. Митрофан искал забытья в спиртном, пил все больше и, напиваясь, все чаще терял контроль над собой, был не в состоянии отвечать за свои поступки. Елена, пытаясь удержать возлюбленного от дальнейшего падения, все чаще убеждалась в своем бессилии.

И вот на одной из очередных попоек некий юноша, «слуга Митрофана, был обвинен товарищами в измене»[1]. Не разбираясь, в хмельной ярости атаман схватил топор, намереваясь казнить «изменника». На пути его встала Елена, призывая опомниться и не творить беззаконие. Но в этот раз кротость и доброта Елены не смирили безумца. Кто-то из сотоварищей усмехнулся: *«чего это так защищает, уж не полюбовница ли его?»* Дикая ревность помутила рассудок Митрофана – взмах топора – и Елена упала бездыханной к его ногам[2]…

Глубочайшее потрясение и немыслимая скорбь овладели душой протрезвевшего разбойника. Нигде он не находил себе ни пристанища, ни покоя. Изнемогая от душевных мук, с трудом забываясь в горячечном сне, он вновь и вновь видел пред собой свою Елену. Возлюбленная глядела ему в глаза, звала к покаянию и плакала вместе с ним о погибели его души. *«Обратись ко Господу,* – вновь и вновь звучал в голове Митрофана родной голос, – *ты не обретешь мира и покоя ни в этой жизни, ни в загробной, пока не принесешь Богу достойный плод покаяния»*[3]. Небывалые чувства захлестнули душу Митрофана. Милосердный Господь протягивал ему Свою руку спасения. Плач горького раскаяния, ужас осознанных тяжких грехов и бесконечное сожаление о кровавых беззакониях прежней своей жизни глубоко потрясли душу бывшего разбойника.

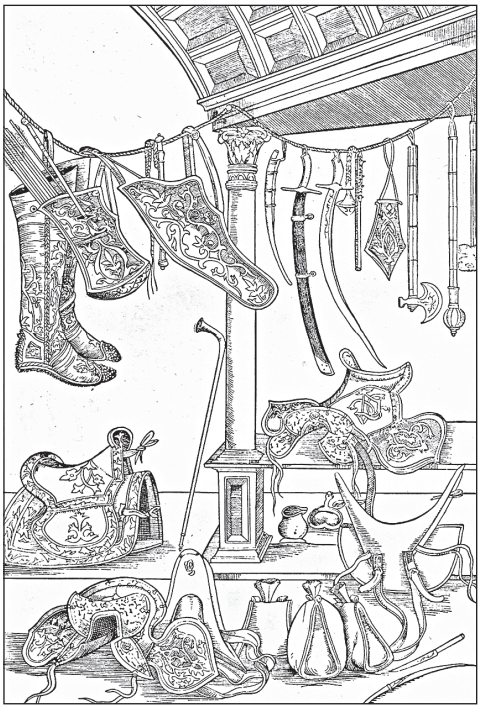
Бросив все свое богатство, оставив своих подельников, не прощаясь и не оглядываясь, грозный атаман пошел прочь от своей прежней жизни. Ища уединения, не разбирая дорог, блуждал он по дремучим лесам, заходил в глухие безмолвные пустыни. Все, что раньше тешило его самолюбие, радовало и являлось его гордостью, стало ненавистно. Богатая одежда, дорогие ткани и белье, все, что так потакало страстям Митрофана, было отвергнуто навсегда. Отныне он вовсе отказался носить белье; грубое рубище – вот, чего заслуживала теперь его грешная плоть. Шитый

---

[1] *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 262.

[2] «…Он метнул топор в тех, кто противился его воле, молодых и непокорных, и попал в лоб Элине» (St. Georg`s Greskorthodoxe Kapell. Kirkenes, 1978. P. 9. Перевод А. Ермолаевой по просьбе автора).

[3] Там же. P. 9.



Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов времен атамана Митрофана. Из латинского издания книги Герберштейна, 1556

золотом и украшенный драгоценными каменьями пояс, на котором носил он свое разбойное оружие, отныне заменил ему металлический обруч-вериги, сковавший Митрофана как гнусного преступника перед Богом и людьми.

Он шел все дальше и дальше на Север, по безлюдной, *«непроходной, дальней стране»*. Рыба и дикие коренья отныне были всей его пищей. «Никакого питья, в котором есть хмель, ни мяса вкушать более он не смел»[1] – таков был его обет перед Господом. «И вдали от всех людей, в пустыне, среди диких зверей каяться перед Богом», – так сам Трифон завершил рассказ голландскому путешественнику о своей грешной юности[2]. Салинген, что и понятно, весьма поверхностно описывал свою беседу с Трифоном, не вдаваясь в столь драгоценные для нас подробности. Но даже и эти общие фразы говорят о многом.

[1] Печенгский монастырь. Предание, добавленное архивными данными. С. 3.

[2] Цит. по: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 302.

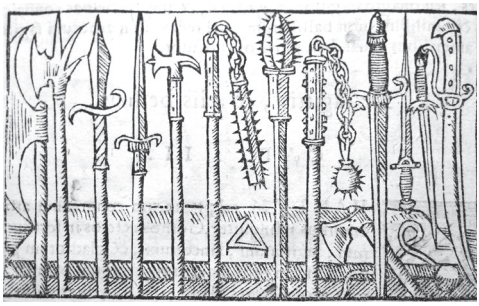
§ 3. Рассказ голландскому путешественнику

Беседу с преподобным Трифоном голландский купец и дипломат Симон ван Салинген записал в Печенгском монастыре в 1563 году. Это реальное свидетельство современника и очевидца событий тех лет и эмоционально сдержанный рассказ Салингена о своей беседе с печенгским старцем уникален и весьма достоверен с позиции исторической науки. Дословно процитируем и проанализируем эту запись на старонемецком языке: «Трифон рассказывал Симону ван Салингену (Der Triffaen hat Simon von Salingen auch berichtet…) о том, как он начал строить монастырь в Монкенфорте, что побудило его к этому и как он до этого дошел и прочее. Он был грозным для врагов воином, много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил (Er war ein gewaltiger kreigsmann gewesen, wieder den feindt, auch viel Bolds abgenhommen an der Grenzen, und geraubet, und bett viel Bluts vergossen…), в чем раскаялся и о чем горько сожалел: поэтому он поклялся не носить в своей жизни полотна, решив сделать себе обруч вокруг пояса и вдали от всех людей, в пустыне, среди диких зверей каяться перед Богом, не пить больше никаких хмельных напитков, не есть больше мяса и т. п. и прочее»[1].

Итак, Трифон был «kreigsmann an der Grenzen» – «воин на границе». Так перевели текст в начале XX века. Однако необходимо уточнить: an der Grenzen – это «на границе» в значении крайнего, дальнего предела. Как известно, никаких собственно войск на границе (пограничников) в то время не существовало. Воин же, который «на дальних пределах» проливал много человеческой крови и многих ограбил, мог существовать лишь в таких местах, где царили полное беззаконие и право сильного. Идеальным местом для таких мрачных дел в течение долгих столетий было северо-западное приграничье России, та самая упомянутая «граница с каянскими немцами». Мы уже писали о том, что эти места еще с древних времен в текстах рунических грамот и первых договоров обозначались словами «граница, предел», – «пустынные Мархия» (outha Merkum).

Отдельные исследователи справедливо поднимали вопрос и о том, что слово «воин» вовсе не является синонимом слову «разбойник». В этой связи представлялось важным дать нужную коннотацию, диалектическо-смысловую оценку самому слову «kriegsmann», употреблен-

[1] Там же.



Виды боевого оружия Средневековья. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

ному в тексте и переведенному на русский язык как «воин». По мнению авторитетных ученых,[1] использованное в переводе слово «воин» неточно, поскольку понятие «воин» легко ассоциируется с участием в некоем государственном, регулярном войске, то есть с понятием «солдат», «военнослужащий». В данном случае более корректно перевести слово «kriegsmann» как «человек войны», «боец», «человек, любящий войну и имеющий талант к этой работе».

Для такого человека, с внутренней установкой «викинга», безусловно, всегда найдется работа в княжеском войске, идущем в поход на врага. И тогда действительно наступит самое подходящее время, чтобы «много крови пролить» и уж, конечно же, «много народу ограбить и разорить». Однако из официальных войн на северо-западе России в это время случилась лишь упомянутая нами выше компания 1497 года, когда великий князь Иван III Васильевич «повоевал» шведов на восьми реках в районе Ботнического залива. Через несколько лет и вовсе было заключено со шведами долгожданное перемирие 1510 года. Так что разгуляться в официальных боевых действиях вошедшему в буйную силу юному Митрофану было негде. Конечно, при этом мы не можем исключить и то, что за время до 1510 года все же предпринимались некие полуофициальные вылазки по инициативе князя Бельского, которому было отписано во владение упомянутое приграничье, «Карельская земля со лопью, с лешею и с дикою», во время которых мог отличиться «человек войны», к тому времени уже двадцатипятилетний Митрофан. В равной степени такие набеги он мог творить и самостоятельно, тем более что в те времена по-

[1] Автор приносит благодарность давшим свои заключения по данному вопросу профессору Христиану Саппоку из университета в Бохеме (Германия) и профессору Кристиану Ханнику из Вюрцбургского университета (Германия).

добная беззаконная практика была обычным делом как с российской, так и со шведской стороны.

Такова информация о юности Трифона из сообщения Симона ван Салингена.

§ 4. Начало пути подвижника – покаянное делание

Двигаясь на Север известным торговым путем вдоль рек Норботнии через озеро Энаре (Inari), Митрофан прибыл к устью реки Паз, к знаменитому Варяжскому заливу, Варангер-фьорду. Это был 1514 год. Дальше пути не было, перед ним простиралось великое Студеное море-океан. Так вот *«и прииде Преподобный на Приморие великого моря-окияна, в часть Норванския земли»*[1].

Надо сказать, что историю том, как именно старец Трифон пришел на Север, знал каждый печенгский монах. В 1575 году известный современник Трифона, Генрих Штаден, услышал эту историю от печенгских монахов в Коле, где ждал оказии для своего отбытия в Европу. Касаясь в своих воспоминаниях Печенги, он пишет, что основатель монастыря монах Трифон пришел «к этому месту в Лапландии через Норвегию и Вардегуз»[2].

Своим уходом на Крайний Север Митрофан, по сути, обрекал себя на верную погибель. Он, очевидно, искал смерти, одиноко скитаясь по диким, безлюдным пустыням Крайнего Севера, приговаривая себя к тяжким испытаниям, изнуряя и терзая свое грешное тело голодом, холодом, зноем, мошкарой, ежедневной угрозой нападения дикого зверя и всем прочим, чем так богата суровая северная земля. *«Окрест выше писаныя реки Печеньги, бездомно и бескровно, по лесам и по горам и в пропастях земных скитался, странствуя»*[3].

Житие ярко и правдиво описывает этот период душевных мук Митрофана, тяжкое для него делание, сердечный плач и горькое покаяние. В той или иной степени слезы, молитва и покаяние в грехах являются обязательным мотивом, «топосом» житий, начиная с патериков. Но в житии Трифона мы видим нечто большее. *«Непрестанно во слезах и мо-*

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 97.

[2] *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63. (Далее: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного).

[3] Житие преподобного Трифона. С. 98.

ВАРИАНТЫ МАРШРУТА ПРИХОДА ПРП. ТРИФОНА НА ПЕЧЕНГУ В 1519 ГОДУ ПО ЖИТИЮ (1) И ПО Г. ШТАДЕНУ (2)

литвах и в сокрушении сердца пометая себя о землю перед Богом», – пишет автор, что еще раз заставляет нас вернуться к той мысли, что растиражированное «приглаженное» житие Трифона не раскрывает всей глубины трагедии подвижника и самой сути его подвига. Не благочестивым проповедником и просветителем лопарей явился в эти неприветливые, мрачные земли Митрофан – будущий Трифон, не о просветительских трудах страдала и плакала его душа в эти годы. Тяжкие грехи и слезное покаяние – вот что *«пометает»* его, могучего воина, на *«землю перед Богом»* в сокрушении сердца.

Надо заметить, такое мистическое припадание к земле, *«пометание о землю»*, весьма характерно для человека, находящегося в состоянии острого переживания своей греховной немощи, предельного сокрушения сердца о грехах. Вспомним хотя бы рассказ преподобной Марии Египетской: «Когда на меня находил такой соблазн похоти, то я повергалась

Факты прямого столкновения с демонами на Севере.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

на землю и обливалась слезами… Поверженная на землю, я не вставала день и ночь, пока свет не озарял меня и не отгонял смущавшие меня мысли»[1]. Так что доподлинно знали «самовидцы» правдивую историю жизни своего любимого отца и учителя, преподобного Трифона, и изначальное житие в *«книжицах»* своих писали не лукаво.

Житие Трифона не обходит вниманием яростное противодействие темных сил спасительным переменам, наступившим в душе Митрофана, и повествует о тяжелых и *«бесчисленных» «пустынных страхованиях»,* с которыми столкнулся здесь этот одинокий пришелец. Нестерпимо было князю бесовскому, торжествовавшему уже было свою окончательную победу над Митрофаном, видеть эти очистительные слезы и молитвы кающегося грешника, предчувствовать, что зреет грозный воин Христов, стойкий боец с древней нечистью этих мест. Поэтому так нападает враг на Митрофана в устрашающих видениях бесовских. *«В пустыни бесчисленно принял от бесов и от всяких пустынных страхований… препятствия»*[2].

Виды и образы действий сил бесовских в этих «пустынных страхованиях» подробно описаны в житиях соловецких подвижников: «Приходят

[1] Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней Св. Димитрия Ростовскаго. М., 1906. Кн. 8. С. 17.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 98.

мятущиеся, яко пьяные, клопоты *[шум]* воздвигающе, да устрашат мужа; и разгневавшеся свирепые во образах диких зверей множество тому представивша, стремлением свою ярость показуют, зубы убо стрегчуще и ярящиеся нань нападати, разтерзати того хотяще»[1]. Но при этом неизменно являлась помощь от Господа в виде благолепных старцев (обычно почивших подвижников этих мест) либо светозарных юношей, которые исцеляли и ободряли претерпевшего.

Случалось, что освоить Крайний Север пытались обычные поселенцы, но без молитвы и помощи Божьей это кончалось трагическим столкновением с миром бесовским. Историк Козьма Молчанов в 1813 году писал, что, по свидетельствам старожилов мезенцев, на Новой Земле в старые времена существовала колония новгородцев рода Строгановых и что все они вымерли, изведенные страшными существами: «… шаршитами – людьми с железными ногами и железными зубами. И это страшное их видение может быть смертоносно». Подробности эти оставили в предсмертных записях последние поселенцы, а также об этом свидетельствуют надписи на многочисленных могильных крестах[2].

Сам же Трифон об этих тяжелых столкновениях с нечистой силой в своем рассказе Симону ван Салингену не упоминает, учитывая маловерие собеседника. Трифон сообщает ему лишь сухие факты о том, что для своего уединения «он в одном месте, вверх от Монкенфорта (Monkenfort – форт монахов) построил небольшую келью, взял с собой иконы, перед которыми молился Богу, прожил там значительное время, вовсе не видя людей, не ел ничего, кроме рыбы, которую сам ловил, кореньев и ягод, которые собирал в лесу»[3].

«Прожил значительное время, вовсе не видя людей», – записал Салинген слова Трифона. То есть, мы видим, что Трифон пришел в эти края не *«проповеди ради»* и до встречи с Феодоритом, произошедшей спустя пять лет, *«народ лопарский»* как объект миссионерства его не интересовал.

Житие Трифона довольно образно описывает духовно-нравственное устройство жителей Лапландии: *«Живущие в нечестии и в самом поганском идолобесии, яко звери дикие, почитающие бесов, кланяющиеся делу рук*

---

[1] Памятники древлерусской духовной письменности: Жития преподобных Зосимы и Саввватия Соловецких и похвальные слова в память их // Православный собеседник. Казань,1859. Кн. II. С. 215.

[2] *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии. С. 217.

[3] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 302.

«Живущие в нечестии и в самом поганском идолобесии, яко звери дикие, почитающие бесов, боготворящие гадов и иных ползающих животных, и едящие все нечистое и скверное» (житие преподобного Трифона). Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555 (деталь)

*человеческих и боготворящие гадов и ночных нетопырей [летучих мышей. – **Е. М.**] и иных ползающих животных, и едящие все нечистое и скверное».*

Действительно, во времена Трифона в верованиях лопарей имело место особое отношение к змеям. Считалось, что змеи имеют свою единую «цивилизацию», собираются на «суды», выносят приговоры, в том числе и людям. Однако об особом поклонении змеям и летучим мышам таковых сообщений у исследователей не находим[1].

Таким образом, характеристика лопарских верований достаточно поверхностна и верна лишь в одном – *«почитаху бесов»*. Главный же культ лопарей – поклонение камням (сейдам) – не упомянут, равно как и особо уважительное, почтительное отношение к медведю.

Автор жития использовал известную стандартную средневековую формулу: «Яко зверие дикие». Например, в знаменитом соловецком рукописном сборнике «Сад спасения» читаем: «…быша сии родове лопари яко зверие дикие»[2].

§ 5. Трифон и Феодорит – начало проповеди

Первые контакты Митрофана с лопарями, согласно житию, строились на взаимных интересах, предложениях обмена чего-либо на что-либо. Как сообщает житие, не более чем к *«беседам о куплях»*. Из лопарского предания известно, что первое время своего пустынножительства преподобный занимался рыболовством[3]. И этот период совместного мирного проживания с местным населением, изучения нравов, быта и языка был совершенно необходим. Словарный же запас элементарных

[1] Об этом см.: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 206.

[2] Сад спасения. Рукопись Соловецкого монастыря // Книжное собрание Мурманского областного краеведческого музея. № 308. С. 91.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 38.

Лапландия. Рис. V. Raineri из книги: Dottore Giulio Ferrario. Il costume antico e moderno, o storia del governo, della milizia, della religione, delle arti, scienze ed usanze di tutti i popoli antichi e moderni. Milano, 1826. P. 43. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана

понятий Митрофан все же, видимо, имел, поскольку предыдущая его жизнь и деятельность так или иначе была связана с Лапландией.

Говорить о вере, проповедовать Евангелие Митрофан пока что было не мог по причине духовной незрелости. И, конечно же, для этого ему нужно владеть лопарским языком. Он же был, по собственному признанию, *«невежда… и малокнижен»*.

В этой связи нам открывается тот особый Промысл Божий о Митрофане как о будущем Трифоне в знаковом событии его жизни – встрече с духовным наставником и учителем.

Встреча Митрофана со святым подвижником, книжником, богословом и духоносным старцем Феодоритом Кольским состоялась около 1519 года. При всей очевидной внешней несхожести этих двух подвижников, двух величественных фигур и самобытных характеров, ими был явлен удивительный союз единомышленников, верных соработников в великом деле просвещения Земель Северных, оглашения племени лопарского. И, несомненно, правдивы воспоминания Феодорита об этой встрече, записанные А.М. Курбским: *«Вселяется [Феодорит] в тех лесных пустынях непроходимых*[1]*. По нескольких месяцах встречает там одного старца, пустынника – помнится, Митрофан было имя ему – пришедшего в эту пустыню пред ним, где-то лет за пять. И пребывают вкупе в прегорчайшей пустыне той Богом хранимы»*[2]. «Вкупе» в переводе с церковнославянского означает не только «вместе», но и «заодно».

---

[1] Нас не должно смущать упоминание А. Курбским «непроходимых лесов» на Кольском Севере в XVI веке: в то время здесь воистину находилось царство дикой природы, с мощным, высоким лесом. «Березы достигают громадной величины и очень красивы, много кустарников, особенно смородины черной и красной» (*Шеффер И.* Лаппония. 1674 г. // Живая Арктика. Апатиты, 1999. № 3–4. С. 38).

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332. Старец – пожилой монах, отшельник (устар.). *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 762.

Феодорит, с юных лет *«разжегшийся желанием пустынного жительства»*, готовящий себя к просвещению *«глубоких варваров, лопарей диких»*, явился тем носителем Божественного гласа, который открыл Митрофану его новое предназначение, Промысл Господа о его новом поприще. Отныне не только личное спасение через покаяние и плач о своих грехах, но и сердечное сокрушение о грехах ближних, пребывающих во тьме языческого нечестия, и милосердная забота о просвещении сущих во *«мраке тяжкого идолобесия»* – удел отшельника Митрофана.

Около пяти-шести лет под руководством Феодорита Митрофан постигает науку «умного молитвенного делания», научаясь «священнобезмолвию» в иноческом житии. Думается, что и свой первый навык евангельской проповеди на лопарском языке Митрофан приобрел в совместных с Феодоритом опытах живого общения с лопарями.

Примерно в 1524 году подвижники разделились и приступили к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания. Причина их расставания, скорее всего, была чисто практической. Учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной евангельской проповеди среди язычников. Однако нельзя исключить и фактор весьма «сложного» характера старца Митрофана.

Митрофан возвращается в места своих покаянных первоначальных скитаний – к давним знакомым, лопарям из обнаруженного им ранее поселения в устье реки Маны (Намайоки), впадающей в Печенгу. Поэтому в некоторых отечественных и зарубежных исследованиях 1524 год справедливо считается годом прихода Трифона **на проповедь** в Печенгские края[1].

Феодорит в это время отправляется с проповедью в районы реки Нивы, к Кандалакшскому заливу, в места обитания лешей лопи и лопи Верхней Земли. Здесь уже в 1526 году он добивается видимых успехов, строит церковь и готовит многих «лоплян ко крещению». Об этих событиях мы знаем из Ростовской летописи: «К жителям Киндолажской губы, или лопарям, великий князь посылал священника и диакона. Сии, нашедши у них много уже знания о христианстве, вскоре многих крестили

[1] См., например: *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1861. С. 554; *Валинг Т.* Гортер-Гренвик. Часовня святого Георгия и история Русской Православной Церкви в северной Норвегии. Вадсё, 1989. С. 13.

«Часовня Трифона» и «погост Печенгский зимний» (в нынешнем Луостари) на детали карты 1828 года, составленной после определения «полковником Галяминым вновь назначенной пограничной черты между Кольским уездом и Нордвегией в 1826 году»

и воздвигли храм во имя Рождества Иоанна Крестителя и в память духовного рождения крестившихся»[1].

Возвращаясь на «*приморие великого океана, в часть норвежской земли, разжегшийся желанием*» Митрофан уже имеет намерение просветить светом веры Христовой любезных ему печенгских лопарей. «Тогда задумал он построить небольшую часовенку. Сам рубил для нее бревна в печенгском лесу и носил их на своих плечах. В этой часовне поставил иконы, им же самим написанные»[2]. Часовенку эту Митрофан поставил у лопарского погоста Печенгска-зимняя.

Позже, когда основной монастырь к 50-м годам переместится в устье Печенги, эта церковь окажется не более чем приходской для зимнего Печенгского лопарского погоста. В истории же это место будет называться « первоначальным местом Печенгского монастыря». Описывая все то, что осталось здесь спустя 90 лет, царский писарь Алай Михалков в 1610 году запишет: «После немецких людей приходу… здесь место церковное Живоначальныя Троицы, да тут же лежит начальник Печенгского монастыря строитель Трифон, а над ним сделана часовня»[3].

Так непростая и бурная история древнего монастыря на Печенге началась и закончилась Троицкой часовенкой у лопарского погоста.

---

[1] Начертание Церковной истории от Библейских времен до XVII века. Отд. II. СПб., 1877. С. 440.

[2] Печенгский монастырь. Предание, добавленное архивными данными. С. 4.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. Писцовая книга Алая Михалкова. С. 432.

§ 6. Митрофан – просветитель лопарей

С 1524 года Митрофан приступил к лопарям Печенгского погоста с проповедью Слова Божьего: *«Начал любезно сказывать о слепоте их и о диавольском омрачении»*. Вот тут-то он в полной мере и уяснил суть апостольского предупреждения о необходимости пребывать *«во вся оружия Божия, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13)*, ибо *«наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12)*. А также с благодарностью вспомнил науку умного молитвенного делания, что преподал ему Феодорит, науку *«храбрых воинов Христовых, яже воюют против начал властей темных, миродержцев века сего»*[1].

Лопари, испокон века жившие в постоянном, будничном общении с нечистыми духами, прибегая к их помощи во всех житейских бедах и нуждах, надо понимать, находились в полной их власти и с неизменной готовностью творили волю бесовскую, исполняя любое повеление этих «духов злобы поднебесных». Житие хорошо передает, что началось с лопарями, как только в этих мрачных, колдовских местах раздалось евангельское Благовестие: *«Разъярялись яко звери, неисповедимые делая пакости праведнику Божию, за власы таская, и о землю метая, и толкая и избивая и вопяще на него, что если от пределов их не изыдет и попробует еще к ним подойти, то примет горькую муку и саму смерть примет»*[2].

Об этом периоде проповеди Трифона сами лопари еще в начале XX века вспоминали: «Народ лопарский не хотел принимать святое крещение и делал разные неприятности св. Трифону. Раз собрались большой толпой к нему, и когда преподобный Трифон вышел, они схватили его за волосы и долгое время волокли его, вследствие чего он оплешивел. Бог наказал лопарей за это и сделал так, что между лопарями теперь много плешивых (Масельга, Нотозеро, Сонгелы)»[3].

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 325.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 99–100.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 210. Неизвестно, в какой мере упомянутое предание отражает реальные события, сопровождавшие евангельскую проповедь Трифона. Что касается плешивости, то Господь отметил ею северных аборигенов много раньше, поскольку еще историк древности Геродот писал о них: «Народ же оной есть плешивы родятся, и называют их аргинеи. И тако далеко мир и земля известны» (Цит. по: *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 44).

Можно было бы отнести упомянутое предание к одной из многих этнографических легенд – такой же, как легенда о подслеповатых жителях пермских земель, наказанных таким образом за противление преподобному Стефану Пермскому[1]. Но в этой связи интересно наблюдение нейтрального очевидца – журналиста «Архангельских губернских ведомостей» К. Соловьева, опубликованное в 1861 году в его заметке «О печенгских лопарях»: «Другое обстоятельство, на которое нахожу нужным обратить внимание читателя, – это развитая здесь плешивость. Головы многих лопарей буквально голы, как ладонь. Явление это я встречал, правда, и в других погостах, но гораздо реже, чем в Печенге»[2].

Преподобный неоднократно подвергался смертельной угрозе, «но Бог хранил его. Когда он приходил к ним *[лопарям]*, они отводили его на ночлег к медвежьей берлоге, подмешивали сору и всякого зелья в еду и питье, которое он употреблял, и всячески мучили его»[3]. И, конечно же, более всего применяли излюбленный прием бесовский – всяческие устрашения: *«Яко львы, на благовестника Христова рыкаху и яко медведи ревуще и различно страшаще»*. С этим лопарским искусством «страшащих видений» впервые столкнулся еще в 1352 году на берегах Онежского озера и самый первый просветитель лопарского племени преподобный Лазарь Мурманский[4].

Как и Лазарь, преподобный Трифон, вдохновенно и смело возвещавший весть о спасении на берегах Студеного моря, не был оставлен Божественным попечением и сподобился многих чудесных дарований. *«Господь Бог многократно от рук желающих крови и смерти Преподобного чудесным образом спасал своим Божиим мановением, наставляя сокрыватися в горах и в расселинах каменных… Иногда Святой проходил сквозь них, злобою ослепленных, и не видим им был»*[5]. Когда же проповедовал *«о дьявольском их пленении и об омрачении их обличал, призывая к Царствию Божьему, к Единому Царствующему над всем»,* то многие из народа *«из уст его яко светлость огня видевшие исходящую, дивилися и на лицо его свя-*

---

[1] Об этом см.: *Прохоров Г.М.* Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.

[2] *Соловьев К.* Очерки Архангельской губернии // Архангельские губернские ведомости. 1851. № 3.

[3] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 263.

[4] Здесь «около Онеги жили Лопь и Чудь, страшные сыроядцы. Много скорбей, биений, ран и досад претерпел Лазарь от этих звероподобных людей». *Филарет (Гумилевский)*. Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

[5] Житие преподобного Трифона. С. 100.

Проповедь язычникам. Художник Е.О. Моргун. Дипломная работа

тое, как у ангела зряще, начинали сердца своего жестокие образы умягчать и семя Слова Божия в него принимать»[1].

Так в общей массе язычников стали появляться сочувствующие, которые уже возражали против убиения святого благовестника: *«Не имеем в нем вины; глаголет нам он о добре, о Царствии Божием, смерть нарицает сном, да не уснем, а воскреснем, так что пока оставим его, но если вину какую обрящем, уж тогда страшною смертию убием его; и изгоняли его, как хулителя их слепоты и жизни омраченной… Преподобный же от сонма их уходя, радовался, что за проповедь во имя Иисуса Христа воспринял биение и многое безчестие»*.

Это был долгий и изнурительный труд просветителя. Полночные земли зачарованной Похьёлы, древнее колдовское Лукоморье, нехотя и упорствуя, расставались с языческим мраком безбожия. *«В том благовестии святый муж доброго желания потрудился немало лет»*[2].

[1] Там же.

[2] Там же. С. 101.

§ 7. Печенгский подвижник Митрофан и святитель Макарий Новгородский

Об одиноком подвижнике и его часовенке в дремучем лесу заговорили. «Русские рыбопромышленники, каждое лето посещавшие Мурманский берег, стали охотно наведываться к часовне преподобного и уделяли десятую часть со своего улова»[1]. Прослышали о святом месте и богомольцы, приходившие в Соловецкий монастырь, и наиболее усердные из них стали добираться и до Печенги. Считалось хорошим делом унести с собой пучки травы, собранной вокруг часовенки и кельи отшельника. Многие жертвовали «на помин души». Постепенно у Митрофана стали собираться средства на устройство настоящей церкви, о чем просили его и промышленники-поморы: «Где Церковь православная – там и земля родная».

К тому времени и многие лопари *«окрест рек Печенги и Пазреки»*, покоренные кротостью, смирением и любовью Митрофана, уверовали в Истинного Бога и желали принять Святое Крещение, а иные задумывались и об иноческих обетах. *«Но Святым Крещением их не просветил, понеже не имел Преподобный иерея»*. Так объясняет житие, хотя известно, что если в округе нет священника, то «в случае нужды может крестить и каждый мирянин и даже женщина»[2]. Митрофан не мог совершать Таинство Крещения по другой причине, канонической, и о ней житие предпочло умолчать.

В 1530 году друг его и сомолитвенник иеродиакон Феодорит, вернувшийся из кандалакшских пределов и теперь трудившийся над оглашением кольских лопарей, надумал идти к новгородскому Владыке просить благословения на строительство Благовещенской церкви в Коле. Вот с ним-то впервые после многолетнего пустынножительства решился и Митрофан идти на поклон к архиепископу, в родные новгородские пределы. Причиной этого хождения житие называет ту же необходимость, что и у Феодорита: *«У архиепископа взять благословенную грамоту»* на постройку церкви, что является непременным каноническим условием начала строительства[3]. Однако при этом необходимо напомнить о важ-

---

[1] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 263.

[2] Святителя Никифора Исповедника правило 44 // Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 2. С. 593.

[3] «Никто церковь не может основать, ниже каменную, ниже деревянную, кроме самого епископа. Аще кто дерзнет без благословения епископа начать церковь создавать, извержению подлежит… » Требник. М., 1984. С. 27.

нейшей духовной потребности Митрофана – необходимости воссоединиться с Церковью и прибегнуть к спасительной силе Церковных Таинств Покаяния и Причастия. Именно таковыми были главные побудительные мотивы выхода отшельника в мир.

Как мы помним, с начала покаянного пути Трифона в лопарских пустынях прошло уже 17 лет. В соответствии с Апостольскими правилами и правилами Василия Великого, убийство подразделяется на «волею» и «неволею» совершенное. «Неволею убивший десять лет да не причастится Святых Таин. Волею убивший и потом покаявшийся двадцать лет да будет без причастия Святых Таин»[1]. Даже если не принимать во внимание легендарное убийство Елены[2], которое можно было бы расценить как случайное («неволею»), то все иные убийства при разбое требовали полной 20-летней покаянной епитимии (духовного врачевания (наказания), назначаемого священником), что мы и наблюдаем в полностью каноничных действиях архиепископа Макария в отношении обратившегося к нему Митрофана. Епитимия, которой Митрофан сам, по внушению Божьему, подверг себя 17 лет назад, не была снята новгородским святителем в этом (1530) году, и столь очевидно необходимый Митрофану монашеский постриг владыка Макарий не совершил. Видимо, «много крови пролил на границе» атаман Митрофан, и срок отлучения от Причастия сокращен не был.

Что же касается благословенной грамоты на строительство церкви, то ее Митрофан получил и даже нанял строителей – рубить на Печенге новую *«церковь во имя Святыя и Живоначальныя Троицы»*. Это было большим послаблением, поскольку даже царю Давиду не довелось построить храм: *«Было слово Господне: «ты пролил много крови; ты не должен строить дома имени Моему, потому что пролил много крови на землю пред лицем Моим» (1 Пар. 22, 8)*.

Чтобы нанять в Новгороде мастеров для строительства церкви «за сезон», да еще в столь дальних неприветливых местах, надо было иметь весьма немалые средства. Но как раз в это время великий князь Василий III, выражая свое благорасположение к новому новгородскому Владыке за его усердные моления «о разрешении от бесплодства» княгини

---

[1] Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева Лавра. 1996. С. 484.

[2] «В гневе на жену свою употребивший секиру есть убийца» (Правило № 8 святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской).

Елены, возвратил Макарию богатейшую новгородскую святительскую казну, отнятую еще в 1478 году. Так что, думается, святитель Макарий поддержал Трифона не только святительским благословением, но оказал ему и достаточную материальную поддержку в этом важном деле.

В эпизоде жития, где повествуется о строительстве Трифоном Троицкой церкви, встречаем одно из многих указаний на исключительные физические данные подвижника: *«В ночах в непрестанных молитвах пребывая, днем за три поприща на плечах своих для церковного строения бревна и тес и иное потребное носил»*[1]. Совершенно очевидно, для того чтобы на такое расстояние одному носить бревна, надо обладать небывалой физической силой. Об этом говорит и достаточно редкий для агиографической традиции факт, что в житии дается описание внешнего вида святого: *«Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок, мало плешив… »*[2]. В этих сознательно сдержанных характеристиках проступает образ истинного русского богатыря, способного, например, нести на себе мельничные *«жернова ручные, немалы и тяжкие»* из Колы до Печенги, а это более 150 километров, и при этом, несмотря на *«путь блатный и гористый»*, строго поститься.

В этой связи особую значимость приобретает описание бесконечного смирения этого силача и гиганта перед обычно низкорослыми и тщедушными лопарями, издевающимися и всячески поносящими его. Именно этот образец христианского поведения и определил суть подвига преподобного, оставив неизгладимую память о нем во всех последующих поколениях лопарского народа. Господь отпустил Трифону немалое время полноценного служения, активной просветительской деятельности – девяносто три года. И лишь перед самой смертью в декабре 1583 года, *«в старости маститой… впал он в болезнь и изнемог зело»*[3].

§ 8. Рождение инока Трифона. Церковь на Печенге

Первую церковь на Печенге, Свято-Троицкую, построили быстро, за сезон. Строители церкви, *«церковные здатели»*, приглашенные Трифоном, убыли в Колу, где им предстояла большая работа – рубка двух церк-

[1] Житие преподобного Трифона. С. 101.
[2] Там же. С. 115.
[3] Там же. С. 112.

Строительство церквей на Севере Руси. Миниатюра из лицевого жития преподобного Сергия Радонежского

вей в Коле «Благовещения Святой Богородицы, да Чудотворца Николы… »[1].

Готовая церковь на Печенге три года стояла неосвященной. Автор жития, явно недоумевая о причинах этого промедления, пишет: *«Та святая церковь неким Божиим смотрением пребысть три лета»* неосвященной. Нам же эта причина ясна: еще три года было назначено Митрофану нести церковную епитимию, дабы исполнилась полная мера двадцатилетнего врачевания духовного.

Архиепископ Новгородский, владыка Макарий, обладая государственным мышлением, мог в полной мере почувствовать ту громадную потребность в этом печенгском отшельнике с непростой судьбой для набирающей силу державы Российской, с Божией помощью утверждающей свою государственность в тех «полночных» землях, *«на примории великого моря окияна, ибо та норваньские земли часть святым народом издавна присовокуплена к новгородскому владению»*, а ныне *«под державу Великих царей Московских и Российских самодержцев»*[2] приведена.

Не поняв всего этого, можно действительно, вслед за автором жития, свести все к случайности: *«После трех лет прииде Преподобный в волостку Колу*[3]*. И там, Божиим строением, нечаемо, обрете иероинока Илию»*. Случайно оказавшийся в Коле иеромонах церковь освятить не может, поскольку не дерзнет. Случайные иеромонахи антиминсы, святое миро, частицы мощей и прочее потребное для освящения храмов с собой не носят. Надо понимать, что Божий Промысл – *«Божие строение»* – состоит не в случайном «обретении иероинока», а в особом попечении Господа о просвещении этой «полночной страны».

С окончанием «установления чина церковного» в Коле Трифон, *«взяв с собой иероинока Илию паки прииде на реку Печенгу, где во имя*

[1] Софийская летопись // ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1863. С. 289.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 97.

[3] Исследователя жития может смутить подобная административная характеристика Колы как волости, хотя очевидно, что в то время Кола была не более чем погостом. Однако в житии ошибки нет – «погост в писцовых книгах XVI века иногда заменяется названием уезд или даже волость». *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских // Записки Императорского русского географического общества. Кн. VIII. 1856. С. 106.

Живоначальныя Троицы построена церковь. Ту святую церковь иероинок Илия освятил и лопарей, которых преподобный отец Трифон породил словом проповеди, он тому иероиноку повелел просвятить святым крещением. И от того же иероинока Илии преподобный отец наш Трифон духом и сердцем правый инок и знаменосец[1] соделался»[2]. Постриг состоялся 1 февраля 1533 года, на память мученика Трифона.

«Новопросвященные же народы лопарские от усердия своего, от имений своих, приносили серебро и вещи и, яко пред ногами апостольскими, преподобного отца Трифона при ногах полагали. Иные же земли, и озера, и реки, и к морским угодиям воды подавали и письменными заветами утверждали»[3].

Записи голландца Салингена 1568 года сохранили для нас рассказ преподобного Трифона об этом периоде его жизни: *«Молва о его святой жизни распространилась в других местах, и его стало посещать много народа. Так как они просили его о том, чтобы он построил тут церковь, где можно было бы совершать богослужения, то он выстроил небольшую часовню, куда пригласил черного попа, который служил ему обедню и прочее; и тогда же надел он на себя клобук. После построения часовни его стало посещать еще больше народу. В общем, к часовне приезжали рыбаки и жертвовали рыбу в пользу часовни»*[4].

Как мы знаем, *«клобук надел»* Трифону иеромонах Илия. Трифон провел в монашестве пятьдесят лет, до своей кончины в 1583 году. Что же относительно некоего *«черного попа»*, который *«служил ему»*, то это иеромонах Иона. Имея известные серьезные канонические препятствия к принятию священного сана, Трифон всю свою жизнь пребывал простым монахом – *«строителем монастыря»*.

Полноценность окормления братии монастырской и народа лопарского достигалась неизменным присутствием в течение пятидесяти лет рядом со старцем Трифоном преподобного Ионы Печенгского, и после кончины учителя продолжившего служить при его могиле.

---

[1] «Знаменосец» – в данном случае «схимник», в иных древних текстах может означать «чудотворец», «творящий знамения».

[2] Житие преподобного Трифона. С. 102.

[3] Там же. С. 102.

[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303.

Раздел IX

История просвещения Кольского Севера с 30-х годов XVI века до разорения края шведскими подданными в 1589 году

Просветители Кольского Севера. Деталь прориси из жития преподобного Варлаама Керетского. Автор И.В. Куксенко. 2009

30-е годы XVI века стали для Кольского Севера временем решительных перемен в духовном устройстве края. Именно с этого десятилетия XVI век становится наивысшей точкой в истории просвещения этих земель светом веры евангельской. Это время – самый яркий период монастырской истории края. Шесть иноческих обителей возникнут здесь, на Крайнем Севере Европы, в течение XVI века, но лишь две уцелеют для последующих столетий.

Никогда раньше эти земли не знали столь активного монастырского строительства, и никогда позже не возгорят здесь столь яркие светильники веры и столь великие святые имена.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА (1534–1571 гг.)

§ 1. Завершение первого этапа Кольской миссии. Преподобный Феодорит и святитель Макарий

В 1534 году Феодорит успешно завершает свое северное двенадцатилетнее пустынножительство, достойно увенчав первую проповедь христианства крещением лопарей и строительством церквей на берегах Нивы, Колы и Туломы. Весной этого года он вместе с иеромонахом Илией возвращается *«во вселенную»* и *«поставляется от Макария архиепископа… пресвитером»*[1].

Феодориту уже пятьдесят лет. Святитель, родившийся около 1482 года, практически ровесник Феодорита. Удивительно высока духовность и светел облик пришедшего из пустыни Феодорита. Святитель Макарий чувствует это – Феодорит становится его духовником.

В это время старец Феодорит в полной мере являет *«дарования от Бога, что дарами Духа нарицаются: силы исцеления, дар пророчества, дар мудрости». «Не будучи епископом, воистину светлого епископа дела исправляет»*: приводит к истинной вере и *«к пути спасенному»* множество знатных *«светлых и богатых граждан»*. К нему идут и идут страждущие, и он *«целит недужных, очищает прокаженных, возвращает заблудших душою из сетей диавольских»*[2], пробуждая в них небывалое покаяние.

Общаясь со святителем Макарием, Федорит, несомненно, подробно информирует Владыку о ситуации на Кольском Севере, об аборигенах края: *«Тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же тщаливы и охочи зело»*[3].

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 331.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 332.

Общение Феодорита с архиепископом Макарием, мужем высокой духовности и государственного мышления, еще более укрепило его в осознании особой значимости для России успешно начатой им православной миссии на Крайнем Севере. Владыка, надо думать, делился со своим духовником беспокойством о том, что то страшное, *«реформаторское»* отступление от истинной веры, которое с 1517 года поразило уже пол-Европы, теперь угрожает России: *«от тамо близких стран люторския и калвинския ереси»*[1] *вплотную подступили к нашим северным пределам. Феодорит не скрывает от святителя, что собирается вновь в «полунощную страну»*, ибо хорошо понимает, что только создание крепких северных монастырей поставит надежный заслон этой экспансии и закрепит за Россией «вечно спорные» земли *«у Студеного моря-окияна, на Мурманьском рубежу»*[2].

§ 2. Заволжские пустыни – школа «богомыслия и молчания»

Вскоре, с благословения владыки Макария, Феодорит вновь укрывается в «заволжских пустынях», дабы собраться с силами и укрепиться духом перед новым этапом своей Лапландской миссии.

В течение нескольких лет Феодорит подвизается в пустыни Кирилло-Белозерского монастыря вместе со своими друзьями-нестяжателями, *«мужами святыми, некоторыми уж престаревшими во днях»* – со старцем Артемием, а также со старцами Сергием Климиным, Иоасафом Белобаевым и Исааком-пустынником, иноками-постриженниками Соловецкого монастыря. У Феодорита сложились особо теплые, дружеские отношения со старцем Артемием как с подвижником высокой духовности, «человеком ученья книжного, доброго нрава и смирения исполненна»[3]. Старец Артемий был близко знаком с царем Иоанном IV Васильевичем, который неоднократно призывал его для совета как по церковному устройству, так и для бесед на духовные темы: *«Его царь зело любяше и многажды беседоваше, поучаяся от него»*[4]. Сохранилось несколько посланий Артемия к царю, написанных им в пустыни во исполнение

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 103.

[2] Жалованная грамота Печенгскому монастырю 1556 года. РГАДА. Грамоты Коллегии Экономии, ф. 281, № 4139, л. 122. (Далее: Жалованная грамота Печенгскому монастырю).

[3] Из доклада об Артемии священника Сильвестра царю Иоанну Грозному. Цит. по: Артемий, бывший игумен Троицкий на Москве // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 4. С. 38.

[4] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 337–338.

Преподобный Нил Сорский. Миниатюра работы старообрядческих мастеров братьев Леоненко. 80-е годы XX века

царского повеления: писать ему «о Божиих заповедях и отеческих преданиях, и о благах человеческих»[1].

Друзья и единомышленники Феодорита представляли собой тонкий пласт русского просвещенного монашества, едва зародившийся цвет богословской мысли на Руси. Это была первая надежда на преодоление удручающего невежества в церковной среде. В мирском обществе дело было еще хуже: *«Лучшие представители народа – князья и бояре редко и мало умели грамоте»*[2].

В лице Артемия Феодорит нашел стойкого последователя столь любезного ему нестяжательства и пустынножительства, человека, близкого ему по духу, по богословской пытливости ума, по образованности. Эта их дружба и совместные духовные подвиги в Белозерской Порфириевой пустыни (в истории известной также как «Артемиевой») позже, на Соборе 1554 года, лягут в основу обвинения Феодорита в *«ереси»*.

Время прихода Артемия в Порфириеву пустынь известно точно – 1536 год. Надо полагать, что и Феодорит в это же время присоединился к отшельникам этих суровых скитов, где они могли *«в безутешном месте глаголемыя Порфириевы пустыни плакатись грех своих… »*[3].

---

[1] Русская Историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. С. 1440.

[2] О недостатках русского народа по изображению Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1865. Ч. 2. С. 130.

[3] *Строев П.М.* Каталог славянско-российских рукописей, принадлежащих И.Н. Царскому. М., 1836. С. 11.

Для Феодорита причина такого уединения была особо важной – именно здесь он трудился над созданием лопарской письменности и переводами богослужебных текстов. И вновь, следуя за святителем Стефаном, он серьезно готовился ко второму этапу просвещения лопарского народа: дабы и в его церквях «*попы лопарским* языком служаху, канонархи по *лопарским* книгам канонархаша, певцы же всяко пение *лопарски* возглашаху»[1].

«И там во трудах духовных подвизался вкупе около четырех лет». Это значит до 1540 года.

§ 3. Лопарская азбука – этап миссии по созданию национальной письменности

Итогом книжных трудов преподобного Феодорита в заволжских пустынях было, несомненно, великое деяние по созданию саамской письменности. Говоря об этом, мы вновь должны вспомнить, что образцом подвижничества для Феодорита всегда служили просветительские труды святителя Стефана.

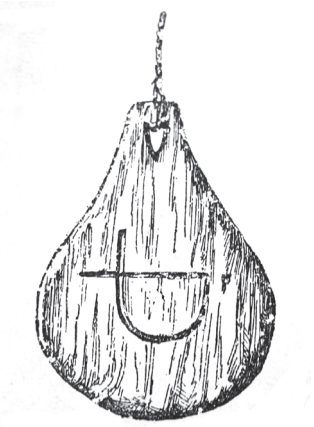
Саамская письменность, которую создавал Феодорит, как и «древнезырянский» язык святого Стефана Пермского, должны были стать языками священными, поскольку предназначались для просвещения язычников светом веры Христовой, для переводов священных и богослужебных текстов и молитв. Учитывая родство языковой финно-угорской группы саамов и зырян, можно предположить, что Феодорит использовал принципы составления алфавита, изобретенного на основе кириллицы и изображений на денежных значках зырян, «пасах», еще святым Стефаном почти сто пятьдесят лет назад. Только вместо зырянских «пасов» Феодорит использовал знаки лопарских родовых клейм, или «тамги».

Мы ясно видим, что Феодорит приложил поистине величайшие усилия для того, чтобы попытаться если не повторить, то хотя бы приблизиться к удивительным достижениям святителя Стефана в просвещении Пермского края. Тогда во вновь образованной Великопермской епархии, которую возглавил ставший уже епископом Стефан, «попы его пермским языком служили обедню, заутреню же и вечерню и канонархи[2] его

[1] Цитата из жития святого Стефана Пермского с соответствующей заменой слова «пермский» на слово «лопарский».

[2] Канонарх – церковнослужитель, возглашающий перед началом пения глас и строчки из предстоящего молитвословия.

Знаки собственности лопарских родовых клейм – «тамги». Из книги: Duben Gustaf von. Lappland och Lapparne. Stockholm, 1873



Знак собственности на деревянном поплавке рыбацкой сети с оз. Энаре (Инари). Rabot, Charles. Explorations dans la Laponie Russe. Ou presqu ile de Kola (1884–1885) // Bulletin de la Societe Geographie. Paris, 1890. T. XI

по пермским книгам канонаршили, певцы же всяко пение пермски возглашали»[1].

Такая последовательность действий при христианизации языческих народностей Севера, успешно опробованная Стефаном Пермским, а затем и Феодоритом, надо сказать, и в дальнейшем весьма активно использовалась в миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Так было, например, с самоедами, этносом, весьма схожим с лопарями, но пришедшим на Кольский полуостров много позже, в XIX веке[2]. «5 августа 1824 года Государем Императором был утвержден проект обращения самоедов в христианскую веру. Начальником духовной миссии… был определен архимандрит Сийского монастыря Вениамин. Он приступил к изучению языка самоедов, затем составил первую его грамматику и лексикон, перевел на него Евангелие от Матфея и другие книги Нового Завета»[3].

Сейчас, спустя столетия, «с высоты исторического опыта» кому-то может показаться напрасной тратой сил и совсем неперспективным такое увязывание задач христианского просвещения с созданием нацио-

[1] Житие святителя Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Цит. по: Книга глаголемая. С. 69–70.

[2] «Несколько лет тому назад на Кольский полуостров переселилось несколько зырян из Печорского уезда с своими стадами, в количестве около 5000 голов». *Энгельгардт А.П.* Русский Север: Путевые записки. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1897. С. 118.

[3] *Боярский П.В.* Русский крест в сакральном пространстве Арктики // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 134. Сотрудником приснопамятного архимандрита Вениамина в его подвижнических трудах вплоть до 1860 года был протоиерей Петр Степанович Лысков. В дальнейшем отец Петр служил в Печенгском приходе, но недолго, до 1866 года, по причине сильно уже подорванного здоровья.

Святитель Стефан Пермский зовет зырянского волхва Пама войти за собой в огонь. Художник К.В. Лебедев. Журнал «Нива», 1896

нальной письменности для малых народностей государства Российского. Письменность эта неизбежно оказывается вытесненной из реальной приходской жизни, «не выдерживая конкуренции с церковнославянской книжностью»[1]. Однако не будем спешить с выводами – дальнейшая бесперспективность этого процесса становится очевидной лишь тогда, когда в полной мере уже достигнуто то, ради чего создавалась национальная письменность такой малой народности.

Каждый проповедник Евангелия, вторгаясь в языческие области, напрямую сталкивается с активным противодействием служителей «князя бесовского». На святителя Стефана, например, страшно восстали кудесники пермские и особенно «некий волхв, чародеевый старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвам начальник, обавникам старейшина, отравникам больший, иже на волшебной хитрости всегда упражнялся, имя ему Пан-сотник, его же древние пермяне некрещеные чтили паче всех прочих чаровников, наставника и учителя себе нарицающе его»[2]. Основная мысль, которую внушал «некрещеным пермянам» этот «лукавый старец», стремясь дискредитировать миссию Стефана Пермского, содержала весьма весомый аргумент: «Не слушайте Стефана, иже пришедшего от Москвы: от Москвы может ли что доброе бытии нам? Не оттуда ли нам тяжести быша, и дани тяжкие, и насильства… Сего ради не слушайте его, но меня паче послушайте, добра вам хотящего: аз бо есмь род ваш, единая земля с вами, и едино колено, един язык…»[3]

---

[1] *Калугин В.В.* Андрей Курбский. С. 197.

[2] Слово о житии… святого Стефана, бывшего епископом в Перми / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Подготовка текста Ю.А. Грибова, перевод Е.Г. Водолазкина, Н.Ф. Дробленковой, Л.С. Шепелевой. lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10091.

[3] Там же.

Перед святителем Стефаном стояла непростая задача: пробудить доверие к своей миссии, расположить народ к принятию письменности как верного средства к утверждению веры христианской. «Но принести к ним "грамоту **московскую**" значило дать врагам сильное оружие против себя»[1]. И святой Стефан предлагает народу пермскому такую грамоту, которая не представляет собой ничего «нового, чуждого, опасного, но знакомое им с детства»[2]. Речь идет об использовании в виде букв упомянутых выше изображений («пасов»), применявшихся также в местных языческих календарях и служивших метками собственности. Письменность, изобретенная Стефаном, незаметным образом сближала пермские «пасы», а позже (в миссии Феодорита) и лопарские «тамги», с русскою азбукой и способствовала тому, чтобы ближе познакомить и помирить те языческие земли с Московией. В этом и состояла великая мудрость первоначальной необходимости создания «примирительной» пермской азбуки Стефаном, равно как и лопарской Феодоритом.

Оба просветителя сделали несколько переводов на язык аборигенов, но эти переводы ограничились самым необходимым и немногим. Так, «пермские письмена», изобретенные Стефаном, употреблялись только там, где народ мог **видеть** их, – например, на иконах. Потому практически ничего из написанного «пермскими буквами», изобретенными Стефаном, не сохранилось[3], и так же канули в Лету письмена Феодорита, созданные на основе лопарского алфавита, равно как и его же иные труды: «письмена для карельского языка русского философа Федора из Кандалакши, на котором никогда не писал ни один человек» [4].

Тем не менее, труднейшая задача христианского просвещения, крещения и в какой-то мере обучения грамоте целого языческого племени лопарского Феодоритом была успешно решена. Следует особо подчеркнуть, что в этом подвиге равноапостольного служения Феодорит подвизался

[1] *Савваитов П.И.* О Зырянских деревянных календарях и о Пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М., 1873. С. 13. Савваитов Павел Иванович (1815–1895) – историк, археолог, этнограф.

[2] Надо сказать, что и первоучитель словенский святой Кирилл для создания кириллицы также воспользовался прежде него употреблявшимися знаками. В то же время, буквы глаголицы были полностью изобретены солунскими братьями.

[3] Из переведенных святителем Стефаном на пермский язык Часослова, Псалтыри, чтений из Евангелия и Апостола, Паремий, Октоиха, Литургии и некоторых иных служб сохранились лишь «Зырянская неполная азбука (Румянц. музей, № 360) и список Литургии (Библ. Общ. ист. и древ., № 99)». (Книга глаголемая. С. 70).

[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 301.

в тесном соработничестве с преподобным Трифоном, когда они *«пребывали вкупе»*. И потому абсолютно правдиво *«писанное самовидцами»* свидетельство о том, что *«новопросвещенные народы лопарские от усердия своего от имений своих… земли, и озера, и реки, и морские угодия подавали и письменными заветами утверждали»*[1]. Кто же, как не Феодорит, обучил диких лопарей составлять письменные договоры («писания»)? в начале 30-х годов XVI века места эти были еще весьма пустынны, Трифон же о себе свидетельствовал, что *«невежда… и малокнижен есмь»*[2].

§ 4. Кольская обитель – детище преподобного Феодорита

С самого начала своего служения на новгородской кафедре святитель Макарий проводил настойчивую работу по материальному и духовному возрождению монастырей Новгородской епархии. Так, например, Владыка обращается с посланием к великому князю, прося поддержки и призывая «показать ревность о новгородских обителях»[3]. Сохранилась грамота, данная Макарием Новгородскому Духовскому монастырю, в которой предписывается неукоснительное совершение богослужений, поминовение вкладчиков, обязательное наличие игумена и строгое послушание ему со стороны братии. Безусловно, «такие же грамоты посланы были и в другие монастыри»[4].

Подобные наставления получил и Феодорит, когда, покинув своих друзей-«заволжцев» и приняв *«от богатых некоторых немало серебра в воздаяние Господу»*, уже не один, а *«с некоторыми другими»* он вновь отправился на Крайний Север в район Колы. И здесь, 1540 году, *«на устье предреченной Колы реки созидает монастырь»*, ставит *«церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав»*[5]. Устав этот, или *«правило священное»*, с одной стороны, предусматривает принципы общежительного монастыря-киновии (от греч. κοινός – общий, и βιός – жизнь), а с другой – полное *«нестяжательное жительство»* и добывание пищи только своими руками. Как учит апостол Павел: *«Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10)* и чтобы *«нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20, 34)*.

---

1 Житие преподобного Трифона. С. 102.

2 Там же. С. 97.

3 *Макарий, архимандрит.* Макарий. С. 9.

4 *Лебедев Н.* Макарий, митрополит Всероссийский (1482–1563). М., 1887. С. 44.

5 *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

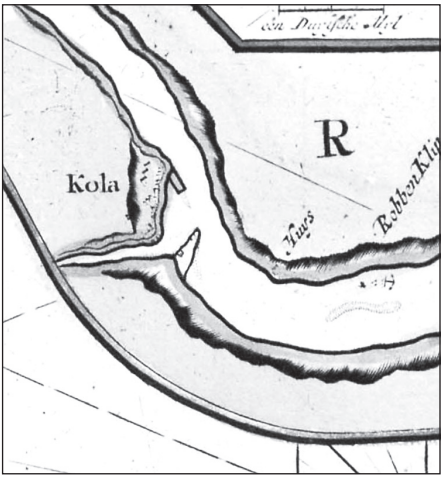
«Послание учительное Преосвященного Макария». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 21. С. 21

К этому времени Феодорит уже в совершенстве знает лопарский язык – до такой степени *«искусен уже был языку их»*, что обучает лопарей Писанию. И, конечно же, он активно внедряет разработанную им саамскую письменность в лопарских семьях, толкуя им смысл священных текстов и основных молитв, что перевел с церковнославянского на лопарский язык.

Таким образом, многих язычников *«оглашает к пути спасенному»* и вскоре просвещает их Святым Крещением. И, более того, многие из новокрещаемых лопарей проявляют большую тягу к монашескому житию, удивительно ясно чувствуя пути стяжания благодати Христовой и всем сердцем усваивая истины христианского учения.

За несколько лет, с 1540 по 1548 год, монастырь становится центром христианского просвещения в этом районе Лапландии. И *«распространилась во всем том народе проповедь Евангельская»*. Здесь, в монастыре на реке Коле, воплотилась в жизнь мечта Феодорита – он ввел служение на лопарском языке, что было необычайно важно, поскольку в то время основная масса братии состояла из лопарей: *«Множество от них монашеское житие возлюбили за благодатию Христа нашего и того Священного учения»*[1].

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.



Изображение Каменного мыса на фрагменте карты «De custen van Laplandt», Амстердам, 1682

Свято-Троицкий Кольско-Печенгский монастырь на Каменном мысу. Фрагмент «van de River van Kola» голландской карты Van Keulen Atlas 1790 года

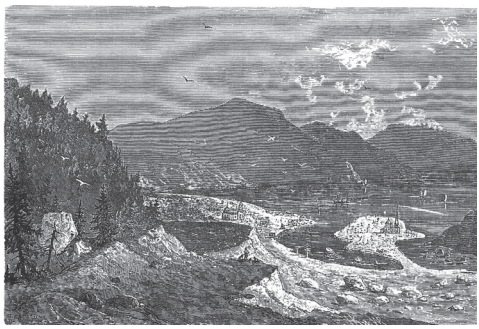
Место, где были построены монастырь и его Троицкая церковь – ныне не существующий Каменный мыс. «Река Кола впадала прежде в губу, протекая между северным краем города и низменным мысом, выдававшимся от восточного берега губы, на коем стоял древний монастырь Святой Троицы»[1]. В XVIII веке, около 1750 года, мыс этот превратился в Монастырский (или Каменный) остров в устье реки Колы[2]. Тогда Кола в своем устье изменила русло, что и привело к образованию этого острова. В дальнейшем остров стал постепенно сливаться с материковым берегом там, где стоял Кольский острог (укрепление)[3]. Процесс этот, надо полагать, был небыстрым, поскольку еще в 1795 году остров сохранялся, а о церкви, стоящей на месте монастыря, сообщалось: «Кладбищенская, теплая… **за Колою рекою**, во имя Пресвятыя Троицы»[4].

[1] *Рейнеке М.Ф.* Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 2. (Далее: *Рейнеке М.Ф.* Описание города Колы).

[2] *Козьмин Н.* Распространение христианства среди лопарей // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. С. 74.

[3] Данное изменение рельефа – общая тенденция на Крайнем Севере. Приблизительно в середине XVIII века «река проложила себе прямой путь, отрезав упомянутый мыс от матерого берега, и образовала островок, на коем ныне находится кладбище. Прежнее же устье, между кладбищенским островом и городом, завалило каменьями и оное почти совершенно высохло» (*Рейнеке М.Ф.* Описание города Колы. С. 2).

[4] Любопытный месяцеслов на лето от Р. Х. 1795. М., 1795. С. 171.



Вид на Колу с подножия горы Соловараки. На берегу Благовещенская церковь. Монастырский (Каменный) остров еще имеет перешеек. На острове кладбище и древняя Троицкая церковь, оставшаяся от Свято-Троицкого монастыря, основанного преподобным Феодоритом в 1540 г.

Сейчас часть территорию того первоначального мыса, а затем острова, занимает городское кладбище Колы. «Соловецкий архимандрит Феодорит построил монастырь Святой Троицы при устье реки Колы, где ныне кладбище»[1].

Тому, кто ныне хочет побывать на месте древней церкви этого Феодоритовского монастыря в Коле, ориентиром может послужить не столь давно обнаруженная на кольском кладбище могила протоиерея Георгия Терентиева, который был захоронен у алтаря этой церкви, с восточной стороны.

§ 5. Феодорит как духовный отец преподобного Варлаама

С возвращением иеромонаха Феодорита в Колу и началом монастырских служб отпала необходимость в кольском приходском священнике. Скорее всего, сам Феодорит и привез отцу Василию (будущему святому Варлааму) указ повгородского Преосвященного о назначении его настоятелем в родное село, в керетскую Свято-Георгиевскую церковь. Со своим духовником отец Василий поделился обстоятельствами и духовными испытаниями, которые ему пришлось пережить за годы пастырского служения.

Речь шла, по сути, о схватке отца Василия с могучим бесом, древним демоном, испокон века обитавшем на скале Абрам-мыса, что запирает выход из Кольского залива. Тот злобный дух нечистый, прикормленный у известного языческого капища на этом мысу, требовал приношения жертв у каждого, кто следовал мимо него, уходя в море на промысел. Непокорным же лукавый грозил погибелью, и, надо сказать, нередко угрозы

[1] К описанию Колы // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1830. № 11. С. 307.

Древний демон на скале требует жертвоприношений.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

исполнялись. Вспомним хрестоматийный рассказ дьяка Григория Истомы, посла царя Василия III, о том, как у скалы острова Семес (архипелаг Семи Островов) «несколько дней задерживали нас противные ветры», поскольку, по словам одного из корабельщиков: “Если мы не умилостивим ее (скалу) каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее”». Дьяк упрекнул тогда помора «за пустое суеверие». Однако они простояли четыре дня и смогли пройти лишь после того, как один из экипажа «ночью тайком не взобрался на утес и не умилостивил скалу Семес, – насыпал на выступающий камень, который мы видели, овсяной муки, смешанной с маслом»[1].

Так и сейчас – узнал поп Василий о том, что даже многие из крещеных рыбаков начали поддаваться страху бесовскому, пытаясь ублажать «нечистого» пожертвованиями. Сильно «возмутился он духом» и, взобравшись на скалу, дерзновенно заклял мерзкого беса и изгнал его от места сего на вечные веки. Демон ушел, но, покидая древнее капище, дух нечистый пообещал Варлааму, что «тот его еще вспомнит».

Надо полагать, этот рассказ глубоко опечалил Феодорита и наполнил сердце старца тяжелыми предчувствиями, ибо не по чину белому священнику вступать в схватку с духом нечистым. То удел монаха, да и далеко не всякому монаху это по плечу.

[1] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. С. 185.

Дальнейшее развитие событий подтвердило опасения старца. Вскоре в жизни отца Василия наступил период небывалых испытаний. По молитвам своего духовного отца, Василию предстояло совершить небывалый подвиг – трехлетнее покаянное плавание по северным морям. В результате на Кольском Севере появился великий заступник – преподобный Варлаам Керетский.

§ 6. Крещение аборигенов Лапландии – выдающийся результат миссии

Тем временем наступило время небывалого события в истории Великой Лапландии – крещения в один день *«яко двух тысяч человек со женами и детьми»*. Учитывая малую плотность населения территории Лапландии, становится очевидным, что этому должно было предшествовать нечто такое, что могло так радикально повлиять на столь единодушное решение аборигенов края.

И действительно, Феодорит явил великие *«чудеса и знамения, яко глаголет божественный Павел: "Суть знамение не для верующих, а для неверующих"»*. Как свидетельствуют летописи, в это время, в 1542 году, в здешних краях произошло явление, вовсе нехарактерное для этих мест, – сильное землетрясение. «В 7050 году было великое трясение земли… горы и леса тряслися»[1]. В этой связи вспомним: *«И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили Слово Божие с дерзновением» (Деян. 4, 31)*.

«Тогда наученных от него и оглашенных Лопян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми. Такое дело он, блаженный, апостолам подобный муж, совершил во глубоких варварах, за благодатию Христовой, трудами своими»[2]. Относительно имевших место сомнений историков в столь значительной цифре крещаемых можно упомянуть, что *«бывший консул в Норвегии Д.Н. Островский высказывал догадку, что лопари были крещены в реке Паз… Это место привлекает к себе лопарей и является центром Лапландии»*[3]. Во многом это обусловлено тем, что

[1] *Досифей, архимандрит.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 25. «Августа в 4 день, в первом часу дни бысть трясение земли великое». Соловецкий Летописец конца XVI века // Летописи и хроники. М., 1981. С. 235.

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332–333.

[3] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, про-

здесь тесно соседствуют территории стран Баренц-региона. И если на российской территории Кольского Севера общее количество лопарей исторически никогда не превышало двух тысяч, то на территориях соседних государств их были десятки тысяч[1].

Что касается великих духовных дарований кольского старца и его необычайных способностей к чудотворениям, то они засвидетельствованы духовным его сыном, Андреем Курбским: *«Воистину не только от достоверных мужей о том я слышал, но и очами своими видел, и над самим собою искусив, и многие бывшие со мной благодеяния от его святыни приключились, понеже исповедник он мне был и премногую любовь ко мне имел»*[2].

Силою благодати Святого Духа Феодорит совершал великие чудеса. Подвижник *«исцелял недужных, очищал прокаженных»*, имел удивительный дар пророчества и мудрости духовного наставления. Он обладал способностью, общаясь с неверующими и закореневшими во грехах людьми, пробуждать в их сердцах неодолимое желание покаяния, сильное и ясное стремление к освобождению от *«сетей дьявольских»*, к очищению души от *«мрака греховного»*.

Уровень святости кольского старца позволяет нам сравнить его с великими столпами христианской веры. Первоверховный апостол Павел *«был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4)*. Также и преподобный Феодорит удостаивался *«восхищению в самые обители небесные»*, где *«видениями неизреченными Бог посетил его»*[3]. Мы помним великие чудеса, которые творили такие избранники Божьи, как святитель Николай Чудотворец, преподобный Серафим Саровский, которые могли перемещаться в пространстве, *«в теле ли – не знаю, вне тела – не знаю: Бог знает» (2 Кор. 12, 3)*. Равным образом и Феодорит Кольский чудотворец силою благодати, дарованной нам в телесном Воскресении Христа Спасителя, мог преодолевать дебелость тела и падшесть человеческого естества, и *«в теле тленном суща, бестелесными и невещественными был почтен достоинствами»*, и мог совершать даже *«аэроплавательные хождения»*.

светителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. С. 16. (Далее: *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь).

[1] «Всех лопарей в Русской Лапландии считается около 2000 человек». *Львов В.Н.* Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. М., 1903. С. 26.

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 345.

[3] Там же. С. 344.

§ 7. Монашеский бунт в Коле 1548 года

Между тем наступил голодный 1548 год. События, произошедшие в Коле в этом году, глубоко символичны и, несомненно, они стали ключевыми, определившими дальнейшую судьбу многих их участников как в жизни земной, так и небесной.

Каждый подвижник, дерзнувший посягнуть на эти полуночные земли, на которых испокон века безраздельно властвовали силы зла и тьмы, неизбежно должен быть всегда готов вступить в этот бой и выстоять в этом испытании. *«Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).*

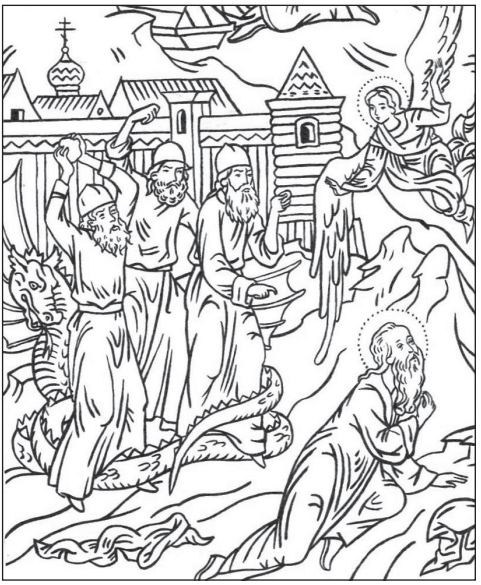
Преподобный Трифон, например, прошел через эту злобу бесовскую в лице страшно восставших на него лопарей-нойдов, не только неоднократно избивавших его, но и пытавшихся сжить со света колдовством, натравливая диких зверей, волков и медведей, подмешивая отравленные зелья и прочие *«неисповедимые делая ему пакости, таская за власы и о землю кидая»*[1] и тому подобное творя.

Надо сказать, если проповеднические труды Феодорита до этого времени были не столь драматичными, то к его семидесяти годам на его долю выпала, видимо, нежданная для него беда, тяжкое душевное горе. Вся братия его монастыря, все лелеемые им духовные чада восстают на своего игумена и учиняют бунт. И, более того, избив святого старца, *«выкидывают»* его из обители, а в дальнейшем насильно изгоняют его *«от страны той», «от тех пустынь поневоле во вселенную».*

Вот что об этом рассказывал сам Феодорит: *«Нетерпимо было древнему супостату человеческого рода завистливыми очами своими видеть столь возрастаемое здесь благочестие. И разъедаемый ненавистью враг начинает действовать. Он наущает новоначальных монахов из братии монастыря и шепчет невидимо в уши и глаголет им в сердце: "Тяжел и неподъемен вам путь, которым ведет вас игумен. Никто из человеков не может вытерпеть этот его Устав. Как это можно без имений жить и только своими руками хлеб добывать"?»* Когда же Феодорит ввел правило из Устава Зосимы и Савватия Соловецких, предписывающее: *«Не только женам, а и скоту женского полу не бывать в обители»*[2]*, после этого «сложившиеся с диаво-*

[1] Житие преподобного Трифона. С. 99.

[2] Таким было «завещание св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно Студийскому уставу). *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С.37. «Со времен Зосимы скотные дворы находились на Муксолмском острове».



«Сложившиеся с диаволом» монахи «в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлачают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего» (Сказание князя Курбского). Деталь прориси из жития преподобного Феодорита Кольского, 2006

лом» монахи *«в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлачают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего»*[1].

Необходимо указать и еще одно обстоятельство, которое, безусловно, могло способствовать произошедшему: *«В 1550 году в Коле уже была гражданская управа и сюда начали ссылать преступников»*[2]. Это было время после так называемого бунта московской черни 1547 года, когда Церковь стала на решительную борьбу с еретическими учениями Феодосия Косого и его последователей. Поэтому нельзя исключить появления этих носителей *«безбожной ереси»* среди ссыльных поселенцев в Коле. Когда начались гонения, *«тогда начальницы ереси той разбегошася от Новоозера: Косой* и Васиан с прочими в Литву, а Игнатий на Двину»[3]. От Двины до Колы путь был накатанный.

Еретическое учение Косого отрицало *«саму целесообразность существования монашества»*, иерархичность церковной жизни и необходимость соблюдения монашеских обетов. При этом внешне оно проявлялось

Крушельницкая Е.В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 262.

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 333.

[2] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 97.

[3] *Попов А.* Послание многословное. Сочинение инока Зиновия // ЧОИДР. СПб., 1880. Кн. II. С. 1.

в борьбе с «обрядоверием», в призывах к достижению «первобытной чистоты» христианства, что весьма импонировало духовно незрелым инокам.

Так и случилось в Коле, где инициаторами бунта, по словам преподобного Феодорита, были некие новоначальные иноки: *«Не терпит древний супостат человеческого рода благочестие возрастаемо, подущает на него* ***новособранных*** *монастыря мнихов»*[1].

В историческом, общецерковном плане надо признать все ту же проблему, столь обострившуюся к середине XVI века. Это все то же разделение в церковной жизни между исповеданием духа чистого подвижничества, аскезы и молитвы, и «духом мира», который, надо признать, в весьма значительной степени присутствовал в новых монастырях общежительного типа. В монастыре на Коле наступили времена, когда монахи уже не представляли себе иноческой жизни без владения селами, землями, людьми, без торговых операций, оброков, поборов и сдач в аренду.

Воспитанный на традициях старой, «заволжской», школы иночества, преподобный Феодорит не мог принять этот новый подход. И тогда, *«сложившись со дьяволом, монахи оные в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлачают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего» … »*[2].

§ 8. Кандалакшская обитель – пристанище Феодорита

Когда весной 1548 года изгнанник и страстотерпец[3] Феодорит покинул Колу и ушел *«из тех пустынь поневоле во вселенную»*, он должен был сначала прибыть в Москву и доложить святителю Макарию, в то время уже митрополиту Московскому и всея Руси, все, что приключилось с Кольским Свято-Троицким монастырем. Несомненно, эта информация требовала серьезного анализа.

Позиции старчества заволжской «нестяжательской» школы в это время были еще весьма сильны, и государство вновь размышляло о судьбе церковных владений и монастырских земель. Ситуация складывалась серьезная: колоссальные пространства, около трети всех земель Россий-

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 333.

[2] Там же. С. 333.

[3] «Страстотерпцы» – те, которые претерпели страдания во имя Господа по коварству и клевете ближних своих – единоверцев». *Дьяченко.* Словарь. С. 671.

Вид на Нивский монастырский наволок, где в XVI веке был основан Кандалакшский монастырь. Гравюра Н.Н. Каразина, 1897 год

ских, через грамоты, пожертвования, завещания, вклады и тому подобное перешли в церковное владение.

При этом не секретом было и то, что церковная и мирская власти вплотную столкнулись с крайним духовным неблагополучием, которое неумолимо продолжало нарастать в новых общежительных монастырях, развращаемых богатыми земельными владениями и иными имениями. Святитель Макарий, пользуясь всецелым доверием и любовью двадцатилетнего царя Иоанна IV, в это время наиболее активно и плодотворно действовал в интересах обновления Церкви. Выдающиеся по своему значению Соборы, которые святитель подготавливал вместе с царем, должны были соборным церковным разумом дать ответы на те непростые вопросы, что неумолимо встали перед Русской Церковью, самоотверженно пытающейся достичь желанной «симфонии» с государством.

Феодорит же, тем временем, отпросился у владыки Макария вновь отправиться на Север, к своим любимым лопарям. И святитель благословил его приступить к окормлению монастыря в Кандалакше. Речь идет о Рождества-Богородичном Кокуевом монастыре, что «в Кандалошской губе на усть реки Нивы, над морем на наволоке»[1]. Здесь, в Кандалакшской волости, любезной ему еще с тех давних лет, когда он в 1526 году освятил первую Предтеченскую церковь, Феодорит укрылся от мести нечистых духов Кольского Севера. *«И бывает два года игуменом в малом монастыре в Новгородской земле лежащем»*[2].

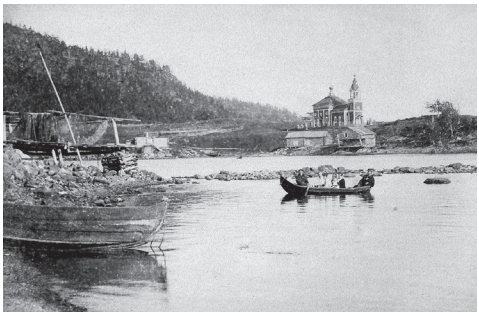
§ 9. Феодорит и Варлаам. Встреча на Ниве

В это время преподобный Варлаам, завершив свои покаянные трехлетние морские скитания, искал встречи со своим духовным отцом.

Долгожданная встреча с Феодоритом произошла летом 1548 года в Кандалакшском монастыре, куда Варлаам добрался по морю, вновь

[1] Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 459. «Незащищенное селение с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами» (*Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 63).

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 333.



Вид на Нивский наволок, где в 1549 году встретились преподобные Трифон, Варлаам и Феодорит. Фото Я.И. Лейцингера. 1887

проделав свой морской путь из Колы в Белое море. О чем теперь мог быть разговор духовника с Варлаамом, после стольких испытаний и судьбоносных событий? Конечно же, о дальнейшей его судьбе, о новом его пути служения Господу, о совершении столь необходимого теперь Варлааму монашеского пострига. Варлаам рассказал Феодориту и о том полном упадке и запустении, что поразили Кольский Свято-Троицкий монастырь после изгнания отца-настоятеля, и о том, что братия, покинув Каменный остров в Коле, направилась в сторону Печенги.

Известие о том, что монахи Свято-Троицкого монастыря ушли из Колы на Печенгу к Трифону, дабы строить там «монастырь нового типа», глубокой скорбью и тревогой отозвалось в сердце Феодорита. Он хорошо понимал, какое испытание выпало ныне его ученику и духовному чаду. Зная непростой характер печенгского старца, при нынешнем настрое «буйной кольской братии», можно было представить, во что, в конце концов, все может вылиться.

Тогда Феодорит предлагает Варлааму отправиться на Печенгу к Трифону, дабы поддержать его и попытаться мирно разрешить эту сложную ситуацию. Феодорит хорошо чувствует особые дары благодати, что стяжал Варлаам, и очень рассчитывает на дарованную ему ныне очевидную молитвенную силу на «нечистые духи» и на исцеление от власти тяжких страстей.

Варлаам смиренно принимает благословение духовного отца и отправляется в Печенгу, на помощь к Трифону: *«в созидаемую святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном-морем устремился видеть того труды и подвиги»*[1].

[1] «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чюдотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника, фонд Никандровой пустыни, № 292, л. 416. (Далее: Канон преподобному Варлааму).

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН И ЕГО СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ПЕЧЕНГСКИЙ МОНАСТЫРЬ

§ 1. Печенгский новоначальный монастырь. 1532–1549 гг.

Вернемся несколько назад, в 1532 год, когда попечением преподобного Трифона на Печенге при впадении в нее реки Маны появился «монастырь Печенгский новоначальный».

Скажем прямо: период этот был «золотым временем» монастырского строительства на Печенге. В обители, что образовалась в верховьях Печенги с освящением первой Свято-Троицкой церкви в январе 1532 года, братия в абсолютном большинстве состояла из новообращенных лопарей, легко усваивающих духовные истины спасения и молитвенно-аскетический уклад жизни, проповедуемые преподобным Трифоном. *«Люди эти зело просты и кротки и отнюдь всякого лукавства не искусны, ко спасенному же пути тщаливы и охочи зело. И множество от них монашеское житие возлюбили»*[1].

Трифон явился для лопарского народа любящим отцом и заступником. Пожалуй, никто до него столь решительно не вставал на защиту этого бедного народца. К нему можно в полной мере применить слова из жития Стефана Пермского: *«К началам, властям мира сего был нам заступник тепл, многажды избавляя ны от насилия, и работы, и тивуньския [тиуны – представители вотчинной администрации в Древней Руси. – **Е. М.**]* продажи и тяжкия дани облегчая ны. Но и сами ти новгородцы, ушкуйники, разбойники, словесы его увещевании бываху, еже не воевати ны»[2].

В той «новоначальной» обители божественные службы справлял упомянутый выше иеромонах Иона – верный ученик и неизменный «сопостник» преподобного Трифона в течение всей его долгой жизни.

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

[2] Житие святого Стефана Пермского // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 148.

Христианин в молитвенном обращении (Оранта). Саркофаг. Римская Империя. IV век

«И от Преподобного навыче искусного монашества» – так донесло нам житие путь духовного восхождения бывшего белого попа Иоанна. *«Искусное монашество»* – это практика умной молитвы, унаследованная от афонских монахов-исихастов[1], или «священнобезмолвствующих» (от др.-греч. ἡσυχία – «спокойствие, тишина, уединение»).

О приверженности самого Трифона этой традиции и об исихастском укладе его духовной жизни свидетельствует житие преподобного. Для приобщения к «священнобезмолвию», для молитвенного богообщения в 1572 году Трифон построил в стороне от монастыря Успенскую пустынь. *«У церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил я на Богомыслие и молчание [т. е. на исихию. – **Е. М.**]»*.

В тексте «Канона преподобному Трифону» мы также находим упоминания характерного признака «исихастского моления» подвижника – так называемой позы «оранты»: *«Руце простертием чистых ти молитв… »*. Упомянутое *«простертие»* рук, моление с воздетыми руками, хорошо известно по многочисленным раннехристианским памятникам. Однако «позднее обыкновение молиться с воздетыми руками было признано недостаточно смиренным (подобные высказывания есть у Симеона Нового Богослова, XI в.)»[2]. В современной молитвенной практике священнослужитель допускает такое *«простертие»* рук лишь в наиболее возвышенные моменты церковной службы. Греческие монахи-исихасты, а за ними и российское «заволжское старчество», возродили эту молитвенную позу «оранты».

Первый Трифоновский лопарский монастырь просуществовал до 1549 года, до тех пор, пока ниже по течению реки Печенги, в ее устье, вопреки воле Трифона был образован монастырь иного, нового уклада. Монастырь, основанный Трифоном у реки Маны (ныне Намайоки) в 1532 году, достаточно условно связан с монастырем, появившемся в устье Печенге 1550 году. Этот факт одновременного существования

[1] Исихия – традиция особой духовной практики, составляющей основу православного аскетизма.

[2] *Аверинцев С.* Многоценная жемчужина. Переводы // Собрание сочинений. Киев, 2004. С. 332.

Монастырское строительство на Севере. Миниатюра из «Жития Зосимы и Савватия Соловецких» XVII века. Собр. Вахрамеева, № 71, л. 50

двух монастырей на Печенге зафиксирован в описании первой российской карты – «Книги Большому Чертежу»: «… А река Печень вытекла из озера *[озеро Мометяури. – **Е. М.**]* и пала в морскую проливу, а у морской проливы на усть реки Печени 2 монастыря Печенские»[1].

На карте XVI века Симона ван Салингена мы видим даже три раздельных монашеских поселения вдоль реки Печенги (Monchafiort)[2]. Из них самое первое, дальнее поселение, обозначенное на карте вверх по течению реки, – это монастырские строения «обители Печенской первоначальной» (1532 год), что при Свято-Троицкой церкви, ныне возрожденные на своем историческом месте. Выше, в Печенгской губе, изображены монастырские строения второго, «нового» монастыря, при церкви преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, там, где «Трифоново поле», у реки Княжухи (1550 год). И ближе всех к морю, в районе Трифонова ручья, самые поздние постройки – церковь Успения Пресвятой Богородицы и при ней Успенская пустынь (1572 год).

Такое понимание разной временной истории основания этих монастырей («первоначального» у Маны и «нового» в устье Печенги) вполне определенно сформулировано в указах Святейшего Синода периода возобновления монастыря в конце XIX века: «… Возбудили ходатайство о восстановлении **основанного в 1550 году** Печенгского монастыря»[3].

В то же время, автор жития завершает повествование о жизни преподобного на описании пострига Трифона в 1533 году. Истории жизни

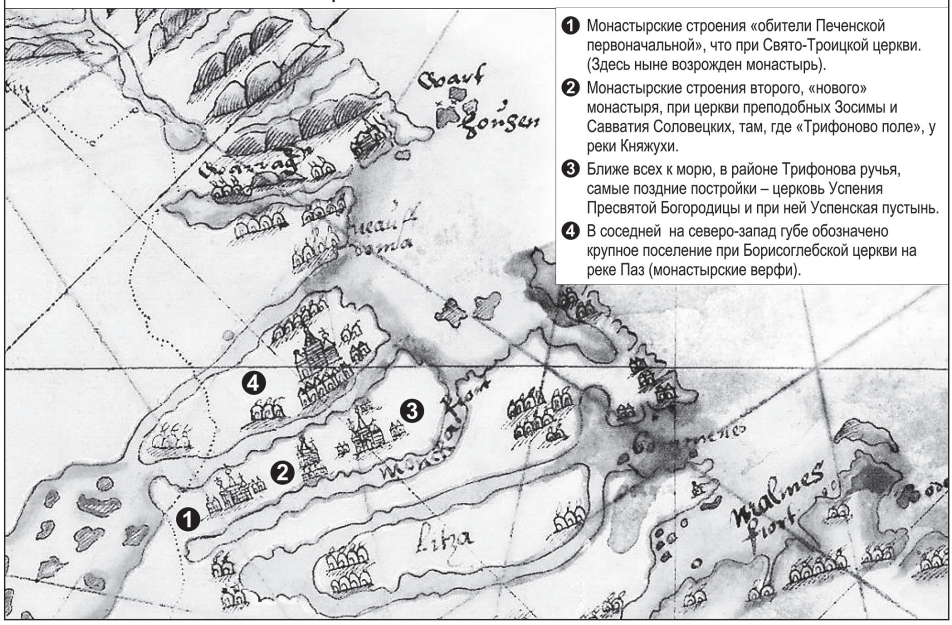
---

[1] *Спасский Г.* Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 160.

[2] Для обозначения монастырского места поселения Салинген использует название Monckenfort – «монашеский форт», тогда как саму Печенгскую губу на своей карте он называет Monckenfjort – «Монашеский фьорд».

[3] Указ Св. Синода от 12 марта 1882 года № 930. Цит. по: *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 35.

КАРТА СИМОНА ВАН САЛИНГЕНА XVI ВЕКА (ДЕТАЛЬ). ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА. МЕСТА РАЗМЕЩЕНИЯ ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI ВЕКЕ



1. Монастырские строения «обители Печенской первоначальной», что при Свято-Троицкой церкви. (Здесь ныне возрожден монастырь).
2. Монастырские строения второго, «нового» монастыря, при церкви преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, там, где «Трифоново поле», у реки Княжухи.
3. Ближе всех к морю, в районе Трифонова ручья, самые поздние постройки – церковь Успения Пресвятой Богородицы и при ней Успенская пустынь.
4. В соседней на северо-запад губе обозначено крупное поселение при Борисоглебской церкви на реке Паз (монастырские верфи).

Трифона как создателя и духовного наставника монастыря в течение пятидесяти лет в житии, по сути, мы не обретаем. Да и о самом монастыре, если не считать описания его разорения, автор сообщает весьма сдержанно: «*… И от того времени Пресвятыя и Живоначальныя Троицы святая обитель благодатию Божию и первоначальника Трифона молитвами стала распространятися, и многие иноки и бельцы ко Преподобному начаша приходити… Таковы преподобного отца нашего Трифона во святей проповеди болезни и труды, и пустынные поты, и подвиги*»[1].

§ 2. Развитие конфликта на Печенге в 1548–1549 годах

К середине XVI века большинство московских монастырей переживали не лучшие времена. Довольно сытная жизнь сопровождалась очевидным упадком духовности. Эта ситуация разлагающе действовала на братию новых северных монастырей[2]. В 1551 году по инициативе царя

[1] Житие преподобного Трифона. С. 103.

[2] «Ведь по всем монастырям сперва начальники установили крепкое житие, да впоследствии разорили его любострастные» (Письмо Иоанна IV игумену Косьме // Акты истории. Т. 1. № 204. С. 77).

Стоглавый собор. Церковный и земский собор в Успенском соборе Кремля. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 1551

Иоанна Грозного был собран Большой Московский (Стоглавый) Собор, одной из задач которого было наведение порядка в монастырях, дабы в монашество шли люди, желающие «вдали от мирских сует в уединении спасать свою душу, но не ради покоя телесного, чтобы всегда бражничать (глава 5, вопрос 8 Стоглава)»[1].

Говоря о факторах, способствовавших монашескому бунту в Коле, надо учесть влияние доминировавшего в это время на Крайнем Севере Соловецкого монастыря. Осенью 1547 года монастырь получает у царя Иоанна Грозного «Жалованную тарханно-проезжую, несудимую и заповедную грамоту» на беспошлинную торговлю, провоз, неподсудность и прочие тому подобные льготы. Конечно же, об этом стало известно и в Свято-Троицком монастыре на Коле, и для преподобного Феодорита, установившего в своем монастыре нестяжательный Устав[2], возникла очень непростая ситуация.

Согласно А. Курбскому, в Свято-Троицком монастыре на Коле происходит бунт. Настоятеля Феодорита изгоняют. Причина бунта – неже-

[1] О недостатках русского народа по изображению Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1865. Ч. 2. С. 149.

[2] «Правило им священное уставляет, заповедающе им обще и нестежательно жительствовати, сиречь без имений, своими руками пищу добывающее, яко рече великий апостол … ». *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

Одна из тем «Стоглава». Свобода нравов, характерная для языческой Руси, в той или иной мере сохранялась и в христианской среде. На рисунке изображено совместное мытье в русской бане мужчин и женщин, что удивляло европейцев. Рисунок А.Т. Biasioli из книги: Dottore Giulio Ferrari. Il costume antico e moderno, o storia del governo, della milizia, della religione, delle arti, scienze ed usanze di tutti i popoli antichi e moderni. Milano, 1826. P. 21. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана

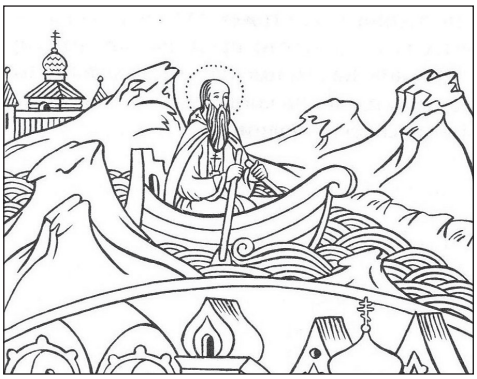
лание следовать строгостям нестяжательного Устава и стремление богатеть материально, развивая в монастыре «торгово-экономическую деятельность». При этом была нарушена митрополичья ставленая грамота, и братии в Кольском монастыре теперь оставаться было опасно – новгородский Владыка мог вскоре строго взыскать за бунт, и тогда «быть всем в великой опале».

«Феодоритовские» «нечеловеколюбивые мнихи *[(старин.) чернецы, монахи. –* ***Е. М.****]*»[1] в 1549 году перемещаются из Колы на Печенгу, принеся с собой в печенгские края иной дух монастырской жизни. Прямых исторических свидетельств этого перехода не сохранилось, но многие косвенные признаки подтверждают этот факт. Согласно Писцовым книгам и «Сообщению» Салингена, в волости Коле Свято-Троицкий монастырь более не существует. На его месте, на Монастырском острове, к 1560-м годам уже идет строительство другого монастыря – Петропавловского (строитель – монах Сергий (Вянзин)). Согласно житию Трифона, в это время в монастыре возросло число насельников. В Каноне Трифону также упоминается о пришедших *«лукавых людях»*, принесших на Печенгу конфликт и, более того, прямую угрозу жизни Трифону.

§ 3. Противостояние на Печенге 1548 года

Мятежный, «немирный» дух братии, тяжко согрешившей против своего игумена и духовного окормителя, преподобного Феодорита, решительно не соответствовал молитвенно-созерцательному духу Свято-Троицкой обители, что сложился в монастыре на Мане. У новой «лихой» братия, да еще и *«сложившейся с дьяволом»*, были свои взгляды и планы

[1] Там же. С. 342.



На Печенгу. Путь Варлаама. Деталь прориси из жития преподобного Трифона Печенгского. Автор И.В. Куксенко. 2007

по развитию монастыря на Печенге, которые никак не вписывались в те духовные цели и задачи, над воплощением которых успешно трудился уникальный лопарский монастырь преподобного Трифона.

В житии уход Трифона с Печенги на целых восемь лет объясняется тем, что *«во обители преподобного братии иноков и мирских умножися»*[1], и потому Трифон был вынужден идти собирать милостыню. Но житие было отредактировано позже и не соответствует ныне обнаруженному древнему «Канону преподобному Трифону Печенгскому чудотворцу» письма соловецкого книжника Сергия Шелонина. «Канон… » раскрывает истинную причину вынужденного ухода строителя из монастыря: *«Лукавые люди [злые, коварные. – **Е. М.**] тебе спону [препятствие, сопротивление. – **Е. М.**] бесовским советом учинить захотели или же **тебя смерти предать**»*[2].

Эта ситуация на Печенге показывает очевидное преемство описанной ранее ситуации в Коле, когда «новособраные монастыря монахи, сложившиеся с дьяволом вознеиствовали»[3]. Пришедшая буйная братия попыталась подмять под себя Трифона и его обитель, навязывая ему свое, новое видение монастырского строительства и монашеской жизни.

Но надо хорошо понимать, кто такой Трифон Печенгский. Поступить с ним так, как поступили с почти семидесятилетним старцем Феодоритом, то есть избить и выкинуть из монастыря, – вряд ли бы кто

[1] Житие преподобного Трифона. С. 111.

[2] Канон преподобному Трифону Печенгскому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Фонд Никандровой пустыни, № 292, л. 95 об. (Далее: Канон преподобному Трифону).

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 333.

отважился. Трифон вовсе не Феодорит, ярость и неукротимая сила «Трифона во гневе», это притча во языцех, и она была всем памятна еще со времен его атаманского прошлого. Исполинская сила этого сурового отшельника отдельно отмечается в житии, что, надо сказать, вовсе не характерно для агиографической традиции. «*Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок, мало плешив… За три поприща на рамех своих бревна и все потребное на церковное строение носил*»[1]. Что такое носить пятишестиметровое бревно на плечах за пять километров – в комментариях не нуждается. Такое бревно одному просто и поднять-то едва возможно.

И если, проповедуя Евангелие тщедушным лопарям, этот богатырь-воин, которого они «*за власы таскали, и о землю метали, и били, и пихали*», во многом подкупил их именно своим смирением и терпеливым незлобием, то в данном случае он ни уходить, ни смиряться не собирался. Так что вариант для пришельцев оставался один – убить Трифона. И, возможно, не было бы у нас славной истории Трифоновского монастыря XVI века, если бы мудрый старец Феодорит не прислал в это время на Печенгу преподобного Варлаама Керетского.)

§ 4. Варлаамово пророчество о пастырском кресте преподобного Трифона

Преподобный Варлаам с прибытием на Печенгу ясно увидел смертельную опасность, которой Трифон подвергался с приходом буйных монахов с Колы. О том, что опасность исходила именно от братии, а не от каких-то случайных разбойников, ясно говорят заключительные строки тропаря из «Канона преподобному Трифону… »: «*Ты же, яко Моисей, манною питать их не престаешь, пока всех сих и в благоразумие не привел*»[2]. Понятно, что «в благоразумие привести» возможно лишь противопоставляя злу – добро, ненависти – любовь, бунту – смирение. И действительно, по житию, Трифон, вынужденный вскоре на восемь лет покинуть Печенгу, также как Моисей, не оставил в гневе и обиде свой народ, и «*пребывая нищим и просителем, от града во град, и от веси в весь странствуя, все что испрашивал милостыни, в монастырь свой на пропитание братии посылал*»[3].

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 115.
[2] Канон преподобному Трифону. Л. 95 об.
[3] Житие преподобного Трифона. С. 111.

Варлаам, прибыв к Трифону, дал свою характеристику пришедшей на Печенгу братии и тому, что он там увидел: *«Пребыв немногое время, пророчески тому о составлении [о составе] обители прорек»*, – то есть произнес свое пророчество о собравшейся у Трифона братии. *«О Трифане, сподобился еси обитель воздвигнути и братию собрать, но будут люди и села зло неукратимы, яко дикие звери, твоей ярости и острожелчию [гневливости] подобящиеся»*[1].

Мы видим, что преподобный Варлаам Керетский произнес именно пророческое слово, Духом Святым было возвещено некое Божественное установление, которое определит всю дальнейшую судьбу монастыря – этого трифоновского детища. «Неукротимость» братии, ее «ярость и гневливость», по слову Варлаама, есть наказание Трифону от Господа. Это тяжкий крест в воспоминание и искупление Трифоном его непомерных страстей и грехов разбойной юности. Потому-то братия ведет себя *«яко дикие звери»*, потому они так страшно *«неукротимы»*, что «твоей, Трифон, ярости и гневливости уподобляются».

Варлаамово пророчество в полной мере исполнилось в судьбе Печенгского монастыря. Но тогда, в 1549 году, Трифон вынужден был принять Божью волю, изреченную Варлаамом, и, смирившись, прокинуть ставшие родными печенгские берега. Вместе с Варлаамом он отправился морским путем на «большую землю», *«отидоша во страны Великого Новаграда, как нищ и проситель»*[2] странствовать.

Лишь спустя восемь лет он вернется сюда, на Печенгу, но уже с новым игуменом – Гурием, на имя которого будет дарована монастырю царская Жалованная грамота, что откроет обители путь к небывалому процветанию, равно как и к грядущей ее *«от острия меча»* погибели.

---

[1] Канон преподобному Трифону. Л. 95.

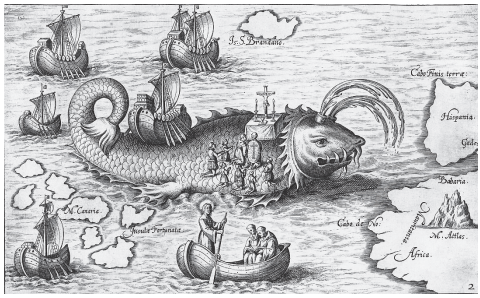
[2] Житие преподобного Трифона. С. 111.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРЛААМ КЕРЕТСКИЙ (ОК. 1502–1599 гг.) И ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНОСТЬ ПОМОРЬЯ

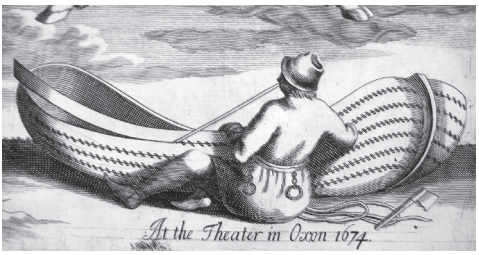
§ 1. Морское богоискательство

Преподобный Варлаам Керетский – один из великой плеяды подвижников XVI века, просветивших светом веры Христовой земли Великой Лапландии. Надо сказать, знаменитый подвиг покаяния, совершенный преподобным Варлаамом, изначально напрямую не был связан с задачей просвещения малых северных народов или укрепления Православия на Кольском Севере. При этом совершенно очевидно, что тот пример всепобеждающей веры, явленный Варлаамом во время беспримерного трехлетнего скитания по северным морям, определил вектор развития православной духовности всех поморских мореплавателей края, трансформируя его в направлении «морского богоискательства».

В образе подвига преподобного Варлаама явным образом проступают черты самобытной духовности подвижников Севера первого тысячелетия – «кельтского» христианства раннего Средневековья. Тесная связь с водной стихией, бесконечные берега и многочисленные острова Северной Атлантики, ждущие отважных миссионеров, – вот та среда, где формировалось уникальное братство монахов-мореплавателей. Подвиг преподобного Брендана Мореплавателя VI века, изложенный в ирланд-



Пасхальная служба святого Брендана на острове, оказавшемся гигантским китом. Фрагмент карты Г. Филопона из издания: Novi Orbis Indiae Occidentalis. 1621



Шитье лодки. Распаренные корни можжевельника мастер натягивает, удерживая их зубами. Гравюра с обложки книги: Shefferus John. The History of Lapland. Oxon, 1674

ской саге «Плавание святого Брендана», произведении, покорившим воображение всей Европы, нашел в XVI веке свое продолжение на суровых просторах Белого и Баренцева морей.

Преподобный Варлаам родился в древнем поморском селе Керети, *«на море окияне»*. В этих суровых краях каждый житель с молоком матери усваивал особое состояние духа, воспринимая морскую стихию как среду непосредственного Богообщения. Здесь, среди скал Северного Ледовитого океана, формировалось то удивительное братство мореплавателей-поморов, для которых ежедневная смертельная опасность воспринималась как норма жизни.

На этих северных берегах Святой Руси воспиталась особая генерация православных христиан, которые не знали многих духовных проблем своих сухопутных собратьев по вере. Этим людям неведомы были такие вопросы аскетики, как, например, преодолеть холодность сердца и равнодушие, стяжать чистую и искреннюю молитву и научиться в полной мере полагаться на волю Божью. «Начало мудрости – страх Господень», – поучает нас Божественный псалмопевец, и северное море в полной мере давало человеку это «начало мудрости». «Ходящему по морю без страха и без взаимной помощи пробыть невозможно», – вторит поморский «Морской устав»[1], не скрывая в своих наставлениях ясного понимания, что «человеку на море страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом»[2].

Суровая стихия Белого и Баренцева морей была естественной средой обитания каждого помора с раннего детства. Именно здесь, день за днем, доверчиво и буднично вручали они жизни свои в руки Божьи.

[1] «Морской устав новоземельских промышленников» XVIII века. П. 19. Цит. по: *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 75.

[2] «Я переживал время безумного ужаса, никогда еще не изведанного в жизни, смотря как за первым взводом на карбас ползла следующая "водяная гора"». *Бубновский М.И.* Свидетельство очевидца // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 6. С. 176.

Именно здесь всем сердцем постигали они мудрость поморской поговорки: «Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался»[1].

Даже сами «описания морского пути (лоции поморов) неизменно начинались молитвой ко Всевышнему: ««Грядем во Имя Твое, Спаситель наш, Иисус Христос, в путь. Благослови творение Твое и помилуй…»[2]. Так же и само приготовление помора к плаванию начиналось с укладывания в карбас под транец чистой белой рубахи – «на смерть» – и чтения главной молитвы северного мореплавателя: «Внегда опущати к плаванию корабль»[3]. В те давние, не лукавые времена на небольших карбасах, лодиях и шняках «шитых вицею»[4], уходили на тяжкий промысел современники Варлаама, дабы в бушующем море обрести веру, познать Бога и открыть для себя смысл великой тайны жизни и смерти.

Вот одно из бесчисленных свидетельств существа жизни помора: «Тяжелый шторм разразился над Белым морем в сентябре 1894 года, как раз, когда суда возвращались с Мурмана домой… Погибло 16 крупных палубных судов и 18 беспалубных, хотя большинство судов все же сумело укрыться в безопасных местах или продержаться в море»[5].

Особая традиция, идущая с древности и формировавшая духовные качества поморов, – это сезонные походы на торосные звериные промыслы. Очевидцы этих страниц в жизни поморов испытывают неподдельный восторг и уважение к отчаянным смельчакам. «Подле Канинского Носа стремительные приливы и отливы вдоль берега мчат лед, на который промышленники поодиночке бросаются на льдины, не дожидаясь товарищей. При себе имея лишь дубину и при поясе нож, да за плечами в котомке хлеб. Ища морских зверей, они переносятся своевольством моря, течения и ветров так, что преодолевают величайшие расстояния…»[6]. Часто случалось, что, как рассказывали поморы, «отдерет льды и понесет в голомя. Бывало, так настрадаются, а то и вовсе не возвернутся»[7].

---

[1] *Немирович-Данченко.* Страна холода: виденное и слышанное. СПб., 1885. С. 218.

[2] *Ушаков И.Ф.* Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2. С. 59.

[3] Пергаментный Требник XIV–XV веков. Отдел рукописей ГИМ. Син. 675 (371). Л. 28–29.

[4] Деревянные доски корпусов лодок соединялись, «сшивались» между собой тонкими древесными корнями – «вицею». «Вица приготовляется из молодых побегов черемухи, березы, ивы». *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. О. Соловки, 1929. С. 26.

[5] *Энгельгард А.П.* Русский Север. Путевые заметки. СПб., 1897. С. 44–45.

[6] *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск, 2004. С. 27.

[7] Там же.

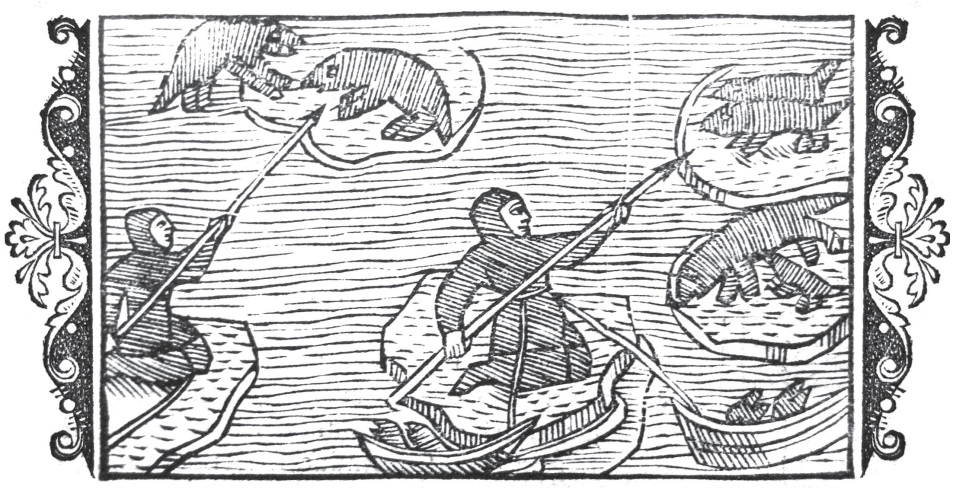
«Готовь рубахи!» Жизнь поморов. Художник Г.П. Кондратенко. 1892

«Смерть ежегодно насыщается многими из них, но все сии смертоносные опасности превозмогает привычка, соделавшаяся, по пословице, второю матерью. Славолюбие сих смельчаков поощряется похвалою от своей собратии за отличную дерзость против замахов смерти. Родственники потерю своих сродников не считают дальнею утратой»[1].

Именно на Поморье сложилась традиция особого отношения к человеку, которого полагали погибшим, но нежданно вернувшегося – «“отпетым”, или, по сути, “живым мертвецом”, уже перешагнувшим границу жизни и смерти и получившим потому “полную волю”, абсолютную Божественную свободу»[2]. Сторонние наблюдатели неизменно отмечали то «удивительное хладнокровие, и, если можно так выразиться, неуважение к смерти со стороны промышленников: вид умершего товарища не производит на них ни малейшего впечатления»[3].

Особо надо отметить кольских поморов. Промысел рыбы, который они вели в Полярную ночь, в то время, когда в море вообще выходить невозможно даже современным кораблям, не имеет аналогов в мире.

[1] *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии. С. 5. Примеч.
[2] *Теребихин Н.М.* Сакральная география. С. 16.
[3] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. № 45, 1861 г., С. 365.



Наледный промысел зверя. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

«Только коляне способны на этот лов, и он есть самый трудный и опасный. Производится в темное и бурное зимнее время, в кратком полусвете Полярной ночи, на утлых шняках, в бурю, вьюгу, мороз, в оледенелой одежде, ежеминутно рискуя погибнуть»[1]. «Так вызябнешь, что огонь не чуешь», – говаривали кольские поморы, возвращаясь домой.

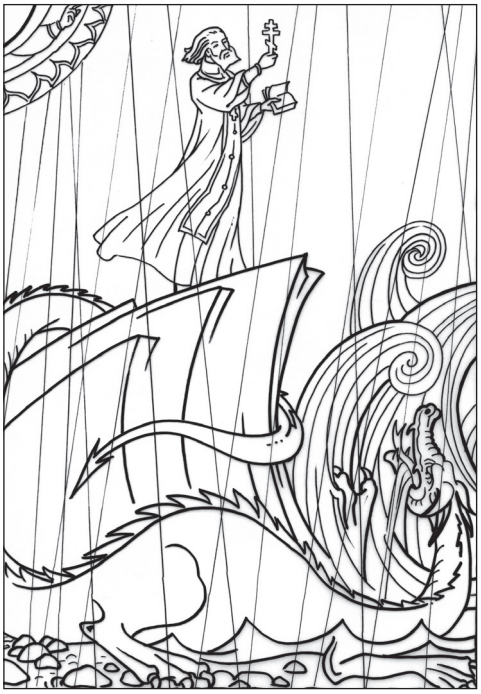
§ 2. Подвиг Варлаама как высшая степень покаяния

Родился преподобный Варлаам около 1502 года *«в Керецкой волости, что на море окияне»*. Имя в крещении было дано ему Василий. Хотя этот берег Белого моря назывался Корельский, но поморское население рыбацких сел в основном состояло из новгородцев и иных жителей Севера Руси.

Здесь, на берегах северного Поморья, Василий был *«научен книгам и Божиим судом поставлен пресвитером в Кольском граде в церкви Николы чудотворца»*[2]. Отец Василий, будущий Варлаам, был ревностным и одаренным священником, «и людей Закону Божию, яко истинный пастырь, поучал». Нравом он был суров и порой крут, но честен и чист пред Бо-

[1] Там же. С. 247. Этот лов позволял заготовить мороженную морскую рыбу, считавшуюся в те времена особым деликатесом и готовую для дальних перевозок.

[2] «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком». РГАДА, ф. 196, № 634. Ч. 4, 5. *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама. С. 178.



Заклятие древнего демона на скале Абрам-мыс. Рисунок И. Куксенко.

гом и людьми. Сильно скорбел он о тяжком *«идолобесии»*, о вере языческой, в которой пребывали еще многие лопарские семьи – коренные жители этих мест. Кольский батюшка смело противостал власти языческих верований, издревле сильной на Кольском Севере, и *«добре подвизаясь на невидимого врага козни»*, вступил в опасную схватку с «тьмой века сего» *(Еф. 6,12)*.

Закляв древнего демона, что запирал вход в Кольский залив, требуя жертвоприношений на языческом капище Абрам-мыса, сильно озлобил молодой священник эту силу бесовскую, хотя до времени она затаилась. С тех пор путь из залива в море стал свободен, страхи и наваждения бесовские исчезли и жертвы языческие на мысу прекратились.

Во всем помощницей отцу Василию была его супруга, которую он любил всем своим горячим сердцем, и лишь ради этой любви оставил он свои мечты об иночестве. И жил он *«с супругою в любви и целомудрии во граде Коле, всем людем на успех и на пользу, диаволу же и бесом на рвение и на зависть»*[1].

[1] «Слово историческо о житии преподобного Варлаама иже в край Соловецкого моря, в месте нарицаемом Кереть просиявшего». РГБ, рукописный фонд, собрание Егорова, № 1571. Л. 298.

Кольский священник с матушкой (женой), тяготея к монастырскому укладу, были частыми гостями старца Трифона в Печенгском монастыре, где с некоторых пор подвизался их предшественник по службе в кольской церкви поп Иоанн, ставший теперь иеромонахом Ионой.

Когда в 1540 году в Коле образовался Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный духовным отцом Василия преподобным Феодоритом Кольским, потребности содержать приходского священника в Коле не стало. Отец Василий с матушкой указом новгородского Владыки, святителя Макария, были переведены на приход Георгиевской церкви, в родное село Кереть.

Но враг рода человеческого не забыл прошлой обиды, и *«видя его [Василия. – **Е. М.**] всяческими добродетелями украшена, свою же окаянную и немощную силу, яко паучину раздираемую, простер сеть свою во уловление праведного, яко же в древности на Адама»*[1]. «Сетью» этой стала матушка священника. И вот *«лукавый змий находит на твою супругу»*, – пишет современник, то есть, другими словами, мерзкий дух нечистый вселяется в жену Варлаама. Та становится бесноватой и начинает вести себя неадекватно и соблазнительно. Никакие уговоры и увещевания не помогают. Жизнь священника становится невыносимой.

Отец Василий решается прибегнуть к крайнему средству, не благословленному Церковью для «белого» священства, – к чину экзорцизма, или «отчитки» – акту принудительного изгнания демонов из одержимого ими человека. В ходе проведения чина «последования молебного об избавлении от духа нечистого» с использованием Святого Копия дала знать себя страстная натура Варлаама. Пытаясь изгнать беса, он *«с яростью устремившись, поражает ее [матушку. – **Е. М.**] смертною язвою»*[2].

Не побежденный священником потаенный *«ярости и напрасньства [вспыльчивости. – **Е. М.**] пламень»* жестоко опалил Варлаама. Наступила катастрофа, круто и безжалостно изменившая привычное течение его жизни. Та, которая была его единственной отрадой, верным другом и помощницей, лежала теперь бездыханной. Горе Варлаама было беспредельно: зашло солнце его жизни. Теперь надо было идти на суд к духовным властям края. *«Убийство убо совершив и земле тело предав, отходит он во град Колу к тамошнему иерею»*, к своему духовному отцу, игумену Коль-

[1] *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама. С. 179.

[2] Канон преподобному Варлааму. Л. 414.

«Дает он ему иго легкое – мертвого носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать, и таковое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать» (Канон преподобному Варлааму Керетскому). «Епитимья». Деталь прориси из жития преподобного Феодорита Кольского. Автор И.В. Куксенко. 2006

ского монастыря Феодориту. Надо полагать, игумен Феодорит исполнял на Кольском Севере обязанности доверенного лица новгородского архиерея – поповского старосты (ныне это должность благочинного).

Старец, выслушав исповедь Василия, назначил духовному чаду небывалую епитимию, которая потрясла современников и навсегда осталась в веках недостижимым примером высоты покаянного подвига. *«Дает он ему иго легкое – мертвого носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать, и таковое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать»*[1].

С этим благословением Варлаам возвращается в Кереть, и вскоре потрясенные жители села видят его несущим гроб-колоду с телом матушки, который он выкопал из могилы. *«И сие откопав, в судно вложив во гробе, сам же во второй гроб устремился»*. «Второй гроб» – именно так воспринимал Варлаам тот поморский карбас, в который уложил свою страшную ношу и в котором отправился он в свое беспримерное, смертельное плавание по северным морям. По сути, он уходил навстречу неизбежной погибели. Однако Господь судил иначе и смерти ему не дал, но испытаний отмерил полной мерой.

Путь Варлаама был *«не яко у прочих человеков, ожидающих парусного плавания, но плавал он против зельнаго обуревания [сильного, бурного волнения. – **Е. М.**] и весла из рук своих не выпуская, но труждаяся весьма, псалмы Давидовы поя, – то ему и пищей было»*[2]. Такой была воля Божья – никогда не иметь ему на своем пути попутного ветра и всегда грести против крепкой встречной волны.

[1] Там же.

[2] Там же.

Самая непогода, ее сосредоточение всегда находилось над «Варламьевой лодьей». В своем плавании, следуя древним торговым морским путем, «ходом в норвежский конец» из Керети в Колу, Варлаам неизбежно встречался с многочисленными судами. Можно представить то жут-

кое впечатление, что оставалось в душе моряков от встречи в тумане с этим одиноким гребцом с его страшным грузом. Рыбаки и промышленники справедливо полагали, что земному человеку подвиг такой не под силу, и уже принимали его лодку за некое видение.

*«Мужеством души в веру вооружился, бурю и дождь, и всякую воздушную нужду терпя, усердно хранил заповедь отца своего духовного… шествуя летом [«летом», то есть в течение года. – **Е. М.**] дванадесять путей по окияну морю, по непроходным местам»*. То есть двенадцать раз за год должен был Варлаам пройти свой путь. Расстояние же между Керетью и Колой, или один путь Варлаама, составлял порядка тысячи километров. Этим маршрутом Варлаам ходил круглый год.

Как удавалось одолевать Варлааму этот свой путь, и есть ли мера, которой можно измерить всю непомерность скорбей, выпадавших ему на этом пути, всю неподъемность такого подвига и, по сути, невыполнимость поставленной перед ним задачи?

Одно можно сказать – он был не один. Принимая покаяние Варлаама, Феодорит назначал ему столь беспримерно тяжкую епитимию с расчетом на помощь, которую окажет ему его верная жена. Усопшая матушка брала на себя часть тяжести епитимии, данной Варлааму, поскольку незахороненная ее плоть, по мысли Феодорита, не давая упокоения душе, вынуждала душу оставаться рядом со своим телом и, страдая вместе со своим супругом, укреплять и поддерживать его.

Пост, который нес Варлаам, относился к высшей его степени, к тому, что на церковном языке называется «сухоядением». И лишь раз в году, на Пасху, приходя в очередной раз в Колу, к причалу Свято-Троицкого монастыря, Варлаам сподоблялся причащения Богоявленской водой и мог разговеться рыбой.

Совершая свое немыслимое плавание вокруг Кольского полуострова, Варлаам никогда не забывал о своем заклятом враге и о непримиримой ныне его личной войне с «князем тьмы» и его «легионами». Потеряв все в этой жизни, ежеминутно готовый завершить свой земной путь, он без остатка вверил себя в руки Божьи – и потому не боялся ничего и силу бесовскую гнал и преследовал, где только мог.

За время своих покаянных скитаний Варлаам уставил все берега Кольского полуострова знаменитыми «Варлаамовыми крестами», изгоняя с этих мест силу тьмы, разрушая колдовские наваждения и чародейские видения. *«Видя по тоням телеса мертвых, восстающих бесовским*

действом, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши»[1]. То есть он, силою Господа Иисуса Христа, запрещал отныне восставать мертвецам, неупокоенным душам лопарских колдунов, тем, что издревле наводили страх на рыбаков-поморов, промышляющих на многочисленных тонях вдоль побережья Кольского полуострова.

§ 3. Поморский крест и его сакральное значение

Традиция установки крестов на побережье пережила столетия. Общеизвестно, что «беломорские жители имеют древнее обыкновение везде на морских берегах и в становищах ставить деревянные брусовые кресты, с подписанием. Таким образом на многих местах множество видно крестов, кои иностранные почитают за диво, но наши за благочестие. Ибо простота их, вместо святости невещественного креста, то есть терпения христианского, находит в вещественном изображении силу, прогоняющую демонские приближения»[2].

Поморский крест с традиционными надписями. Деталь гравюры из книги: Voyagie ofte Schip-vaert van J.H. van Linschoten van by Noorden om langes Noorwegen, de Noortcaep, Laplant, Vinlant, Ruslandt, de Witte Zee. Anno 1595

Со времен преподобного Варлаама поклонный поморский крест стал духовным символом беломорских берегов. Даже наступившие времена гонений на веру не смогли одолеть эту благодатную традицию. И ныне по Терскому берегу стоят кресты с вырезанными у их основания датами установки, являя собой своеобразную летопись всего, казалось бы, безбожного XX века.

Именно со времен Варлаама кольские поморы хранили крепкую традицию ограждать жизненное пространство крестами. «Деревянные кресты всех возможных видов рассеяны по всем окрестностям Колы; кресты эти поставлены колянами в воспоминание различных случаев их жизни»[3].

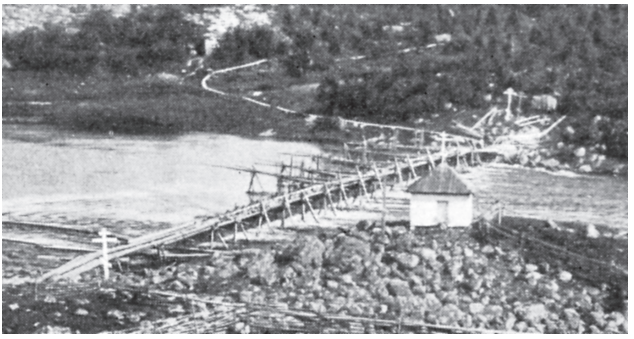
---

[1] Там же. Л. 416.

[2] *Фомин А.И.* Описание Белого моря с его берегами и островами вообще. СПб.: Имп. Акад. наук, 1797. С. 25.

[3] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. № 29, 1861. С. 340.

Поморский крест, установленный в 1870 году



Кресты и часовня при семужном заборе на р. Умба. Журнал «Материалы к познанию рыболовства». 1914. Т. III, вып. 2

Невозможно представить себе рыбацкую тоню без креста. Его чудесное действие было залогом успеха на промысле. Примечательно в этом плане соотношение понятий «крестовый» – «богатый» в среде поморов. Встречающиеся названия мест, типа «Крестовый мыс», «тоня Крестовая» и другие, – «это не обозначение места, где есть кресты, хотя они там и могли быть, а свидетельство того, что эти места богаты в промысловом отношении»[1].

Установка креста была знаком «освоения» тони и освящения данной территории; тоня становилась «своей», обжитой и принадлежащей христианскому миру. Здесь утверждалась воля Божья, а чужие, злые силы больше не имели власти. Учитывая, что в среде поморов все же сохранялись элементы промысловой магии, то всегда была угроза, что кто-то захочет «отбить» рыбу. К примеру, «если рыбак, у которого рыба не идет, унесет незаметно с уловистой тони горсть песка или кибасок (поплавок) с сети, хорошая тоня "испортится", а у неудачника начнется лов»[2]. Защитой от такой духовной агрессии, надежно нейтрализующей силы зла, и служил поморский крест.

Вдоль рек ставили кресты в местах удачной добычи жемчуга. Крест ловцов жемчуга выполнял ту же охранительную функцию.

---

[1] *Филин П.А, Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 167.

[2] *Колпакова Н.П.* Терский берег. Вологда, 1937. С. 149.

Торосный помысел

Жизнь помора всегда была полна ситуаций, проверяющих его на прочность. Тут и тяжелое штормование в открытом море, и крушение судна при попытке подойти к берегу, и столь частые трагические события на зверином промысле. «Промысел наш рисковой, страшной, – так рассказывал в 1896 году о своих односельчанах, оказавшихся на отколовшейся льдине при «наледном» промысле зверя, Николай Заварнин, коренной варзужанин, – тут уж не до зверя, кричим: "Братцы, назад!" – а те слов не разбирают… Мы стали лодку ладить, торопимся, а ветер как вдруг грянет нам в лицо, да со снегом, с градом… Все вокруг потемнело, взводни горой встали… Слышно, кричат со льдины, а уж и не видать ничего. Пропали в темноте. Потом уж рассказывали промышленники мезенские, что видели льдину с тремя людьми против Канина Носа, да подойти никак не сумели из-за погоды… Так и пропали страдальцы»[1]. Именно напротив таких трагических мест поморы и ставили памятные кресты на берегу.

Особый случай для постановки креста – если надо попросить у Господа погоды, когда вдруг надолго заштормило или, наоборот, море совсем «заштилело» («слысело налысо»). В этом случае общее правило известно: «по обыкновению российских мореходцев, которые, когда в каком месте долго задержаны бывают противными ветрами, для испрошения себе попутного ветра делают кресты и вкапывают оные в землю»[2].

Сакральное значение северного поморского креста трудно переоценить. Необходимо учитывать, что установка креста – всегда узловая точка в жизни помора, особое событие в жизни, память сердца. Воздвижение креста есть ясный акт свободной воли человека, открыто заявляющего о выборе своей веры, о приверженности памяти предков, о самоидентификации с исторической духовной традицией Поморья и Святой Руси в целом.

---

[1] *Колпакова Н.П.* Терский берег. Вологда, 1937. С. 82.

[2] *Озерецковский Н.Я.* Описание путешествия по Белому морю. Цит. по: *Жданов В.П.* Памятник морской славы // Наука и бизнес на Мурмане. Серия «История и право». 1997. № 2. С. 45.

Использование волоков на Севере. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

§ 4. Научно-богословский анализ «чуда у Святого Носа» по материалам Канона Сергия (Шелонона)

Как свидетельствовали современники Варлаама, этого одинокого скитальца в его плавании можно было видеть проходящим по морю *«даже около Святаго Носа»*. В то время для северных мореходов это было совершенно немыслимый риск. Плавание в районе мыса Святой Нос издревле было крайне опасно. Здесь сталкиваются течения двух морей, в результате чего образуются так называемые «морские сувои». Речь идет о больших волнах, подчиненных произвольному закону возникновения и не имеющих определенного направления развития, что весьма опасно даже для крупных судов.

Неудивительно, что во времена Варлаама мореходы предпочитали проходить Святой Нос, пересекая его по суше, волоком «от Волоковой губы до Лопского становища». Но тут их ждала другая беда. Именно в бухтах этого мыса водились особые черви – «корабельные сверлила» (моллюски Teredinidae), личинки которых цеплялись за днища судов и незаметно протачивали даже самую крепкую корабельную древесину, «творяху многие пакости над лодиями мореходцев»[1].

[1] «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком». РГАДА, ф. 196, № 634. Ч. 4, 5.

КАРТА-СХЕМА БЕРЕГОВ БАРЕНЦЕВА И БЕЛОГО МОРЕЙ В РАЙОНЕ МЫСА СВЯТОЙ НОС

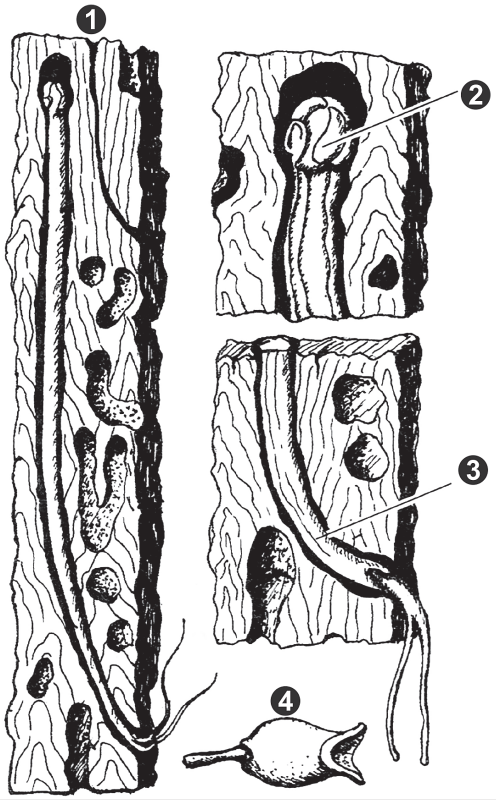
Тем временем, завершался третий год покаянных странствий Варлаама. Он уже «довольно время потрудился», и поскольку Господь не посылал ему смерти при всех обстоятельствах плавания в «Ледоватом море», Варлаам хотел *«извещение приять»* от Бога – не прощен ли его грех? Этим мерилом Божьего определения своей участи Варлаам и избрал «корабельные сверлила».

Коварство этих тварей состояло в том, что, единожды проникнув в дерево корабельной обшивки, червь этот больше не выходил наружу и никаким иным образом себя не проявлял. Живя в деревянном наборе корпуса корабля, он постепенно (и внешне незаметно) превращал древесину в труху. Так продолжалось до наступления ближайшего достаточно серьезного шторма, когда совершенно неожиданно для экипажа вываливалась часть корпуса судна. Следствием такого повреждения, естественно, являлось резкое поступление большого количества забортной воды, что приводило к катастрофической потере остойчивости и, как правило, завершалось быстрой гибелью корабля.

Моряки обычно называют этих коварных тварей «морским червем» или «корабельным червем» и, хотя входят они в семейство «морских древоточцев» (Teredinidae), тем не менее, относятся они к типу моллюсков (Mollusca). Створки «раковины» этого «двустворчатого моллюска» расположены на головной части продолговатого тела «червя».

«Вредоносные черви», или «корабельные сверлила» (Teredinidae)

Относятся к типу моллюсков. Личинки этих тварей цеплялись за днища судов и незаметно протачивали даже самую крепкую корабельную древесину. Коварство этих «сверлил» состояло в том, что, единожды проникнув в дерево корабельной обшивки, червь этот больше наружу не выходил и никаким иным образом себя не проявлял. Живя в деревянном наборе корпуса корабля, он постепенно и внешне незаметно превращал древесину в труху.



1. «Морской червь» древоточец Teredo в срезе изъеденной им корабельной древесины. Видны ходы иных «червей», которые никогда не пересекаются.
2. Головная часть «червя» (увеличено). Видны «рабочие наконечники», известковые створки, с помощью которых «сверлится» древесина.
3. Хвостовая часть «червя» (увеличено). Из отверстия в корпусе судна выглядывают так называемые «сифоны» – органы дыхания.
4. Плавающая личинка «червя» или «палетка» (сильно увеличено).

Именно прочные известковые створки и служат рабочим наконечником для этого «корабельного сверлила»[1], превращающим в труху остовы поморских судов и «могущие за одну навигацию вывести из строя судно»[2].

Варлаам видел, что его ладья, не раз укрываясь в Йоканьгской губе, у Святого Носа, *«без вреда пребывала от них»*. Но подвижник уже желал большего: *«восхотел он и прочим человекам путь без вреда сотворити»*. Тогда, *«став на молитву и руки воздев на небо»*, был он услышан Господом, и *«черви те без вести»* пропали. И снизошло на него благословение Божье, и *«хотя естеством своим непобедимы те черви были, но его молитвы Богу послушали»*[3].

Моряки Кольского Севера до сих пор ничего не знают об этих «зло-

[1] *Зацепин В.И., Филатова З.А.* Класс двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2. С. 153.

[2] *Белов М.И.* Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.–Л., 1958. Т. 14. С. 239.

[3] Канон преподобному Варлааму. Л. 415 об.

вредных червях», хотя характерные отверстия в древних остовах кораблей, еще лежащих на берегах Кольского полуострова, по мнению ученых, свидетельствуют об их явном наличии в прошлом.

Самое же примечательное, и что особо подчеркивается в «Каноне…», это то, что Варлаам не уничтожил этих червей, а именно заклял, «от чего они потеряли свою силу». Поскольку, как тварь Божья, *«естеством своим непобедимы черви были, но Варламовой молитвы к Богу послушались»*. Произошло именно то явление, что упоминается в Писании: «Тварь снова свыше преобразовалась в своей природе, повинуясь особым повелениям, дабы сыны Твои сохранились невредимыми» *(Прем. 19, 6)*. Именем Христовым было дано тем червям повеление: *«отбегнуть и отойти в непроходимые места от Святого Носу, идеже тьма и мрак непрестанно бывают»*.

Описывая природные особенности этих «червей», ученые подчеркивают, что, несмотря на имеющуюся у них способность перерабатывать древесные опилки, твари эти, как и все моллюски, сохранили также и возможность питания методом фильтрации. Другими словами, существуя вне древесной среды, они могут питаться мелкими планктонными организмами. В этой связи небезынтересно обратить внимание на то, как в «Каноне…» подчеркивается этот факт приобретенного, а не естественного, способа питания этих моллюсков, путем «сверления» древесины кораблей. *«Видел окиянскую пучину нечистую и человеками непроходимую от множества червия, иже остовы вертети кораблей* ***естеством навыкших»***[1]. То есть изначальные природные свойства существ претерпели последующие изменения, и в результате они *«навыкли»*, приобрели, этот вредоносный навык – «вертеть» остовы кораблей. Таким образом, здесь мы вновь видим указание на то, что Господь в акте Творения не сотворил зла. Единственной причиной приобретения вредоносных свойств той или иной тварью Божьей, червем ли, бактерией или вирусом, выступает человеческая греховность. Наблюдаемое в настоящее время нарастание этого смертоносного процесса деградации благодатных природных свойств живой природы определяется дальнейшим возрастанием греха в мире.

В то же время, Святой Дух и преизобилующая Благодать, изливающиеся на земную тварь по молитвам каждого святого угодника Божьего,

[1] Канон преподобному Варлааму. Л. 415.

принявшего *«от Вседержителя Бога венец победный»*, способны нейтрализовать греховный дух мира, уврачевать последствия его воздействия и исцелить повредившуюся природу Божьего творения. Это понимали и современники преподобного Варлаама: *«Если бы не ты предстал [пред Господом] и помог, никогда бы от стольких грызущих червий не избавились»*[1].

Важно подчеркнуть, что Варлаам не уничтожил, не истребил эту тварь Божию, а исцелил ее природу, и она по-прежнему живет в Баренцевом море: «Многие за правду сказывают, что и поныне оные необыкновенные черви есть, и что их видали, и что они с костяным белым носком»[2]. Об этом свидетельствуют зоологи[3], наблюдая живущих в наших морях морских червей Nototeredo Norvagica, которые, в отличие от своих собратьев в иных морях нашей Родины, по заклинательным молитвам Варлаама с Керети вреда корабелам чинить не смеют.

§ 5. Завершение скитаний Варлаама и его старческое служение

Это великое чудо избавления берегов вокруг Святого Носа от *«множества червия, иже остовы кораблей вертети навыкших»*, потрясло современников и не только восстановило доброе имя «белого попа Василия», но и прославило «чернеца Варлаама» как великого угодника Божьего.

Мореплаватели Севера получили *«путь морской строен и благопоспешен и благополучен»*, и корабли поморские от того дня *«с песней возвращаются, целы и невредимы, тебя, своего заступника воспевающе и Христа величающе»*[4].

Варлаам ясно понял, что его трехлетний покаянный подвиг завершен и что *«путь этот сотворил он мореходцам около Святого Носа»*[5] чистым навсегда. *«Прием он от Бога»* столь ясное извещение о прощении, и вскоре по благословению своего духовника, старца Феодорита, он захоранивает в родных керетских пределах останки матушки. После чего, приняв монашеский постриг, «преподобный оставляет мир и бывает

---

[1] Там же. Л. 416.

[2] *Фон-Пошман.* Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские губернские ведомости. 1873. № 31.

[3] «В Баренцевом море, по косвенным данным, моллюски Teredo зоологически представлены». *Божич П.К.* Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939. С. 6.

[4] Канон преподобному Варлааму. Л. 416.

[5] *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама. С. 181.

инок». Чернец Варлаам благословляется на жительство в Печенгский монастырь к преподобному Трифону: *«В созидаему святым Трифоном обитель на Печенге, за окияном-морем, устремился он видеть того труды и подвиги»*[1].

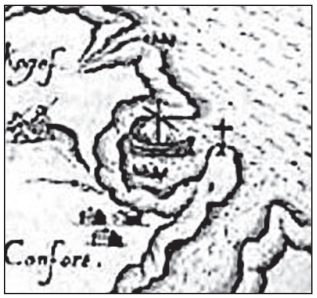
Обнаружив на Печенге серьезное неблагополучие, Варлаам, не желая более оставаться здесь, *«оставляет Трифоново селение и возвращается паки к Керети»*. Особая провидческая роль Варлаама была раскрыта нами выше в разделе «Варлаамово пророчество». И Трифон, по житию, тоже в это время уходит из Печенги: *«Преподобный отец, взяв с собою некоторых от братий, отыдоша во страны Великого Нова града»*[2].

На «Варламовой ладье» оба великих подвижника Кольского Севера совершили славное морское плавание и прибыли в Кандалакшский Рождества-Богородичный монастырь, где игуменом теперь был их духовный наставник, преподобный Феодорит. После этой исторической встречи, которую можно назвать Собором Кольских святых, пути великих старцев разошлись. Феодорит повелением Иоанна Грозного вскоре будет назначен архимандритом Спасо-Ефимьева монастыря в Суздале. Трифон уходит на восемь лет странствовать. Варлаам же возвращается в родные керетские пределы, в Чупскую губу, туда, где он захоронил свою наболевшую и драгоценную ношу – останки любимой матушки.

В дальнейшем преподобный Варлаам ушел еще дальше, вглубь Чупской губы, где *«построил он часовню и жил в пещере со зверями»*. Несмотря на пустынность места его уединения, к нему *«как к светильнику, сияющему в темном месте» (2 Пет. 1, 19)*, за духовной помощью нескончаемо тянулся люд поморский, со своими проблемами, скорбями и болезнями. Особенно стремились к нему за вспоможением страждущие от духов нечистых, те, кто подпал под страшную власть нечистых духов. Все они неизменно получали исцеление по молитвам старца. *«Яко звезда всесветлая от пустыни воссияв чудес лучами»*, Варлаам исцелял *«обильно»* и явился для всех, *«верно призывающих его»*[3], *«прогонителем лукавых духов»*.

Вся последующая долгая жизнь подвижника после принятия монашеского пострига была напрямую связана с проповедью Евангелия и подвигом старчества. Варлаам прожил столь же долго, как и большинство кольских святых, как говорили в Керети: «будто бы до ста лет». «И Бо-

[1] Канон преподобному Варлааму. Л. 416.
[2] Житие преподобного Трифона. С. 111.
[3] Канон преподобному Варлааму. Л. 416 об.



Крест Варлаама на Святом Носу и корабль, безбоязненно стоящий в Святоносском заливе. Деталь карты Abraham Ortelius. 1601

жию помощию бесовские полки победив, с миром ко Господу отыде»[1] в 1599 году[2]. Вновь вспомним великого предшественника Варлаама, преподобного Брендана Мореплавателя, и процитируем окончание жития этого удивительного кельтского святого: «Он воплотил все заповеди Христовы, и уже глубоким стариком, окруженный хором ангелов, превеликой радостью, торжеством, светом и песнопениями, отправился к Господу. Да будет Он славен во веки веков. Аминь»[3].

Преподобный Варлаам Керетский, наряду с Николаем Чудотворцем, считается главным покровителем северных мореплавателей. Известны многочисленные случаи его явления поморам, попавшим в беду в северных морях, и неизменное чудесное избавление их от смертельной опасности.

[1] *Дмитриев Л.А.* Повесть о житии Варлаама. С. 181.

[2] Эту дату известный русский эмигрант, политический мыслитель и историк Н.И. Сахновский опубликовал в своей хронологической таблице к книге «Святая Русь. Краткая история православного царства». Буэнос Айрес, 1958.

[3] Navigatio Sancti Brendani Abbatis from Early Latin Manuscripts / Ed., introd. and notes. C. Selmer. Notre Dame, 1959. P. 46.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН И ЕГО ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ

§ 1. Мудрость северных старцев

Необходимо обратить особое внимание на то, как наши северные старцы, Трифон и Феодорит, повели себя в ситуации послесоборного времени, когда завершился период выдвижения аргументов и споров о различных моделях спасения. После того как официальная Церковь сделала окончательный выбор в пользу «осифлянских» принципов отношений с самодержавной властью и «стяжательной» модели устройства монастырской жизни, старцы приняли это как волю Божью и со смирением подчинились ей, не помышляя о дальнейшем противостоянии и расколе. И это одна из отличительных черт православия – способность за своими желаниями, взглядами, мнениями разглядеть свершающуюся волю Божью и принять ее, какой бы она ни была.

Молитвенное пространство русских пустынножителей в это благословенное время простиралось еще от заволжского старчества Северной Фиваиды до Полночных земель старчества Крайнего Севера. Более того, внимательный взгляд может обнаружить, что печенгские места удивительным образом издавна связаны с «заволжским старчеством». Подтверждение тому мы находим в «Книге Большому Чертежу», где при описании района «реки Печени» имеется странное, на первый взгляд, примечание, касающееся последующей судьбы здешних монастырей: «Печенские монастыри более не существуют, и самая пустынь того же имени, находившаяся в Вологодской губернии, в Грязовецком уезде, давно упразднена»[1]. Что это за «пустынь того же имени» и какое отношение она может иметь к нашему Крайнему Северу? Надо сказать, место ее нахождения указано весьма примечательное – это вотчины Корнилиево-Комельского Введенского монастыря.

---

[1] *Спасский Г.* Книга Большой Чертеж. М., 1846. С. 275.

Преподобный Корнилий Комельский, родом из ростовских бояр Крюковых, с 1501 года игумен этого основанного им монастыря, – именитый земляк Феодорита Кольского[1]. Учитывая очевидную принадлежность Феодорита к высшему кругу общества и его редкую образованность, можно утверждать близкое его знакомство с преподобным Корнилием. Равно как и предположить, что во время своих хождений (1511–1518 годы) *«за Волгу-реку в тамо сущие великие монастыри»*[2], он побывал и в этом монастыре, основанном его великим земляком. Как известно, игумен Корнилий был высокообразован и явился создателем уникального монастырского устава.

Из жизнеописания преподобного Феодорита известно, что, покинув соловецкие пределы, он пришел *«на созерцание ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому… Потом от Александра идет аж за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри»*[3]. Как известно, преподобный Александр Свирский «пребывал в отношениях духовной любви с Корнилием Комельским, к которому послал одного из своих учеников»[4] – преподобного Нила Столобенского. Так же и Феодорит Кольский, столь пришедшийся по душе свирскому игумену (*«зело любяше его»*), прощаясь с преподобным Александром, конечно же, был благословлен им идти в Комельскую обитель к преподобному Корнилию.

В этом же монастыре принял постриг и подвизался будущий лидер «заволжского старчества» «премудрый Артемий», в дальнейшем верный друг и единомышленник Феодорита Кольского. В этих «заволжских пустынях» и завязались их дружба и духовное родство.

Именно отсюда Феодорит уходил в Лапландские пустыни, где обрел еще одного своего соработника, *«единого старца, пустынника, пришедшего во оную пустыню пред ним аки за пять лет»*[5] – Трифона Печенгского. И в дальнейшем дружба Феодорита и иных северных пустынников с «заволжцами» не прекратится, и они будут еще не раз возвращаться сюда, дабы вновь, *«ревнуя жестокому и святому жительству, умучая и покоряя плоть свою в порабощение и послушание духа»*, собираться с силами

---

[1] «Был он [Феодорит] муж родом от места Ростова славного». *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 324.

[2] Там же. С. 325.

[3] Там же. С. 326.

[4] *Федотов Г.П.* Собрание сочинений. М., 2000. Т. VIII. С. 157.

[5] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

в кругу своих единомышленников, *«храбрых воинов Христовых, яже воюют против начал властей темных, миродержцев века сего»*[1].

Трифон Печенгский, на восемь лет покинувший обитель на Печенге, в своих странствиях так же проходил через заволжские края. Здесь, в этих скитах, все еще можно было напитаться духом православной святости *«и внутренним человеком с Богом соединиться»*[2]. Трифон застал последние годы расцвета Северной Фиваиды.

В течение восьми лет странствий *«милостыни ради»* Трифон не только не переставал *«яко же Моисей, манною питати»* свою дерзкую братию, но и искал выход из той непростой ситуации, что сложилась у него на Печенге.

Как повествует житие, очень поверившие своему *«начальнику веры, преподобному отцу Трифону»*, *«новопросвященные народы лопарские от усердия своего, от имений своих приносили серебро и вещи и яко пред ногами апостольскими, преподобного отца Трифона при ногах полагали. Иные же земли, и озера, и морские угожие воды подавали и письменными заветами утверждали»*[3].

Испокон века все лапландские земли, озера, реки, морские тони, звериные ловли и прочее были поделены между лопарскими погостами (сийтами). Каждый лопарь, принимавший постриг, приносил с собой в монастырь и право на пользование своей долей этих угодий, потому и трудно было сдерживать поток щедрых лопарских пожертвований в монастырь. Но излишнее «стяжание» имений шло вразрез с монашескими обетами, с апостольскими посланиями. А ведь именно на чистоте и молитвенности монашеской жизни, на «нестяжании» богатств в стенах монастыря настаивал духовный учитель Трифона, блаженный старец Феодорит. И на таких принципах строил он монастырскую жизнь в своем Кольском монастыре. Но все труднее становилось найти единомышленников в деле столь «святого и жестокого жительства», обрести стойких «воинов Христовых», готовых «умучать и покорять плоть свою в порабощение и послушание духу»[4]. «Шли не Богу служить, а тело свое льготить»[5].

---

[1] Там же. С. 325.

[2] Ключ разумения // Устав преподобного Нила Сорского. М. – Екатеринбург, 2003. С. 364.

[3] Житие преподобного Трифона. С. 102.

[4] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 325.

[5] ПСРЛ, VI, с. 186. Цит. по: *Архангельский А.С.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882. С. 190.

В этой ситуации необходимо было принимать очень непростое решение каждому, кто исповедовал устав Нила Сорского и помнил о том, что есть незыблемая основа монашества:

«Монах есть тот, кто миру не причастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,
Кто, видя Бога, сам бывает видим,
Любя Его, он Им любим бывает
И, светом становясь, всегда сияет»[1].

§ 2. Главный духовный подвиг Трифона

В свете вышесказанного попробуем сформулировать суть главного жизненного подвига преподобного Трифона, а равно и всех иных северных старцев, взявшихся окормлять новые, обширные общежительные монастыри.

Неумолима и страшна была мистическая сила того пророчества, что произнес восемь лет назад над Печенгским монастырем великий святой Крайнего Севера преподобный Варлаам Керетский.

И Трифон, вернувшись через восемь лет, сознательно принимал этот возвещенный Варлаамом тяжкий крест духовного окормления столь непростого монастыря, чтобы до конца своей жизни, несмотря на противодействие, сделать все, чтобы не допустить погибели иноческих душ. Об этом ясно говорится в «Каноне преподобному Трифону… »: «*Аще и питаемые тобой роптать не перестают, но ты сих зверство на кротость в благоразумие привел молитвами непрестанными, и пением, и бдением, дондеже их Христу чистыми представил*»[2].

Этот тропарь «Канона … » раскрывает все величие одного из главных жизненных подвигов преподобного Трифона Печенгского. Речь идет о подвиге великих старцев древности, образец которого дал преподобный Иосиф Волоцкий в своем настоятельском служении братии, с его самоотверженной попыткой спасти высокие подлинные монашеские идеалы в наступивших принципиально новых российских условиях. Тогда преподобный Иосиф взвалил на себя задачу, решение которой едва ли по

[1] *Илларион (Алфеев), иеромонах.* Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание / Избранные гимны. М., 1998. С. 597.

[2] Канон преподобному Трифону. Л. 96 об.

силам смертному: организационными мерами, жесткой дисциплинарной регламентацией, силой личного примера и молитвенного подвига постараться воспитать идущих в его монастырь новых людей в духе истинного монашества.

Точно так же и Трифон, несмотря на упомянутые *«ярость»* и *«неукротимость»* братии, с которыми вплотную довелось столкнуться печенгскому старцу, все же сумел благодатной силой своей великой святости преобразовать *«сих зверство на кротость»* и привести в *«благоразумие»*. Путь, которым вел братию Трифон, был весьма непрост, но единственно возможен в той ситуации, и «Канон…» ясно раскрывает его суть: *«молитвами непрестанными, и пением, и бдением»*[1].

И когда в декабре 1589 года наступил смертный час, этот момент истины, то абсолютное большинство братии явили подлинное, идущее даже до смерти, послушание своему игумену и наследовали райские обители, по молитвам Трифона, который *«их Христу чистыми представил»*. Полная мера понимания этого великого чуда, совершенного печенгским старцем в XVI веке, раскрылась нам лишь недавно, когда осенью 2003 года, благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, «братия Печенгского монастыря, убиенная вместе с игуменом Гурием, [была] прославлена в лике преподобномучеников»[2].

«Молитвами непрестанными, и пением, и бдением», что совершались по настоянию Трифона в Успенской церкви, построенной рядом с его отходной пустынью у Трифонова ручья в 1571 году[3], братия обретала покаянный, молитвенный настрой и спасительное чувство устремленности сердца от мира дольнего к миру горнему. Службы в этом храме не прервались и после блаженной кончины Трифона в 1583 году. Надо понимать, знаменитое грозное пророчество святого о судьбе монастыря: *«На сию обитель будет великое искушение [опасность], и от острия меча уму-*

---

[1] Там же.

[2] Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15.10.2003 на имя епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

[3] Мы не знаем, что завещал своим духовным чадам отходящий ко Господу в августе 1571 года великий старец Феодорит Кольский, но мы знаем точно, что именно этой осенью 1571 года в Печенгском монастыре была срочно воздвигнута Успенская церковь. О том, что «срочно», – свидетельствует современник, наблюдавший, что в монастыре «около 200 монастырских работников были заняты постройкой церкви». «Сообщение» Симона ван Салингена цит. по: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303.

чатся многие»[1], возвещенное им при своей кончине, мобилизовало братию и благодатно повлияло на перемены в духовной атмосфере обители.

Молитвенное предстояние Трифона в течение шести лет у престола Божия в Горнем Иерусалиме после своей кончины позволило ему вымолить спасение для своих своенравных чад, а игумену Гурию подвигнуть монастырскую братию к принятию мученических венцов при нападении шведского отряда на обитель в декабре 1589 года.

[1] Житие преподобного Трифона. С. 114.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЖИТИЙНЫЕ ЭПИЗОДЫ И ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО ТРИФОНА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

§ 1. Преподобный Трифон и Царь Иоанн Грозный

Встреча преподобного Трифона с царем Иоанном Грозным, вне всякого сомнения, – узловая точка в истории Печенгской обители. Она подробно описана в житии, и в каноне также ей посвящен отдельный тропарь. Однако практически каждый исследователь, изучавший историю монастыря на Печенге, неизбежно сталкивался с загадкой этой встречи, так или иначе пытаясь найти разрешение многих противоречий в описании этого события.

Суть многих недоумений такова. Самой первой царской милостью, открывшей Печенгскому монастырю путь к процветанию, была царская Жалованная грамота, датированная 22 ноября 1556 года. Этой грамотой монастырю жаловались небывалые льготы и отписывались огромные земельные владения: «…морския губы Печенгская, Топкая, Лицкая, Урская, Пазрецкая, Нявдемская со всеми рыбными ловлями, с островами, реками и речками, с пашнями, лесами, озерами, звериными ловлями, с лопарями, какие к ним приписаны, со всеми угодьями, с царскими денежными сборами и волостными кормами…»[1] В то же время, текст этой грамоты начинался довольно необычно: «По умолению детей своих царевича князя Ивана Ивановича и царевича князя Феодора Ивановича пожаловал есма…»[2]

Известный церковный историк академик Е.Е. Голубинский по этому поводу делает следующее скептическое замечание: «Это вступление в официальном акте вовсе не располагает верить грамоте»[3]. Однако следует возразить. Общеизвестно, что царь Иоанн отличался ярким литера-

[1] Жалованная грамота Печенгскому монастырю. Л. 122.
[2] Там же. Л. 123.
[3] *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 2. С. 859.

Подача челобитных. Рис. из альбома Мейерберга «Бытовые картины России XVII века». СПб., 1903

турным талантом и свободно излагал по своему усмотрению суть документов, несмотря даже на их официальный статус. «Никогда еще русская литература до Грозного не знала такой эмоциональной речи, такой блестящей импровизации»[1].

Кроме того, из жития мы знаем об особой симпатии к Трифону царевича Феодора, сына царя Иоанна, что и нашло отражение в тексте царской грамоты. Тем более что такая форма начала документа – вовсе не редкость для Иоанна: «Мы уложили с братьями и боярами…»[2]. В ту эпоху подобная стилистика была совсем не нова: «Се аз, князь Михаил Андреевич, что мне печаловался сын мой князь Иван, чтоб мне пожаловать игумена Нифонта…»[3]

Но есть, несомненно, более существенное возражение: в 1556 году, когда писалась грамота, царевичу Иоанну было только два года, а царевич Феодор еще и не родился вовсе. Следовательно, никто из них «умолять» царя Иоанна не мог. Эти «соблазны» повлекли исследователей на путь самых разнообразных сомнений в подлинности царской грамоты, начиная с указанной даты ее выдачи и вплоть до утверждений о полной ее подложности[4].

---

[1] *Лихачев Д.С.* Иван Грозный – писатель // Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951. С. 466.

[2] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 8. С. 600.

[3] *Шумаков С.* Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. 2. М., 1900. С. 83.

[4] *Андреев А.П.* О подложности Жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 года // Русский исторический журнал. Пб., 1920. № 6.

В этой связи видится совершенно необходимым отстоять историческую правдивость документа и честь участников событий.

События 1556 года, происходившие при дворе Иоанна Грозного, и место в них давнего друга Трифона – архимандрита Феодорита – как нельзя лучше подтверждают хронологическую безупречность даты выдачи царской грамоты монастырю, равно как и ее подлинность в целом.

Приведем мнение уважаемого архиепископа Филарета (Гумилевского), известного богослова и историка Церкви: «В Москве полезен был Трифону прежний сожитель его по Лапландской пустыни, а теперь архимандрит – Феодорит, который в это время пользовался особым вниманием царя, так что отправлен был вскоре с важным поручением на Восток. Друг пустыни и сотрудник в проповеди, конечно, рассказывал в Москве боярам и духовным об усердном проповеднике Трифоне и его обители»[1].

Действительно, в эти ноябрьские дни 1556 года преподобный Феодорит неотлучно пребывал при царском дворе. Шли важные для Иоанна переговоры с посланником Константинопольского Патриарха. Иоанну Васильевичу крайне необходим титул царя, «по чину римских кесарей». Только что, летом-осенью 1556 года, закончился вооруженный конфликт со Швецией, которая в лице «избранного» короля Густава I была глубоко оскорблена российскими требованиями иметь сношения с Россией только через Новгород, как вассалу, а не непосредственно с московским государем. Швеция пока вынужденно смирилась перед военной мощью России, но Иоанну Грозному нужны были реальные аргументы законности титулов «Его Царского Величества». Феодорит был тот человек, которому можно было доверить переговоры со Вселенским Патриархом на эту тему. И действительно, вскоре Феодорит блестяще осуществит эту Константинопольскую миссию.

Именно в это благоприятное время Феодорит отыскивает странствующего Трифона и призывает его поспешить в Москву, дабы *«пред царским лицем поставити»*[2]. Характерно, что, по житию, Трифон для этой встречи с царем прибывает в Москву с неким *«единопутным своим Соловецкого монастыря праведным иноком»*. Этот соловецкий посланник от игумена Филиппа (Колычева) был принят царем одновременно с Трифо-

[1] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1864. С. 558.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 106.

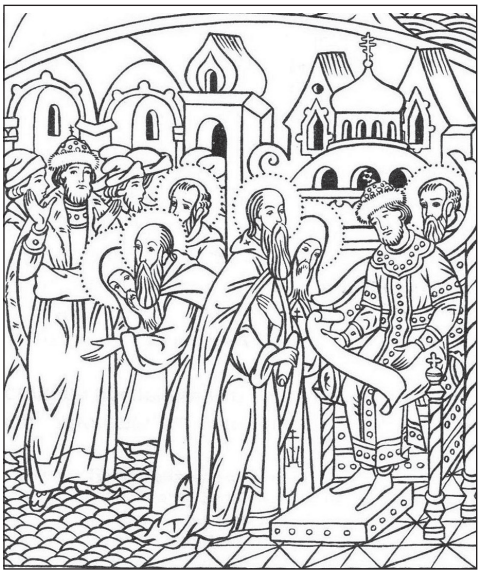
ном, но при этом каждый имел *«челобитные свои»*. Надо полагать, посланником этим, *«праведным иноком»*, был не кто иной, как будущий настоятель Печенгского монастыря игумен Гурий, – именно его имя упомянуто в тексте грамоты. Организуя эту встречу с царем и подачу челобитной о льготах обители на Печенге, Феодорит и Трифон подготовили и достойного кандидата в настоятели монастыря из числа соловецкой братии, имя которого и было вписано в Жалованную грамоту: «Живоначалныя Троицы Печенского монастыря игумена Гурия с братией или кто в том монастыре иныя игумен и братия будут… »[1] Все это, конечно, было невозможно без участия игумена Филиппа (Колычева), давшего *«Соловецкого монастыря праведному иноку»* Гурию *«челобитную свою»* – отпускную грамоту и рекомендацию.

В этом эпизоде мы видим, каким образом было «обставлено» возвращение Трифона на Печенгу после тяжелого конфликта с братией, по сути, захватившей его монастырь. Мы не знаем, кто во время отсутствия Трифона верховодил у мятежных Печенгских монахов и был ли у них «совет старцев», но теперь игумен монастыря назначался «сверху» и вез с собой царскую жалованную грамоту на свое имя. О том, что действительно настоятель был назначен именно так, нам оставил свидетельство Уильям Барроу, посетивший Печенгу в 1557 году, то есть сразу по прибытии туда нового игумена Гурия: «Печенга – где живут монахи русского закона, причем настоятель, или глава (abbot) этого монастыря, назначается московским духовенством»[2]. Следует заметить, что имя игумена Гурия в хозяйственных документах монастыря появляется лишь в конце 70-х – начале 80 гг. XVI века. До того звучат имена старца Трифона, а позже строителя Сергия. Таким образом, существует вероятность, что имя Гурия было вписано в Жалованную грамоту 1556 года позже, при ее возобновлении во время второго хождения Трифона в Москву, где-то после 1576 года.

Житие упоминает весьма важное для наших рассуждений обстоятельство: первая мистическая беседа царя с *«потаенными рабами Божьими»* – с Трифоном и *«Соловецкого монастыря иноком»* – состоялась в то время, когда старцы еще только были на пути в Москву (*«за един день»*) и с царем не встречались. Иоанн Грозный шел на Божественную литур-

[1] РГАДА. Грамоты Коллегии Экономии, ф. 281, № 4139. С. 122.

[2] Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке / Перевод Ю.В. Готье. М:: Соцэкгиз, 1938. С. 92. (Далее: Английские путешественники в Московском государстве).



Встреча преподобного Трифона с царем Иваном Грозным. Деталь прориси из жития преподобного Трифона Печенгского. Автор И.В. Куксенко. 2007

гию в «Соборную церковь Святого Успения Богоматери», когда *«с царем приключившиеся бояре и иные чины царя глаголяща видели, но с кем, тех не видели, царю явльшиеся невидимы были, вопросити же царя не смели»*. Здесь важно заметить, что царь ежедневно ходил на службу в Благовещенский собор, а в «Успенском соборе служит митрополит, коронуются государи и слушают обедню лишь в большие праздники»[1], что, собственно, подтверждают и житие, и дата выдачи Жалованной грамоты.

По житию, Государь рассмотрел челобитную и подписал грамоту на второй день, 22 ноября, когда *«повелел блаженных праведников сыскати и пред царским лицем поставити»*[2]. Накануне же, 21 ноября, как известно, как раз и празднуется «большой», двунадесятый праздник – Введение во храм Пресвятой Богородицы. Потому и состоялась чудесная встреча с царем именно у Успенского собора Кремля, что правдиво отражено в житии.

Нет сомнения в особом попечении Божьем об этой встрече, ясно показанном нам в том впечатляющем чуде явления царю *«двух святолепных иноков»*, оставшихся не видимыми для окружающих и при этом таинственно беседующих с Иоанном Грозным за целые сутки до фактического их прибытия в Москву. Несомненно, это потрясшее всех чудо, когда

[1] *Валишевский К.* Иван Грозный (перевод с французского). М., 1912. С. 375–376.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 106.

«царь и бояре удивишася зело о таких потаенных рабах Божиих», во многом определило исход аудиенции и дарование просимого. Здесь мы имеем счастливую возможность убедиться в великой силе молитв наших северных подвижников – преподобных Трифона и Гурия Печенгских и Феодорита Кольского. *«И оттоле великий царь возлюбил их, а паче преподобного Трифона, и пожаловав его и одарив обитель колоколами и церковною утварью богато, отпустил с милостивым призрением»*[1].

Теперь, что касается упомянутых выше противоречий ссылки в грамоте на «умоление детей своих», которого («умоления») в то время быть не могло. На наш взгляд, в грамоте, равно как и в житии, произошло наложение двух разновременных событий. Преподобный Трифон встречался с Грозным дважды. Как увидим далее, по-другому и быть не могло. Именно при этой второй встрече попечение Божие о Печенгской обители и нашло свое воплощение в «умолении» царя со стороны великих князей Феодора и Иоанна.

Дело в том, что грамота 1556 года должна была быть отменена в 1575 году в числе всех иных выданных российским монастырям и епархиям жалованных грамот и тарханов. Речь пойдет об одном из труднообъяснимых эпизодов в правлении Иоанна Грозного. А именно о «Великом Княжении царя Симеона», когда на Земском Соборе 1575 года царь Иоанн неожиданно сложил с себя царскую власть и корону, после чего некий татарский князь «Симеон Бекбулатович был поставлен Великим князем всея Руси»[2]. Отдельные историки считали «вокняжение» Симеона «политическим маскарадом» и «опричным фарсом».

Но были и более основательные суждения историков, учитывающих политический анализ ситуации, приводимый в донесениях иностранных дипломатов в то время: «Иван прибег к этому приему, чтобы оказаться банкротом, сложив на царя Симеона некоторые обязательства»[3]. «Он (Иоанн) отказался от престола, посадил на трон Симеона Касимовского, и в конце года заставил Симеона отменить все льготы и отобрать грамоты,

---

[1] Там же. С. 106.

[2] *Корецкий В.И.* Материалы по истории Земского Собора 1575 года // Археографический ежегодник. М., 1971. С. 296. Последующая судьба «царя Симеона» была печальной. С началом Смутного времени он был насильно пострижен с именем Стефана и заточен в одном из подземных казематов Соловецкого монастыря. Позже, в 1611 году, «взят из Соловков монах Стефан, что был царь Симеон Казанский, и переведен в Кириллов монастырь». Сказание вкратце от летописца. РНБ, Софийское собрание, № 452, л. 271 об.

[3] *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1912. С. 284.

Иван Грозный на свадьбе
Симеона Бекбулатовича.
Миниатюра из летописного свода XVI века

данные раньше монастырям и епископиям (епархиям), которыми они пользовались много столетий. Все они были уничтожены»[1].

В 1576 году «Иоанн принял опять скипетр правления, но за возобновление грамот он взял с монастырей большие денежные суммы: с одного монастыря он брал 40 000 рублей, с другого 50 000, с некоторых 100 000 рублей… Вновь составленные грамоты, судебные законы, пожалования монастырям, городам, отдельным лицам и купцам давали ему еще большие суммы и доходы»[2]. Таким образом, мы видим, что в 1576 году многие настоятели российских монастырей вынуждены были приходить на поклон к царю за «возобновленными грамотами».

Именно во время этого, второго, хождения в Москву и потребовалось преподобному Трифону ходатайство («умоление») великого князя Феодора Иоанновича, которому в 1576 году было уже 19 лет. Эпизод этот весьма правдиво отражен в житии. И то самое «необычное начало» грамоты, вписанное в текст «возобновленной» грамоты 1556 года, надо думать, как раз и свидетельствует об «умолении» и освобождении Печенгской обители и «нашего царского богомольца Трифона»[3] от упомянутых выше столь разорительных царских поборов. Это особое расположение к Трифону, которое проявил *«благоверный царевич Феодор»*, увидев северного подвижника, выразилось и в подаренном Трифону облачении «с пле-

[1] *Середонин С.М.* Сочинения Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 77, см. также: *Горсей Дж.* Записки о России XVI–XVII вв. М., 1990. С. 178–179. (Далее: *Горсей Дж.* Записки о России).

[2] *Горсей Дж.* Записки о России. С. 60.

[3] «В середине XVI века в Соловецком монастыре игуменом Филиппом было установлено постоянное моление за Царскую семью, что объясняет встречаемое в грамотах Иоанна IV обращение к настоятелю как к своему "богомольцу"». (*Даркевич В.П.* Государева крепость на Беломорье // Наука в России. 2000. № 5. С. 106). Таким образом, текст Жалованной грамоты показывает, что подобное поминовение, видимо, еще с 1556 года было установлено и в Печенгском монастыре.

Монахи на приеме у царя Феодора Иоанновича. Рис. конца XIX века

ча великокняжеского». *«Он же сию одежду перестроит в одежду священную, ибо вижу его мужем праведным»*, – заметил при этом князь Феодор[1].

Надо сказать, предание *«о двух хождениях Трифона в стольный град Москву»* хотя и обойдено молчанием автором жития, но в памяти церковной сохранено. «Следует отнести подарок цесаревича ко второму приезду преподобного Трифона в Москву, о котором упоминается в декабрьской книге Милютинских Четьминей, без указания года (в Синодальной библиотеке № 800)»[2].

Благоверный царевич, а в дальнейшем царь, Феодор Иоаннович – последний и уникальный правитель династии Рюриковичей. Бесконечно набожный, во многом «не от мира сего», блаженный Феодор Иоаннович, без сомнения, мог «увидеть» в Трифоне истинного избранника Божия и воина Христова.

Конечно, самому Трифону одеяние царевича было бы явно мало: *«Великий князь мал ростом, говорит он тихо и очень медленно, рассудка*

[1] Житие преподобного Трифона. С. 105.

[2] *Толстой М.В.* Древние православные миссии на Крайнем Севере Руси. М., 1868. С. 7. Предпринятая нами попытка обнаружить это упоминание в указанной «декабрьской книге», ныне предположительно хранящейся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, успехом не увенчалась.

у него мало или, как другие говорят и как я и сам заметил, вовсе нет»[1]. Таким увидел православного «царя-батюшку» один из тех надменных польских панов, среди которых в это время жил князь Андрей Курбский и о которых отзывался не иначе как о *«полуверных, лицемерных христианах, умягченных и раздроченных различными наслаждениями»*[2].

Царская одежда эта была действительно переделана под священническое облачение. «Фелонь из синей шелковой материи на холщовой крашеной подкладке с оплечьем, вышитым золотом и серебром и украшенным одноглавыми и двуглавыми орлами»[3]. Вместе со многими реликвиями времен Трифона это облачение еще в 30-х годах XX века можно было увидеть в старинной церкви святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, что на реке Паз[4]. Очевидцы, посещавшие Пазрецкий лопарский погост, писали: «Церковь заключена в новую деревянную обшивку, но внутренность ее представляет драгоценный археологический музей древней церковной утвари и икон»[5].

«Старинный иконостас, деревянные подсвечники и в тесном алтаре кадило и облачение Трифона. Судя по поручам и облачению, Трифон был мужчина богатырского сложения»[6]. Нет сомнений в том, что Трифон был мужчиной богатырского телосложения. Однако священнические облачения ему лично были без надобности. Скорее всего, в них служил «сопостник» Трифона – Иона Печенгский. Или же тот иерей Иларион, который освятил церковь святых Бориса и Глеба в 1565 году и упомянут в надписи на «храмозданном» кресте[7]. Ныне многие из этих реликвий находятся в Финляндии, в Музее Православия в городе Куопио.

---

[1] Из донесения польского посла Льва Сапеги в 1584 году. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1994. Кн. 4. Т. 7–8. С. 220.

[2] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 343.

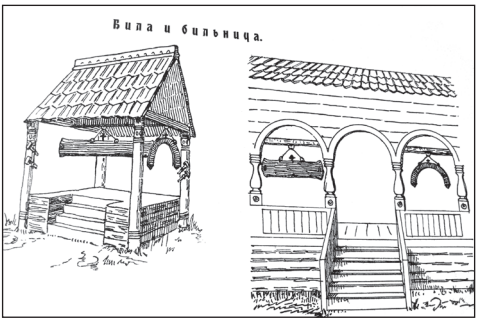
[3] Общее обозрение Кольского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 221.

[4] «Простой деревянный сруб длиною в три сажени, шириною в две и вышиною в одну сажень». О монастырях, существовавших на Севере России // Архангельские губернские ведомости. 1872. № 52.

[5] *Островский Д.Н.* Путеводитель по Северу России. СПб., 1898. С. 112. (Далее: *Островский Д.Н.* Путеводитель).

[6] Заметки о Мурманских поселениях. Из отчета Колл. Секрет. Островского в 1880 году // Живая Арктика. Апатиты, 2002. С. 30.

[7] «Освящена, как свидетельствует о том надпись на кресте, 24 июня 1565 г. священником Иларионом» (*Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 266). «Крест сей сооружен в лето 7073 года месяца июня 4 дня, а святил церковь сию игумен Илларион при начальнике Трифоне». *Ушаков И.Ф.* Малые храмы на Кольской земле // Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 3. С. 8.



Била и бильница. Журнал «Север», 1882

Кроме грамоты, обитель Трифона, по житию, была одарена *«колоколами и церковной утварью богато… И прииде Преподобный морем в обитель свою»*[1].

§ 2. Колокола Крайнего Севера

Эпизод царского дарения колоколов Печенгскому монастырю был не случаен. Общеизвестно, что цари московские имели любовь к колокольному звону и щедро жертвовали колокола обителям.

История колокольной культуры на Русском Севере уходит корнями ко времени появления первых монастырей. В первые времена становления северных обителей в повседневной монашеской жизни использовались деревянные, металлические и каменные била или так называемые клепала, а также маленькие колокольчики.

В описании достопримечательностей Соловецкого монастыря можно прочитать: «Небольшой зазвонный каменный колокол, сделанный при игумене Зосиме, чудотворце соловецком; клепало каменное, в которое ударяли к церковной службе во время игуменства преподобнаго Зосимы»[2]. В самой ранней Описи строений и имущества Соловецкого монастыря, датируемой 1514 годом, упоминаются «четыре колоколы больших. Да колокол часовой. Да часы. Да клепало железно. Да шестой колокол розен»[3]. С воцарением Ивана IV Грозного на севере страны появляются и большие колокола.

Особое значение для развития колокольной культуры на Севере оказала Реформация, когда в первой половине XVI века еретические учения

[1] Житие преподобного Трифона. С. 106.

[2] *Сойкин П.П.* Православные русские обители. Соловецкий монастырь. СПб., 1910. С. 15.

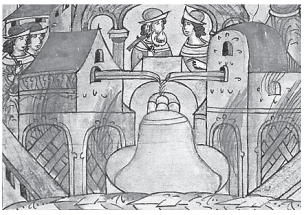
[3] Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 260.

Протестанты разоряют католические церкви в Голландии. Гравюра Ф. Хогенберга из издания: De Leone Belgico, eiusq. Topographica atq[ue] historica… Anni 1583

Лютера и Кальвина захлестнули христианский мир Европы. Многие аббатства были разграблены, а христианские святыни и реликвии поруганы. Однако свойственный Европе практицизм проявился и в этой истории. Голландские купцы быстро сообразили, что на обширных территориях православной России все ненужное теперь для протестантской церкви (утварь, колокола, реликвии) можно сбыть с выгодой для себя, в том числе и на Русском Севере. «Кальвинисты особенно зверствовали в районе Лиона и Антверпена»[1], и из разоренных соборов этих городов купеческими кораблями стала активно поступать церковная утварь.

Подтверждение этому находим в сообщении немца Генриха Штадена 1577 года: «Сюда (в Колу) голландцы и антверпенские торговые люди привезли **несколько сот колоколов**, которые были взяты из монастырей и церквей, и всякого рода церковные украшения – венчики, светильники от алтарей, медные решетки хоров, церковные облачения, кадильницы

[1] *Ягелло В.* Обозрение истории Церкви. Париж – СПб., 2004. С. 23.



Литье колокола в Твери. Миниатюра Лицевого летописного свода. 1403

и многое множество подобных вещей»[1]. Надо помнить, что голландцы – частые гости и в Монкенфьорде и главные партнеры по торговле с Печенгским монастырем в то время. Позже Штаден вновь касается этой темы: «Из Нидерландов в 1580 году привезли 6 больших литых колоколов, из которых меньший весил 20 скипунт. Великий Князь их купил и хочет их иметь в Москве»[2].

«Заморские» колокола поступали на Север, например, на Соловки, и раньше – как пожертвования воевод после удачных военных походов. С 1479 по 1482 на границе со Швецией, в Финляндии, царь Иван III проводил непрерывные военные походы. Результатом одного из них стала вкладная запись пожертвования в монастырь от 1479 года: «И се аз Феодор Иванович, воевода каенские рати, и подвоиские Олфереи и Феодор, и новгородцы, и дети корельскии, Вымолцы и Тиврульцы, и вся рать каянская, что ходили на Ии реку за обиду детей корельских и на воины своея, дали колокол святому Спасу на Соловки игумену Арсенью, священникам и старцем всем монастыря Соловецкаго в веки»[3]. Есть и более позднее свидетельство о «немецких» соловецких колоколах: «благовестный плакун 7053 *[1545]* года, старый, повседневный, немецкого литья»[4].

Торговлей колоколами из ограбленных соборов и аббатств западные предприниматели не ограничились. Колокольное литье на Западе не угасло, и бизнес процветал. В 1633 году келарь Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Александр Булатников, который «был одним из самых щедрых вкладчиков в Соловецкий монастырь, прислал в Анзерский скит два средней величины колокола «повседневного звону» с голландскими записями и пометами о времени их отлития в 1624 году»[5]. «Немецкие»

[1] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 63.

[2] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес, 1581 / Перевод со шведского и примечания Г.Ф. Гебеля // Изв. Архангельского Общества по изучению Русского Севера. Архангельск, 1909. № 5. С. 21. (Далее: *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес).

[3] Актовые книги, № 136, л. 57об.–58. Цит. по: *Мелетий, архим.* Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 160.

[4] *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. Архив Соловецкого монастыря. М., 1888. С. 5.

[5] *Панченко О.В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 497.

Колокольня в Норвегии. Рис. 1885 года

колокола требовались каждой приходской и монастырской церкви: «В Свято-Троицком Анзерском скиту есть колокольня каменная, на ней 6 колоколов: наибольшие весом от 40 до 90 пудов *[от 640 кг до полутора тонн. – **Е. М.**]* с немецкими надписями, а один, средний, с таковою латинской: "Asseurus Coster Amsterdami me fecit. Soli Deo gloria" (Асвер Костер сделал меня в Амстердаме. Слава Единому Богу)»[1].

Было бы неверным полагать, что искусство колокольного литья пришло на Русь с Запада. Колокола киевских церквей начала второго тысячелетия хорошо известны. Впервые колокол на Руси упоминается в летописи за 988 год. Именно Россия дала миру технологию изготовления особо больших колоколов[2]. Как известно, в западной традиции принято раскачивать сам колокол, что накладывало ограничения на его размер, в то время как в российской практике раскачивают язык колокола.

С начала XV века на Руси активно входит в жизнь огнестрельное оружие – пушки. Составляющие колокольную бронзу медь и олово становятся стратегическим товаром. В государстве возникает дилемма: что отливать в первую очередь – пушки или колокола. Все, что касалось литья этих изделий и потребных для того металлов (разведка месторождений, добыча, производство, закупка за рубежом и продажа), держалось под строгим контролем Пушечного (Пушкарского) приказа, учрежденного в середине XVI века. «Пушкарский приказ, которому подведомственны все, кому приходится заниматься орудийным и колокольным литьем»[3].

---

[1] *Досифей (Немчинов), архимандрит.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1853. С. 320. В действительности перевод «Soli Deo gloria» – «Только Богу слава», и это одна из основных доктрин протестантизма.

[2] Кроме «Царь-колокола», напомним, в 2013 году в филипповских курганах Оренбургской области археологи обнаружили огромный колокол, датируемый V–IV веками до Р. Х.

[3] *Олеарий, Адам.* Описание путешествия в Московию. М.: Русич, 2003. С. 395.

В 1600 году из пожертвованных царем Борисом Годуновым 600 пудов меди и олова соловецкий монах Сергий впервые в истории Соловков отлил большой колокол, которому в честь жертвователя было дано имя «Борисович». В те времена Россия могла удовлетворить потребность в меди за счет своих запасов только на одну треть, а олово было полностью привозным товаром, и договориться о доставке меди из-за границы не всегда было просто.

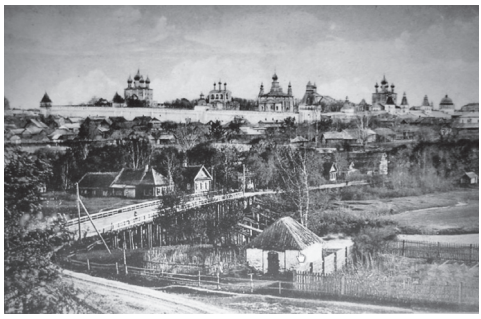
Эти металлы, в зависимости от международной ситуации, поставлялись в Россию из Англии, Дании, Голландии и Швеции в основном через порт Холмогоры, а позже через Архангельск. Как правило, металлы поставлялись в виде готовых изделий: медь – тазами, котлами, кровельная медь – проволокой, полосой и т. д.; олово – «лычное» (полосовое), «рогожное» (свертками) и в виде столовой посуды (тарелки, кружки и т. д.). И по-прежнему большое количество металла привозилось в виде колоколов (разбитых или целых, но по несколько десятков в год), которые большей частью отправлялись гужевым транспортом в столицу на переплавку или на Пушечный Двор, но некоторую часть удавалось выпросить для храмов и монастырей.

§ 3. Икона Божией Матери «Трифоновская»

В «Пространном месяцеслове» Н.Д. Тальберга впервые упоминается икона Божией Матери «Трифоновская», с днем почитания 1 февраля. Также приведено и следующее пояснение: «Недалеко от устья р. Пашич в скалах находится пещера, освященная молитвами преподобного Трифона Печенгского, или Кольского. В пещере находилась старинная икона, по преданию, принадлежавшая святому подвижнику. Особенно почитали ее лопари»[1]. Надо полагать, под «Пашичем» следует подразумевать реку Паз с известной Трифоновской пещерой в скале на ее берегу. Похоже, в те времена эту реку на русский манер действительно называли Пазич, или Пашич.

С этой пещерой связано одно лопарское предание, которое ныне можно услышать в Северной Норвегии. В пещеру эту, находящуюся в подножии отвесной скалы, что на берегу реки Паз, можно попасть только непосредственно из реки, да и то лишь в момент, когда в устье

[1] Пространный месяцеслов святых, в Земле Российской просиявших. Составил Н.Д. Тальберг. Репринт. СПб., 1997. С. 578.



Борисоглебский монастырь в Ростове.
Фото конца XIX века

реки заходят морские воды большого прилива из Варангер-фьорда. Предание рассказывает, что Трифон, преследуемый шведами, был вынужден прыгнуть вниз с отвесной скалы в реку. Когда же он вынырнул из воды, то обнаружил не заметную сверху пещеру, в которой и укрылся от преследователей. Впоследствии он неоднократно приходил сюда на лодке, пребывая в пещере *«в богомыслии и молчании»*[1].

Особое внимание преподобного Трифона к этим местам во многом обусловливалось древней принадлежностью к русским христианским святыням берегов залива Бек-фьорд и губы Паз. Преподобный Трифон, воздвигая здесь церковь именно в память святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, кроме тех причин, на которые указывали предыдущие исследователи[2], надо думать, имел в виду и воспоминания своих отроческих лет, проведенных с родителями в благочестивой священнической семье города Торжка. Главной святыней его родного города еще с незапамятных времен, с 1038 года, являлся Борисоглебский Новоторжский мужской монастырь. Монастырь этот был основан преподобным Ефремом, братом верного и любимого слуги святого князя Бориса именем Георгий, закрывавшего собой князя от злодеев-убийц и убитого вместе со своим господином через усечение главы. Мощи преподобного Ефрема почивали открыто в соборном храме монастыря вместе с нетленной главой его брата Георгия. Да и близ Ростова, родного города преподобного Феодорита, также существовал Борисоглебский монастырь, основанный в 1363

[1] См.: *Смирнов, священник.* Пазрецкий лопарский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 223.

[2] «Вероятно, крещение здесь толпы лопарей напомнило преподобному Трифону о крещении Руси в Днепре святым князем Владимиром и навело его на мысль построить здесь для новокрещенных церковь во имя сыновей Владимира, святых Бориса и Глеба, как бы вдвоем покровительствовавших ему, Трифону, и его сподвижнику Феодориту». Речь, читанная в зале обер-прокурора Святейшего Синода 14 марта 1888 года русским консулом Д.Н. Островским // Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1888. С. 361. (Далее: *Островский Д.Н.* Речь, читанная в зале обер-прокурора).

году по благословению Сергия Радонежского его учениками старцами Феодором и Павлом.

Как известно из предания, в первых своих часовнях Трифон ставил иконы, им самим написанные[1]. Надо полагать, именно из таких икон и был образ Божией Матери «Трифоновская», стоявший в пещере, что находится в гранитной скале на берегу реки Паз. В конце XIX века в этой пещере находилась уже иная икона Божией Матери, подаренная некоей новгородской паломницей Марфой. Судя по размеру киота (1,4х0,7 м), изготовленного в 1872 году экипажем шхуны «Полярная Звезда», икона была значительных размеров[2].

Ныне судьба этой иконы неизвестна, и, тем более, мы ничего не можем сказать о том, какова была иконография того старинного образа «Трифоновской» Божией Матери.

§ 4. Преподобный Трифон и царь Феодор Иоаннович

Портрет царя Федора Иоанновича. Гравюра И. Франко с оригинала неизвестного мастера XVI века

Особое значение в жизни преподобного Трифона имела его духовная связь с благоверным царевичем Феодором, в дальнейшем царем Феодором Иоанновичем, которая не прервалась и после кончины преподобного. На то есть указание в его посмертных чудесах. Это история о чудесном спасении царя Феодора Иоанновича, когда явившийся ему Трифон повелел срочно выйти из шатра, где почивал государь[3]. Сразу же за этим в уже пустое царское ложе ударило шведское пушечное ядро. При своем явлении царю Трифон напомнил Феодору Иоанновичу об эпизоде с дарением одежды «с плеча великокняжеского»[4].

---

[1] «В этой часовне поставил он нарисованные им самим образа» (*Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 263).

[2] *Смирнов, священник.* Пазрецкий лопарский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 223.

[3] Это чудесное событие не является чисто житийным, его упоминают и иные исторические повествования. Так, например, это чудесное спасение царя также приписывают явлению преподобного Максима Грека († 1556), что, как утверждают, и привело к установлению его местного почитания. См.: *Малков Ю.Г.* Русь Святая. М., 2002. С. 226.

[4] См.: Житие преподобного Трифона. Чудо о хождении преподобного в царствующий град Москву. С. 105.

Осада Ивангорода. Русско-шведская война 1495–1497 годов. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

События, описанные в житии, когда *«Царь и Великий князь Феодор Иоаннович сам воевал великие Инфлянты, то есть страны Ливонския земли, и обышедшу некий град, положися обозом неподалеку и поставиша шатры»*[1], имеют реальное историческое подтверждение.

Царь Феодор, прямо скажем, избегал личного участия в воинских походах, более тяготея к делам духовным и подвигам молитвенным. Но в этот раз действительно, когда «в январе 1590 года многочисленное русское войско выступило к шведским границам, сам царь находился при нем»[2]. *«Тихий Феодор, не без сожаления оставив свои мирные, благочестивые упражнения, сел на бранного коня, чтобы войско оживить усердием»*[3].

События, описанные в упомянутом эпизоде жития, надо понимать, происходили под городом Нарвой (Ругодивом) в феврале 1590 года, где, как отмечает Н.М. Карамзин, во время длительной осады города царскими войсками «была сильная пальба» из пушек с обеих сторон. *«И стены выбили в Ругодиве 80 сажень по подошву, а от моря 100 сажень. И немцы, видя свою неминучую, что им в Ругодиве не отсидетися, да государю били челом… »*[4]

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 115.

[2] *Соловьев С.М.* История России. Кн. 4. Т. VII–VIII. М., 1994. С. 251.

[3] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 10. Гл. 2. С. 292.

[4] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 230, 231.

«Тихий Феодор» в этой войне со Швецией (равно как и вскоре с Крымским ханом) одержал решительную победу с удивительно малыми потерями. Были успешно решены давние проблемы, которые отец его, «Грозный Иоанн», так и не смог разрешить в течение долгих десятилетий изнурительных войн.

Но задумаемся, так ли сложилась бы история Руси, не случись того чудесного вмешательства Трифона, спасшего жизнь царя под Нарвой? Воистину *«в деснице Божией сердце царево и сына царева»* и велик пред Господом избранник Его Трифон.

§ 5. Медведи святого Трифона

Следующее чудо, о котором рассказывается в житии, связано с «медведем святого Трифона». Это удивительное событие наблюдала братия монастыря у кельи преподобного при его жизни. Как известно, дикие звери становятся вновь «домашними», какими они и были задуманы Творцом во времена Адама, как только встретят человека, стяжавшего в себе благодать Святого Духа. Вспомним евангельское: *«И был Он там в пустыне сорок дней… и был со зверями» (Мк. 1, 13)*. И в житийной литературе такие эпизоды встречаются довольно часто: можно вспомнить как древние византийские жития, например, преподобных Герасима Иорданского и Марии Египетской, так и древнерусские жития преподобных Сергия Радонежского, Кирилла Новоезерского, Сергия Нуромского, Павла Обнорского, Серафима Саровского и др.

В случае с Трифоном медведь, опрокинувший квашню и съевший тесто, заготовленное преподобным для просфор, был наказан (побит) подвижником, запретившим зверю отныне приближаться к монастырским владениям. *«От того времени, во славу Святые Троицы и во знамение чудес Преподобного, окрест Лавры и келий ее, монастырскому скоту и оленям его, в пустыне бесстрашно пасущимся и доселе, звери не пакостили»*[1].

Второй медведь появился более трехсот лет спустя, в августе 1893 года, при возобновлении монастыря у реки Печенги. Убедительные просьбы со стороны монахов к колонистам, жителям деревни Монастырской, что в устье реки Печенги, с предложением переселиться несколько в сторону и дать монастырю возможность строиться на древнем святом

[1] Житие преподобного Трифона. С. 108.

Чудо преподобного Трифона с медведем.
Художник Ф.С. Козачинский. 1897

месте, к сожалению, были встречены решительным отказом, что отчасти объяснялось влиянием приверженцев раскола среди населения деревни. Переговоры зашли в тупик: «У нас приказ есть от Высочайшего имени на право владения в течение сорока лет. Мы от этого места не хотим круто ни за что *[твердо. – **Е. М.**]* отступиться»[1]. Но тут появился загадочный «медведь святого Трифона», очень крупный зверь, который с удивительной методичностью, ежедневно, около 9 часов вечера, задирал скот колонистов, при этом, как и заповедал преподобный, монастырский скот медведь не трогал. Объединенные отряды охотников долгое время безуспешно пытались отстрелить зверя, но попасть в медведя так никто и не смог: «В течение двух недель медведь успел затравить пять коров, четыре нетели и двадцать овец»[2]. На общем сходе жители признали, что зверя убить невозможно, поскольку это «медведь святого Трифона», и что есть воля Божия в том, чтобы освободить это место для монастыря. После этого решения схода медведь пропал: «к удивлению всех, зверя не стало, и куда он вдруг скрылся, никому неизвестно, и никто его не видел до сих пор»[3]. Договоренность была достигнута, и дома жителей были перенесены и обустроены силами монастырской братии. Также на новое место была перенесена и приходская церковь преподобного Трифона Печенгского.

Надо сказать, медведи были неотъемлемой частью повседневного быта Печенгского монастыря и в дальнейшем. В конце XIX века известный русский писатель и художник К.А. Коровин писал: «Вспоминаю, как вечером того же дня монах с фонарем в руке нес из монастырской кладо-

[1] Из письма колониста Ананьина игумену Ионафану. Гершин Е.В. Трифоно-Печенгский монастырь // Русская мысль. М., СПб., 1913. С. 67.

[2] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 55.

[3] Там же.

вой испеченные хлебы в трапезную, да закричал внизу у ворот: "Ах ты, еретик этакой!.. Пусти…" Оказывается, медведь отнимал у него каравай хлеба, и монах угощал зверя фонарем по морде»[1]. Позже монах объяснял, что он уже давал ему хлеба. «Вижу, что у них, у медведей, не у всех совесть-то одна. Отнимает хлеб прямо у дому, чисто разбойник… Другие-то поодаль смотрят, ждут – у тех совесть есть, а этот, Гришка-то, он завсегда такой озорной»[2].

§ 6. Чудо из «Канона…»

«Канон преподобному Трифону» начала XVII века, отражая древнюю редакцию жития, упоминает только о трех конкретных фактах чудотворений, совершенных печенгским подвижником. Два из них хорошо известны, и мы их подробно комментировали выше. Первое чудо – это явление Трифона царю Иоанну Грозному и разговор с ним, состоявшийся за сутки до фактического прихода старца в Москву. Второе чудо – *«спасение от смерти руки прикосновением»*[3] царя Феодора Иоанновича при боевых действиях *«у стен града Инфлянты»*.

Упоминание о третьем памятном событии, не вошедшем в нынешнюю редакцию жития, мы находим в тропаре четвертой песни «Канона…». Речь идет об исцелении *«от лютого беса насилуемого юноши»*. Строкой выше автор упоминает важные условия духовного роста, ранее реализованные Трифоном, которые и позволили ему стяжать эти особые дарования. Речь идет все о той же борьбе с собственными страстями. *«Разгнав страстей мрак, отче, ко свету добродетелей дошед и светел быв, мрачные духи лукавствия отгоняеши от человек, Трифоне»*[4].

Упоминаемый в тексте *«от лютого беса насилуемый юноша»* *«приемлет исцеление»*, то есть избавляется от одержимости *«мрачным духом лукавствия»* через чин заклинания, или, иначе, *«с запрещением»*. Упомянутый эпизод монашеского служения преподобного Трифона вряд ли можно причислить к свидетельствам о чудесах (хотя, заметим, этот вид чудес достаточно распространен в житийной литературе). Экзорцизм, или заклинание лукавых духов с «последованием молебным об избавлении

---

[1] *Коровин К.А.* «То было давно… там… в России…». Воспоминания. М., 2010. С. 213.

[2] Там же. С. 213.

[3] Канон преподобному Трифону. Л. 96 об.

[4] Там же. Л. 93 об.

недугующего от обуревания и насилия духов нечистых»[1], в то время достаточно часто практиковался в монашеской среде. И, надо полагать, старец Трифон за свою почти семидесятилетнюю жизнь в монашестве многих людей «от пленения диавольского избавил». Почему для автора «Канона … » пример исцеления именно этого юноши оказался особо актуален? Согласно тропарю, причиной одержимости юноши духом нечистым стал грех сладострастия, похоти. В тексте он имеет редкое написание – *«сладосластие»*.

Надо учитывать, что грехам непомерных страстей и похотей, в том числе и блудных, был привержен и сам юный Трифон-Митрофан, что сохранилось в лопарских преданиях. При этом практика христианской аскезы свидетельствует о том, что идущий вослед Христу подвижник, сумевший что-либо преодолеть, победить, «претерпеть, будучи искушен, то может и искушаемым помочь» *(Евр. 2, 18)*.

Печенгский старец, одолевший в себе тяжкий грех *«сладосластия»*, оковавший свое тело железным обручем, навсегда отказавшийся от ношения белья, спящий на *«рогозине своей»* и *«непрестанно в слезах и молитвах в сокрушении сердца пометая себя на землю перед Богом»*, мог уже «искушаемым помочь».

Завершение этой истории с *«юношей, от беса насилуемым»* и от Трифона *«исцеление приявшим»*, оказалось вовсе не радостным. Господь по молитвам праведника и через чтение заклинательных молитв освободил человека от нечистого духа, но, как известно, далее требовались усилия самого исцеленного. Спаситель особо предупреждал, что дух нечистый, выйдя из человека, неприкаянно скитаясь «по безводным местам, ища покоя и не находя» *(Лк. 11, 25)*, непременно возвращается посмотреть, чем занято его бывшее «жилище». Если беспечный человек не позаботился об этом освобожденном от нечисти «жилище» и не наполнил его дарами Святого Духа, то бес тот «идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого» *(Лк. 11, 27)*.

Так произошло и в данном случае. Юноша тот не сберег духовного здравия, утратил плоды *«исцеления с запрещением»* и вновь впал в грех служения духу страстей и похотей. Когда об этом узнал Трифон, то юно-

[1] Последование молебное об избавлении недугующего от обуревания и насилия духов нечистых. М., 1999. 301 с.

ша тот, *«погрешившу же паки [впавший в грех вновь. – **Е. М.**] в сладострастие, от тебя, отче, поносим [ругаем. – **Е. М.**] бывает»*[1]. *Мы видим, что автор ограничился скромным словом «поносим»*, однако, зная крутой характер печенгского подвижника, можно представить, как совершилось это «старческое вразумление» юного сластолюбца.

§ 7. «Белый крест на черной скале»

В отдельных публикациях конца XIX века можно встретить упоминание некоего лопарского предания о «белом кресте на гранитной скале»[2].

Суть предания лопарей Нявдемского и Борисоглебского погостов такова: «В Норвегии, в Нявдемской (Нейденской) губе, среди извилистых шхер Кеофьорда (Kiofjord) возвышается мрачная скала Аккупахта (Akkobaft) – скала Старуха»[3]. Эта совершенно неприступная твердыня с незапамятных времен служила местом самых страшных языческих жертвоприношений. Поговаривали, что в древности и человеческие жертвы приносили здесь в угоду князю бесовскому, сбрасывая несчастных со скалы на острия копий. Об этом обычае «скритфинов» свидетельствует Прокопий Кесарийский (V век): «Из жертв они считают самой прекраснейшей принесение в жертву человека, который оказался их первым военнопленным. Они приносят его в жертву в честь некоего бога Ареса, так как они почитают его выше всех. Они посвящают этого пленника богу, не просто убивая его, но сбрасывают на спицы или умерщвляют какими-либо другими особыми способами, вызывающими жалость к его мучениям»[4].

Православная часовня святого Георгия в Нейдене. По преданию, поставлена в 1565 году преподобным Трифоном Печенгским, но неоднократно перестраивалась

[1] Канон преподобному Трифону. Л. 94.

[2] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 21.

[3] *Островский Д.Н.* Путеводитель. С. 113.

[4] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Перевод с греческого С.П. Кондратьева. М., 1950. Кн. II. Гл. 15. С. 211–212.

Лопарские верования. Жертвоприношение Стор-юнкару, имеющему верховную власть над всеми животными. Его почитают как «наместника Бога». «Stoere» – большой, а юнкарами (Junkar) норвежцы зовут правителей своих провинций. То есть «большой начальник». Рис. Bernard Picart из книги: Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolatres». Amsterdam, 1728. Т. 2. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана

Преподобный Трифон, добравшись и в эти края с евангельской проповедью, воздвиг часовню святого великомученика Георгия на берегу реки Нейденэльве и приступил к крещению местных лопарей (сколтсаамов). Это побудило лопарскую колдовскую братию (нойдов) активизировать свою бесовскую работу и ответить усиленным жертвоприношением на мысе Старуха. Узнав об этом, святой Трифон «возгорелся духом и на малой ладье» со стороны моря сумел подойти к этому труднодоступному колдовскому угодью как раз в тот момент, когда начались жертвенные «камлания» (беснования) лопарских колдунов. Нойды увидели далеко внизу преподобного Трифона, подошедшего к неприступному мысу на своей ладье, но полагали, что уж в этот раз он им помешать никак не сможет. Насмехаясь над незадачливым проповедником, они продолжили свое сатанинское служение. Трифон же, возревновав о погибающих душах столь любимых им лопарей, встал в своей лодке и, воздев руки к небу, обратился с горячей молитвой к Господу, прося не допустить совершиться мерзким жертвоприношениям. Помолившись, осенил Трифон скалу крестным знамением.

Содрогнулась древняя Старуха, поколебались мрачные теснины. «Лопари в ужасе бросились бежать, дерзкие нойды обратились в камни, олени, приготовленные для беззаконной их жертвы, рассыпались в прах, а на мрачной скале проступил белый крест, видимый с моря и поныне»[1].

В 2002 году делегация Мурманской епархии, прибывшая в Нейден (Норвегия) на празднование десятилетия возобновления Нейденского православного прихода, с помощью норвежцев сумела отыскать это святое место в глубине норвежских фьордов. Действительно, на одной из совершенно отвесных темных скал, на большой высоте был обнаружен отчетливо видимый белый крест, очевидно, представляющий собой вкрапление белого мрамора в черном базальте.

[1] *Валинг Т.* Гортер-Гренвик. Часовня святого Георгия и история Русской Православной Церкви в северной Норвегии. Вадсё, 1989. С. 15.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПРЕПОДОБНЫЙ ТРИФОН В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД СВОЕГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА ДО КОНЧИНЫ В 1583 ГОДУ

§ 1. «Места церковные» Печенгского монастыря

В своем исследовании мы неоднократно сталкивались с понятием «место церковное» – это историческое место, где был построен и освящен храм. И если даже церковь была разорена, сожжена, уничтожена, то место, на котором она стояла, – всегда свято, оно – «место церковное» до скончания века. Оно никогда не должно исчезнуть ни из памяти людской, ни из Писцовых книг. И если на святом месте люди не сподобились воздвигнуть памятную часовенку, то уж крест на алтарном месте должен стоять непременно. Заметим, что такое понятие «места» применимо лишь для церкви или монастыря. «Мест» каких-либо иных исчезнувших со временем зданий или сооружений Писцовые книги не знают.

Время духовного разорения, принесенного XX веком, не прошло бесследно, и многие факты церковной истории края оказались утраченными, равно как и «места церковные». В той же мере эта проблема касается и утраты памяти о местах подвигов преподобного Трифона в завершающий период его жизни, о местах его погребения, равно как и могил убиенной монастырской братии.

Так, например, ко времени начала восстановления монастыря в конце XX века существовало стойкое убеждение, что нынешнее место могилы преподобного в Луостари и есть его отходная пустынь, где он скончался в 1583 году и был захоронен братией монастыря.

Однако преподобный был захоронен братией согласно своему завещанию: «*Погребите мя у церкви Успения Пресвятые Богородицы, в пустыни, идеже часто отходил я на богомыслие и молчание*». И эта отходная Успенская пустынь находилась у Трифонова ручья. Так же в тексте жи-

тия, где говорится о разорении обители, читаем: *«В первых сожгли храм Успения Пречистыя Богородицы, что преподобного над мощами»*. Здесь речь здесь идет о монастырской Успенской церкви что была построена в устье реки Печенги, у Трифонова ручья, в 1572 году. Мощи действительно почивали при этой церкви до разорения обители в 1589 году, после чего были перенесены в более безопасное место, в Луостари, к реке Мане, где почивают и поныне.

О том, что мощи оказались в верховье реки Печенги, у р. Маны, говорится в Писцовой книге думного дьяка Алая Михалкова за 1608 год: «Да на той же Печенге реке, на устье реке Маны место церковное Живоначальныя Троицы, да тут же лежит начальник Печенгского монастыря строитель Трифон, а над ним сделана часовня»[1]. Как видим, «места церковного» Успения Пресвятой Богородицы здесь нет.

В документе, написанном еще до разорения монастыря, в период его расцвета, «Книге письма Василия Агалина 1574 года», находим ясное указание, где была Успенская церковь: «Монастырь Печенгской стоит на устье реки Печенга, а в нем церковь деревянная Успения Пречистые Богородицы с трапезою и келарскою, да другая церковь деревянная ж Зосимы и Савватия Соловетцких чудотворцов, да на той же реке Печенге, на усть реки Маны монастырь Печенгской первоначальный, а в нем церковь деревянная ж Троицы Живоначальные…»[2] Это свидетельство современника Трифона о местонахождении церквей монастыря («местах церковных») позже подтверждается и в Писцовых книгах начала XVII века, писанных уже после сожжения монастыря: «Место старое Печенгского монастыря на усть реки Печенги, да два места церковных Успения Пречистыя Богородицы, да Зосимы и Савватия, да часовня поставлена для лопского крещения и веры православной»[3].

О построении Успенской церкви в 1572 году упоминает и Салинген, описывая свою зимовку с купеческими судами в Печенге: «…Там было около 50 монахов и около 200 бельцов (Bieltzen) или монастырских работников, занятых на постройке церкви»[4]. При этом на своей знамени-

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение 2. С. 432–433.

[2] Там же. С. 432.

[3] Там же.

[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303. Успенская церковь на Печенге была построена второй по счету. При возобновлении монастыря в XIX веке престолы именно этих церквей – преподобных Зосимы и Савватия и Успения Божьей Матери – были возобновлены в 1891–1896 годах, в посвящении приделов церкви Сретения, построенной на старом «месте церковном», что у реки

1а Место первых проповеднических трудов преподобного Трифона на Печенге. Район нынешнего поселка Корзуново (1524-1530 гг).

1 Место первого, Трифоновского, Свято-Троицкого монастыря или «монастыря первоначального», где он существовал с 1533 по 1550 гг. Здесь, в районе Луастари, ныне восстановлена эта обитель.

2 Место размещения «нового» монастыря-острога у реки Княжухи. Район Трифонова поля и церкви Николая Чудотворца и апостола Андрея Первозванного. (1549-1589 гг.)

3 Место Трифоновской отходной пустыни и большой монастырской церкви Успения Пресвятой Богородицы. Район Трифонова ручья и монастырской гавани. (ок. 1557-1589 гг.)

4 Место, где пытались возродить монастырь с 1996 до пожара 2011 года.

той карте Салинген изобразил Успенскую церковь явно крупнее, значительнее, чем Зосимо-Савватиевскую, что, надо полагать, отражает и богослужебное значение этих церквей для монастыря. После 1573 года Успенская церковь стала главной церковью монастыря, как и было задумано Трифоном. С этого времени место у Трифонова ручья становится не только отходной пустынью для печенгского старца и иеромонаха Ионы, но и главным местом совместных молитв преподобного с братией монастыря, его духовными чадами.

Изначально Трифон основал Успенскую пустынь вскоре после возвращения из странствий в 1557 году. Место у Трифонова ручья, находясь значительно в стороне от монастыря, позволяло старцу удаляться *«на*

Маны. См.: *Ануфриев Д.А.* Записки очевидца Д.А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 гг. Архангельск, 1916. С. 98. (Далее: *Ануфриев Д.А.* Записки очевидца).

Церкви монастыря на Печенге. На карте Симона ван Салингена Успенская церковь (правая) явно крупнее, чем Зосимо-Савватиевская (средняя)

богомыслие и молчание», отдыхая душой от его «общежительной» суеты, но тогда церкви здесь не было.

Однако к 1572 году, вследствие активного нарастания объемов международной и иной торговли, осуществляемой через Печенгскую губу, по настоянию Трифона, монастырь строит здесь новую Успенскую церковь. В этой церкви стали служить иеромонах Иона и старец Герман. Здесь молился и преподобный Трифон. Сюда к *«своему отцу и благодетелю»* должна была приходить на регулярные службы монастырская братия. В период летней навигации это место становилось подлинным центром монастырской трудовой и торговой жизни. Трифон озаботился, чтобы здесь был центр и духовной жизни монастыря. Преосвященный Филарет в своем труде ясно говорит о перемене, произошедшей в пустынном статусе места у Трифонова ручья: «Пустынька впоследствии обратилась в монастырь»[1].

Эта перемена произошла по объективным причинам, поскольку район Трифонова ручья оказался наиболее подходящим для новой монастырской гавани, строительства причалов для крупных торговых судов, разгрузки и погрузки товаров и всего прочего, что входит в понятие торговый порт. Центр торгово-хозяйственной монастырской жизни на период летней навигации в полной мере перемещался сюда. В известном «Датском документе», описывающем драматические события 1589 года, это место упоминается как монастырский поселок Викид, «где была монастырская гавань, где сожгли все карбасы и лодки, а суда, находившиеся в гавани, изрубили на части»[2].

В пользу строительства именно здесь монастырской гавани говорили хорошая защищенность этого места от ветров и значительные глубины вблизи берега[3], что позволяло принимать более крупные торговые суда.

---

[1] Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Соч. Ф.А. Ч. Чернигов, 1864. С. 562 (прим.).

[2] Старинный Датский документ о разорении Печенгского монастыря в 1589 году // Из сборника отд. русск. языка и словесности Академии наук. СПб., 1890. Т. 51. С. 5. (Далее: Старинный Датский документ).

[3] По промерам 1872 года, глубины в этом месте порядка 20–27 метров. См.: Планы гаваней и становищ Русской Лапландии. Составил прапорщик Растов. Шхуна «Полярная Звезда». СПб., 1874.

В ожидании парохода в Печенгской губе.
Фото 1906 года

Позже в Указе Святейшего Синода за 1895 год отмечалось: «Место сие представляет, по отзывам сведущих людей, превосходную защищенную от ветров гавань». И действительно, именно в этом месте при возобновлении Трифонова Печенгского монастыря в XIX веке была возрождена монастырская морская пристань, к которой смогли швартоваться и заходящие в Печенгу пароходы.

На одной из монастырских фотографий начала XX века, сделанной у пароходной пристани у Трифонова ручья, можно видеть настоятеля монастыря архимандрита Ионафана и контр-адмирала И.Ф. Бострема, ожидающих пароход и сидящих на берегу рядом поклонным крестом[1]. Вполне возможно, этот крест воздвигнут не случайно, а обозначает место первоначальной могилы Трифона – под алтарем церкви Успения у Трифонова ручья.

Изначально место этой Успенской пустыни было выбрано Трифоном не случайно, как давно ему приглянувшееся. Здесь «на острове Печенгской губы, при устье Печенги морском»[2], жили давние друзья его юности, крещенные им лопари погоста «Печенска летняя». И, кроме того, другое возможное место уединения у реки Маны действительно оказалось слишком удаленным от нового монастыря в устье Печенги, тогда как попечение о духовном благополучии обители требовало более близкого нахождения святого старца. Обстановка в обители была такова, что, по свидетельству «Канона…», *«питаемые тобой роптать не перестают, но ты сих зверство на кротость в благоразумие привел, молитвами непре-*

[1] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 123.

[2] *Оперманн К.* Карта Статистического Комитета. Кольский уезд. л. XXVI. Цит. по: *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. СПб., 1869. С. 54. (Далее: *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега).

станными, и пением, и бдением»[1]. Потому и основал себе Трифон Успенскую «отходную» пустынь поближе, в районе ручья, ныне носящего его имя.

Лопарское предание гласит: *«Сюда удалялся Трифон, жил здесь затворником и совершал богослужения. У самой церкви или у того места впадает в залив речка, носящая название Трифонова ручья… Трифон обыкновенно удил в ней рыбу в дни своего затворничества»*[2]. Вот здесь-то, под Успенской церковью, и было погребено тело преподобного, в согласии с его завещанием.

К сожалению, установить место, где точно располагалась Успенская церковь, сейчас уже невозможно. Однако место, где Трифон мог ловить рыбу (тоня), возможно, упомянуто в Писцовых книгах начала XVII века: *«Тоня у Трифоновы речки, под пахтою – пуста»*[3]. На поморском наречии слово «пахта» означает каменистый утес.

В конце XIX века историки имели возможность изучать информацию из уникального и позже утраченного документа: «Историческое описание Колоспеченгского монастыря». В нем «упоминается, что в 1590 году шведы, **идя с моря,** разорили и сожгли прежде всего церковь Успения Богоматери, ту самую, в которой был погребен просветитель Лопского поморья»[4]. Это важное указание – «идя с моря» – расставляет все на свои места, раскрывая не только все коварство плана финского карательного отряда, но и последовательность разорения монастырских мест. Эта же информация была подтверждена в докладе Святейшему Синоду в 1888 году: «Финны по р. Паз дошли **до моря**, и в ночь на Рождество появились в Печенгской губе»[5].

Таким образом, видимо, автор Архангельского патерика[6] напрасно был столь категоричен в своем неприятии информации, почерпнутой Й.А. Фриссом из лопарского предания, согласно которому «тело его (Трифона) было погребено в церкви Святой Девы Марии *[Успения Божьей Матери. – **Е. М.**]*, но впоследствии перенесено оттуда в церковь, стоящую вверх по реке верст на десять *[Сретенская церковь. – **Е. М.**]* и до

[1] Канон преподобному Трифону. Л. 96 об.

[2] *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 266.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 433.

[4] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 54.

[5] *Островский Д.Н.* Речь, читанная в зале обер-прокурора. С. 388.

[6] «Что ни слово – ложь! О перенесении мощей нет никаких данных. Виден шведский первоисточник». *Никодим (Кононов), архимандрит.* Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 226.

сих пор известную под именем церкви преподобного Трифона. Там перед церковью указывают до сих пор его могилу и крест»[1].

§ 2. Кончина преподобного Трифона

«Месяца декемврия [устар. декабрь от лат. december. – ***Е. М.****] в 15 день преставление преподобного отца нашего Трифона»*. Приступая к описанию этого памятного события, надо отметить, что житие сохранило довольно подробные свидетельства *«самовидцев»*, записавших *«в книжецах малых»* подлинные предсмертные наставления старца и обстоятельства его блаженной кончины.

Незадолго до своей кончины всегда отличавшийся отменным здоровьем Трифон внезапно тяжело заболел. Конечно, к своим девяноста восьми годам преподобный пребывал *«в старости маститой»*. После столь долгой подвижнической жизни в *«проповеди Христовой и по многих своих пустынных трудах»* было не удивительно, что старец *«впаде в болезнь и изнемог зело»*. Тем не менее, встревоженная этим известием братия во главе с игуменом Гурием поспешила навестить своего *«пречудного отца и наказателя»*[2].

То, что они увидели, наполнило их сердца глубокой печалью. Старец пребывал *«великою болезнью одержим»*, и было видно, что наставник и окормитель скоро покинет своих чад. Братия *«начаша скорбеть горько, глаголюще: почто, наставниче наш, оставляеши нас сирых!»*. Святой же отвечал: *«Добрый путь течения моего не пресекайте, все упование свое возложите на Бога. Молю вас, по отходе моем не скорбите – смерть мужу покой. Аз же заповедаю вам: любите Господа, в Троице славимаго, всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею мыслию своею. Чадца мои, да любите друг друга»*[3].

Преподобный последний раз причастился из рук своего верного иеромонаха Ионы, *«приял Христа Бога нашего пречистое и животворящее Тело и святую Его Кровь»*. При этом автор указывает на небольшую деталь, характеризующую строгость обетов, данных Трифоном в те давние годы, когда он был еще юным Митрофаном: *«По приятию Таин седе на* ***обычной своей рогозине****»*. На этой плетенной из прутьев циновке, неиз-

[1] *Фрисс Я. А.* Печенгский монастырь. С. 266.
[2] Житие преподобного Трифона. С. 112.
[3] Там же. С. 113.

Предсмертное наставление преподобного Трифона Печенгского.
Гравюра. Художник Ф.С. Козачинский. 1897

менно служившей ему постелью, завершал свой долгий покаянный путь бывший разбойник, а ныне великий подвижник Севера: «*Чадца мои, да любите друг друга. По изречении слов оных лег он на рогозине своей, и просветилось лице его, мало осклабися и предал святую свою душу Господеви*».

Из предсмертных наставлений старца для наших рассуждений весьма важны и следующие слова: «*Еще заповедаю вам: когда по воле Божией душа моя разлучится от тела моего, погребите мя у церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в пустыни, куда часто отходил на богомыслие и молчание*»[1]. По построению этой фразы мы видим, что кончина застала Трифона непосредственно в монастыре, а не в Успенской пустыни. И ранее автор оговаривает, что Трифон «*в обители своей впаде в болезнь*». Таким образом, известная сцена погребальной процессии, изображенная на драгоценной серебряной раке, как раз и показывает нам направление движения скорбной процессии от Зосимо-Савватиевской церкви вдоль берега Печенги к Успенской церкви, что у Трифонова ручья. «*И погребен*

[1] Там же. С. 114.

бысть Трифон, Святей Троице теплый служитель и пречистей Богоматери благодарен, в завещанном месте, в пустыни»[1].

§ 3. Судьба мест захоронений преподобного Трифона Печенгского

Возрождение Печенгской обители началось 16 июля 1886 года с прибытием соловецких монахов к Сретенской церкви, что у реки Маны. В этот день строитель монастыря иеромонах Никандр записал в своем дневнике: «Мы поднялись на лодке по реке Печенге около 25 верст к Сретенской церкви, в которой почивают мощи преподобного Трифона и находятся две гробницы учеников его Ионы и Германа, убиенных шведами»[2]. Это свидетельство отца Никандра о том, что в Сретенской церкви находятся мощи Трифона, привело уже в наше время, в период возрождения монастыря, к усердным поискам нынешнего места нахождения мощей. Однако драгоценная серебряная рака – дар архангельской купчихи Е.С. Рыниной возобновляемому монастырю – всегда была пуста, и поклонение совершалось плащанице преподобного, лежащей в ней. Мощи же преподобного «почивали под спудом» в периметре древнего фундамента уничтоженной в 1589 году Свято-Троицкой церкви, той, что позже, 1707 году, была восстановлена как Сретенская.

Предположение о том, что эта серебряная рака все же была вывезена в Финляндию при эвакуации монастыря в июне 1944 года и находится где-то в запасниках музея в Куопио, было опровергнуто результатами раскопок, происходивших летом 2006 года по инициативе автора. При расчистке древнего фундамента Свято-Троицкой церкви в районе речки Намайоки (Маны) было обнаружено значительное количество застывшей серебряной массы с уцелевшими фрагментами литых изображений[3]. Таким образом, стало очевидным, что рака оставалась на своем месте в этой церкви вплоть до боев 1944 года. Обращенная в склад медикаментов бригады горных егерей Вермахта, церковь и все ее убранство были уничтожены огнем в ходе наступательной операции по освобождению Финнмаркена советскими войсками.

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 114.

[2] Из дневника настоятеля Печенгского монастыря строителя иеромонаха Никандра // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28. С. 6.

[3] «Рака серебряная преподобного Трифона весу 189 фунтов 40 золотников *[77 кг. – **Е. М.**]*». Описи церквей ставропигиального второклассного Трифон-Печенгского монастыря за 1916 год. ГАМО, ф. 54, оп. 1, д. 147, л. 37 об.

Сретенская церковь на р. Мане. Гравюра конца XIX века

К сожалению, некая двусмысленность формулировок о местонахождении и состоянии мощей встречается и у достаточно серьезных авторов, как, например: «Здесь церковь Сретения Господня, в которой почивают мощи преподобного Трифона», или «…церковь Сретения Господня с почивающими в ней мощами преподобного Трифона, священноинока Ионы и инока Германа»[1]. Несколько точнее, хотя также не вполне определенно, ситуация сформулирована в Указе Священного Синода 1885 года о возрождении Трифоновского монастыря на его древнем историческом месте: «Сретенская церковь, при коей почивают мощи преподобного Трифона, имея в виду то, что упомянутая церковь является усыпальницей преподобного Трифона…»[2]

Но обретения мощей преподобного не было. Было их перенесение вскоре после разорения монастыря 1589 года из Успенской пустыни на «место монастыря новоначального», что у реки Маны (Намайоки). О том, что мощи преподобного не сразу оказались на нынешнем месте, а переносились, сообщает Преосвященный Филарет: «По одному списку святцев, преподобный преставился июля 23, по-другому – ноября 14, по третьему – декабря 15. День кончины, без сомнения, 15 декабря, прочие дни – **дни празднования перенесения мощей**»[3].

И позже, уже при начале работ по восстановлению обители в XIX веке, архангельский епископ Нафанаил, также, видимо, обладая этой информацией, предлагал вернуть мощи к устью Печенги: «Восстановить монастырь против реки Княжухи, где некогда и существовал монастырь Святой Троицы, и перенести сюда мощи преподобного Трифона»[4].

---

[1] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 40, 59.

[2] Там же. С. 47.

[3] Русские святые, чтимые всей церковью или местно. Опыт описания жизни их. Соч. Ф. А. Ч. Чернигов, 1864. С. 562 (прим.).

[4] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 36.

Известный исследователь Севера Е.К. Огородников в 1869 году пишет о факте **первоначального** погребения (в отличие от последующих) как о чем-то хорошо всем известном: «Была построена церковь Успения Богородицы, где по завещанию был он (Трифон) **первоначально** погребен»[1].

И настоятель монастыря иеромонах Никандр уже в первые месяцы своего пребывания на месте возрождения монастыря у реки Маны пишет в своем дневнике, как о чем-то весьма важном, среди иных, действительно насущных дел, о том, что в районе Трифонова ручья «предполагается выстроить часовню»[2].

Уничтоженный финнами монастырь-крепость в устье реки Печенги, как «место монастырское», было вскоре, по мере сил, восстановлено. Монахи из Колы приезжали жить в Печенгу «переменяяся по годам», то есть вахтовым методом. О степени восстановления инфраструктуры свидетельствует Писцовая книга 1608 года: «Место старого Печенгского монастыря, да часовня поставлена для лопского крещения и веры православной, да две келии, а в них живут старцы Печенгского монастыря, переменяяся по годам, приезжая из монастыря, да всего 15 мест келейных. Да на той же Печенге реке, на усть реки Маны место первоначальное Печенгского монастыря, да место церковное Живоначальныя Троицы, да тут же лежит начальник Печенгского монастыря строитель Трифон, а над ним сделана часовня»[3], то есть рядом с тем, что осталось от самой первой монастырской Троицкой церкви, построенной Трифоном в 1532 году и сожженной врагом в 1589 году.

Возникает вопрос: чем была вызвана необходимость перенесения мощей из Успенской пустыни, «на место первоначальное Печенгского монастыря, что на усть реки Маны»? Надо сказать, ни у кого из историков прямого ответа на этот вопрос мы не находим. Также и профессор Я.А. Фрисс, упоминая факт перезахоронения, заимствованный им из лопарских преданий, причин того не касается.

Ответ на этот вопрос напрямую связан с особыми обстоятельствами гибели монастыря, чего мы коснемся далее.

---

[1] *Огородников Е.К.* Мурманский и Терский берега. С. 54.

[2] Из дневника иеромонаха Никандра // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28. С. 6.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 432.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КОНФЛИКТ РОССИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В 1589–1590 ГОДАХ

События, которые происходили на Кольском Севере в 90-х годах XVI века, имели самые тяжелые последствия для российской колонизации Кольского Севера. Практически все поморские поселения и оба монастыря были жестоко разорены и сожжены. Реально уцелели только Кола и Варзуга, а также поселения от Варзуги далее, на восток Терского берега.

Это была агрессия 1589–1590 годов, когда шведский наместник «Петр Багге, будучи начальствующим лицом в Остерботнии, собрал войско из крестьян этой провинции под руководством Весайнена, которые всегда отличались своею воинственностью. Они перешли Лапландские горы и, опустошая все огнем и мечом, разорили Печенгский монастырь, осадили Колу… »[1]. Чуть раньше они уничтожили Кандалакшский монастырь и сожгли все русские села по обе стороны Кандалакшского залива.

В Печенгской обители шел Рождественский пост 1589 года, когда приблизилось время исполниться пророчеству отца-основателя обители на Печенге: *«на сию обитель будет великое искушение [опасность], и от острия меча умучатся многие»*[2]. *И когда автор жития говорит, что на момент нападения «во отшествии и в службах иноки молитвами Преподобного вси спаслися»*, то следует заметить, что Божья воля, возвещенная Трифоном в его предсмертном пророчестве, в полной мере исполнилась над той частью братии, которые *«по молитвам Преподобного»* сподобились принять высшую награду христианина – венец мученический и причислены ныне к Собору Кольских святых.

---

[1] *Чумиков А.* О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3. С. 12. (Далее: *Чумиков А.* О походе шведов.).

[2] Житие преподобного Трифона. С. 114.

§ 1. Внутренние причины трагедии 1589–1590 годов

Когда в XIX веке встал вопрос о возрождении Трифоновского монастыря и пробудился большой интерес к прошлому Печенгской обители, то можно было услышать на первый взгляд странную характеристику монастыря: «От этой некогда цветущей **религиозно-торговой колонии** до сих пор уцелел единственный памятник – мельничные жернова, лежащие в задичалой местности на берегу реки Княжухи»[1]. Есть ли основания для столь нелестной характеристики? Надо ясно понимать, что Печенгский монастырь к концу XVI века представлял собой удивительный феномен. Монашеская обитель, превращенная в отлично защищенную крепость и находящаяся в чрезвычайном удалении от «большой земли», приобрела столь непомерное государственно-экономическое и торговое значение в европейском масштабе, что, по сути, была обречена на уничтожение.

Размах торговых операций, проводимых монастырем во второй половине XVI века, всегда был необычайно велик, но он стал беспрецедентным, когда в 1571 году Иван Грозный внезапно ликвидировал созданную английским купечеством «Московскаю компанию», долгое время монопольно и беспошлинно торговавшую с Россией в гаванях Белого моря, а через нее и со всем богатейшим Востоком[2]. Таким образом, на фоне непрекращающейся Ливонской войны и при закрытых для купечества сухопутных границах какое-то время вся европейская торговля с Россией шла через Печенгский монастырь. «В XVI столетии монастырские суда выходили из своих Варангер-фиордских гаваней, нагруженные не одними произведениями своей домашней промышленности, но и немецкими товарами, полученными на Печенгском торжке и в Датских заливах, а может, и далее. Товары эти перегружались с монастырских судов в Архангельске и Холмогорах на речные суда, а сбыт их происходил во всех попутных городах и торжках, начиная с Архангельска до Вологды и Ярославля. Некоторые грузы зимним путем доставлялись прямо в Москву. При таких обширных операциях Печенгский монастырь имел в главных

[1] Вести с Печенги // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28. С. 5.

[2] Причиной такого неожиданного демарша со стороны Ивана Грозного историки полагают преднамеренную задержку с доставкой в Россию со стороны Англии столь необходимого для ведения Ливонской войны оружия и металлов. Удар для Англии был очень чувствительный, поскольку прервалась поставка товаров не только российских, но и из Персии, Шемахи (центр виноделия и ковроткачества, ныне на территории Азербайджана), среднеазиатских ханств, Индии и Китая.

Так мог выглядеть Печенгский монастырь. На рисунке Пелымская деревянная крепость-острог XVI–XVII веков

Образцы товаров, привозимых на северные торги. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

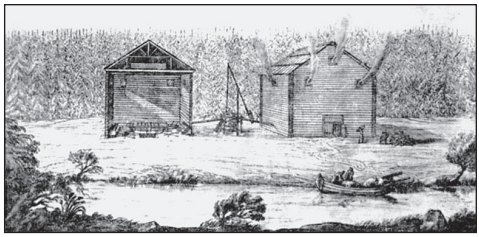
пунктах свои подворья для склада товаров привозимых и закупа местных».[1]

Сохранившиеся исторические документы свидетельствуют о чрезвычайно успешной «экономической монастырской деятельности, и из них мы видим, в каких размерах занимался он (монастырь) солеварением, речными и морскими промыслами с китовою ловлею включительно; имел свои верфи, на которых строил большие лодьи и мелкия промысловыя суда; имел лесные склады, мукомольные мельницы, скотные дворы и т. п.»[2].

У нас нет материалов, характеризующих размах монастырского хозяйства непосредственно на момент нашествия «свитцких немец», произошедшего в 1589 году, но, по Писцовой книге 1574 года, еще за 16 лет до разорения монастыря, на его крепостной территории уже существовало 34 здания, и это не считая церковных. Братии же, как таковой, было не более 50 человек. Мы не знаем, сколько тогда было в монастыре священников, но знаем точно, что на момент разорения в обители, кроме настоятеля – игумена Гурия и почти девяностолетнего Ионы, был только

[1] «Покупались и обратно привозились рожь, ячмень, овес, солод, крупа, толокно, семя конопляное, мясо, масло, пшеница, горох, мед, воск, холсты, точива *[тканые полотна. – **Е. М.**]* и всякие сукна, кожи дубленыя, белая юфть и красная юфть, конопля, прядево всякое на невода, сети, подольники *[рыболовная снасть с многочисленными крючками. – **Е. М.**]*, судовая снасть, лодейные шеймы *[корабельные тросы и канаты. – **Е. М.**]*, смола и всякие заморские запасы беспошлинно». Акты исторические. Т. IV. Цит. по: *Дергачев Н.* Русская Лапландия. С. 106.

[2] *Огородников С.Ф.* Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 25.



Соляная варница на Белом море.
Рис. с гравюры 1674 года

один иеромонах Пахомий и иеродиакон Иосиф – казначей. Так что следует признать, что богослужебная жизнь в монастыре не входила в число приоритетов.

Непомерные мирские попечения братии беспокоили и старца Трифона. Горечью и тревогой исполнены его предсмертные увещевания: «*Любимцы мои, честно иночество и воздержанно храните, начальства бегайте*»[1], что на современном языке звучит: «чуждайтесь желания власти».

Правда, среди искушений, подстерегающих иноков, властолюбие, казалось бы, не самая первая проблема. Но в XVI веке в монастырях «стяжательного» типа, среди прочего неблагополучия, и этот грех был не последним. Монахи «вотчинного» монастыря неизбежно входили в начальственные отношения. Кто же как не они должны были руководить людьми, следить и контролировать все то многочисленное население, которое стало принадлежностью монастыря вместе с пожалованными монастырю землями на основании крепостного права[2], поскольку «*пожаловали мы в вотчину… с лопарями и всеми, кто ныне суть и впредь будут, со всеми угодьями луговыми…*»[3]. Или: «*Те Мотоцкие и Печенские лопари отданы в Печенской монастырь в крестьян место…*»[4]. Так что любой монах уже нес в своем лице эту часть монастырской феодальной власти над крепостным людом. «*Служек и крестьян, крещеных лопарей, и дворников, и детенышев монастырских, наместники, воеводы, и всякие приказные люди, не судят их не в чем, а судит лишь игумен с братьею сам и во всем…*»[5].

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 113.

[2] Можно возразить, что крепостное право к этому времени еще юридически не оформилось, но суть закрепления людей, приписанных к монастырю «в крестьян место», от этого не меняется.

[3] Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929. С. 440.

[4] Роспись лопарским погостам 1581 года. Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930. С. 57.

[5] Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю // Акты Исторические (1645–1676). Т. IV. СПб., 1842. С. 551–552.

Поморы и купцы.
Гравюра Е.О. Бургункера.
Середина XX века

Ситуация в стране, ужасы опричного «правежа» и бесконечные войны породили небывалый приток на Север, на монастырские земли, беглого крестьянства – это так называемые «новоходчики», «бобыли» и пр. «*По случаю войны между шведами и русскими из-за Корелии, а также по причине тирании, господствовавшей тогда в России, народ бежал и селился в Лапландии*»[1]. К этому беглому люду добавлялось еще огромное количество «монастырских слуг» или «служек», «монастырских детенышей» и «ремесленников»[2]. «*Монастырь имел мельников, разных мастеровых, морских и горных звероловов, а на перевозных ладьях кормщиков, носовщиков, осночей [корабельные должности. Осночи обслуживали снасти судна, такелаж. – **Е. М.**] и пр. и всему этому населению давал работу в промыслах, торговле и других занятиях*»[3].

Если в 1572 году, по свидетельству Салингена, в монастыре на одной только постройке церкви было занято 200 (!) монастырских работников, то можно представить весь размах монастырского строительства и освоения новых земель в последующие годы его бурного роста.

В 1573 году в этот процесс безудержного роста владений монастыря в западном направлении был вынужден вмешаться сам царь Иоанн Грозный, поскольку «в те годы монахи уже заселили земли своими монастырскими людьми и предоставили им все права от Киберга (более 100 км по территории Норвегии) до Варангер-фьорда»[4].

Мировая политика в связи с войной в Прибалтике вызвала сближение позиций России и Дании. В этой ситуации столь активное ущемление интересов Датского королевства здесь, на Севере (Норвегия являлась датской провинцией вплоть до 1814 года), со стороны Печенгского монастыря вынудило царя прислать весной 1573 года бояр и послов для наведения порядка с границами в Лапландии. В итоге границей положили считать Паз-реку, а монастырских людей удалили с полуострова Варангер (Норвегия) и реки Полной (ныне Pulmankijoki), расстояние до

---

[1] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303.

[2] Об этом подробно см.: *Смолич И.К.* Русское монашество. Глава «Владения и хозяйство … ». М., 1999.

[3] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. С. 106.

[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303.

которой от монастыря порядка 100 километров вглубь нынешней Финляндии и которая впадает в норвежский залив Тана-фьорд.

Безусловно, духовная жизнь монастыря подвергалась серьезному испытанию. Особенно с 1566 года, когда монашеская обитель становится, ни больше ни меньше, «центром российско-нидерландской торговли в России»[1]. Голландское купеческое дело достигло к тому времени небывалого размаха. «Там (на Печенге) появилось с товарами много народа из Холмогор, Каргополя, Шуи…» – воистину, «тут был свой порто-франко»[2].

Чтобы понять, чем приходилось заниматься монастырской братии, упомянем, какие товары поставлялись в «Московию» через Русский Север: «сахар, шафран, соленые сельди, мальвазию, испанские и французские вина, сукна разного рода и цвета, голландское полотно, зеркала, ножи, сабли, пистолеты, ружья, пушки, медь, свинец, олово, шелковые ткани, атлас, аксамит, камку, объярь, золотой и серебряный алтабас, полотняные, бумажные и шелковые чулки, пряденое золото, жемчуг, перлы, рубины, смарагд, сапфиры, хризолиты, аметисты, топазы, наконец, огромное количество золотых и серебряных денег»[3].

Не случайно предсмертные наставления святого старца Трифона, возвещенные им декабрьским днем 1583 года, явным образом наполнены скорбью об опасности этих необъятных мирских попечений, захвативших братию монастыря. Стяжание все новых владений, накопление огромных богатств в стенах обители, непомерная мирская суета и утрата духа истинного монашества – все это тревожит покидающего своих чад преподобного Трифона, и взволнованно звучит его последнее поучение: *«Не любите мира и яже в мире; сами видите, сколь окаянен мир сей, яко море не верен, мятежен, исполнен пакостьми нечестивых духов, ветрами волнуется губительными, лжами горек, наветами дьявольскими трясется и пенится, греховными вихрями свирепствует, смущает, и потопить миролюбцев стремится…»*[4].

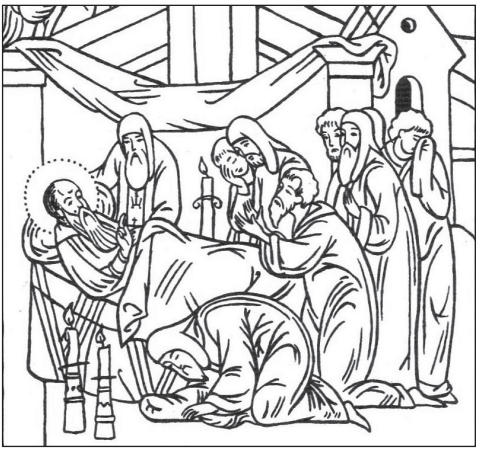
---

[1] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 23. Справедливости ради надо упомянуть существовавший еще в это время недалеко от Печенги, на Рыбачьем полуострове, старинный торг у мыса Кегор (Вайда-губа). Но, по грамоте 1556 года, его территория отошла в ведение монастыря.

[2] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. С. 105. «Порто-франко – гавань, в которую иностранные товары допускаются беспошлинно». *Павленков Ф.* Энциклопедический словарь. СПб., 1905.

[3] Из описания путешествия в Московию Мейерберга в XVII веке. Цит. по: *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Вологда, 1919. С. 47.

[4] Житие преподобного Трифона. С. 113.



Кончина Трифона. Деталь прориси из жития преподобного Трифона Печенгского. Автор И.В. Куксенко. 2007

Мог ли что изменить в этой ситуации последний призыв преподобного блюсти идеалы христианские и обеты иноческие? Страх смерти – вот самое действенное убеждение, явленное в неумолимых словах Божьей воли: *«Будет на сию обитель тяжкое искушение, и от острия меча умучатся многие, но не ослабевайте, братия, упованием на Бога. Не оставит Он жезла грешных на жребии Своем, ибо силен и паки обновит Свою обитель»*[1].

§ 2. Внешние причины событий 1589–1590 годов. Большая европейская политика

Внутренней пружиной вооруженной агрессии, развернувшейся на Русском Севере в 1589–1590 годы, безусловно, явилась большая европейская политика, неизменно следующая в русле интересов бизнеса. В Средние века, впрочем, как и во все последующие, Европа не питала симпатий к нашей северной, «варварской» стране. Однако в рассматриваемый период наиболее непримиримым и последовательным противником Московии было Шведское королевство.

Политическая ситуация на Европейском театре в то время характеризовалась сложным переплетением выгод и интересов многочисленных и весьма сильных государств-монархий. Ко второй половине XVI века этот процесс обострился и в отношении земель Крайнего Севера. Хотя еще совсем недавно, в начале XVI века, европейские дипломаты не

[1] Там же. С. 114.

Доклад капитана Р. Ченслера королю Эдуарду VI о возможностях пройти Северным морским торговым путем

сомневались, что «Московиты к северу окружены Ледовитым морем, коего обширнейший берег весь находится во владении Великого Князя Московского»[1].

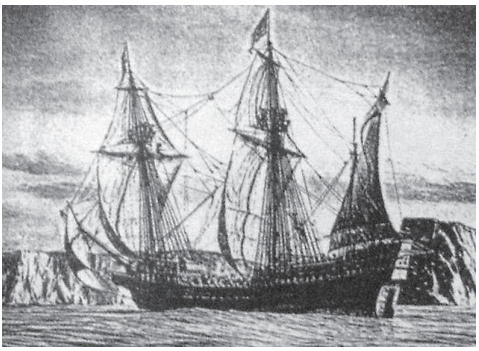
Крайний Север Европы стал вожделенной территорией для активной европейской торговли. Равно и перспектива обладания «Северным морским путем» вполне сформировалась как предмет особого интереса европейских стран, в особенности таких сильных морских держав, как Англия и Голландия.

В истории Европейского Севера хорошо известен хрестоматийный пример экспедиции Х. Уиллоуби и капитана Р. Ченслера, флотилия которых «в середине мая 1553 года оставила устье Темзы и направилась открывать «Северный морской путь». Открыть желанный северо-восточный путь в Азию не получилось, но в результате возникла английская торговая компания «Muscovy Company», которая до 1698 года обладала монополией на торговлю с Россией на Севере. Таким образом миссия английских мореплавателей «сия возпричинствовала в 1584 году к учреждению первого в России порта и города Архангельского, названного сначала Новохолмогорским городом»[2].

Упомянутое нами ранее свидетельство норвежских архивных документов ясно указывает, что еще в 1420 году английские корабли уже приходили на Крайний Север и пытались включить Норвежский Галогаланд в сферу своих торговых интересов. Тогда это событие вызвало у норвеж-

[1] Донесение д. Иоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Ерцгерцогу Австрийскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрийской Империи, о нравах и обычаях Московитян // Отечественные записки. 1826. Ч. 25. № 70. С. 293.

[2] *Фомин А.И.* Описание Белого моря с его берегами и островами вообще. СПб.: Имп. Акад. наук., 1797. С. 50.



Корабль Р. Ченслера «Эдуард Бонавентура» огибает мыс Нордкап. Фрагмент акварели Марка М. Майерза. Конец XX века

цев настоящую панику. И, как можно понять, король озаботился этой опасностью, и больше англичан на Крайнем Севере Европы до времен экспедиции капитана Р. Ченслера не видали.

Можно было бы недоумевать по поводу такой обостренной реакции на появление английских кораблей, но следует вспомнить наш печальный опыт. В 1603 году некий английский мореплаватель Стефан Бенэт снарядил корабль «для торговли в Лапландии, и, если будет возможность, чтобы найти таинственный путь на восток. Но Бенэт "нашел" лишь остров Медвежий, хорошо нам известный, и назвал его о. Шерри»[1]. Через несколько лет это дело приняло неожиданный оборот: «Компания по торговле с Москвой объявила остров своей собственностью», а позже, в 1611 году, та же участь постигла и наш Грумант. В 1944 году мы потребовали вернуть под суверенитет СССР остров Медвежий, но он так и не был передан, равно как и по Шпицбергену кондоминиума (совладения) с Норвегией мы также не добились.

Тем не менее, российская дипломатия имела полезный опыт в вопросе защиты Северного морского пути. В 1620 году царь Михаил Федорович под страхом смертной казни запретил плавание «северным морским путем», через ямальский волок в Мангазею. Тогда было ясно, что сил надежно контролировать этот путь у России не хватит, а возможность проникновения мощных английских и голландских торговых, а затем и военных, флотов в русские владения на Севере более чем реальны. Таким образом Сибирь вскоре могла стать английской или голландской колонией, как это вскоре случилось с Северной Америкой, Индией, Индонезией и пр.

[1] Комментарии В.Н. Семенковича к книге Ламартиньера П.М. «Путешествие в северные страны». С. 99.

Торг на Севере.
Рис. из книги: O. Magnus.
Historia de gentibus… 1555

Но в интересующие нас 80-е годы XVI века Англия еще не пошла по пути колонизации, и отношения между Россией и Англией, по-прежнему имевшей льготы в морской торговле на Российском Севере, внешне оставались дружескими. «Каждый год к Архангельску приставало несколько английских кораблей с товарами. Однако предприимчивые англичане не желали ограничиваться лишь торговлей с Москвой, но стремились проникнуть далее на юго-восток, особенно в Персию, пользуясь Московией как транзитным путем»[1]. Не оставляли они и идеи проложить вожделенный Северо-Восточный проход в Индокитай, как в те времена назывался Северный морской путь.

В английском бизнес-сообществе в то время остро стоял вопрос – на каком районе Российского Севера следует сосредоточится при организации торговли: известной «пристани св. Николая» на Белом море или старинном торг у мыса Кегор[2] на Рыбачьем. Беломорская торговля в устье Двины была удобней в смысле быстрой последующей отправки товара вглубь России. На Рыбачьем Кегорском торге с 1564 года активно заявил о себе Печенгский монастырь, и, таким образом, монополия норвежских купцов из Бергена и Тронхейма на северную торговлю в Вардехузе оказалась под угрозой.

Норвежцы по-прежнему держали жесткую оборону и не допускали европейских мореплавателей к этим берегам. Голландские купцы, попытавшиеся 1564 году с торговым интересом причалить к пристани норвежской крепости Вардехуз, были арестованы фогтом Вардехузского округа «Яковом Гансеном, который отнял судно и груз и сказал им, что

[1] *Шпаковский А.Я.* Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII веках // Сборник статей. Студенческий историко-этнографический кружок. Киев, 1915. Вып. VII. С. 3.

[2] Кегор, или Вайда-губа, – северо-западная оконечность полуострова Рыбачий и удобная бухта, расположенная сравнительно недалеко от Печенгской губы. Место древнейшего торга на Мурмане.

они будут подвергнуты смертной казни»[1]. Печенгский монастырь, узнав об этом, предложил голландцам в следующем (1565) году смело приходить к ним, «в Монкефорт [в Печенгскую губу], где к его прибытию они соберут всю рыбу (треску), семгу, ворвань и прочее сырье»[2].

Довольно скоро и англичане, впечатленные масштабом торговли голландцев с Печенгским монастырем, стали сомневаться в правильности выбора беломорского направления в торговле. Один из совладельцев «Muscovy Company», некто James Alday, настаивая в своей записке на участии компании в торговле с монастырем и необходимости установления прямых контактов между г. Гуллем и Вайда-губой, пишет: «члены общества, споря о вариантах торговли с Россией, уподобляются двум собакам, грызущимся из-за кости, в то время как третья хватает эту кость и уносит. Также и голландцы унесут у нас из-под носа эту выгодную сделку»[3].

Так, собственно, и произошло. «Амстердам и Антверпен быстро установили с монастырем оживленные сношения. Покупка велась на «ефимки» *[русское название западноевропейского серебряного талера. – **Е. М.**]*, и каждый добрый «ефимок» принимался ценою в полтину *[полтина = 100 денег (копеек). – **Е. М.**]*»[4].

До этого времени все права на торговлю в гаванях «Северной страны» повелением Иоанна Грозного были отданы англичанам. Царской грамотой 1563 года повелевалось: «Что б опричь их, англичан, из иных государств гостям и купцам на Колмогоры, на Мизень, **на Печенгу** и к Соловецкому острову и во весь Двинский уезд Северныя страны на кораблях и бусах не приходить и не торговать»[5]. Однако вскоре голландцы смогли получить свидетельство и разрешение на «торговлю в северных странах по патенту испанского короля за его подписью и большой печатью»[6].

В 1583 году англичане, пользуясь особым расположением Иоанна Грозного, вновь попытались добиться полной монополии на торговлю на Русском Севере. Однако Царь отвечал, что это требование чрезмерно:

---

1 *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 297.
2 Там же. С. 298.
3 Hakluyt's Collection of the early voyages. London, 1808. Vol. 1. P. 28.
4 *Островский Д.Н.* Речь, читанная в зале обер-прокурора. С. 387.
5 МГАМИД, «Сношения с Англией», ф. 35, оп. 4, л. 1. Грамота эта утрачена в архиве в 1938 году.
6 *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 298.

«Чтобы к нашим ко всем пристанищам морским приходили одни Англинские гости по прежней грамоте, тому статися невозможно»[1]. Но, в то же время, демонстрируя особые свои симпатии «для Елисаветы Королевны гостей Англинских пожалуем, и велим им одним к нашим пяти пристанищам морским приходити, к Корельскому пристанищу, да к Печенге, да к реке Варзуге, да к реке Мезени, да к реке Шуму»[2].

В эти годы объемы торговли с Печенгским монастырем действительно впечатляют: «В течение 6 лет монастырь обязан доставлять «Амстердамской компании» всю красную рыбу, треску и прочую, не только выловленную монастырем, но и скупать **всю рыбу**, в том числе выловленную в Коле и Туломе». Для примера, такие северные реки Терского берега, как Варзуга и Поной, за сезон одной только семги (!) могли давать по 3600 пудов, то есть более пятидесяти семи тонн каждая[3]. Вся же ежегодная добыча рыбы на Мурманском берегу, в зависимости от сезона, могла составлять от 300 до 600 пудов, или от 4800 до 9600 тонн соответственно[4].

Одной из доходнейших статей монастырского промысла в то время являлось солеварение: «Печенгский монастырь за удовлетворением своих потребностей и местной распродажи отпускал во внутренние города России без всякой пошлины до 40 тысяч пудов соли»[5]. Это около 700 тонн.

В одной из торговых книг того времени находим наставления о закупках на Печенге в 1575 году одного (!) русского купца: «Вару бочка весом 7 пудов, ты сговаривайся на 100 бочек» *[более 12 тонн. – **Е. М.**]*, «серы еловыя чистыя, ты имайся на 70 бочек» *[бочка = 492 литра, т. е. всего порядка 35 тонн. – **Е. М.**]*, «смолы, в голландской земле купят по 3 ефимка, и ты имайся на 500 бочек»[6].

---

[1] Тайные переговоры Царя Иоанна Васильевича с послом Английской Королевы 13 декабря 1583 года // Северный архив. Типография Н. Греча. СПб., 1823. Январь. № 2. С. 120.

[2] Там же. С. 124.

[3] «1614 год. Взято десятинной рыбы 3282 рыбы семги, весу 360 пуд. И отослана та рыба на Дворец». Приходо-расходные книги московских приказов. М., 1983. С. 71. Цит. По: *Ушаков И.Ф.* Хрестоматия по истории Кольского Севера. Мурманск, 1997. С. 48.

[4] «По определению Н.Я. Данилевского (1859г.), средний уровень рыбодобычи на Мурмане равнялся 400 тысячам пудов». *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 229.

[5] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. С. 106.

[6] Там же. С. 105.

Но необходимо понимать, что нидерландские купцы и Печенгский монастырь весьма досаждали не только английскому предпринимательству. Их впечатляющие и все растущие торговые обороты стали очень раздражать те страны, которые считали себя совладельцами богатств этого края. Речь идет о Дании и Швеции, ибо, как писал в 1557 году английский путешественник Барроу, «лопари платят дань русскому царю, королю датскому и королю шведскому»[1]. Однако уже в 1576 году было отмечено, что «с начала последней войны между царем и королем шведским не замечалось, чтобы лопари что-либо выплачивали королю шведскому»[2].

В 1581 году шведы захватили Нарву – важнейший опорный пункт России на Балтике, и значение торговых мест Кольского Севера возросло многократно. Одновременно в 1582 году и датский король Фредерик II направил к мурманскому побережью военную эскадру с приказом захватывать все иностранные суда, и даже «в самой Кольской гавани»[3].

Царь Иван Грозный писал «с укоризною» Фредерику II, королю Датскому: «Дорога морем, большим окияном к нашей вотчине к Колмогорам за много лет была, лет за сорок. А призжали из Английские земли немцы и из иных государств по нашему жалованью. А ныне в ту дорогу, в морской ход, ты вступаешься, в чем ни тебе, ни отцу твоему, ни деду твоему николи ни слова не бывало. А ты ныне, руша свое с нами докончанье *[условия мирного союза. – **Е. М.**]* и крестное целованье, в тот ход в морской вступаешься. И к нам ныне с Колмогор и с Колы волости наши приказные люди писали, что приходили в наше государство, в Кольское пристанище на Мурманском море и к Колмогорам, твоих пять кораблей, и разбойным обычаем меж нашей вотчины на море у Колы и у Колмогор разбили немец, которые к нам в наше государство ехали»[4].

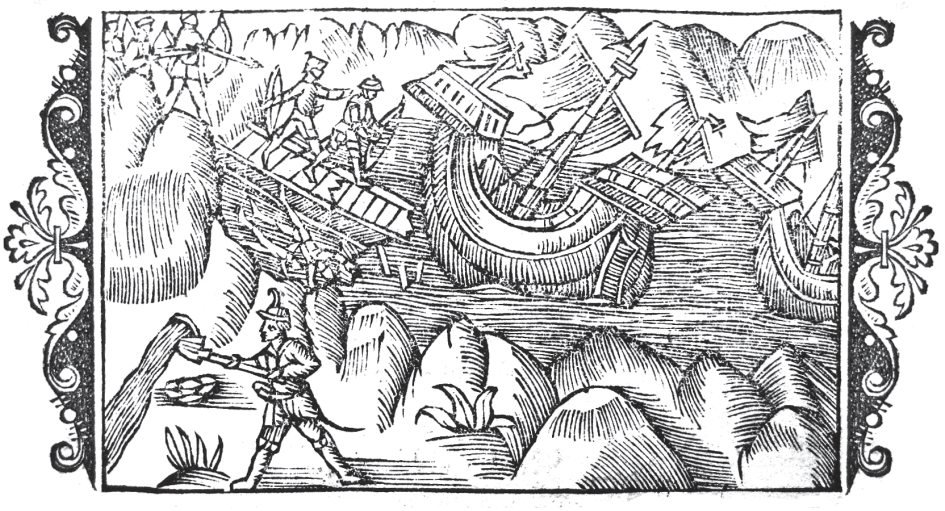
Царь не хотел обострять отношения с Данией и всячески призывал короля к мирному соглашению: «мы, как есть государи хрестьянские и таких твоих задоров не помнячи, а помня старое свое и прежних наших прародителей докончанье, держати с тобою докончанье свои хотим, и на-

[1] Английские путешественники в Московском государстве. С. 124.

[2] Там же С. 92.

[3] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив // ЧОИДР. 1893. Кн. 1, № 439. (Далее: Щербачев Ю.Н. Датский архив).

[4] Царская грамота датскому королю Фредерику II с укоризною. 1582 г., июля // Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. 16. С. 189. (Далее: Русские акты Копенгагенского архива).



Грабеж купеческих судов. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

рушивати их ни в чем не хотим». При этом, однако, он предупреждал короля: если «ты с нами крестное целованье порушишь, и нам за то стояти и свои пристани морские оберегати»[1].

Однако «брат Фредерик» не спешил отзывать свои эскадры от мурманских берегов. Эти обстоятельства в 1583 году вынудили царя Иоанна Грозного дать соответствующие распоряжения, и кольский воевода Максак Федорович Судимантов «построил в Коле острог, или брустер». В ответ на «удивление по поводу постройки крепости в Коле», выраженное со стороны датского посланника, Максак Федорович заявил, что «частокол поставлен вокруг Колы для защиты от морских разбойников»[2].

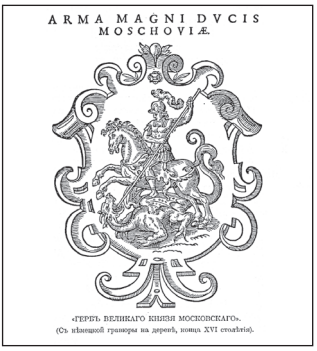
Вскоре, в русле этих событий, было принято решение о запрете иностранного торга в Коле: «А в Коле волости торгу быти не велели, зане же в том месте торгу быти непригоже: то место убогое». Датский король в грамоте от 17 декабря 1585 года спохватился и стал настаивать на восстановлении торга «в Малмиюсе, то есть в Коле». Но решение было принято, и торг со всего Поморья «учинили… у нового города у Двинского»[3].

---

[1] Русские акты Копенгагенского архива. С. 202.

[2] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. № 449 и 451. С. 124, 125.

[3] Русские акты Копенгагенского архива. С. 235.



Герб великого князя Московского. С немецкой гравюры на дереве XVI века

Причиной такого решения, надо полагать, было желание увести иностранные торговые корабли вглубь российских территорий. Вход в Кольский залив было легко «запереть» даже малыми силами. Кроме того, не исключено, что концу XVI века уже явно сказывалось обмеление «великого водного пути» из Кольского в Кандалакшский залив. Именно потому «ныне торг изо всего поморья, из Двинские земли, и из Колы и из иных мест перевели и учинили в одном месте, на усть Двины реки у нового города у Двинского. И торговым людям изо всех поморских государств со всякими товары к тому месту, к Двинскому городу, поволили ходити без вывета *[без ограничений. – **Е. М.**]*» [1]

Но, помимо торговли в Коле, еще большее раздражение государств Северной Европы вызывал Печенгский монастырь. Датский король Фредерик II в своих посланиях 1582 года царю Иоанну настаивает, что эта обитель стоит на его земле. На что царь отвечает «с укоризною»: «А нашей отчины монастырь есть на Мурманском море Печенской против твоей земли Норветцкой Варгава города; и тот наш монастырь стоит больши семидесяти лет, а спору о том никоторого мы не слыхали»[2]. Чуть позже, в 1585 году, царь Федор Иоаннович приводит уже новую, уточненную цифру: «про то твои люди, не ведая, тебе сказывали. Тот Печенской монастырь как стал, блиско ста лет; а спору о том прежде сего николи не бывало»[3].

Доминирование русского Печенгского монастыря в троеданной Лапландии у самых государственных границ норвежского Финнмаркена (протектората Дании) и финской Остерботнии в составе Швеции порождало активное противодействие указанных стран. Сохранившиеся документы переписки европейских монархов свидетельствуют о нарастании политической напряженности, связанной с ситуацией вокруг территорий, охваченных деятельностью Печенгского монастыря и его торговлей с голландцами: «Фридрих II король Датский предполагает

[1] Там же.
[2] Там же. С. 204.
[3] Там же. С. 230.

Король Густав I Васа сумел изменить принцип перехода шведской короны с выборности на престолонаследие. Картина голландского живописца В. Бойа (1557) из Грипсхольмского замка (Швеция)

употребить все средства, дабы лишить голландцев северной и восточной торговли»[1]. Так же король польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август традиционно проводил враждебный России политический курс: «Король-иезуит Сигизмунд II обещает испанской королеве Изабелле II употребить все средства к лишению голландцев – непокорных подданных Испании – их торговли с северными государствами и Россией»[2]. Он же вполне определенно сформулировал в 1567 году общий взгляд европейских стран на Россию. В своем письме английской королеве Елизавете он предложил хорошо известный в отношении России подход – политику изоляции и «санкций»: «Дозволить плавание в Московию воспрещают нам важнейшие причины, не только наши частные, но и всего христианского мира. Ибо неприятель от этого сообщения просвещается и, что еще важнее, снабжается оружием, до тех пор в этой варварской стране невиданным; всего же важнее – снабжается самими изготовителями, так что даже если вперед ничего не будут привозить ему, так производители, которые при таком развитии морских сообщений легко ему подсылаются, сами наделают ему всего, что нужно для войны и что доселе ему было неизвестно»[3].

Так что даже любезная Иоанну Грозному английская королева Елизавета, зазывавшая Иоанна в гости («и коли ты придешь, то знай, что придешь к своему истинному приятелю и любимой сестре, и всегда с великой дружбой ты будешь приветен нашему царству Англицкому. Так мы хоте-

[1] Из Брюссельского архива. *Форстен Г.В.* Архивные занятия в Париже, Брюсселе. Копенгагене и Стокгольме по истории Скандинавских и Московского государств в XVI–XVII столетии. СПб., 1887. С. 59. (Далее: *Форстен Г.В.* Архивные занятия).

[2] *Форстен Г.В.* Архивные занятия. С. 66.

[3] *Havemann Wilhelm.* Darstellungen aus der inneren Geschichte Spaniens während des XV, XVI und XVII Jahrhunderts. Buchhandlung, 1850. S. 287.

ли с твоим Величеством видеться… »[1]), вскоре посчитала необходимым вполне определенно расставить приоритеты в этом вопросе: « … в Кегоре, да в Печенге торговати не велено по приказу короля Датского, потому что король Датский те волости называет к своей земле… » [2]

§ 3. Военная составляющая политики

Как известно, Иоанн Грозный в ходе своего успешного наступления 1575 года на Ливонию ущемил в Прибалтике интересы датчан. Король Фредерик заключил союз со Швецией, стал готовиться к войне с московитами и реально угрожал Печенгскому монастырю. «Знаю, – писал тогда Иоанн Грозный, – вероломный Фридерик датский, желая лишить Россию сообщения с европейскими государствами, вступается ныне в Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества»[3]. Но тогда, в 1581 году, Печенгский монастырь и Колу не тронули: войны с Данией удалось избежать. Увы, но не войны со Швецией.

Надо заметить, противостояние со Швецией в это время достигло своего апогея. Для Иоанна Грозного решительное неприятие Швеции и ее правителей носит во многом личностный и принципиальный характер. Он категорически не признает ни возвышения Швеции еще при Густаве Вазе до уровня первоклассной державы, ни самого «избранного короля» Густава, ни всех последующих шведских королей. Появление в Европе нового избранного безродного монарха для Иоанна Грозного было и всегда оставалось совершенно неприемлемым: «И мы тому удивляемся, откудова это на тебя гордость и сила взошла, что ты в том быти не хочешь, в чем отец твой был»[4].

Надо полагать, царь Иоанн был знаком с книгой И. Магнуса (Johannes Magnus) «Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus» («История всех королей готов и шведов»), которая с момента своего появления была признана исторической фальсификацией. Согласно этой «истории», первым королем шведов был объявлен «Магог, сын Иафета». Для

---

[1] Грамота 1583 года Царю Иоанну Васильевичу ответная от Английской Королевы Елисаветы // Северный архив. Типография Н. Греча. СПб., 1822. Ч. 2. С. 22.

[2] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 38.

[3] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 9. Гл. 7. С. 213.

[4] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 16.

Выбор шведского конунга и получение им символов своей власти. Избранный король стоит на священном камне Мурастен (швед. Mora sten) близ Упсалы. Последним конунгом, избранным по такому обряду в 1457 году, был Кристиан I. Из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

составления древней родословной Густава Вазы, который был избран королем в результате возглавленного им восстания, архиепископ Магнус «домыслил» пять Эриков до Эрика Победоносного (Erik Segersäll) и шесть Карлов до Карла Сверкерссона (Karl Sverkersson). В результате сыновьям Густава Вазы были усвоены титулы Эрик XIV и Карл IX.

Позиция Грозного в этом вопросе была принципиальной и неизменной, что, конечно, не способствовало успеху мирных переговоров. В 1571 году Иоанн Грозный высказывал датскому послу Илие Эйзенбергу (Elias Eisenberg) свое неудовольствие посредничеством датского короля в вопросе заключения мира между Россией и Швецией: «Как потомок Августа Цезаря, Царь считает недостойным вступать в прямые сношения с королем Шведским, как с королем “по выбору” и происхождения незнаменитого, как и отец его, Густав. Этот владетель не имеет никаких титулов от иных королевств и изначально владел только лишь городами Або, Выборгом и замками, не являющимися королевством. Так что Царь никогда не примет Шведского посла, а если у шведов есть какие-нибудь дела в России, то могут обращаться с ними, как и раньше, к его Новгородским наместникам».

Надо сказать, датского посланника больше интересовали не эти генеалогические нюансы. Именно в 1571 году претензии Дании были выска-

«Особо изысканная печать Юхана III, которую король заказал себе в 1571 году, дабы подчеркнуть свое монаршее достоинство». С. Цеттерберг. Финляндия сквозь века. Аллан Тиитта, Хельсинки. 1992. С. 88

заны со всей определенностью: «Россияне отнимают у норвежских лапландцев земли и рыбные ловли»[1].

Последнее перемирие России со Швецией, из череды многочисленных, но недолговечных замирений, было заключено в декабре 1585 года сроком на четыре года. Таким образом, именно в трагическом для Печенги декабре 1589 года срок этот истекал. Уже с лета 1589 года шла «бранчливая переписка» об условиях продления мирного договора. Российский и шведский монархи активно сносились, предъявляя друг другу факты нарушения перемирия противоположной стороной.

Шведы спешили упрекнуть царя в том, «что россияне тревожат набегами Финляндию, свирепствуя в ней, как тигры»[2]. В августе 1589 года Юхан III писал Феодору Иоанновичу о том, что «русские вторгнулись в шведские владения, жгли, грабили, мучили молодых и старых, что, таким образом, перемирие нарушено со стороны царя». Царь отвечал достойно: «Мы твою грамоту выслушали и такому безмерному задору тво-

[1] *Корф Б.М.* Принц Датский Иоанн в России // Северный архив. Типография Н. Греча. СПб., 1822. Ч. 2. № 8. С. 83.

[2] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 10. Гл. 2. С. 291. «В начале 1589 года корелы вторглись в Финляндию, со стороны Каяны». (Фрисс Я.А. Печенгский монастырь. С. 617). Финские источники подробно описывают необычайные жестокости корелы при этом нападении по отношению к населению финских хуторов. См.: *Heikki Kirkinen.* Karjala Taistelukenttana. P-II, Helsinki, 1976.

Атаки финнов против Московитов на Севере. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

ему подивились – нам бы за такие твои гордые слова и ссылаться с тобою непригоже». И далее царь, отвергая все обвинения, отвечал решительно: «Если ты начнешь войну до срока, то кровь будет на тебе, а наши рати против тебя готовы»[1].

Король Юхан, конечно же, не мог не знать, что подданные его величества, «каянские немцы» (финны Остерботнии) под предводительством воеводы Пекки Весайнена уже с весны 1589 года активно и безжалостно разбойничали на Русском Севере, грабя и сжигая российские поморские селения. Первыми были разорены Рождества-Богородичный монастырь на реке Ниве и вся Кандалакшская волость. Случилось это 26 мая 1589 года, «на Петрово заговенье в ночи». «В монастыре братию и всех людей присекли, а иные в реке тонули, и монастырь и церковь пожгли, а людей побили 450 человек»[2]. Так скупо повествуют о тех событиях московские летописные известия.

Таким образом, с начала 1589 года на Русском Севере началась полномасштабная вооруженная агрессия, совершаемая руками финских наемников, в условиях действующего перемирия. В Архиве древних актов сохранилась «отпись Колмогорского воеводы князя А. Вяземского о шведских нападениях на российские поморские Кандалакшские воло-

[1] *Соловьев С.М.* История России с древних времен. М., 1994. Кн. 4. С. 250.

[2] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 229, 230.

сти». Документ составлен в июле-августе 1589 года, и, хотя ныне он пребывает в весьма ветхом состоянии, нам удалось частично восстановить текст. Воевода докладывал о разорении Кандалакши, о 50 жителях, уведенных в полон, о том, что «и на Соловецкий монастырь приступали», на поморские же волости приходили реками, «да иные волости выжгли и воевали», «разорили варничные места Соловецкого монастыря старцев, и в Керети», всего «со 100 человек их приходило». Воевода информирует царя, что одновременно было совершено нападение на Валаамский и Коневецкий монастыри, и просит царя «повелеть собрать 1,5 тысячи человек рати и самих немец повоевать». Кроме того он запрашивает «50 человек литовцев и карелян для обмена» пленными[1].

К зиме 1589 года стало понятно, что полномасштабной войны не избежать, но нарушать крестное целование до срока никто из монархов первым не хотел. И лишь «в январе 1590 года, с окончанием срока перемирия, многочисленное русское войско выступило к шведским границам, и сам царь находился при нем»[2]. И буквально через месяц, в сражении под Нарвой, преподобный Трифон своим заступничеством в чудесном явлении спасет жизнь находившемуся при войске благоверному царю Феодору Иоанновичу.

Основные события этой войны разворачивались в районе Финского залива и Ладожского озера: Россия стремилась вернуть себе выход к Балтийскому морю и земли, потерянные Иоанном Грозным в Ливонской войне.

На Севере официальные боевые действия начались лишь летом 1590 года походом шведского войска под начальством дворянина «Петра Багге из Седерби», который был шведским наместником в Остерботнии и Вестерботнии[3]. К тому времени в финской Остерботнии уже была построена крепость Оулу, ставшая центром, где формировалось войско для похода к Белому морю. В документе, озаглавленном «Наставление, касающееся похода на северо-восток, данное нами, Юханом III, королем шведским … и пр., нашему верноподданному и дворянину Петру Багге»[4], повелевалось идти «к Белому морю, причиняя неприятелю наибольший

[1] РГАДА. Документы Посольского приказа. 1589 год. Ф. 96, № 1, л. 3.

[2] *Соловьев С.М.* История России с древних времен. М., 1994. Кн. 4. С. 251.

[3] Земли, занятые финскими поселениями с востока и запада Ботнического залива, соответственно.

[4] *Чумиков А.* О походе шведов. С. 13.

Русский конный воин.
Немецкая гравюра XVI века
из собрания П.Я. Дашкова

вред и урон, грабя, сжигая все что можно», и так до городов Сумы и Холмогоры. Как видим, о районах Лапландии, Печенги и Колы речь не идет. И это понятно: указанные земли в европейской политике считались троеданными, то есть являлись территориями, принадлежащими одновременно как воюющим России и Швеции, так и нейтральной Дании. Английский путешественник свидетельствовал в 1556 году: «Лопари платят дань русскому царю, королю датскому и королю шведскому»[1].

Дания настойчиво претендовала на особый статус этих земель в вопросах сбора дани. Швеция, как упомянуто выше, свои решительные претензии на владение территорией Кольского Севера выражала в форме боевых действий и разорений наших поселений. Эту так называемую многоданность Лапландии Россия постоянно официально опротестовывала: «Земля Лопская искони вечная нашего Великого Государя вотчина, а не Дацкого Короля...»[2]. И действительно, «еще с X века, при Свеноне I, датском короле, жители приморские, горные и лесные, до самых северо-восточных пределов Норвегии, считались данниками Руси»[3]. Но это информация всячески игнорировалась, и даже текст более позднего Ореховец-

[1] Английские путешественники в Московском государстве. С. 18.

[2] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 14.

[3] Текст древней рунической грамоты. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II. Прим. 61.

кого мирного договора 1323 года тщательно скрывался в Стокгольмском архиве с пометкой: «Старая рубежная грамота, которой не должно показывать»[1]. Когда царские послы при переговорах в 1537 году ссылались на этот договор, то шведы заявляли, что Юрьева грамота о мире пропала. Тем не менее позже, по окончании этой войны, в заключенном между Россией и Швецией в 1595 году мирном договоре у Тявзина основные положения той «старой рубежной грамоты» 1323 года были в основном подтверждены: «По всем границам известные межевые знаки должны быть поставлены, как было в старину, по писцовым книгам, по рассказам старых жителей»[2]. И впервые за многовековую историю этих земель многострадальная Карелия будет закреплена за Россией и точная государственная граница разделит территорию Лапландии: «от деревни Репуля (Reppula) *[Repola – Ребольский погост. – **Е. М.**]*[3]*, которая лежит на русской стороне, не далеко от Норботнии через Лапонию, вплоть до Севернаго моря»*[4]. Принцип этого разделения территорий сохранится без существенных изменений до наших дней, за исключением скандально известной утраты Россией восточного берега залива Варангер-фьорд в 1826 году.

Несмотря на появление официальной и точной государственной границы со Швецией, Дания и далее продолжала настаивать на своих особых правах на Лапландию. Для регулярного напоминания об особом статусе этих земель сборщики дани ежегодно приезжали в Колу и выражали кольскому воеводе официальный протест по поводу отказа населения Лапландии платить подати датскому королю[5]. «Воевода же, в свою очередь, ссылался на то, что русские также не имеют возможности взымать налоги на запад от Варангера с норвежской стороны. Эти удивительные встречи русских и норвежских властей происходили в течение 200 лет, вплоть до 1813 года»[6].

---

[1] *Rydberg O.S.* Traktaten i Orechovets den 12 Augusti 1323. Stockholm, 1876. S. 11.

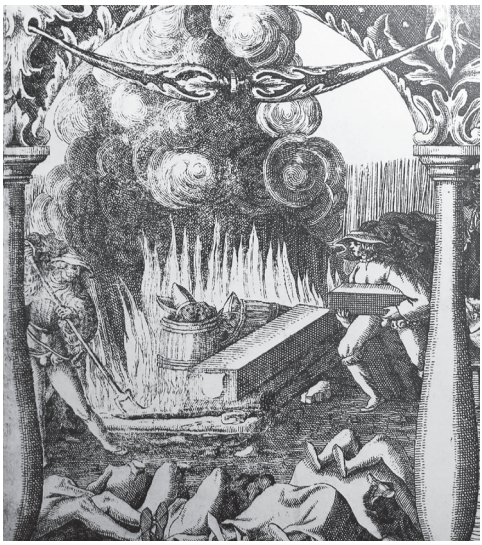
[2] *Чумиков А.* Мирный договор в Тявзине 1595 г. // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 2. С. 8.

[3] Один из древних «семи лопских погостов» на территории нынешней Карелии близь Муезера.

[4] Мирный договор между Швецией и Россией, заключенный 10 мая 1595 года в Тявзине // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 2. С. 8.

[5] И даже много позже подобные приезды оставались обязательными: «Се послан по обыкновению в вашу сторону в Колской острог для оброку с королевского величества подданных … » Из послания королевского наместника в городе Варде кольскому воеводе в 1702 году. РГАДА, ф. 137, Кольский острог, № 2, л. 30.

[6] *Wigum F.* Norge og Russland som religiose naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1. S. 83. (Перевод А. Ермолаевой).



Деталь гравюры по меди «Стокгольмская кровавая баня», заказанной Густавом Васой в 1524 году в Антверпене. Среди тысяч казненных по приказу датского короля Кристиана II были два епископа и отец Густава Васы. Из книги: Финляндия сквозь века, Сеппо Цеттерберг, Аллан Тиитта, 1992

Вот потому-то Швеция и не хотела вести **официальных** боевых действий на территориях, формально сохраняющих датскую юрисдикцию, поскольку и сама Швеция не столь давно получила статус независимости от Дании и еще хорошо помнила «Стокгольмскую кровавую баню» 1520 года. Речь идет о жесточайшей резне, устроенной датчанами в Стокгольме, когда практически все представители шведского дворянства, рыцарства и духовенства были уничтожены. Тем не менее, чувствовалось, что шведские монархи вполне уверенно видят себя истинными властителями всего Крайнего Севера, рассчитывающими в ближайшее время к своим многочисленным титулам, таким, как «король шведский, готский и вендский, великий князь финляндский, Корелии, Водской пятины и Ингерманландии в России (!), герцог эстляндский и лифляндский и пр., и пр.»[1], постараться добавить «и всей Великой Лапландии».

§ 4. Купец и дипломат Симон ван Салинген и его северная миссия

В нашем исследовании неоднократно упоминалось имя голландского купца и датского дипломата Симона ван Салингена. Он с юности прочно связал свою судьбу с Русской Лапландией и в течение тридцати с лишним лет был участником всех важнейших событий, происходивших на Крайнем Севере.

[1] *Чумиков А.* О походе шведов. С. 13.

Не забывая своего торгового интереса, этот купец, стоявший у истоков российско-голландской торговли в Печенге, с 1566 года проводил подробные и целенаправленные исследования исторического, этнографического и, конечно, политического характера. Когда же в 1580 году он неожиданно прибыл на Север в официальном качестве датского посланника, стало ясно, что его непомерный интерес к Русскому Северу объяснялся вовсе не тягой рафинированного европейца к русской экзотике, а вполне конкретной работой, связанной с его профессиональной разведывательной деятельностью в пользу Датского королевства[1].

Свои гидрографические исследования Салинген начал в 1570 году и через несколько лет уже успел обойти **все** бухты и гавани побережья Белого моря, Кандалакшского залива, Терского берега и далее, мимо Святого Носа, весь Мурманский берег до самого Монкенфьорда (Печенги) и губ Паз и Нявдема (Нейден). В своем отчете он пишет: «Во всех гаванях измерил глубины, поставил вехи, определил расстояния мест по широте и долготе, замерил высоты полюса, определил течения»[2]. Этот отчет обладает колоссальной информативностью о том, весьма слабо освещенном в документах, периоде истории Русского Севера и в этом смысле является уникальным[3].

Но если сам «Отчет» в течение целого столетия является предметом пристального внимания всех изучающих историю Севера XVI века, то упомянутая в 1902 году в статье А.М. Филиппова «Карта Лапландии и Скандинавии», составленная Симоном ван Салингеном, насколько нам известно, так и не стала в полной мере достоянием исследователей истории России. Сейчас карта Симона ван Салингена находится в Стокгольме, в Шведском государственном архиве, мы же имеем ее электронную копию.

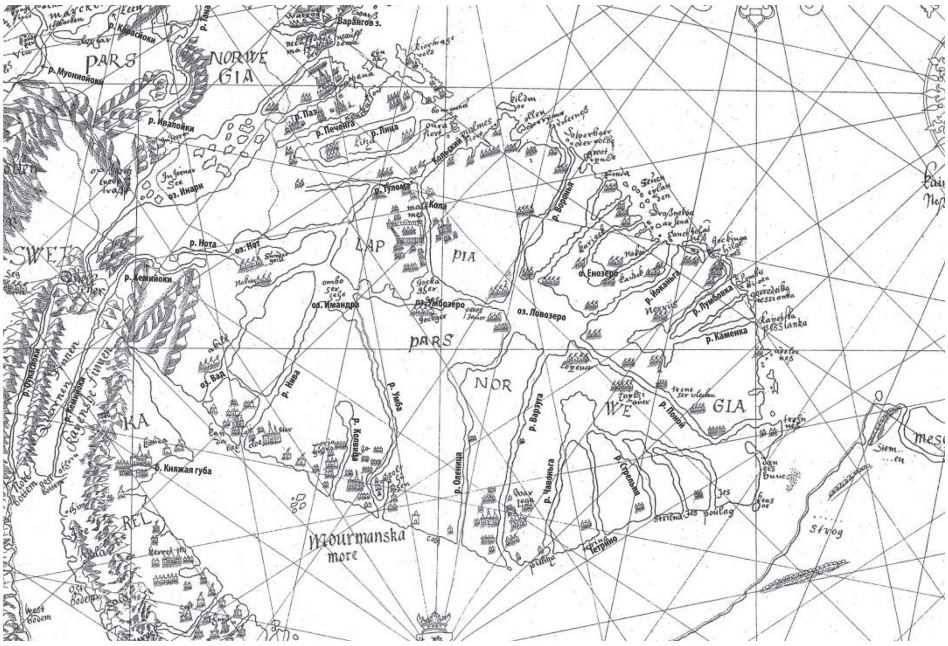
Эта карта вобрала в себя всю ту информацию о Русском Севере XVI века, скрупулезному сбору которой Салинген посвятил столько времени и сил. Огромная территория, простирающаяся от фьордов западного

---

[1] Об этом свидетельствуют многочисленные донесения Салингена датскому королю. См.: *Щербачев Ю.Н.* Датский архив.

[2] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 304.

[3] Наиболее авторитетный специалист в области истории российско-голландских отношений XVI века, профессор Института Арктики города Гронингена (Голландия) Ян Виллем Велувенкамп в личной беседе с автором подтвердил большую степень достоверности «Сообщения Салингена», поскольку оно являлось официальным докладом дипломата Его Величеству королю Дании, и голландцу «надо было взвешивать каждое слово и быть готовым ответить за ошибки».



Водные пути по карте Симона ван Салингена XVI века

побережья Норвегии до острова Колгуев на востоке, от крайне северного мыса Нордкап до Онежского озера на юге, отображена весьма близко к современным топографическим очертаниям и насыщена всевозможной графической информацией относительно имеющихся поселений, наличия церквей, соляных варниц и иных строений, лопарских погостов и тому подобного.

Салинген был близко знаком с жизнью Русского Севера и долгое время жил в русских селениях Кольского полуострова, где провел не одну зиму «в деревнях и местечках дружил с начальниками, старейшинами деревень, с попами и угощался с ними»[1]. Однако личное отношение к этим землям он ясно выразил на своей карте: через весь Кольский полуостров от Колы до Поноя написано крупно: «Норвегия»[2]. Эта надпись объясняет, зачем голландец Салинген составлял такую подробную карту далекой Северной земли, к тому времени уже густо заселенной россиянами.

[1] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 301.

[2] Такова была и официальная позиция Дании. Король Христиан IV, например, формулировал ее так: «Вся Лапландия принадлежит Норвегии; но из расположения к царю король уступает ему южную часть и себе оставляет лишь северную» (Цит. по: *Тищенко А.В.* К истории Колы и Печенги в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1913. Ч. 46. С. 104).

Изначально карта готовилась в связи с назревавшей войной между Данией и Россией. Как известно, Дания в XVI веке настойчиво проводила курс на дружеские отношения с Московией, даже несмотря на энергичную колонизацию русскими «двоеданной» территории Лапландии. Это объяснялось тем, что дела вокруг балтийских проливов для Дании всегда были много важнее, и здесь союз с Россией против Швеции мог принести немалые выгоды. Так оно и было фактически, но лишь до тех пор, пока Иоанн Грозный при своем наступлении в 1575 году на Ливонию не ущемил в Прибалтике интересов самой Дании. Та заключила союз со Швецией и стала всерьез готовиться к войне с московитами. Но, к счастью, размолвка старых друзей длилась недолго, и к 1581 году все уладилось без серьезных потерь. Во всей этой истории больше всех пострадал Салинген: труд его был потрачен впустую, карта оказалась не нужна.

Но тут открылся другой вариант. «Царь Иван занялся своей любимой политической темой – борьбой со Швецией»[1]. Салинген почуял возможность предложить свой товар за хорошую цену новому покупателю – шведскому королю Юхану III. И тут он не ошибся. Для шведов это была редкостная удача: территория Кольского Севера имела на этой карте особо тщательное освещение. Имея столь подробную информацию о территории противника, можно смело планировать нанесение чувствительного удара московитам здесь, на диком Севере, где они этого не ожидают. Говоря языком военных, при таком уровне «вскрытия оперативной обстановки на театре боевых действий», операция может быть проведена относительно малыми силами. Таким образом, не придется ослаблять шведскую группировку в районе крепости Нарвы (Ругодива), где ожидаются главные сражения в предстоящей войне.

Какому жестокому разорению вскоре подвергся Русский Север, мы уже писали выше. Салинген исчез отсюда накануне этих событий, в конце 1588 года. Последнее сообщение в Копенгаген он передал из Колы 24 сентября 1588 года: «Салинген и воевода обменялись угощениями, обедали друг у друга и т. д. Воевода направлял к Салингену тяжущихся по поводу русско-норвежской границы и подсылал к нему шпионов. Печенгский монастырь тоже с ним сносился»[2]. Это сообщение является также

[1] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 17.

[2] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. 131–132.

последним мирным упоминанием о Печенгском монастыре. Дальше следуют лишь скорбные свидетельства *«о разорении святой обители и об убиенных горек плач»*[1].

Не случайно все материалы, связанные с плодотворной разведывательной деятельностью Симона ван Салингена на Русском Севере в пользу Дании, как и положено, хранились в Копенгагене[2] и лишь эта его карта осела в Швеции. Можно представить себе, с каким напряженным вниманием изучали ее финн Весайнен и швед Багге, планируя свой российский «Drang nach Osten» в 1589 году.

[1] Житие преподобного Трифона. С. 119.

[2] В настоящее время большинство этих документов, касающихся российско-голландских отношений на Крайнем Севере в XVI веке, передано в Норвежский национальный архив.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГИБЕЛЬ ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МУЧЕНИЧЕСКОГО ПОДВИГА МОНАСТЫРСКОЙ БРАТИИ В 1589 ГОДУ

§ 1. Миссия Весайнена. История конфликта с каянскими немцами и апогей противостояния

Пекка Весайнен (Pekka Vesainen) – историческая личность, весьма популярная в Финляндии. Он хорошо известен каждому финну как национальный герой и воевода. Известно и его второе имя – Юхо (Juho), под которым он описан в посвященном ему романе известного финского писателя Сантери Ивало[1].

За девяносто лет до описываемых событий, в конце XV века, воеводы великого князя Московского «повоевали восемь рек» в Финляндии, где истребили 7000 человек. В огне этой войны было уничтожено и родовое поселение Весайненов – деревня Ии (так же говорят о Ylikiiminki), что на реке Колокол (Iijoki) – одной из тех упомянутых восьми рек. Заметим, что разбойная юность Трифона проходила именно в этих местах, в так называемой Северной Остерботнии.

Сам же Пекка Весайнен родился много позже, около 1550 года, и жил на хуторе Весала, недалеко от Оулу. Хутор, где жили Весайнены, неоднократно подвергался нападениям и грабежам. Особенность положения финнов (каянских немцев) на этой территории состояла в том, что, являясь подданными шведской короны, они в то же время не имели какой-либо постоянной государственной военной защиты.

Эта так называемая Каянская земля еще совсем недавно, в XIII–XIV веках, находилась под бесспорной властью Великого Новгорода. Но в XV веке Швеция приступила к целенаправленной политике по отторжению этих территорий. В 1490 году была достигнута договоренность, согласно которой на берегу Ботнического залива, недалеко от местечка

[1] *Santeri Ivalo.* Juho Vesainen. WS. Helsinki, 1894.

Крестовый камень (Ristikivi)

Пекка Весайнен. Автор К. Каллио, 1940, г. Сиилинъярви

Улео (ныне г. Оулу), был установлен рубеж. «Как отмечает академик И.Х. Гамель, там же, “на реке Улео, в четырех милях от Улео, находился камень, прозванный Русконкиви, в три аршина вышины и столько же ширины, на котором высечены были пограничные знаки: лев для Швеции, крест для России и молот для Лапландии”»[1]. Но камень этот не остановил шведскую экспансию в Каяни, и финны, подданные шведской короны, продолжали отторгать эти земли от Руси и заселять их. Таковой была предыстория шведско-русской войны 1495–1496 годов.

Финские историки имеют свой взгляд на ситуацию, сложившуюся здесь на рубеже XV–XVI веков: «Бесконечные кровавые грабежи и бесчинства, творимые разбойным людом, приходящим с русской стороны, окончательно обескровили и привели в упадок финские поселения. Но постепенно стала вырабатываться некая система местной самообороны и из среды поселенцев стали выдвигаться народные лидеры»[2].

Одним из таких народных лидеров и стал Пекка Весайнен. Швеция не скрывала своих военных приготовлений к решительной перекройке границ с Россией и всячески поддерживала партизанские формирования в Остерботнии, которые совершали набеги на русское Беломорье. Отношение же к русским у финнов, перешедших в шведское подданство, издавна характеризовалось особым понятием: «vanhanvihan» – застарелая злоба.

Весайнен возглавил это разбойное войско с намерением жестоко мстить русским. Но он знал, что любые попытки серьезно досадить московитам неизбежно приведут их рати сюда, в Финляндию, и их ответ будет кровавым. Потому претворение в жизнь плана своей мести он начал

[1] *Ушаков И.Ф.* Морское сражение на севере в 1496 году // Наш современник. 2001. № 8. С. 11.

[2] *Aslak Outakoski.* Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 40, 41 (Перевод О. Липиной).

Остатки частокола Кандалакшского монастыря, сгоревшего при его уничтожении в мае 1589 года. Археологические раскопки в августе 2013 года

со строительства неприступного укрепления – крепости Оулу, где его подельники и жители окрестных селений смогут отсидеться при ответном ударе русских[1].

Крепость Оулу была возведена к началу 1589 года. Не дожидаясь формирования регулярного шведского войска и объявления войны, Весайнен с весны 1589 года начал свои «личные» боевые действия – кровавые рейды на Белое море. Безнаказанно разоряя и грабя мирные поморские села, Пекка собрал и доставил в крепость Оулу большие богатства. Тактика его действий заключалась в неожиданном появлении, нанесении безжалостного удара и быстром возвращении в Оулу. Это было обусловлено постоянным ожиданием ответных шагов со стороны «московитов». Соплеменники Весайнена были очень довольны и славили храброго Пекку – победителя «русского медведя».

Король Юхан III за столь успешные «боевые действия» даже пригласил Весайнена «в королевский дворец в Стокгольм для личной беседы и получения монаршей награды»[2].

Когда в мае 1589 года «в ночи» был уничтожен Кандалакшский монастырь и вырезано 450 человек «монахов и бельцов», можно представить, какой болью это известие отозвалось в сердцах братии Печенгской обители, в Кольском остроге. Кандалакшский и Печенгский монастыри

[1] Весайнен, несомненно, был талантливым предводителем. Все его предположения и расчеты подтвердились. Действительно, когда в январе 1592 года князь Григорий Волконский привел с собой 3000 воинов с 12 пушками, то они «повоевали в Каянских немцах пять волостей и около острогу волостки Оулу. И под острогом стояли». (*Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 234). Как мы видим, острога же Олуи (крепости Оулу) они так и не взяли.

[2] *Aslak Outakoski.* Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 44. (Перевод О. Липиной).

с момента основания их преподобными Феодоритом и Трифоном были неразрывно связаны между собой, являя единое духовное православное пространство на Крайнем Севере. Так же во многом и хозяйственная деятельность обителей, их промыслы и торговля были тесно переплетены. Преподобный Феодорит, например, в 70-е годы XVI века и до самой своей кончины, находясь в Кандалакшском монастыре, являлся одновременно и строителем Печенгского монастыря[1]. И вот теперь этот монастырь был уничтожен.

Мало того, всего через три месяца финские разбойники отряда Весайнена, очевидно, воодушевленные поддержкой шведского короля, 7 сентября вновь «перешли Лапландские горы и, опустошая все огнем и мечем, подошли к Белому морю»[2]. В этот раз враг спустился к Белому морю по реке Ковде и последовательно разорил волости Ковду, Умба, Кереть, Кемь и иные мелкие поморские волости. «И те волости повоевали, церкви и дворы пожгли и людей побили, и воевав ушли Кемью рекою вверх»[3].

Но в этот раз, как говорят о том финские источники, возвращение Весайнена было «безрадостным». Пока он был занят убийствами и грабежами в беззащитных поморских селах, с севера, по рекам Колокол (Iijoki) и Кеми (Kemijoki) спустились два отряда русских и жестоко воздали Весайнену за его злодеяния. Был уничтожен его хутор и сожжено более 100 домов, убиты многие его родственники, в том числе двое сыновей

[1] См.: «Данная» 1569 года порьегубца Евсевия Букина Троицкому Печенгскому монастырю, «строителю Феодориту с братьею, на половину требов по реке Порье» (*Белокуров С.* Материалы для русской истории. М., 1888. С. 65).

[2] *Чумиков А.* О походе шведов. С. 12.

[3] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951. С. 230.

Картина финского художника А. Эдельфельта «Сожженная деревня» (1874) отражает ситуацию XVI века, имевшую место на шведских территориях к востоку от Ботнического залива (Osterbothnia)

Весайнена. «В 1589 году на Святого Бартоломея, в воскресенье *[память апостола Варфоломея – 7 сентября по Григорианскому календарю. – **Е. М.**]* на уезд Ии напало особо много вражеских войск. Церковь и все селение были сожжены на месте»[1]. Финское предание красочно описывает ярость Весайнена при этом возвращении и его клятвы о скорой личной мести врагам[2].

Российские источники подробно описывают формирование войска государева «головы-воеводы» Стефана Колтовского, развернутого в Шуе Корельской для похода «войною в Каянские немцы». Монастыри Севера также были обязаны оказать помощь в формировании войска: «по Государевой грамоте 7097 года (1589) велено Соловецкого монастыря игумену Иакову с братией из Соловецкой вотчины приготовить сто человек ратных людей с огненным боем на Каянских немцев»[3]. И летом 1589 года «ходили войной в Каянские немцы, а воевали Овлуи реку да Леменгин острог, да Колокол волость, да Остров-волость, да Сиголвец рек и иные волости. И ти волости повоевали и пожгли, и жывот всякой высекли»[4].

Причастность монастыря на Печенге к этому походу не установлена[5], но мы видим, что для Пекки Весайнена его личный враг стал совершенно очевиден. Неукротимая жажда мести подвигла его на скорый и невероятно рискованный шаг – поход к Ледовитому океану, на Печенгу. Мы знаем об инструкции, данной царским воеводам на Русском Севере, где повеле-

---

[1] *Heikki Kirkinen.* Karjala Taistelukenttana. P-II, Helsinki, 1976. S. 180. (Перевод О. Липиной).

[2] См.: Aslak Outakoski. Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952.

[3] *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. Архив Соловецкого монастыря. М., 1888. С. 64.

[4] *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. М., 1984. С. 241.

[5] От вотчин Соловецкого монастыря, например, в этом походе «в каянские немцы» участвовало 100 человек. См.: Летописи и хроники / Соловецкий летописец конца XVI века. М., 1980. С. 241.

валось «оберегати Соловецкой монастырь в летнее время от корабельного приходу немецких людей, а в зимнюю пору выезжати на берег и оберегати Поморские волости, Колы, Керети и Кандалакши, и с иными волостьми из монастырских волостей, от Немецких людей прихода»[1]. Как видим, Печенгский монастырь в грамоте не упоминается, что, возможно, говорит о расчете на его труднодоступность и хорошую защищенность. Обитель в эту зиму оказалась без военной поддержки.

Можно предположить, что встреча Весайнена с Симоном ван Салингеном, для изучения карты, дала ему, кроме того, информацию о жизни основателя Печенгской обители преподобного Трифона, о том, кем в прошлом был этот «апостол лопарей». Надо думать, на столь отчаянный план Весайнена повлияли его воспоминания о горе, им пережитом, и о погибших предках в его селении, о жестоких разорениях и убийствах, совершенных руками именно таких безжалостных русских разбойников.

Весайнен хорошо понимал, что такое предприятие не будет похоже на взятие беззащитных поморских селений или Кандалакшской обители, открыто стоящей на Нивском наволоке. Печенгский монастырь – это северная твердыня, неприступная крепость, не слабее, пожалуй, чем его нынешнее детище – укрепление Оулу.

Надо отдать должное Весайнену как автору весьма коварного плана, позволившего ему осуществить в декабре 1589 года самое свое тяжкое злодеяние. Завершив к осени свои кровавые летние набеги на Беломорье, Весайнен собрал свое разбойничье войско в крепости Оулу. Надо было отдохнуть и, главное, отобрать охотников для исполнения принятого им решения о ранее невиданном деле – военном походе на Крайний Север во время полярной ночи (!).

Отряд Весайнена, сформированный для похода на Печенгу, был шайкой хорошо экипированных и дерзких разбойников количеством около 100 человек[2]. Финский историк А.И. Арвидссон приводит уточненную

---

[1] Царская грамота Киприану Оничкову 1581 Июля 31 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академией Наук. СПб., 1836. С. 374.

[2] О том, что отобраны были самые надежные, говорит тот факт, что в последних осенних походах на русское Поморье принимало участие много большее количество финнов: « … волости повоевали и людей побили … а приходило тех немецких людей 700 человек» (*Тихомиров М.Н.* Соловецкий летописец // Исторический архив. Выпуск VII. М., 1951. С. 230). Воевода князь А. Вяземский сообщал, что в нападении на Кандалакшский монастырь весной 1589 года участвовало около 100 человек. См.: РГАДА. Документы Посольского приказа. 1589 год. Ф. 96, № 1.

цифру: «В 1589 году девяносто финнов под предводительством некоего Весайнена, уроженца местности Ии в Финляндии, перешли русскую границу»[1]. По современной военной классификации, это подразделение противника можно считать усиленным РДО – разведывательно-диверсионным отрядом[2]. Естественно, не по количественному составу. Попытки исследователей представить отряд количеством не более 50 человек неосновательны, поскольку известно, что Весайнен после Печенги осадил Колу, и «из Кольского острога осадные люди на вылазках немецких людей побили 60 человек, а живых в острог взяли 30 человек. А остальные немцы Туломою рекою в свою землю побежали»[3].

К моменту похода на Печенгу подручные Весайнена уже в полной мере сформировались в надежное и проверенное в деле воинское подраз-

[1] *Arwidsson A.I.* Handlingar till upplysning af Finlands hafder. Stockholm, 1846. T. VI. S. 354. (Перевод К.Ф. Тиандера).

[2] «Svensk-finsk streifkorps» – шведско-финский разведовательно-диверсионный отряд. Именно так классифицируют это подразделение норвежские источники. *Wigum F.* Norge og Russland som religiose naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1. S. 82.

[3] Летописи и хроники. М., 1981. С. 242.

деление. Историки отмечали, что «крестьяне этой провинции всегда отличались своей воинственностью»[1], и именно они были исполнителями всех тех ранее нами упомянутых кровавых злодеяний в монастырях и селениях побережья Белого моря. Весайнен провел подельников через серьезный отбор и испытания, прежде чем повести их на совершение главного дела – исполнения своей «verikosto», или «обета кровной мести».

И действительно: вскоре царский дьяк Алай Михалков напишет: «В 7098 году церкви и кельи, и служние избы, и иные монастырские дворы, и амбары сожгли свейские немцы»[2].

§ 2. Первый этап плана Весайнена. Борисоглебск – Успенская пустынь

Несколько предварительных замечаний по датировке описываемых событий. До реформы Петра I в XVIII веке счет лет на Руси шел от Сотворения мира, и год начинался с 1 сентября. Европа же, в том числе и Швеция, в 1582 году перешла на новое летосчисление – Григорианский календарь, установленный Папой Григорием XIII, и исчисляла год с 1 января. Таким образом, по европейскому летосчислению, ведущемуся от Рождества Христова, указанный летописцем 7098 год соответствовал «европейскому» 1589 году (с 1 сентября до 31 декабря) и далее 1590 году (с 1 января до 31 августа).

Необходимо еще раз подчеркнуть: год разорения монастыря – 1589, а не 1590. С этой неточностью можно столкнуться во многих достойных исследованиях. Для установления года происходивших событий по европейскому летосчислению в период с сентября по декабрь (а именно об этом периоде идет речь) необходимо вычитать 5509 лет, а не 5508, как в период с января по август[3]. На Руси же новый год наступал позже, чем в Европе.

О времени разорения монастыря житие преподобного Трифона сообщает так: *«В самый праздник Рождества Христова»*, когда *«великий царь Феодор Иоаннович воевал свейские немцы, тогда же свитцского владения финския страны немцы приидоша ратью на обитель Живоначальныя*

---

[1] *Чумиков А.* О походе шведов. С. 12.

[2] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 432.

[3] См.: *Мильчин А.Э.* Справочная книга редактора и корректора. М., 1985. С. 96.

Троицы»[1]. Налицо неточность: как мы указывали ранее, *«великий царь Феодор Иоаннович»* не *«воевал свейские немцы»* и не нарушал перемирия. Русское войско вступило в войну лишь в январе 1590 года, когда «Государь распорядил полки, а сам с главною силою 18 генваря 1590 года выступил к Нарве»[2].

Декабрь на Крайнем Севере – самый тяжкий месяц по климатическим условиям: это пик Полярной ночи: дневной свет едва забрезжит к полудню на час, и вновь опускается мрак. Известный литератор и путешественник князь Евгений Львов писал, цитируя «чрезвычайно интересную лопарско-поморскую легенду: дело было под Рождество; солнце ушло в этом году как-то особенно рано, и тьме неба помогал воздух. Мгла все время висела над землею, и туман был так густ, что в пяти шагах не видно было огня, горящего в лопарской тупе. Злой дух гулял по покинутому Божьим светом краю»[3].

К декабрю в монастыре завершились все сезонные работы, громадная масса трудников, приходивших на заработки, разъезжалась на зимовку, лопари вслед за оленьими стадами уходили от моря к югу, на свои погосты. Тот же минимум людей – монахов, послушников и вкладчиков, которые остались в монастыре, постом и молитвой готовился к празднику Рождества Христова.

30 ноября/13 декабря, на день апостола Андрея Первозванного, враг вышел на исходный рубеж – погост на озере Инари (Inari-jarvi). Замысел Весайнена на первом этапе похода состоял в том, чтобы не встревожить русских своим передвижением. Маршрут движения его отряда проходил как будто совсем в стороне, никому не угрожая, вдоль условной границы владений, установленной еще в 1573 году послами Иоанна Грозного[4]. От крепости Оулу, что на берегу Ботнического залива, Весайнен двигался на север вдоль известного водного торгового пути, к лопарскому погосту на озере Инари (Innier). «Финны направили свой набег из Каяны не на восток, а прямо на север, к озеру Инаре»[5].

---

[1] Жите преподобного Трифона. С. 117.

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. X. С. 292.

[3] *Львов Е.В.* По студеному морю. Поездка на север. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1895. С. 88. (Далее: *Львов Е.В.* По студеному морю). Это же предание см.: *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 24.

[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 303.

[5] *Островский Д.Н.* Речь, читанная в зале обер прокурора. С. 388.

К этому «озеру Инаре»[1] отряд вышел к 30 ноября. «В ноябре в 30 числе свейские же немцы воеводы Кавпея[2] приходили в лопские погосты»[3]. Летописи сообщают об одном убитом здесь норманне по имени Syckum Thydessen.

Далее по реке Паз финны спустились к морю, к Пазрецкому погосту. Губа Паз (Paess) – древнее монастырское место, или «первый монашеский форт». В губе Паз при церкви Бориса и Глеба находился монастырский скит с небольшим количеством братии. Также на Паз реке располагалась монастырская верфь, где зимой ремонтировали монастырские суда: «В устьях Печеньги и Пазреки спускались на воду большие, норманнские лодьи и мелкие промысловые суда»[4].

Трифон Печенгский хорошо понимал потребность Российской державы закрепиться на берегах незамерзающего залива Варангер-фьорд, «он имел намерение создать подобную Печенгской колонию и здесь, при Пазрецкой губе, построив с этой целью на устье Пазреки небольшую оригинальную церковь во имя Бориса и Глеба, русских князей. При ней с древних времен всегда жил иеромонах с послушником для отправления богослужений и треб и несколько бельцов»[5].

Саму древнюю церковь святых Бориса и Глеба Весайнен не тронул: раньше времени выдавать свои планы заревом пожара он не хотел. Но ему пришлось ликвидировать свидетелей, живших при монастырской верфи. «Датский документ»[6] сообщает имена и фамилии четырех мужчин, трех подростков, одной женщины и двух девушек, убитых финнами. Монастырская верфь нужна была разбойникам для того, чтобы использовать суда и продолжить свой поход, но уже по морю[7]. В том и состояло

---

[1] «Под озером, из которого вытекает река Паз и которое, по выражению Книги Большого Чертежа, "островисто", разумеется озеро Имандра Большое, Энаре, или Инаре» (*Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 48).

[2] Не зная, кто был главным предводителем разбойников, донесение указывает имя одного из подручных Весайнена, «воеводки немецкого Кавпея», позже взятого в плен под Колой. См.: Жалованная грамота жителям Колы // Отечественные записки. СПб., 1829. С. 189.

[3] Из донесения кольского подъячего Ивана Парфентьевича Махонина. Цит. По: *Губанов П.П.* Путь в Колу. Повесть. Л., 1986. С. 91.

[4] *Козмин К.* Варангерское море. С. 11; *Богуслав И.А.* Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. СПб., 1862. Т. LXII. № 10. С. 290.

[5] *Терентиев Георгий, священник.* О русской колонии в лапландском крае // Архангельские губернские ведомости. 1873. № 3. С. 4.

[6] Старинный Датский документ. С. 4.

[7] в это время на Севере строились суда значительного водоизмещения. «Ходят они в больших и малых кочах, – писал англичанин С. Барроу в 1556 году, –"малые" суда – экипаж до 24 человек,

коварство замысла врага, чтобы подойти к монастырю со стороны моря, откуда в это время года никого не ждут[1]. В декабре в этих широтах навигация практически была невозможна[2]. Именно это обстоятельство – нападение со стороны моря – и породило в дальнейшем известное предание о том, что монастырь разорили морские разбойники – пираты.

Отряд Весайнена погрузился на монастырские суда в ночь на 2 декабря[3] и на веслах начал движение в сторону Печенги. Понятно, что судов было несколько, различной грузоподъемности и типа, а следовательно, и разной скорости хода. Разбойному десанту надлежало за ночь преодолеть расстояние в 40 морских миль. Средняя скорость при столь продолжительном движении судов на веслах с крепкими гребцами составляет порядка 5 узлов. Таким образом, к утру отряд должен был войти в Печенгскую губу.

Мы помним, что Салинген проводил тщательные гидрографические исследования в губах и заливах и, надо полагать, поделился со шведами информацией о районе предстоящего перехода отряда. Время передвижения судов по маршруту было выбрано очень грамотно: именно в период с 1 часа ночи до 6 утра морское течение было попутным, направленным вдоль берега к губе Печенге[4].

Профессор Я.А. Фрисс считал, что, двигаясь по берегу моря на восток к Печенгской губе, разбойники предварительно зашли в губу Волоковую (Bomeni). На наш взгляд, это верно лишь отчасти. Не для того столь энергично и скрытно совершал свой морской переход Весайнен, чтобы отвлекаться на второстепенные задачи. Двигаясь, надо полагать, на самом быстроходном судне и используя паруса, он сразу направился мимо Волоковой в Печенгскую губу, к Успенской церкви, к могиле преподобного

а "большие" – более 30». *Старков В.Ф.* Поморские кочи XVI–XVII вв. // Наука в России. М., 2000. № 5. С. 92. «Древняя лодья поднимала груз в 12 тысяч пудов *[около 200 тонн. – **Е. М.**]*». *Шергин Б.В.* Древние памяти. М., 1989. С. 546.

[1] «Финны направили свой набег из Каяны не на восток, а прямо на север, к озеру Инаре, по р. Паз дошли до моря и в ночь на Рождество появились в Печенгской губе». *Островский Д.Н.* Речь, читанная в зале обер-прокурора. С. 388.

[2] «Возможное время для плавания возле этого берега – с начала мая до исхода октября». *Рейнеке М.Ф.* Географическое описание северного берега России. СПб., 1850. С. 52.

[3] «Декабря месяца … 2 день. Божьим изволением, грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенгский монастырь войною». Соловецкий летописец конца XVI века / Летописи и хроники. М., 1980. С. 241.

[4] См.: Карта северного берега Русской Лапландии. Составлена с описей капитанов Литке и Рейнеке 1822–1832 годов. Гидрографический департамент Морского министерства. СПб., 1855.

Трифона, где и нанес первый страшный удар. Основные же свои силы он не дал обнаружить, укрыв их в губе Волоковой. Вскоре и он, обагрив руки кровью первых печенгских мучеников, пришел в эту губу, соединившись со всем отрядом. *«Не дошедше обители, сокрышеся в тайном месте, и на обитель Преподобного целыя седмь дней ратию дерзнути не смели»*[1].

Автор уникального так называемого «Датского документа» – королевский фогт, сборщик дани в пользу датского короля, прибыв в эти края после рождественских праздников для сбора податей, обнаружил страшную картину трагедии и полное запустение, о чем позже составил подробный отчет губернатору норвежской крепости Вардехуз (Вардё)[2].

Касаясь обнаруженных убитыми в Волоковой десяти женщин с детьми, автор документа поясняет, что их имен он не установил и никого в живых в округе не обнаружил. Здесь, в Волоковой, у монастыря были соляные варницы. Соль в то время представляла собой немалую ценность. Отсутствие же среди убитых в губе Волоковой лиц мужского пола, скорее всего, свидетельствует о том, что мужчин взяли в плен. Мешки с солью – вещь тяжелая, требовалась рабочая сила.

Итак, рано утром 2 декабря, в полной темноте Полярной ночи, Весайнен вошел в печенгский Залив монахов – Монкенфьорд. Залив этот незамерзающий, и суда разбойников беспрепятственно могли передвигаться в сторону монастырской гавани. В «Документе» имена погибших в Печенгском монастыре даны общим списком, поэтому мы не знаем, сколько человек и кто поименно были убиты в момент высадки разбойников на берег в монастырской гавани.

С этого места начиналась непосредственно территория монастыря – торговый порт и поселок у Трифонова ручья. В «Документе» говорится: «Сожгли поселок под названием Викид (vik – бухта, норв.), где была монастырская гавань, и все корабли и лодки, а находившиеся в гавани суда изрубили на части»[3]. Этот поселок Викид в гавани располагался в непосредственной близости от Успенской пустыни[4], там, где *«храм*

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 118.

[2] Старинный Датский документ о разорении Печенгского монастыря в 1589 году // Из сборника отд. русск. языка и словесности Академии наук. СПб., 1890. Т. 51.

[3] Старинный Датский документ. С. 5.

[4] «В то время стали приходить к монастырю морем различные суда … К этому времени относится и основание Трифоном новой церкви во имя Пресвятой Девы Марии. Сюда удалялся Трифон, и жил здесь затворником, и совершал богослужения. У церкви, где она стояла, впадает в залив речка, носящая название Трифонова ручья» (*Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 266).

Успения Пречистыя Богородицы, что у Преподобного над мощами». Об этом свидетельствуют и иные источники: «Шведы, идя с моря, разорили и сожгли прежде всего церковь Успения Богоматери, ту самую, в которой был погребен просветитель Лопского поморья»[1].

Сделать это было несложно, поскольку в период между навигациями с наступлением Полярной ночи в этом поселке-порту, кроме служащих в Успенской церкви преподобных Ионы и Германа, вовсе не было монастырского люда[2]. Здесь враги *«иероинока праведного Иону и служебника [Германа] умучили»*. Верный сопостник преподобного Трифона старец Иона, оставшийся со своим учителем и после его смерти, и послушник старец Герман *«в первых»* приняли мученическую кончину *«от острия меча»*. Имена их можно найти в списке «Документа…», это Jionno и Giermandt[3].

По преданию, священномученик Иона и преподобномученик Герман Печенгские, Кольские[4] были умучены утром, во время завершения ранней Божественной литургии. Монах Герман звонил на колокольне, увидев врагов, бросился вниз, предупредить служащего Иону, но не успел и был убит у выхода из колокольни[5]. Девяностолетний старец Иона принял кончину, сжимая в руках Святую Чашу. Как истинный воин Христов, он защитил прежде всего Святые Дары, и «кровь мученика смешалась с кровью Божественного Агнца». Думается, Евхаристические сосуды, на которых служил Иона, были все те же, что и во время их совместных с Трифоном «нестяжательных» подвигов у реки Маны, и по бедности своей для грабителей ценности не представляли.

Всю картину этой трагедии и увидела прибежавшая на зарево пожара монастырская братия. Однако разбойников уже нигде не было видно. *«Не дошедши обители, сокрышася в тайне месте»*[6].

Весайнен все хорошо продумал. Нанеся этот главный удар по монастырской святыне, в самое сердце монастыря, он уже чувствовал себя

---

[1] Историческое описание Колоспеченгского монастыря. Цит по: *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 54

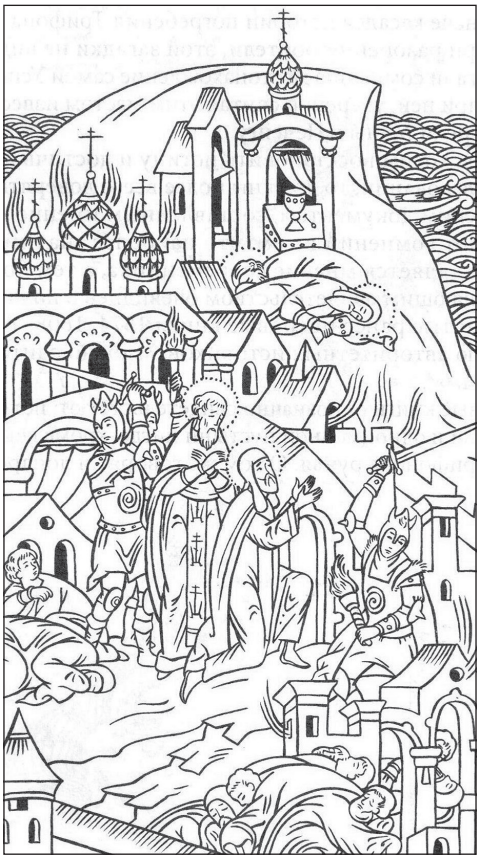
[2] Житие преподобного Трифона. С. 118.

[3] Старинный Датский документ. С. 4.

[4] Святые Иона и Герман прославлены в Соборе Новгородских и Соборе Архангельских святых, равно и преподобномученик Гурий, игумен монастыря.

[5] Инок Герман, по-видимому, поднялся на колокольню при Евхаристическом каноне на «Достойно и праведно…», когда полагается благовестить 50 ударами в колокол.

[6] Житие преподобного Трифона. С. 118.



Разорение обители финнами. Прорись из жития преподобного Трифона Печенгского. Автор И.В. Куксенко. 2007

победителем. Кто мог предвидеть такое – нападение с моря зимой? Летом это совершенно невозможно: летом здесь кипит жизнь, сотни здоровых мужиков, торговые суда на рейде крепко вооружены, да и его ладьи с десантом были бы обнаружены еще на подходе к Монкенфьорду.

Зимой напасть со стороны материка тоже невозможно: монастырские стены встают на пути всякого, кто попытается приблизиться к святыне – могиле преподобного Трифона. Кроме того, первый же лопарь, заметивший появление в Русской Лапландии отряда «финской страны немцев», немедленно оповестит и погосты, и монастырь. Всем хорошо известно, как невероятно быстро передвигаются на лыжах лопари, что даже легко догоняют волков[1].

[1] «Волков и других сим подобных зверей бьют они больше дубинами, потому что на лыжах свободно их догоняют». *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Изд. К.В. Миллер. СПб., 1776–1777. С. 6.

В старинном предании пазрецких лопарей, записанном в XIX веке протоиереем Константином Щеколдиным, говорится, что некий лопарь Иов заметил этот отряд *«финских немец»*, видимо, в районе оз. Инари – р. Паз. Заподозрив неладное, лопарь решил сообщить об этом в монастырь. При нем была слепая сестра, с ней он и поехал на оленях в Печенгу. Но все оказалось против него. Внезапно поднялась очень сильная буря, олени испугались и отказались идти. Ночью в сильном буране он отморозил руку и потерял лыжу. Пока Иов сооружал куваксу (шалаш), чтобы было где оставить сестру, и изготовлял новую лыжу, прошло много времени. Разбойный отряд по морю успел прийти в Печенгскую губу к Успенской пустыни раньше.

§ 3. Второй этап плана Весайнена. Печенгский монастырь

От монастырского поселка Викид (Wickitt), принявшего первый удар Весайнена, до северных стен монастырской крепости расстояние около пяти километров.

На момент нападения стены монастырского укрепления с севера проходили непосредственно вдоль реки Княжухи *[ныне Нюсюкийоки. – **Е. М.**]*. Даже в XIX веке здесь еще можно было найти следы древних монастырских укреплений: «…высокие насыпи с торчащими почерневшими бревнами – остаток погибшего монастыря»[1].

На упомянутой реке Княжухе находилась монастырская мельница, которая, как и многие иные хозяйственные постройки монастыря, располагалась вне его крепостных стен: «Мельница на Княжухе, тотчас за монастырскими стенами… »[2]. В наше время приблизительное место этой мельницы указывает мост, по которому речку пересекает дорога на Лиинахамари. «В 1906 году, при постройке этой дороги на аршинной глубине были обнаружены бревна, видимо, бывшего хлебного амбара, о чем свидетельствуют найденные тут обуглившиеся хлебные зерна»[3]. Об этой мельнице на реке в середине XIX века свидетельствовали старинные мельничные жернова, которые, по словам очевидцев, можно было видеть на «задичалом берегу реки Княжухи». Позже, с началом возрождения монастыря, жернова перенесли к Сретенской церкви у реки Маны.

---

[1] Архангельские губернские ведомости. 1888. № 25.

[2] *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 267.

[3] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 66.

Кольский острог.
Рисунок из архива С. Бушуева

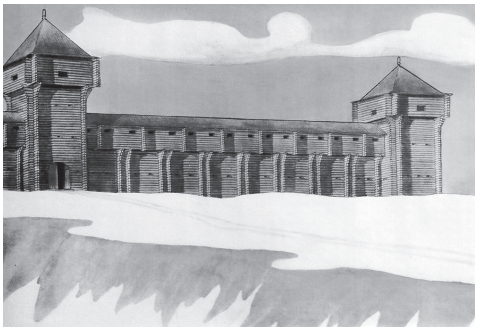
Таким образом, мы видим, что древний Печенгский монастырь располагался значительно севернее места его возрождения в XIX веке, при церкви Рождества Христова (ныне сгоревшей). Память о том, где стояла обитель в XVI веке, сохранилась в названии этого места – Трифоново поле. На святом месте древней монастырской церкви – преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, скорее всего, позднее находилось здание церкви святого апостола Андрея Первозванного.

Надо признать, к 1589 году Печенгский монастырь как средневековая крепость имел хорошую боевую устойчивость. Его расположение на месте слияния двух рек, двух естественных водных преград, в полной мере соответствовало оборонительным принципам устройства древнерусских городов: «Крепость обычно строилась на естественном возвышении, чаще всего на мысу при впадении одной реки в другую»[1]. Так, в 1540 году на каменном мысу (впоследствии превратившемся в остров), при впадении реки Колы в Кольский залив, основал свой Свято-Троицкий монастырь преподобный Феодорит. На мысу, образованном впадением реки Манны в Печенгу, в 1534 году построил свой «новоначальный» монастырь преподобный Трифон. На мысу при впадении реки Княжухи в устье реки Печенги (Печенгский залив) были воздвигнуты после 1550 года первоначальные укрепления Свято-Троицкого Печенгского монастыря.

К 1580–1582 годам монастырь уже имел весьма надежные крепостные стены, башни («вежи»), рвы и все необходимое для длительной осады – для «осадного времени немецких людей приходу»[2], включая и под-

[1] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города // Ученые записки Московского Государственного университета. М., 1946. Вып. 99. С. 227.

[2] РГИА, ф. 797, оп. 36, отд. 4, 1866, д. 307, л. 20.



Так выглядели стены острога, рубленные городнями. Реконструкция

земные ходы. Печенгский монастырь-острог был построен с учетом всех требований фортификации деревянных крепостей того времени: «Земляной вал («соп»), окруженный рвом («гроблей»), составлял основу на которой были возведены стены и башни, подобные стенам и башням позднейших острогов»[1]. В нашем случае таким «позднейшим острогом» была знаменитая деревянная Кольская крепость. Этот Кольский острог был построен в 1583 году воеводой М.Ф. Судимантовым и сохранялся до середины XIX века[2]. Можно с большой степенью достоверности говорить об идентичности Печенгского и Кольского острогов. Эти укрепления, или «города», как и многие подобные им, были воздвигнуты к 80-м годам XVI века по общему плану обороны Русского Севера, когда «походы шведов на Русскую Лапландию и Корелию сделались особенно часты и разорительны» [3].

Надо заметить, в этом вопросе строительства таких оборонительных сооружений не было никакой самодеятельности: все города-остроги строились по планам, утвержденным в Москве самим Иоанном Грозным. Сохранилась, например, грамота 1583 года, которой царь повелевал «поставить город» вокруг Михайло-Архангельского монастыря (Архангельский посад) по «росписи и чертежу», им утвержденному[4].

Крепостные стены таких «городов» «состояли из деревянных срубов (городниц), наполненных землей (или камнями), которые были

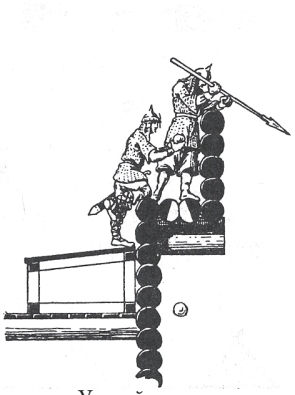
---

[1] *Воронин Н.Н.* Крепостные сооружения // История культуры древней Руси. Изд. Академии Наук СССР. 1951. Т. I. С. 450.

[2] Острог был уничтожен пожаром, возникшим в результате обстрела города Колы английским фрегатом «Миранда» в 1854 году в ходе Крымской войны. См.: *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 112.

[3] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 24.

[4] *Кодола О. Е.* Архангельская область. Исторический путеводитель. Архангельск, 2006. С. 147.



Устройство крепостных заборолов. Рис. из Курса истории русской архитектуры М.В. Красовского. Пг., 1916

плотно приставлены одна к другой и создавали крепкое укрепленное кольцо вокруг города»[1]. На верху таких стен, составленных из этих «городниц», образовывалась довольно широкая площадка, которую с внешней стороны от неприятельских стрел и камней прикрывал деревянный забор (забрало, заборол): «На верху стены делался помост, огражденный с внешней стороны заборолами»[2]. Житие Трифона не случайно упоминает эти *«забрала ограды монастырской»*, между которыми устраивались щели, «скважни», для стрельбы в нападающих. На верху стены, в «заборолах», происходила ожесточенная борьба во время штурма, отсюда защитники крепости бросали в нападающих камни, стрелы и копья.

То, каким образом врагу удалось внезапно и беспрепятственно оказаться внутри такой монастырской крепости, остается загадкой и поныне. Объяснением тому горестному факту, почему *«эти еретики, безвестно [неведомо, непонятно. – **Е. М.**] впадше во ограду»*, смогли так внезапно и безнаказанно *«вне церкви во службах сущих иноков и мирских всех закласть мечом»*, остается одно – *«благоволение судеб Господних неисследомых»*[3].

Таким образом, *«Божиим попущением, грех ради человеческих, Святыя Троицы и праведного обитель от немец разорена и сожжена бысть до основания»*[4]. Автор жития преподобного Трифона утверждает, что уничтожение монастыря произошло *«в самый праздник Рождества Христова»*. Вспомнив о весьма позднем времени написания текста житийной рукописи, оценим достоверность этого утверждения.

Рождество Христово Русская Православная Церковь испокон века празднует 25 декабря, придерживаясь старого стиля. Европейские христиане, приняв в 1582 году Григорианский календарь, стали отмечать Рождество раньше, чем в России. В 1589 году западное Рождество соот-

[1] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 228.
[2] *Воронин Н.Н.* Крепостные сооружения. С. 451.
[3] Житие преподобного Трифона. С. 118.
[4] Там же. С. 91.

ветствовало 15-му декабря по старому стилю, так как разница между календарями составляла в то время 10 дней[1]. Есть ли у нас какие-либо основания полагать, что трагедия случилась 25 декабря 1589 года – *«в самый праздник Рождества Христова»*?

В своих построениях по определению точной даты этого события мы имеем надежную точку отсчета – свидетельство «Соловецкого летописца» о дате появления отряда *«финских немец»*: «… **декабря месяца … 2 день.** Божьим изволением, грех ради наших, приходили немецкие люди в Печенгский монастырь войною»[2].

Есть и другая временная привязка. Как известно, воодушевленный успехом своих злодеяний на Печенге, Весайнен направил свой отряд к Кольскому острогу. «И из Печенги пришли в Колу волость под Кольской острог того же месяца декабря **за два дня до Рождества Христова**»[3]. Другими словами, разбойников на «наше» Рождество Христово в монастыре быть не могло. Тем более что тот же летописец сообщает: «игумена Гурия, и братию, и слуг побили, и казну монастырскую взяли, **и стояли в Печенге 10 дней**».

Таким образом, несложно будет провести обратный отсчет событий. Финны пришли к Кольскому острогу «за два дня до Рождества», то есть 23 декабря. Дорога из Печенги «ближайшим зимним путем рассчитывалась тогда на 185 верст»[4]. С грузом награбленного и заходом для разорения Мотовского лопарского погоста в губе Западная Лица она заняла не менее трех-четырех дней. Значит, разбойники вышли из Печенги примерно 19-20 декабря. «Летописец» указывает, что они «стояли в Печенге 10 дней», следовательно, ворвались в монастырское укрепление 9 декабря. Эта дата и есть день памяти «игумена Гурия с братией Печенгского монастыря убиенных». По новому стилю это 22 декабря.

Соответственно, день памяти священномученика Ионы и преподобномученика Германа Печенгских, убитых на неделю раньше, выпадает на 2 декабря. Эту дату мы упомянули выше, цитируя «Соловецкий летописец». О недельной задержке затаившегося Весайнена известно из жития: после разорения Успенской пустыни разбойники *«на обитель*

---

[1] См.: *Мельников В.Г.* О старом и новом стиле. Новосибирск, 1993. С. 24. В XVI веке разница между календарями составляла 10 дней.

[2] Летописи и хроники / Соловецкий летописец конца XVI века. М., 1980. С. 241.

[3] Летописец Соловецкий старца Петра Ловушки // Летописи и хроники. М., 1981. С. 241.

[4] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 55.

Игумен Паисий (Рябов)
(расстрелян 28.12.1940)

Преподобнаго целыя седмь дней ратию дерзнути не смели». «Дерзнули» напасть 9 декабря.

Так что противоречащее документам указание жития о том, что трагедия разразилась в *«праздник Рождества Христова»*, скорее всего, есть следствие весьма поздней редакции дошедшего до нас текста.

Правда, можно предположить, как эта ошибка могла закрасться в людскую память. На те страшные дни декабря в XVI веке действительно приходилось Рождество Христово, но только «западное», европейское. Скорее всего, слово «Рождество» упомянуто в житии именно потому, что свое кровавое пиршество финские лютеране из Остерботнии учинили в Печенге в преддверии своего главного церковного праздника. День 15 декабря они встречали среди изуродованных монашеских тел и на пепелище. Такая важная деталь коварства и безбожия не могла не сохраниться в народной памяти и в дальнейшем справедливо оказалась в житии, хотя и без необходимой оговорки.

В XVI веке «западное» Рождество, выпадая на 15 декабря, совпало и с днем памяти преподобного Трифона Печенгского Чудотворца, предсказавшего братии эту трагедию шесть лет назад.

И еще одно примечательное обстоятельство. В 350-ю годовщину этого события, 15/28 декабря 1940 года, другой настоятель Трифоно-Печенгского монастыря – иеромонах Паисий (Рябов) – также будет убиен богоборческой властью[1].

§ 4. Игумен Гурий и 116 преподобномучеников

Игумен Гурий принял крест управления этим непростым монастырем одновременно с возвращением на Печенгу преподобного Трифона. В исторических документах имя игумена Гурия впервые появляется в Жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Троицкому Печенгскому монастырю 1556 года, ноября 21: «Пожаловал есмя нашего царского

[1] ГАМО. Архивно-следственное дело № 6658/2, л. 32.

богомолия, от Студенаго моря окияна с Мурманского рубежа, Пресвятые и Живоначальныя Троицы Печенгскаго монастыря игумена Гурия с братиею»[1].

Преподобный Трифон вернулся на Печенгу только весной 1557 года, когда открылась навигация на Севере, тогда как Гурий прибыл в Печенгский монастырь как настоятель сразу после встречи с Иоанном Грозным уже осенью 1556 года. Житие ясно говорит о том, что братия уже вместе с игуменом встречали Трифона в монастыре как своего благодетеля и «*препитателя*». «*Игумен же и братия о пришествии его славяще Святую Троицу, преподобного отца Трифона благодарствовали*».

Аудиенция у царя, приведшая к получению монастырем Жалованной грамоты с обширными дарениями и льготами, как мы уже упоминали ранее, состоялась во многом благодаря другу и сподвижнику Трифона Печенгского – преподобному Феодориту Кольскому, находившемуся в это время при дворе Иоанна Грозного. Преподобный Трифон в Москву прибыл не один, а «*со единопутным своим, Соловецкого монастыря неким праведным иноком*», им-то, надо полагать, и был представленный царю на утверждение будущий настоятель монастыря Гурий Печенгский.

Ранее мы упоминали, сколь сильное впечатление на царя произвело произошедшее накануне чудо, когда Иоанну, идущему «*к литургии, явишася на пути два святолепна инока, царские же очи возлюби их честное явление*», и царь беседовал с ними, оставшимися невидимыми для остальной свиты. Явление преподобных Трифона и Гурия произошло за сутки до их фактического прихода в Москву. Когда же на следующий день выяснилось, что боярский «*синклит глас царский слышах, иноков же отнюдь не видех*», то «*великий царь сих блаженных праведников повеле сыскати и о таковых потаенных рабах Божиих удивльшеся зело*». В результате такового чудесного Божьего попечения Печенгскому монастырю были дарованы обширнейшие угодья и льготы, ибо «*великий царь возлюби их, и пожаловал, одарив обитель колоколами и церковною утварию богато, отпусти с милостивым призрением*»[2].

Гурий Печенгский был одним из достойнейших учеников преподобного Трифона. И если обет иноческого «нестяжания» в жизни руководимой им обители в известной мере и по известным причинам не испол-

[1] Жалованная грамота Печенгскому монастырю. С. 437.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 106.

Московский царь с боярами. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

нялся, то уж обет иноческого послушания в его монастыре соблюдался строжайше и со страхом Божьим. Это в полной мере проявилось 9 декабря 1589 года, когда «лютие звериe во церковь вскочиша со оружием и во храме всех предаше смерти, и ради тяжчайшего мучения иных пополам пресекоша, другим ноги и руки отсекоша, иных вдоль разсекоша. Преподобного же игумена Гурия, да диакона *[иеродиакон Иосиф. – **Е. М.**]*, казны ради, различно мучаще и оружием язвяще, и огнем жгуще. Но добрые Христовы страдальцы в таковом лютом мучении еретикам ничтоже отвечавше и только к небеси взираху. И то видеша окаянные, яко ничтоже им о казне поведающе, паче разъярившеся, мечами преподобных в части разсекоша, и храмы Божия осквернишa и ограбиша, и с посеченными преподобных телесы сожгоша»[1]. Так завершилась история обители преподобного Трифона и его духовных чад. Молитвами святого печенгского старца Господь даровал им высшую награду христианина – венцы небесные мучеников Христовых[2].

Возвращаясь к научным исследованиям по истории монастыря, необходимо отметить, что в трудах XX века высказывалось предположение, что имя Гурия Печенгского как игумена монастыря было вписано в Жалованную грамоту позднее – уже после 1575 года. Основывалось это ут-

[1] Там же. С. 118.

[2] Благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15.10.2003 священномученик Гурий Печенгский и братия, с ним убиенная, причислены к лику святых.

верждение на том, что имя Гурия в ранних монастырских документах не упоминается[1]. Однако надо заметить, что и в целом документальных свидетельств деятельности монастыря того времени сохранилось весьма немного.

В этой связи еще раз вспомним важную подробность, которую сообщает нам очевидец монастырской жизни тех лет – английский капитан Уильям Барроу: «Печенга – где живут монахи русского закона, причем настоятель, или глава (abbot) этого монастыря назначается всегда московским духовенством»[2]. То есть, другими словами, митрополитом Московским, а в дальнейшем Патриархом. Эта запись в дневнике капитана, сделанная в 1557 году, является важным свидетельством того, что в 1557 году в монастыре уже был настоятель (abbot), назначенный в Москве.

Кроме того, указание англичанина на подчиненность монастыря Москве, а не новгородскому Владыке, возможно, свидетельствует о том, что вместе с царской Жалованной грамотой в 1556 году монастырь получил также и ставропигиальность[3], которой до этого на Севере Руси обладал лишь Соловецкий монастырь. В таком случае можно предположить, что широко известный перечень семи древних ставропигиальных монастырей[4] может быть расширен. Но это лишь гипотеза, вопрос требует дальнейших исследований. Заметим, что Печенгский монастырь, возрожденный в XIX веке, в начале XX века уже считался ставропигиальным[5].

Что касается настоятелей северных монастырей, то о них сохранилось очень мало сведений. Относительно настоятелей древнего Печенгского монастыря мы пребываем в полном неведении: никаких других имен, кроме игумена Гурия, нигде не упоминается. Если же он действительно в течение 33 лет бессменно руководил обителью на Печенге, то это чрезвычайно редкий случай в истории монастырей, и особенно северных. Если коснуться более разработанной истории Соловецкого монастыря,

---

[1] «В 1575 году упоминаются в монастыре только келарь Иов и казначей Макарий» (*Андреев.* О подложности Жалованной грамоты. С. 153 (прим)).

[2] Английские путешественники в Московском государстве. С. 92.

[3] Ставропигиальные монастыри – монастыри, находящиеся в непосредственном управлении Патриарха (позже Св. Синода или Московской синодальной конторы) и пользующиеся многими особыми правами с давних времен.

[4] «Соловецкий, Новоспасский, Воскресенский («Новый Иерусалим»), Симонов, Донской, Спасояковлевский и Заиконоспасский» (Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 625).

[5] Описи церкви во имя Рождества Христова за 1911 год. Ставропигиальный второклассный Трифоно-Печенгский монастырь. ГАМО, ф. 54, оп. 1, д. 147, л. 41 об.

можно увидеть, что после смерти «великого основателя – преподобного Зосимы 18 настоятелей сменили друг друга»[1], и это лишь в период до 1537 года. Исключение в настоятельском «долгожительстве» являет собой священномученик Филипп Московский, окормлявший Соловки в течение 20 лет – с 1546 по 1566 год[2].

Как известно, монастырская должность строителя существует независимо от того, есть ли в обители настоятель. До своей блаженной кончины строителем Печенгского монастыря состоял преподобный Феодорит Кольский. Еще раз напомним, что, с канонической позиции, Феодорит никогда и не переставал быть строителем основанного им Свято-Троицкого Кольского монастыря. Беззаконные действия братии, изгнавшей старца и переместившей монастырь из Колы на Печенгу, вовсе не отменяют Ставленой грамоты, данной Феодориту архиепископом Новгородским Макарием около 1540 года. Так что до августа 1571 года строителем Троицкого монастыря оставался преподобный Феодорит Кольский. С момента «кольского бунта» 1548 года – лишь de jure, а после возвращения Феодорита на Север около 1562 года уже и de facto, что находит свое подтверждение в исторических документах[3]. Относительно того, кто сменил Феодорита после его кончины, с достаточной долей вероятности можно предположить, что до избрания строителем монаха Сергия монастырь как строитель возглавлял сам Трифон Печенгский[4].

Что касается информации о насельниках монастыря ко времени разорения обители, то, как известно, в «Датском документе» записаны имена 95 мучеников. Это строгий официальный документ, составленный королевским чиновником – сборщиком податей, который по долгу службы обязан быть предельно точным. И он, «королевский фохт», тщательно исполнил свои обязанности, не поленившись переписать чуждые его слуху русские имена.

Также вскоре после разорения уцелевший (или вновь избранный) строитель Сергий с братией «Живоначальные Троицы Печенского мо-

---

[1] *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 30.

[2] *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. С. 816.

[3] Речь идет о «Данной 1569 года от Евсевия Букина Строителю Феодориту с братией» (Белокуров С. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 65). См. также: *Андреев А.Н.* К истории колонизации западной части Кольского полуострова // Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 1. С. 29.

[4] Преподобный Трифон «строителем монастыря» назван в Писцовой книге Алая Михалкова 7116 года. *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. С. 433.

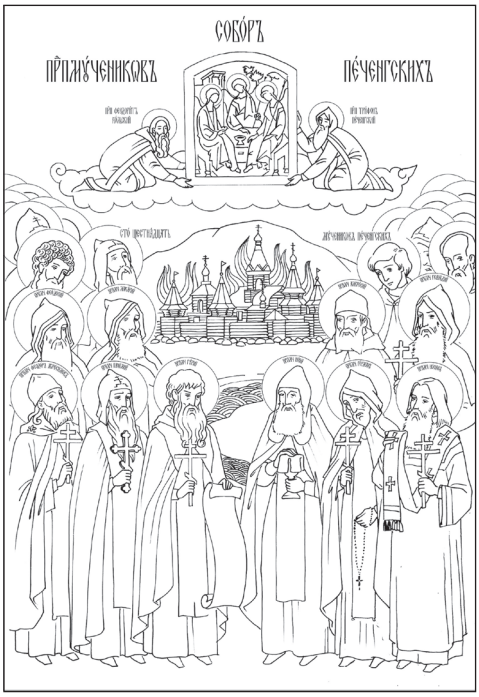
Избиение печенгских монахов в храме монастыря.
Гравюра. Художник Ф.С. Козачинский. 1897

настыря» «бил челом великому государю царю и великому князю Феодору Иоанновичу всея Руси», сообщая о случившейся беде: *«В нынешнем, в 7098 году, Троицкий монастырь немецкие люди воевали и казну монастырскую взяли*[1]*, игумена да братии, сорок одного человека старцов, да слуг пятьдесят человек, побили»*[2].

Таким образом, строитель Сергий доносит о девяносто одном убиенном. Как видим, есть расхождение в количестве, но, думается, данные, указанные в «Датском документе», более точны, поскольку подкреплены списком имен. Кроме того, и дата окончательной редакции «Документа» довольно поздняя – август 1590 года. В то же время, «челобитная», безусловно, писалась «по горячим следам». Так что цифра 95 (из которой 42 монаха и 53 монастырских послушника, трудника и паломника), сообщающая о количестве мучеников печенгских, убиенных 9 декабря в монастырских стенах, вполне достоверна.

[1] Обратим внимание, что́ именно в первую очередь упоминает автор челобитной как самое ужасное.

[2] Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 644–645.



Собор Печенгских мучеников.
Прорись иконы.
Автор И.В. Куксенко. 2011

Позже и русский царский сборщик податей Алай Михалков также проявляет профессиональную дотошность и подтверждает эту цифру в своей Писцовой книге: *«И в 98-м году те монастыри и в них церквы… сожгли свейские немцы и игумена с братиею, да слуг монастырских 95 человек побили»*[1]. О количестве избегнувших страшной резни насельников монастыря сообщается: *«Отсутствовало пять монахов, бывших в далеком пути по делам обители»*[2]. Надо помнить, что, конечно же, на многочисленных подворьях, дворах, варницах и пр., уцелело значительное число братии.

Почему же монастырское предание настойчиво говорит о 116 мучениках: 51 монахе и 65 послушниках вместе со «служебниками работными»? Скорее всего, цифра «116» свидетельствует о том, что вместе с останками 95 человек «монастырских» были захоронены и все *«избитые финнами»*. Это и паломники, в то время оказавшиеся в монастыре, имена которых могли не знать, равно как и прочие «убиенные» в иных местах по ходу движения отряда. Все это вполне вероятно, особенно учитывая зимнее

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. С. 432.

[2] Печенгский монастырь. Предание добавление архивными данными. СПб., 1893. С. 24 (прим.).

время событий, поскольку проще доставить все замерзшие тела к одной могиле, вырубленной в промерзшей земле, чем копать много могил.

Как известно, 22 декабря Весайнен испытал серьезное поражение под Кольским острогом, «и немцы Туломою рекою в землю свою побежали»[1]. Оставшаяся в живых братия, *«бывшая во отшествии в службах»*, смогла наконец вернуться *«в разоренную святую обитель»*, и *«об убиенных горек плач сотворили и оставшиеся плоти рассеченныя, и сгоревшия части собрали и погребли честно»*[2]. Святые же останки преподобного Трифона и двух его верных «сослужебников» из Успенской пустыни, надо понимать, были единственными относительно цельно сохранившимися, в отличие от рассеченных и сожженных тел остальной братии. Их-то и было решено захоронить в укромном месте, у погоста Печенска Зимняя, под присмотром местных лопарей, поскольку на месте монастыря теперь никто не оставался. Жить было негде, да и страшно[3]. И о новом месте захоронения решено было пока молчать. Уже начиналась полномасштабная война со Швецией, Весайнен же сумел посеять в душах панический страх перед возможным новым надругательством над останками преподобных[4] при новых нападениях, и особенно со стороны моря.

Возможно, именно таким образом мощи преподобного Трифона Печенгского, преподобномучеников Ионы Печенгского и Германа Печенгского нашли свое упокоение «на Печенге реке на усть реки Маны, где место первоначальное Печенского монастыря, да место церковное Живоначальной Троицы»[5].

Еще раз возвратимся к размышлениям о том, почему житие поминает 116 мучеников, а не 95. Можно сделать еще одно предположение: разница включает и тех, кого увели в плен, и они, возможно, тоже приняли венец мученический. Как свидетельствует житие, обратный путь разбойников был тяжек: *«Избившие преподобных подобную погибель получили*

---

[1] Летописец Соловецкий старца Петра Ловушки // Летописи и хроники. М., 1981. С. 241.

[2] Житие преподобного Трифона. С. 119.

[3] Монахи вернулись сюда, на Печенгу, лишь в 1596 году.

[4] «Оставшиеся плоти рассеченныя и сгоревшие части», захороненные в братской могиле, из страха перед осквернением накрыли тяжелыми гранитными плитами. Одна из них была извлечена в декабре 1890 года «при копании ям для каменных устоев часовни над могилой 116 мучеников» (*Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 44). На месте этой часовни до пожара 2007 года был алтарь монастырской церкви. Упомянутая плита должна быть установлена для поклонения в крипте под часовней 116-ти мучеников Печенгских.

[5] Писцовая книга Алая Михалкова 1608 года. Цит. по: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 432–433.

молитвами отца нашего Трифона, измроша они от глада, и мало кто на возвещение их погибели во страну свою приидоша»[1]. В этой ситуации, понятно, что и пленные претерпели тяжкую кончину, но о том, что вели они себя мужественно, сообщают нам шведские документы: «*На обратном пути один из пленных русских убил Весайнена*»[2]. Финские источники указывают, что Пекку убил монах по кличке Ахма[3], и что произошло это у финского селения Tornio. Как известно, «немцы Туломою рекою в свою землю побежали»[4], то есть известным водным путем, ведущим к Ботническому заливу. Именно у местечка Торнио, на берегу залива, завершается этот средневековый водный путь, начинающийся рекой Туломой. Торжественной встречи «героя» не получилось: «Король Карл Иоган *[Юхан III. – **Е. М.**]*, который уже пригласил было к себе Весайнена, узнав об его смерти, послал подарки его жене»[5].

Надо отметить, сегодня финские историки оценивают роль Весайнена в истории Финляндии более критически: «Хотя информация о его гибели ничем не подтверждена, но партизанские вылазки Весайнена, как можно видеть, закончились. В Финляндии он стал излишне идеализированным национальным героем, хотя на самом деле он был типичным предводителем разбойных партизанских отрядов XVI века, которые жестоко убивали гражданское население, женщин, детей, священников и монахов, а также дерзко сжигали жилища, церкви и монастыри. Подобными предводителями не стоит особенно восхищаться ни с одной, ни с другой из сторон противостояния»[6].

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 119.

[2] *Чумиков А.* О походе шведов. С. 12. В то же время, в финских справочниках можно найти иную версию: «Весайнен скончался своей смертью в глубокой старости». «Pekka Antinpoika Vesainen tai Juho Vesainen (n. 1540 Utajärvi – n. 1627 Utajärvi) oli kuuluisa pitkän vihan aikainen sissipäällikkö». Цит. по: Pekka Vesainen. http://fi.wikipedium.org/wiki/Pekka Vesainen.

[3] Финское слово ahma – «росомаха» – произошло от ahmatti, которое переводится как «обжора». Является весьма распространенной на территории Финляндии карельской фамилией.

[4] Летописи и хроники. М., 1981. С. 242.

[5] *Arwidsson A.I.* Handlingar till upplysning af Finlands haȉfder. Stockholm, 1846. T. VI. S. 355.

[6] *Kirkinen H.* Karjala idän ja lännen välissä. S. 182. (Перевод с финского Я. Новиковой по просьбе автора).

§ 5. Места захоронений печенгских подвижников и судьба их мощей

Согласно тексту жития преподобного Трифона, всю братию монастырскую *«разъярившеся окаянные, мечами преподобных в части разсекоша, и храмы Божия осквернища и ограбиша, и с посеченными преподобных телесы сожгоша»*[1]. Сознательно или нет, но делалось все, чтобы не допустить возможного обретения мощей мучеников в будущем. Еще раз подчеркнем: «Всех их шведы сожгли вместе с монастырем»[2].

Когда в 1886 году на Печенгу для восстановления монастыря прибыли одиннадцать соловецких иноков во главе со строителем иеромонахом Никандром (Чуватиным), то *«над могилой 116-ти мучеников печенгских стоял деревянный крест, обнесенный деревянною решеткою, и небольшая около могилы церковь с ветхим для священника домиком»*[3].

В 1890 году в первые месяцы своего правления новый строитель монастыря иеромонах Ионафан «над могилой печенгских мучеников построил новую часовню в честь Рождества Христова»[4], под которой «снаружи имеется ход в небольшое помещение вроде склепа, с общим памятником»[5]. В ходе земляных работ для создания фундамента часовни была обнаружена каменная плита, на которой лежали некоторые металлические предметы сгоревшей в древности церкви (лампадка, крюки, скобы подсвечника). Кроме того, был найден сплавленный слиток песка, камня и человеческих костей, что было расценено как подтверждение исторических свидетельств о сожжении всех печенгских страдальцев вместе с монастырем.

В 1906 году к часовне, что на могиле 116-ти убиенных печенгских монахов, была пристроена Рождественская церковь, часовня же обращена в алтарь. Склеп-крипту под алтарем посещали благочестивые паломники, по печенгским страдальцам монастырская братия служила панихиды. В крипте над символической могилой был уложен гранитный камень-плита, обнаруженный при раскопках. На стене крипты размещался Крест и иконы Спасителя и Божией Матери.

---

1 Житие преподобного Трифона. С. 118.

2 Старинный Датский документ. С. 7.

3 *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 39.

4 Там же. С. 44.

5 *Львов Е.* По студеному морю. С. 176.

Одна из найденных серебряных монет XVI века. Надпись: «князь великий иван»

Впрочем, возможность поклонения этой святыне сохранялась недолго. В 1920 году Печенгский район (Петсамо), а также западная часть полуострова Рыбачьего и большая часть полуострова Среднего отошли к Финляндии. Монастырская церковь Рождества Христова была передана лютеранской общине. После освобождения Печенги в 1944 году здание церкви перестроили и использовали как клуб, алтарь разобрали, а крипту засыпали мусором.

Здание церкви было возвращено Русской Православной Церкви в 1995 году. С 1997 года в ней стал возрождаться Трифонов Печенгский монастырь. Декабрьской ночью 2007 года это историческое здание церкви полностью сгорело.

С 2003 года, после того, как печенгские страдальцы было прославлены в Соборе Кольских святых, в лике преподобномучеников Печенгских, это святое место под алтарем стало восприниматься уже не как исторически почитаемая могила, а как место почитания мощей 116-ти преподобномучеников печенгских, находящихся под спудом. В то же время, точное местоположение захоронения еще не установлено, но ориентировочно можно утверждать, что могила находится за алтарем сгоревшего храма, в десяти метрах на восток.

Проведенные в 2015 году археологические изыскания в районе алтаря (крипты) сгоревшей церкви Рождества Христова не подтвердили наличия здесь захоронений. Работы здесь сильно осложняются большими массами более поздних слоев строительного грунта. В ходе раскопок удалось добраться до «монастырской территории» XVI века. Материальным подтверждением тому стало обнаружение серебряной монеты – копейки времен Иоанна Грозного. Монеты такого вида были отчеканены по денежной реформе Елены Глинской, матери Ивана Грозного, в 1535 году. Экспертиза обнаруженной копейки показала, что данная монета не находилась в использовании и сохранялась в своем первичном после чеканки виде. Можно предположить, что эта монета из ограбленной разбойниками монастырской казны, ради которой особо *«различне мучаше и оружием язвяще, и огнем жгуще игумена Гурия, да дьякона»*[1]. Видимо, это

[1] Житие преподобного Трифона. С. 118.

то серебро, что Иоанн Грозный в 1556 году непосредственно из казны пожертвовал Трифону, «пожаловав его и одарив обитель богато»[1].

Что касается мощей преподобного Трифона и его учеников, Ионы и Германа Печенгских, то мы не можем оставить без комментариев предположение о том, что могила Трифона в Успенской пустыни у Трифонова ручья была осквернена разбойниками. В таком случае этот факт мог явиться причиной перезахоронения мощей святого в более безопасном месте, в глубине материка, близ лопарского зимнего погоста вместе с останками убиенных Ионы и Германа. Кроме того, надо учитывать духовную атмосферу подавленности, царившую тогда в монастырской среде, и желание обезопасить чтимые останки от возможных осквернений в будущем, тем более что места эти были покинуты братией на несколько лет. Документы указывают, что монахи на Печенге вновь реально появились лишь к 1596 году.

Опубликованное в конце XIX века поэтическое предание о трагедии на Печенге, надо полагать, не случайно говорит о поминальной записке: «поминанье по вновь преставившимся убиенным и список их имен, начиная с имени настоятеля»[2], обнаруженной в трапезной монастыря накануне нападения. Равно как и повествует о предателе, «кочевом лопаре – фильмане *[кочевой лопарь протестантского вероисповедания. – **Е. М.**]* Иване», от которого «Бог отступился»[3]. Также и то, что особо подчеркивает житие, – люди Весайнена оказались внутри монастырского укрепления внезапно и неведомым образом: *«Оные еретики безвестно впадше во ограду и вне церкви во службах сущих заклаша мечем»*[4]. Думается, что и записка, подброшенная в трапезную, и подкупленный за «50 серебряных шведских монет» предатель-лопарь, и отворенные монастырские врата – все это звенья одной цепи. Перед нами в полной мере раскрывается тщательно продуманный план Пекки Весайнена.

Как известно, совершив первое злодеяние в Успенской пустыни, Весайнен исчез: *«Не дошедши обители, сокрышася в тайне месте»*. Потрясенная ужасной картиной, открывшейся взору при могиле святого Трифона, в недоумении от необъяснимости всего произошедшего, включая и исчезновение врага, братия монастыря должна была предпринять ряд

---

1 Там же. С. 106.

2 *Львов Е.* По студеному морю. С. 267.

3 *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 24.

4 Житие преподобного Трифона. С. 118.

первоочередных мер[1]. Во-первых, всем было велено укрыться в монастырской ограде. Туда же, надо понимать, были перенесены и мощи преподобного Трифона, также как и останки убиенных Ионы и Германа. После положенного прощания и отпевания тел мучеников до окончательного прояснения ситуации и в связи с возможностью нового нападения их, видимо, уложили в покойницкой (божедоме).

Надо сказать, на Руси в то время существовал обычай не хоронить покойников («заложных»), умерших насильственной смертью в морозное, зимнее время, а укладывать до весны в особом холодном помещении, «в доме, выстроенном за городом, который называют божедом, до наступления весны»[2]. Либо поступили следующим образом: «Вследствие сильного холода, они (русские) имеют обыкновение укладывать своих мертвецов в колокольни своих церквей, которые и находятся здесь, без всякой порчи, до апреля месяца, когда погода бывает теплая»[3].

Разразившиеся через несколько дней завершающие события этой драмы кроме полного уничтожения монастыря и его братии должны были коснуться и судьбы этих пребывавших на территории монастыря святых останков. Каким именно образом, неведомо. Равно как неизвестно, когда их унесли от остальных тел 116-ти мучеников и захоронили на реке Мане. Надо понимать, абсолютно все монастырские строения финны сожгли дотла. Тела погибших и «иссеченных» монахов были сожжены непосредственно в Зосимо-Савватиевском храме монастыря. Если даже что-то удалось захоронить, то после воздействия таких температур органические останки быстро превращаются в прах и последующее их обретение становится весьма проблематичным.

---

[1] Как известно из «Датского документа», Весайнен уничтожил все монастырские суда, стоящие в гавани у Успенской пустыни: « … все корабли и лодки и находившиеся в гавани суда изрубили на части» (Старинный Датский документ. С. 4), тем самым лишив братию возможности обследовать акваторию вокруг Печенгской губы, что могло бы привести к обнаружению его отряда, укрывшегося на целую неделю в губе Волоковая.

[2] *Флетчер Джильс.* О государстве Российском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 137. Надо сказать, это замечание иностранца не вполне точно. Так поступали лишь с «заложными покойниками» – людьми, умершими «напрасной» (неожиданной, «не ко сроку») смертью, которых хоронили в общей могиле раз в год, на Семик, тогда же и отпевали. Происходило это непосредственно перед Троицей, в седьмую (отсюда «Семик») послепасхальную неделю, в четверг.

[3] *Карляйль Чарльз.* Описание Московии при реляциях гр. Карлейля 1664 г. // Историческая библиотека. СПб., 1879. № 5. С. 26.

§ 6. История обретения мощей преподобного Трифона Печенгского

Как мы писали выше, первый факт «подъема» мощей преподобного Трифона состоялся вследствие разорения монастыря и вынужденного перезахоронения останков. Естественно, по причине незначительного (шестилетнего) времени, прошедшего с момента кончины старца, христианская традиция не позволяла расценивать произошедшее как факт обретения мощей, и они нуждались в новом захоронении. Скорее всего, уложенные в новый гроб, мощи преподобного были захоронены на новом месте, у реки Маны. Историки упоминают и возможные даты этих событий, сохранявшихся в старинных документах: «По одному списку святцев, преподобный преставился июля 23, по-другому – ноября 14, по третьему – декабря 15. День кончины, без сомнения, 15 декабря, прочие дни – дни празднования перенесения мощей»[1].

Следующим исторически достоверно установленным фактом является попытка официально обрести мощи преподобного Трифона Печенгского в 1658 году. В заключительной части жития преподобного Трифона, в разделе посмертных чудес, упоминается соответствующий печальный и показательный эпизод из жизни монастыря середины XVII века[2].

Речь идет о попытке игумена Кольско-Печенгского монастыря Иоанна (1654–1658 гг.) обрести мощи преподобного Трифона. Эти события разворачивались на фоне усилий Патриарха Никона по восстановлению норм монастырской жизни и дисциплины в обители. В житии об этом говорится так: *«Игумен Иоанн, побежденный духом властолюбия, отправился в Москву за милостыней, к патриарху Никону»*[3].

То, что поведал игумен Иоанн Патриарху о серьезном неблагополучии в монастырской жизни, надо думать, произвело на Никона тяжкое впечатление и побудило к решительным действиям. Царским указом 1658 года Кольско-Печенгский монастырь был приписан к Крестному патриаршему монастырю, что на Кий-острове на Белом море. Наместником Крест-

---

[1] Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Соч. Ф.А. Ч. Чернигов, 1864. С. 562 (прим.).

[2] Политический подтекст включения этого события в перечень «чудес» отмечают и исследователи рукописных текстов жития, учитывая характерные надписи и пометки на полях рукописей в этом месте. См.: *Калугин.* Житие Трифона Печенгского в письменности. С. 446–447.

[3] Житие и чудеса преподобного отца нашего Трифона Печенгского // Жития русских святых (сентябрь – декабрь). Оптина пустынь, 1993. С. 542. (Далее: Житие и чудеса преподобного отца нашего Трифона).

ного монастыря назначался игумен Иоанн, а строителем в Кольский монастырь патриарх направил из Крестного монастыря старца Исайю[1].

Однако в монастырской редакции жития дальнейшие события трактуются по-иному: *«Иоанн, приехав в Печенгскую обитель, забрал дорогую утварь и казну и частию отвез в Крестный монастырь, а частию взял себе. Этого мало. Дерзкий игумен, наверное, ища денег [?], начал раскапывать могилу преподобного Трифона. Господь немедленно наказал его. Он был поражен неведомою силою, бежал в монастырь, впал в болезнь и скончался лютой смертью»*[2] – (так в житии, литературно обработанном в конце XIX века). В рукописном варианте XVIII века: *«По мале времени впаде в болезнь, и нечаемо расседеся чрево его и зле скончался»*[3].

Сразу оговорим, что с игуменом Иоанном ничего плохого не произошло, он и дальше успешно окормлял «Ставрос-монастырь» на Кий острове и в «Памяти» 1660 года упоминается как «Крестного монастыря архимандрит Иван с братией».

В 1658 году в принадлежащем теперь Патриарху Никону ставропигиальном Печенгском монастыре спустя 75 лет по преставлении печенгского старца по благословению Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Никона была предпринята попытка обретения мощей преподобного Трифона. Это деяние совершалось в соответствии с замыслами Патриарха: «Патриарх Никон озаботился дать новоустроенному монастырю особую святыню, чтобы она могла привлечь внимание благочестивых паломников»[4].

Однако обретение мощей не состоялось. Согласно тексту жития, этого не произошло, поскольку было явлено «чудо» «поражения игумена неведомою силою и бегства его в монастырь». Однако, надо понимать, все дело состояло в серьезном неблагополучии, наступившем в это время в Кольско-Печенгском монастыре, буйной жизни братии и разбойных порядках, что не позволило исполнить волю Патриарха Никона[5].

---

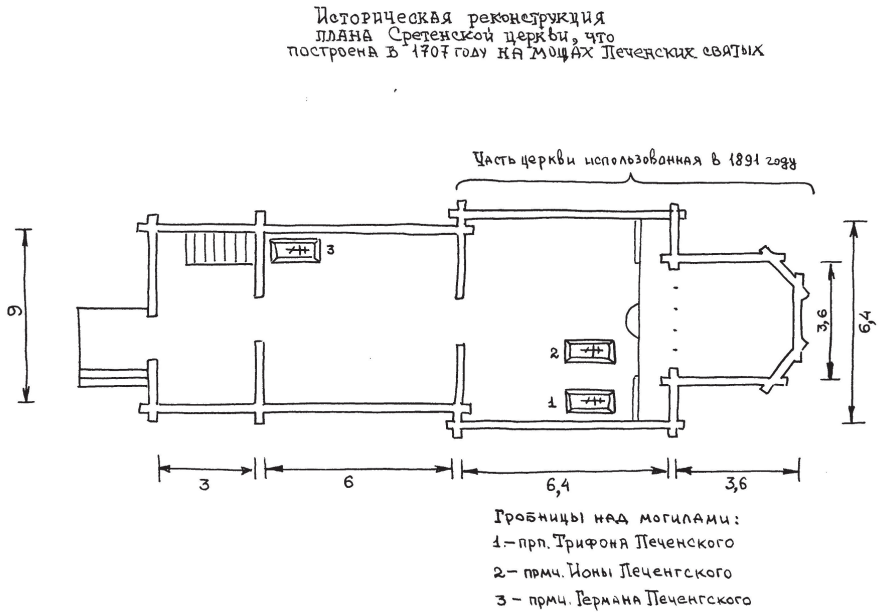
[1] «Он [Никон] послал на Кий-остров искусного в строительном деле иеромонаха и с ним боярского сына строить монастырь» (Архангельские епархиальные ведомости. 1897. № 22. С. 743).

[2] Житие и чудеса преподобного отца нашего Трифона. С. 543.

[3] Агиографический сборник с «Житием преподобного Трифона Печенгского». 2-я пол. 1780-х гг. РГАДА, Рук. собрание Ф.Ф. Мазурина, ф. 196. оп. 1, № 634, л. 189.

[4] Архангельские епархиальные ведомости. 1897. № 22. С. 743. Вскоре Патриарх отправил в Палестину посланника-иеромонаха для доставки частиц мощей и других христианских святынь Востока. Все привезенное было укреплено на особом кипарисовом поклонном кресте.

[5] Об этом подробно см.: *Митрофан (Баданин), игумен.* Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Изд. «Ладан» – Мурманск – СПб., 2009. С. 243–250.



Историческая реконструкция плана Сретенской церкви, построенной над мощами печенгских святых в 1707 году. (По информации из церковных описей начала XVIII века)

Могила Трифона осталась в небрежении в пустынном месте на реке Мане. И лишь спустя пятьдесят лет, в 1708 году, над тремя могилами: преподобного Трифона Печенгского (†1583) и его двух учеников, преподобномучеников Ионы и Германа Печенгских (†1589), была построена Сретенская церковь. Сохранилось подробное описание ее внутреннего устройства и утвари. Согласно церковным описям начала XVIII века, места трех могил внутри храма были обозначены раками.

Когда в конце XIX века на этом месте началось возобновление Печенгского монастыря, вопрос обретения мощей преподобного Трифона постоянно находился в поле зрения настоятеля обители архимандрита Ионафана (Баранова). Практически одновременно со вступлением в должность отца Ионафана в 1890 году состоялось вскрытие старого пола Сретенской церкви и произведены раскопки на месте обнаруженных трех древних могил: «После вскрытия старого пола в земле неглубоко зарытые были найдены останки троих неизвестно кого погребенных, кости их вполне сохранились; по этому поводу отслужили над ними панихиду, зарыли в землю и поставили в головах каждого в подполе под

солеею *[возвышение пола перед иконостасом. – **Е. М.**]* по деревянному кресту»[1].Судя по сдержанному тексту сообщения, настоятель монастыря архимандрит Ионафан хорошо понимал, что такие самочинные действия не могут быть признаны обретением мощей, и останки «неизвестных» вновь «зарыли в землю». Тем не менее, факт наличия мощей под Сретенской церковью был установлен.

При этом, как выяснилось позже, часть мощей преподобного Трифона была отделена, и отец-настоятель распоряжался этими частицами самостоятельно, предполагая скорое официальное обретение святыни. Об этом говорят наступившие приготовления: «вместо ветхой плащаницы и деревянной раки благочестивою благотворительницею архангельскою купчихою Е.С. Рыниной была прислана богатая серебряная рака со стеклянным футляром»[2]. Ясно, что «стеклянный футляр» необходим для предстоящего хранения мощей.

В 1894 году путешественник Е.В. Львов писал: «В настоящее время настоятель хочет перенести обитель к морскому берегу, к могиле 116-ти мучеников, и туда же надеется перенести мощи святого Трифона. В том, что его могила именно здесь, никто не сомневается»[3].

Тем не менее, торжеств по случаю обретения мощей преподобного Трифона Печенгского так и не случилось.

Конец XIX – начало XX веков был периодом, когда Русская Православная Церковь приступила к давно назревшим агиологическим вопросам, а именно к наведению порядка в вопросе церковного почитания святых. Шла непростая работа по утверждению окончательного перечная прославленных подвижников, которая завершилась лишь в 1903 году изданием «Верного месяцеслова».

Большим препятствием к получению разрешения на обретение мощей печенгских подвижников являлось то обстоятельство, что отец-настоятель находился в сложных отношениях с священноначалием Архангельской епархии, которое не хотело освобождать Печенгский монастырь от давней зависимости от Соловецкого монастыря. В этих условиях противостояния обращаться со столь серьезными просьбами было неуместно.

Отец-настоятель видел здесь иную возможность. Всесильным покровителем архимандрита Ионафана и Печенгского монастыря был обер-

---

[1] *Ануфриев Д.А.* Записки очевидца. С. 18.

[2] Там же. С. 19.

[3] *Львов Е.* По студеному морю. С. 168, 177 прим.

Икона преподобного Трифона Печенгского с мощами. Начало XX века. Фото 2016 года

Мощевик на иконе преподобного Трифона Печенгского

прокурор К.П. Победоносцев. С его помощью отец Ионафан продвигал архисложную задачу дарования монастырю статуса ставропигиального (подчинения непосредственно Святейшему Синоду). Архимандрит дважды лично встречался с императором Николаем II – в 1899 и 1907 годах. В конечном итоге монастырь был возведен в ранг ставропигиального. Но благоприятное время закончилось, началась Первая Мировая война, а в 1915 году отец Ионафан скончался в возрасте 66 лет.

Тем не менее, частицы мощей преподобного Трифона Печенгского были обретены, и отец-настоятель закреплял их в мощевики на иконах печенгского подвижника для особо ценного подарка наиболее уважаемым особам. Среди коллекционеров церковных древностей упоминаются три такие иконы.

В декабре 2015 года, ко дню памяти преподобного Трифона, одна из таких икон, украшенная старинным мощевиком с частицей мощей печенгского старца, была доставлена в Печенгскую обитель. Согласно надписи, икона предназначалась для «Архиерейского дома Новоторжского монастыря». На тыльной стороне иконы приведено свидетельство за

Крест в память о воинах, захороненных под монастырской церковью в 1944 году

подписью архимандрита Ионафана и его сургучной печатью.

Что касается могилы преподобного Трифона, то как только начались работы по возрождению Печенгского монастыря на его исконном месте, там, где Мана впадает в Печенгу, Епархиальной комиссией по канонизации были произведены соответствующие изыскания. Был обнаружен фундамент Сретенской церкви, сгоревшей в ходе боевых действий в 1944 году. Сохранившееся описание точных мест нахождений рак-надгробий преподобного Трифона Печенгского и его учеников, преподобномучеников Ионы и Германа, давало надежду на обретение их мощей. Однако проведенные раскопки на месте строительства открыли картину массового захоронения относительно недавнего времени. Исследование, проведенное с помощью специалистов ФГБУ «Российского центра судебно-медицинской экспертизы» во главе с профессором В.Н. Звягиным, показало, что в периметре сгоревшей церкви находится большая братская могила наших воинов, погибших в боях за освобождение Печенги.

Таким образом, останки монахов-мучеников XVI века оказались перемешаны с останками воинов Великой Отечественной войны. Это братское захоронение бойцов 127-го легкого горнострелкового корпуса, полегших здесь в ночь на 12 октября 1944 года при освобождении Луостари.

Именно на этом святом месте, на мощах подвижников XVI века и останках воинов XX века, восстановлена сейчас древняя Свято-Троицкая церковь монастыря и идет возрождение Печенгской обители.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ПРЕПОДОБНЫЕ ПОДВИЖНИКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

§ 1. Преподобные Астерий (Астий), Авксентий и Тарасий Кашкаранские, Соловецкие[1]

Одним из памятных мест на Терском берегу Кольского полуострова, связанных с монастырской активностью в давние времена, является поморское село Кашкаранцы. Нынешнее здание церкви в честь Явления Тихвинской Иконы Божией Матери села Кашкаранцы воздвигнуто на древнем месте упокоения преподобных Астерия (Аксия), Авксентия и Тарасия Кашкаранских, соловецких постриженików. История Кашкаранского прихода и всего Терского берега неразрывно связана с почитанием этих святых, с древним преданием, сохранившимся в памяти терских поморов до наших дней.

События, связанные с именами этих подвижников, происходили *«в давних летах, о чем старейшины Кашкаранския от родителей своих слыхали»*[2], когда на месте нынешнего поморского села Кашкаранцы рос густой лес, сплошной стеной подходивший к каменистому берегу Кашкаранского наволока. Среди деревьев на берегу обосновался небольшой монашеский скит, скрытый в густых лесах, который, возможно, был основан монахами Николо-Корельского монастыря, что образовался в устье реки Двины в конце XIV века. Основателем этого монастыря был преподобный старец Евфимий, почивший в 1435 году. Преподобный Евфимий Корельский, архангельский чудотворец, подвижник российской

---

[1] Упомянутые подвижники входят также с Собор Соловецких святых.

[2] Здесь и далее по тексту курсивом даны цитаты из древнего предания, изложенного в Указе Архангельской Духовной Консистории благочинному кольского Воскресенского собора № 2028, от 14 декабря 1816 года. ГАМО, ф. 8-и, оп. 1, д. 40, л. 1–2 об. (Далее: Указ Архангельской Духовной Консистории № 2028).

Икона преподобных Астерия, Авксентия и Тарасия Кашкаранских из Тихвинской церкви.
Автор И.В. Куксенко. 2005

древности, всегда был почитаем в Архангельской и Карельской епархиях, ныне он причислен и к Собору Кольских святых.

«Монахи Николо-Корельского монастыря были традиционно хорошими мореходами», и иметь свои поселения на берегах Крайнего Севера для них было несложно. На своих «малых кораблецах» они ходили вокруг Кольского полуострова. Так, например, *«в 1552 году монах Николо-Корельского монастыря Игнатий на рыбацкой лодке прибыл в Колу, а через 8 лет это плавание повторил монах Иосиф»*[1].

Миссионерское освоение этих поморских земель преподобный Евфимий и его ученики осуществляли путем созидания вдоль всех побережий Корелы и Кольского полуострова церквей, часовен и небольших скитских монашеских поселений.

§ 2. Монах Аксий как ученик преподобного Евфимия

Нынешнего поморского села Кашкаранцы в те давние времена, конечно, еще не было. Ближайшим историческим поселением на Терском берегу была Варзуга, которая задолго до появления там христианского погоста существовала как поселение людей весьма смешанного состава. Ранее всех, в глубокой древности, тут жили биармийцы, волей князя Александра Невского оттесненные в XIII веке корелами на северо-запад, в Норвегию, а биармийцев позже потеснили или, проще говоря, ассимилировали новгородцы[2]. На Кашкаранский наволок промышленники Великого Нова-града приходили в то время на промысел лишь на сезон, дабы добывать морского зверя[3] и ловить рыбу. И, конечно же, тогда, в начале XV века, все знали живущего здесь с давних лет уединенного отшельника – «монаха Аксия». Каждый приходящий на промысел считал своим долгом навестить старца и испросить его святых молитв о благополучии и удаче в тяжком морском промысле.

Как гласит предание, в одну из весен на Терском берегу, на «Кашкаранском наволоке» для «наледного промысла»[4] собралось *«довольное*

---

[1] *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 33.

[2] «К юго-востоку и югу от Лаппии находится провинция, называемая Карелией, а народ в ней называется карелами (Kerilli), а на ю.-ю.-в. от Карелии лежит страна, называемая Novogardia (В-Новгород)». Из записок Стивена Барроу, командира английского судна в 1556 году.

[3] По описанию 1785 года: «Нерпу промышляют на Белом море, начиная с марта по май месяц».

[4] «Наледный промысел – промысел морского зверя на льду, зимою и ранней весной». *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. О. Соловки, 1929. С. 20.

Карбас преподобного в Тихвинской церкви Кашкаранцев. Фото 2009 года

количество народа». И тут среди промышлявших неожиданно *«умножилась цинготная болезнь, отчего не малое число народа умирало, а кто живы были, то сильно тем недугом одержимы были»*[1].

Старец Аксий молитвенно поддерживал болящих, принимал исповеди и напутствовал умиравших. Но вот пришло время заболеть самому Аксию. И вскоре старец тихо преставился ко Господу, глубоко опечалив терских промышленников, поскольку вся их надежда была на его святые молитвы. Каждый добытчик из многочисленных ватаг артельщиков посчитал необходимым попрощаться с почившим кашкаранским подвижником. Но тут все стали замечать, что кто бы из болящих и недомогающих ни приходил ко гробу попрощаться с усопшим монахом, от гроба отходил уже здравым. И таким образом болезнь на всем берегу отступила и более не распространялась.

Погоревав о кончине старца, промышленники решили перевезти тело инока Аксия для отпевания и захоронения в Соловецкий монастырь. Поморский карбас с телом почившего монаха в ночь «при способном ветре» отошел от Кашкаранского наволока, с расчетом к утру, «к свету», быть на Соловках. Согласно преданию, моряки-поморы шли под паруса-

[1] Указ Архангельской Духовной Консистории № 2028. Л. 2.

ми всю ночь, а на рассвете обнаружили, что они все еще *«на виду Кашкаранцев»*. Для опытных северных мореходов такое событие явилось небывалым чудом и вызвало настоящее потрясение.

Всё произошедшее справедливо истолковали как указание Божье о захоронении тела инока именно здесь, в Кашкаранцах. *«И погребено было тело Аксия в Кашкаранцах»*[1]. Место сей могилы стало весьма почитаемым всеми промышленниками, приходившими в эти края на лов, особенно после того, как все заметили, что «болезнь цинготная», или, по-местному, скорбут, в этих местах больше не случалась вовсе.

Как раз, примерно в это же время, в Кашкаранцах стали появляться монахи Соловецкого монастыря, наследуя места славных деяний учеников преподобного Евфимия Корельского. Вскоре эта часть Терского берега была и официально отписана Соловецкой обители. Как свидетельствуют документы, в 1470 году вдова новгородского посадника Исаака Борецкого Марфа отписала отцу-основателю обители преподобному Зосиме Соловецкому рыболовные тони от *«Кашкаранского ручья до Красной щелейки, свою вотчину Кашкаранский наволок и Точильный ручей»*[2].

§ 3. Тайна монашеского имени

Надо сказать, уцелевшее в народной памяти имя святого кашкаранского старца Аксия не канонично. Это «народное» имя первого кашкаранского инока, к сожалению, проникло в церковные календари и в списки имен святых в Соборах. Поскольку имени «Аксий» в святцах не существует как такового, то, видимо, следует принять во внимание мнение священника Николая Павловского, служившего в XIX веке на Кашкаранском приходе и проводившего исследования по истории села. Отец Николай полагал, что полное святое имя первого кашкаранского инока было Астерий. Астием, или Аксием, его называли по известному «этикету» того давнего времени. Как мы знаем из древних грамот, у простого люда имена чаше всего имели «уничиженную» форму: Ивашка, Сенька, Васюк…

В то же время, можно встретить иные самые разнообразные и удивительные мнения об имени кашкаранского инока: «Подлинное имя монаха

[1] Там же. Л. 2 об.

[2] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берег. С. 28–29.

Кашкаранский старец Аксий (Астерий). Прорись иконы. Автор Е. Левин. 2008

Аксия было Осия»[1]. Или еще один вариант: «По местному еще его называют Аосий»[2]. В описании церквей Варзужского прихода 1796 года упомянуты имена: «Осия, Арсений и Тарасий». В Указе Архангельской Духовной Консистории от 14 декабря1816 года имя монаха упоминается как Авсий.

Однако, при всем этом разнообразии, необходимо подчеркнуть, что в официальных документах – рапорте благочинного, кольского священника Иоанна Дьяконова, и последующем за ним Указе Архангельской Духовной Консистории от 1816 года этот инок именуется Астерием[3].

Таким образом, одной из версий, объясняющих факт утраты подлинного имени почившего монаха, может быть утверждение, что чудесная история, произошедшая в Кашкарацах с «иноком Аксием», действительно случилась в очень «*давние лета*». Мы знаем, что уже с 1435 года в этих краях начинает набирать силу Соловецкая обитель, и ко второй половине XV века, как мы писали выше, вотчины на Терском берегу переходят во владение соловецким монахам.

Таким же образом и рыбные ловли на Кашкаранском наволоке перешли к Соловкам вместе с живущим здесь старцем Аксием. Все издавна знали кашкаранского отшельника как «монаха Аксия», полагая это имя одним из подчас довольно непривычных монашеских имен. После кончины старца Соловецкая братия также не смогла назвать его истинного имени, поскольку он не был ее постриженником. Те же, кто постригал старца и мог знать его полное имя, скорее всего, приняли мученическую кончину еще в 1419 году, когда «пришедшие мурманы войной 600 человек в бу-

[1] Архангельский миф о Машке-Кицке // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1872. № 76.

[2] *Никодим (Кононов), архимандрит.* Архангельский патерик. СПб., 1902. С. 29. Прим. 46.

[3] Указ Архангельской Духовной консистории № 2028. Л. 2.

сах и шняках повоеваша погост Варзугу и… разориша Никола-Корельский монастырь»[1].

Как мы указывали выше, одной из версий истории монаха Аксия можно считать утверждение, что старец этот – один из тех немногих учеников преподобного Евфимия Корельского, что уцелели после упомянутого жестокого разорения как самого Николо-Корельского монастыря, так и его многочисленных скитов на Кольском полуострове в 1419 году.

В таком случае «монах Аксий» лишь потому считается соловецким подвижником, что закончил свой долгий жизненный путь на кашкаранском берегу, уже отписанном Соловкам, хотя по постригу соловецким монахом он не был.

§ 4. Монах Аксий как соловецкий постриженик

Надо признать, что все сказанное выше о времени и обстоятельствах жизни монаха Астерия – лишь историческая гипотеза. Но она позволяет нам хоть как-то объяснить причину весьма странного обстоятельства – утраты подлинного имени монаха. Однако при этом мы вынужденно апеллируем к событиям весьма давних времен, что невольно порождает сомнения.

В то же время, есть и иной вариант исторических обстоятельств, который мог создать эту странную ситуацию с утратой имени. Речь идет о временах более поздних и более реальных – о середине XVII века. Именно в это время, с 1668 по1676 годы, в родном монастыре «монаха Аксия» происходил бунт, более известный как «Соловецкое сидение» – противостояние и сопротивление сторонников «старой веры» церковной реформе патриарха Никона. Осада монастыря, проводимая царскими стрельцами, полностью лишила Соловецкий архипелаг связи с большой землей. В таком случае эпизод, связанный с возвращением поморской лодьи с телом почившего Аксия назад в Кашкаранцы, приобретает вполне реалистичное объяснение, чему впоследствии могла быть придана житийная окраска.

К моменту занятия Соловецкой крепости правительственными войсками в 1676 году внутри монастырских стен почти не оставалось монахов: большая часть братии либо покинула обитель, либо была изгнана

[1] Первый Новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. Т. 3. С. 108–109.

мятежниками. Двадцать восемь мятежников были казнены, оставшиеся разосланы в Кольский и Пустозерский остроги.

Таким образом, становится вполне понятным и объяснимым, почему подлинное имя почившего в Кашкаранцах монаха осталось неизвестным и так никогда и не было установлено.

§ 5. Могила Трех монахов

Приобретая вотчины, Соловецкий монастырь ставил в них «дворы», куда наряжал своих старцев-приказчиков для управления промыслами и угодьями – «старцев-витаманов», как их называли»[1]. Статус витамана в этих краях известен с древности: «Из грамоты великого князя Андрея Александровича узнаём, что уже тогда, в 1294 году, ватаги великокняжеские ходили к Белому морю и Северному океану, в страну Терскую и Печерскую за рыбою, зверем и птицею со своим ватамманом (атаманом)»[2]. Такими «старцами-витаманами» в Кашкаранцах последовательно подвизались «монашествующие Соловецкого монастыря, заведующие рыбными ловлями» преподобные Авксентий, Аксий и Тарасий Кашкаранские.

В богослужебных текстах Минеи и иных документах можно видеть, что последовательность поминания старцев могла быть именно такой: «Преподобный Авксентий инок, Соловецкий, Кашкаренский; преподобный Аксий инок, Соловецкий, Кашкаренский; преподобный Тарасий инок, Соловецкий, Кашкаренский»[3]. Так что, если принять вторую гипотезу и отнести время кончины преподобного Аксия ко второй половине XVII века, то весьма вероятно, что до него «заведующим рыбными ловлями Соловецкого монастыря» действительно мог быть монах Авксентий, поминаемый в богослужебном тексте раньше Аксия.

В то же время, церковная ведомость 1812 года предлагает иной вариант имен подвижников: ««В деревне Кашкаранской часовня во имя Пресвятыя Богородицы Тихфинския расстоянием от приходской Варзужской церкви в 30 верстах. Во оной часовни святых образов небольшое число. Во оной же имеются несвидетельствованные три гробницы, во

---

[1] История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 123.

[2] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Сочинения в 18-ти томах. М., 1989. Т. 4. С. 16.

[3] В «Книге, глаголемой описание о российских святых» в полном списке русских святых XVII века упоминаются «Преподобный Авксентий инок, Соловецкий, Кашкаренский; Преподобный Аксий инок, Соловецкий, Кашкаренский; Преподобный Тарасий инок, Соловецкий, Кашкаренский».

Бесовские пляски в полнолуние. Рис из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

оных же святые мощи, погребенные издавна Осии, Арсения и Тарасия»[1]. Относительно расположения раки подвижников говорится: «Часовня устроена крайне просто в виде амбара с маковицею и крестом. Рака в ней находится по правой стороне»[2].

Изначально над могилами Астерия (Аксия), Авксентия и Тарасия, как и положено, были поставлены кресты, и место это было очень почитаемо всем поморским людом. «А усердствующие отправляют при гробницах их панихиды. Таковое усердие жителей к сим праведникам началось со времени самого погребения их и передается от предков к потомкам»[3], – так в 1815 году благочинный кольского Воскресенского собора священник Иоанн Дьяконов докладывал архангельскому преосвященному Парфению о почитании на Кольском Поморье преподобных Астерия, Авксентия и Тарасия.

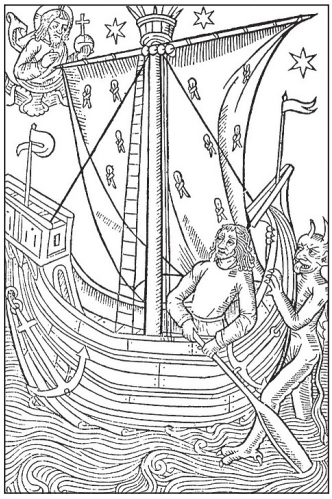
Считалось, что для благополучия в северном промысле нужно помолиться у могил кашкаранских иноков. А в благодарность за удачу пожертвовать монахам в Кашкаранский скит на помин душ *«сих угодников Божиих»*.

---

[1] ГАМО. Ведомость о составе церквей. Ф. 16-и, № 50, л. 9.

[2] *Никодим (Кононов), архимандрит.* Преподобный Трифон Печенгский Чудотворец и его ученики. Исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901. Примечание. С. 29.

[3] Указ Архангельской Духовной консистории № 2028. Л. 2.



Демонские козни мореплавателям. Немецкая гравюра по дереву XVI века

Но все же главной заслугой кашкаранских святых всегда считалась их особая власть над «нечистыми духами» этих мест и прекращение по их молитвам жутких ночных видений или, как их тут называли, «ночных страшилищ». Именно Кашкаранские тони в этом смысле всегда считались особенно неблагополучными. Здесь, более, чем в иных местах, трудно было христианам останавливаться на ловлю рыбы, ибо ночные явления древних покойников и прочие приведения наводили на рыбаков великий ужас. В этом смысле и появление часовни над могилой Безымянного инока в семи верстах от Кашкаранцев сильно укрепило местный православный дух и окончательно смирило гордыню древних демонов этих мест. Вскоре и на этом святом месте, могильном пригорке трех чтимых кашкаранских монахов, была поставлена первая часовня.

Когда в начале XIX века встал вопрос о степени церковного почитания трех кашкаранских святых, то проведенное в Консистории расследование показало, что после пожара, случившегося в 1793 году, все сведения, собиравшиеся ранее касательно святынь Архангельской епархии, пропали. В архивах церквей села Варзуги (к приходу которого была приписана Тихвинская часовня) письменных свидетельств о чудесах от мощей на момент запроса представлено не было. В связи с этим преосвященный Парфений наложил резолюцию: «Что прежде над сими мощами преподобных было отправляемо, то и теперь отправлять, ничего не прибавляя. Весть Господь сущия Своя!»[1].

Современники, которым доводилось посещать эти достаточно труднодоступные в то время места и поклоняться древним святыням Терского берега, свидетельствовали, что «земля над гробами сих четырех преподобных возвышается и становится рыхлее»[2]. В этом описании под четвертым кашкаранским преподобным имеется в виду Безымянный инок Терский.

[1] Указ Архангельской Духовной консистории № 2028. Л. 2 об.

[2] См. *Никодим (Кононов), архимандрит.* Преподобный Трифон Печенгский Чудотворец и его ученики. Исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901. Примечание. С. 29.

Что касается почитания памяти трех преподобных, то эта древняя традиция соблюдалась неуклонно. Внутри Тихвинской часовни над местами святых захоронений были установлены три раки-гробницы. «Над погребенными иноками гробницы, потянуты пеленами тавты красной *[тафта – плотная шелковая ткань. –* ***Е. М.****]* с подкладью пряденою, во все стороны три с половиной аршина»[1].

Как мы видим, из приведенного описания мощи преподобных Астерия, Авксентия и Тарасия не обретались и пребывали под спудом в средней части часовни, где и стояли упомянутые выше три гробницы. «Почитаются они в лике преподобных и исправляются над ними панихиды», – писал в докладе преосвященному Парфению священник Иоанн Дьяконов.

§ 6. Безымянный Инок Терский

Преподобный Безымянный Инок Терский почитается с «давних лет» на всем Терском берегу Кольского Поморья как «заступник от водного потопления», а также и как «пособник в рыбной ловитве» у рыбаков-поморов.

История о Безымянном Иноке Терском началась где-то в конце XVII века, *«в давних летах»*, когда еще не было нынешнего поморского села Кашкаранцы, в этих краях на тонях, на «рыбных ловлях» жили соловецкие монахи, а иной люд приходил сюда на промысел лишь «на сезон».

Как-то одному рыбаку, промышлявшему на тоне «Точильной», *«явился во сне некий чудный монах и повелел похоронить его, указав место на берегу, где покоится его тело»*[2]. На указанном месте рыбак обрел вынесенное морем тело усопшего в монашеском одеянии и *«без признаков тления, ничем не поврежденное»*. Это было весьма удивительно. Море, как известно, отдает тела утопших лишь спустя определенное время, когда признаки тления плоти очевидны. Местные монахи, *«живущие здесь на приказе при рыбных ловлях»* на Терском берегу, не опознали своего собрата. Расспросы монастырских людей других монастырей также не открыли имени странного инока. Тело пора было погребать. На могильном кресте написали: «Неизвестный инок», полагая, что со временем имя монаха откроется.

---

[1] ГАМО. Опись 1802 года. Ф. 8-и, оп. 1, д. 20, л. 13 об.

[2] Указ Архангельской Духовной Консистории № 2028. Л. 2 об.

Время шло, но ни один из монастырей так и не признал своего пропавшего собрата. Ближайшие потопления в море были три месяца назад, а позже никто не пропадал. Либо Господь прославил кого-то из монастырских подвижников таким нетлением, либо это вообще какой-то неведомый угодник Божий чудесного образа… И неизвестного инока отпели как Безымянного.

Крест над могилой на берегу служил хорошим ориентиром при рыбной ловле, и вскоре рыбаки стали замечать, что напротив креста всегда случался «чудесный улов рыбы». Особенно *«хорошо рыбу добывал»* тот благочестивый рыбак, что похлопотал о захоронении «чудного инока», да с тех пор приходил на могилку помолиться о помощи на море. Молился, поминая Николу Чудника, Варлаамия с Керети, да вот теперь и Инока Безымянного Терского. Стали и иные добытчики, прежде чем уйти в море, захаживать на могилу к Иноку – попросить его помощи и заступления пред Господом. И вот в одну из ночей сей Угодник Божий вновь явился тому рыбаку, открыл ему, что слышит молитвы просящих и повелел поставить над его могилой часовню. О том повелении узнали и иные промышленники, жившие на тонях Терского берега. Благочестивые христианине с радостью взялись исполнить это послушание, справедливо видя в этом потаенном Божьем Угоднике – преподобном Безымянном Иноке – нового ходатая за них пред Господом в столь трудном и опасном северном морском промысле. А вскоре выше по берегу, напротив часовни, открылся источник. Местные жители называют его и поныне источником Безымянного Инока. Небольшая часовенка над могилой на диком берегу и источник невдалеке всегда были очень почитаемы всеми промышленниками Терского берега. Считалось, что для благополучия в северном промысле нужно помолиться в часовне у могилы Безымянного Инока. «В промысловое время в ней всегда горела неугасимая лампада»[1]. Воду же из источника несли на могилу, молились Иноку, после чего она «целит от болезней и иных напастей».

В безбожные времена святыни Терского берега пришли в запустение. Часовня была разрушена, но при этом до самого последнего времени место это было обозначено приметным крестом. Местные рыбаки-поморы знали древнюю верную примету о том, что «напротив этого креста всег-

[1] *Ушаков И.Ф.* Кольский Север в досоветское время / Часовня неизвестного инока. Мурманск, 2001. С. 306.

Часовня Безымянного Инока. Восстановлена в 2003 году

да рыбу возьмешь»[1]. В настоящее время почитание этой северной святыни восстановлено. С 2001 года приходской священник Варзуги служит на могиле регулярные панихиды. Тропинка к могильному кресту была протоптана даже в Полярную зиму. Есть несколько свидетельств чудесной помощи по молитвам к Терскому Угоднику, особенно в рыбной ловле. В 2003 году на этом святом месте была воссоздана часовня. Безымянный Инок Терский официально не канонизирован и как святому службы ему не служатся, но он является местночтимым усопшим угодником Божьим, об упокоении которого в церкви подаются поминальные записки. Наше молитвенное общение с Безымянным Терским иноком дарует нам удивительную возможность помянуть и всех иных неведомых миру, но прославленных у Господа подвижников веры и благочестия «от века Богу благоугодивших».

§ 7. Старец Феогност и селение Поной

Появление первой церкви терских лопарей на реке Поной нужно относить ко времени христианской проповеди, проводимой в этих местах иноками Соловецкой обители, а затем и преподобным Феодоритом Кольским. Так, «по просьбе крещеных терских лопарей около 1532 года из Новгорода была отправлена миссия, построившая на реке Поной первую церковь в честь апостолов Петра и Павла»[2]. Эта миссия 1532 года хорошо известна в истории по летописным свидетельствам об освящении церквей в Коле (в декабре месяце), а также в Печенге летом 1533 года (так по житию преподобного Трифона). Среди этих церквей, построенных непосредственно для нужд аборигенов края преподобным Феодоритом и Трифоном, Петропавловский храм на Поное, надо полагать, второй

[1] Из рассказов местных жителей автору в наше время.

[2] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 234.

после Предтеченского в Кандалакше. В то же время, есть и иное свидетельство: «Церковная летопись Понойской церкви упоминает церковь в 1498 году»[1].

Как и церкви в Кандалакше (1526) и Коле (1532), так и Понойская церковь была построена на тех же юридических основаниях: по челобитью аборигенов края, первых христиан из терских лопарей, направленному в 1532 году в адрес царя Иоанна IV и новгородского Владыки Макария[2]. Позже в своей грамоте Иоанн Грозный писал: «Велели мы им на Понои реке поставити церковь Божью Святых Верховных Апостол Петра и Павла, да образы мы и книги, и колоколы, и ризы, и всякое церковное сооружение дали; и они по нашему жалованью церковь Божию поставили и сами крестилися»[3]. Отношение Государя к вопросу укрепления веры на этих дальних рубежах хорошо видно из слов: «И чтоб та церковь Божья без пенья ни на един день не была»[4].

Первоначальное поселение лопарей на Поное и, следовательно, место построения этой первой церкви располагалось высоко вверх по реке, порядка 110 верст от устья[5], «при впадении в р. Поной двух маленьких речек, где находится очень красивое место, до настоящего времени называющееся "церковным старинным местом". Долго ли здесь находилась церковь, неизвестно»[6].

Надо сказать, Кандалакша и Поной представляли собой в начале XVI века две крайние точки беломорского побережья Кольского полуострова, остающиеся заселенными лишь лопарями. Это были центры Кандалакшского и Терского берегов соответственно. Между этими «берегами» существовали два древних российских поселения – Варзуга и Умба, основанные в XIII–XIV веках «корелой крещеной», новгородскими данниками. Прочно связанные с «двинскими землями», эти селения явля-

---

[1] Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года. РГБ, ф. 160, коробка 10, рук. 10/8, л. 2–4. (Далее: Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года).

[2] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. Ч. 2. С. 19.

[3] Царская грамота старцу Феогносту о возобновлении церкви в Помори, на реке Поной, и о защите Лопарей от притеснений даньщиков и посторонних людей // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб., 1836. С. 334. (Далее: Царская грамота старцу Феогносту).

[4] Там же. С. 334–335.

[5] Надо полагать, что это нынешнее поселение Каневка.

[6] *Шмаков Н.И.* Понойский приход / Под. ред. Смирнова // КИОПЦ Архангельской епархии. Архангельск, 1896. С. 235.

Проповедь лопарям. Гравюра XIX века

лись некими форпостами новгородской вольницы на Кольском полуострове, что приводило подчас к экспансии «от варзужан, от корелян и от двинян» в отношении лопарских селений и вотчин.

Так, в 1575 году терские лопари пожаловались царю: «та церковь Божья запустела от сильных людей насильства». В своей грамоте Иоанн Грозный велит некоему старцу Феогносту «церковь строити и меж ними управу чинити, и чтобы ты ту церковь Божью Святых Верховных Апостол Петра и Павла устроил ты, по старине»[1].

Надо заметить, содержание грамоты и ее тон наводят на мысль, что избранный царем Иоанном Грозным для дальнейшего просвещения и окормления лопарей восточной части Кольского полуострова старец Феогност был доверенным лицом государя и, скорее всего, имел непосредственное отношение к государственной знати того времени. Потому, видимо, не случайно старцу Феогносту даются весьма широкие полномочия: «Ты бы священника у той церкви устроил, а образы б еси и книги и ризы взял для той церкви, и колоколы, у целовальников[2] у Саввы Водникова с товарыщи, и стал тех Лопян крестити, а старых и больных и увечных покаивати и постригати во иноческий чин»[3].

В заключение государь еще раз подтверждает особые полномочия монаха Феогноста на Востоке Кольского полуострова: «и чтоб церковь бы Божья без пенья ни на един день не была; да и от сильных бы еси людей,

[1] Царская грамота старцу Феогносту. С. 334.

[2] Целовальники – должностные лица Московской Руси, выбиравшиеся для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. В подтверждение клятвы честно исполнять свой долг этот человек целовал крест, откуда и происходит наименование.

[3] Царская грамота старцу Феогносту. С. 334.

от данщиков, и от наших посланников, и от корелян, и от варзужан, и от двинян, и от иных всяких людей насильства, тех лопян берег накрепко»[1].

О том, сколь успешной была миссия старца Феогноста, и солидны вложения Троице-Сергиева монастыря в становление Петропавловского прихода, столь удаленного поселения терских лопарей, свидетельствуют Писцовые книги того времени: «Погост Понойский на реке Поное, а на погосте храм верховных апостол Петра и Павла деревянный, поставлен по челобитью терских лопарей для их крещения и веры православной. А в церкви образы, и книги, и ризы, и на колокольнице колокола, и все церковное строение – Государево данье»[2].

Царский думный дьяк Алай Иванович Михалков, описывая в 1608 году приходское имущество, особо подробно остановился на удивительной благоукрашенности и достатке церковном, увиденном им в этом столь удаленном месте Крайнего Севера: «Образ Петра и Павла обложен серебром, басмой, венцы сканные[3], в венцах камышки, по левую сторону царских дверей образ Пречистыя Богородицы на краске *[писан темперой. – **Е. М.**]*, двери царские и столбцы и сени на празелени[4], да на тябле[5] Деисус на краске, образ Спасов, образ Пречистыя Богородицы, образ Архангела Михаила, образ Ивана Предтечи… да во алтаре на престоле образ Пречистыя Богородицы на празелени, да крест воздвизальный на краске[6], сосуды церковные, потир и блюдца оловянные, да из риз – ризы полотняные, оплечье выбойчатое *[с вытисненным рисунком в одну краску. – **Е. М.**]*, крашенинное *[крашеное домотканое полотно, обычно синего цвета. – **Е. М.**]*, ризы полоняные оплечье атлас червчат[7], пояс шелк червчат, да в церкви Евангелие писмяное *[рукописное. – **Е. М.**]* в десть[8] напрестольное поволочено бархатом червчатым, евангелисты

---

[1] Там же. С. 335.

[2] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. Писцовая книга Алая Михалкова «Кольский острог». С. 451.

[3] Скань, или филигрань, – вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой, серебрянной или медной проволоки.

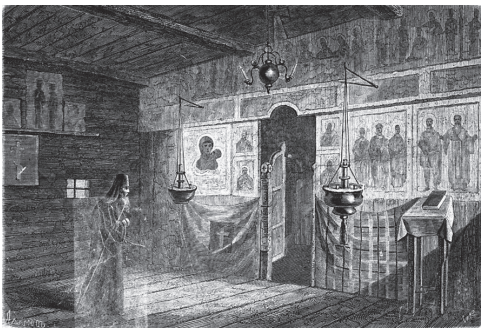
[4] Празелень – иссиня-зеленоватый цвет особо ценной «земляной» краски.

[5] Тябло – деревянный брус алтарной преграды, использующийся для установки икон.

[6] «Крест воздвизальный» – крест, выносимый в православном храме на праздник Воздвижения Креста Господня.

[7] Шапка Мономаха – главная регалия русских великих князей и царей, также была «подложена атласом червчатым», то есть багряным, темно-красным.

[8] Обозначение формата, исходя из размера «александрийского листа». «В десть» – половина листа, что-то около нашего А3, «псалтирь печатная в пол дести» – А4, «канонник в четь» – А5.



Внутреннее убранство «северной» церкви XVI века на примере Боисоглебской церкви Пазрецкого лопарского погоста. Гравюра Л.А. Серякова по рис. А.О. Адамова, сделанному в 1870 году для альбома великого князя Алексея Александровича

медные *[оклад. – **Е. М.**]*». Далее следует перечень иных богослужебных книг и утвари: «Да в церкви же паникадило медное, да два кандила медных, укропник медной *[водосвятная чаша. – **Е. М.**]*, да на колокольнице два колокола пуда в четыре»[1].

Мы не знаем, постриженником какой обители был монах Феогност, но «в 1581 году эта церковь была передана на попечение Троице-Сергиеву монастырю»[2]. Впоследствии, по всей видимости, в Смутное время, серьезные испытания, выпавшие на долю Троице-Сергиевой Лавры, отложили попечение об этой северной окраине. В Писцовой книге за 1611 год «черные попы и чернецы» не упоминаются, а из хозяйства церковного причта Понойского прихода перечислены: «у церкви на церковной земле дворы попа Ивана Губина, церковного дьячка Микулки Тихонова сына, да брата его Логинко, пономаря Семейки Иванова сына Пономарева»[3].

Следующим владельцем церкви стал Трифонов Печенгский монастырь: «Передана Печенгскому монастырю, и в XVII столетии считалась под управлением этого монастыря, и селение Поной называлось монастырской “вотчиной”. И до сих пор есть в Поное Монастырский колодезь и все знают, что на веках жили здесь монахи и приказчики монастырские, именно Кольско-Печенгского монастыря»[4].

Постепенно центр жизни Понойского прихода переместился вниз по реке к ее устью: «Петропавловская церковь была разобрана, сплавлена в Поной, поставлена здесь и существовала до 1798 года, когда указом Консистории от 28 июля за № 1228 разрешено было разобрать по ветхости

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 451.
[2] *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. Ч. 2. С. 20.
[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 451.
[4] Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года. Л. 2.

Петропавловская церковь с. Поной. Рисунок-реконструкция. МГОУНБ

старую церковь Петра и Павла и построить новую»[1]. Эта новая церковь упомянута в 1812 году: «Неподалеку от Успенской церкви другая, во имя Святых апостолов Петра и Павла, в благосостоянии, холодная. Антиминс за подписанием Преосвященного Евлампия Епископа Архангельского тогда бывшего 1804 года»[2].

Упомянутая Успенская церковь уже была здесь построена раньше и «в первый раз упоминается в 1712 году, позже сгорела в 1753 году»[3]. Позже вновь построена и освящена, что упоминается в ведомости 1812 года: «Во имя Успения Пресвятыя Богородицы в благосостоянии, теплая. Антиминс на полотне за подписанием Преосвященного Вениамина епископа бывшаго Архангельского 1775 года декабря 15 дня»[4]. Последний раз эта церковь горела в 1817 году и вновь более не восстанавливалась. В память о ней к Петропавловской церкви в 1818 году был пристроен теплый придел Успения Пресвятой Богородицы.

Здание Петропавловской церкви дожило до конца XX века, но было сожжено солдатами соседней воинской части в 1989 году.

[1] Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года. Л. 3.
[2] ГАМО. Ведомость о составе церквей. Ф. 16-и, № 4, л. 12.
[3] Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года. Л. 2.
[4] Там же. Л. 12.

Раздел X

Итоги православной миссии на Кольском Севере к концу XVI века. Продолжение и продолжатели просветительских трудов в Крае в последующие столетия

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ОБЩАЯ ДЕГРАДАЦИЯ МОНАШЕСКОЙ ИДЕИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКОВ. ВЛИЯНИЕ ЭТОГО ПРОЦЕССА НА ЗАДАЧИ МИССИОНЕРСТВА

§ 1. Перемены в духовной составляющей монашеской жизни в российских монастырях в конце XVI – начале XVII веков

В российской исторической науке традиционно принято говорить о «разделении» монашества в XVI веке на так называемых «осифлян» и «нестяжателей», а также о том что при этом «полемика между иосифлянами и нестяжателями, отразившаяся в творениях Иосифа и Нила, оказала влияние на устроение монастырского быта в позднейшие времена» и «особо негативно воздействовала на монастырский быт»[1].

Думается, говорить надо не о разделении на эти два лагеря, а о смене, произошедшей в самих носителях российской монашеской духовности, о появлении совершенно иной генерации, если так можно выразится, «новых иноков». До середины XV – начала XVI века основной причиной ухода монаха в пустыню являлось желание уйти от мира, дабы ничто не мешало ему предаваться посту и молитве.

Сохранялась неповрежденной сама идея, давшая жизнь монашеству как благодарнейшему явлению в Христианской Церкви. Успешность в совершении отшельником своего пустынного подвига, стяжание им благодатных даров Святого Духа порождали желание и иных горящих верой молитвенников присоединиться к духоносному старцу.

«Что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику, и ко святой дружине сей»? – непременно вопрошал игумен, выясняя причину прихода человека в монастырь. И желающий пострига называл

---

[1] *Смолич И.К.* Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность (988–1917) // История Русской Церкви. ЦНЦ «Православная Энциклопедия». М., 1997. С. 443.

Монашеский постриг.
Деталь иконы XVI века

единственно возможную причину: «Желая жития постнического, честный отче»[1].

Непрестанно творилась чистая молитва, появлялся очаг православной духовности, собиралась еще одна школа так называемого старчества, особого явления в русской духовной практике. Именно таким образом появились на Руси великие монастыри древности.

Ситуация стала резко меняться, когда государство – нарождающаяся Московская Держава Российская, в соответствии с духом желаемой «симфонии»[2] – стало активно поддерживать становление монастырей и монашеское движение в целом. С самыми благочестивыми намерениями, даруя льготы, грамоты и владения, власть подталкивала к принятию монашества и к строительству монастырей людей несколько иного духовного устройства, принципиально отличавшихся от великой плеяды пустынных первопроходцев древности. «Монастыри разбогатели, привилегии всякого рода стали привлекать в них уже не только тех, кто искал христианского максимализма»[3]. Особенно ярко этот процесс проявился в северных и восточных Российских землях, в освоении которых молодая и растущая держава, вне всяких сомнений, была остро заинтересована.

Вторая волна, движение монахов иного духовного устройства – предприимчивых и хватких, часто скрывающихся от властей и закона,

---

[1] Требник монашеский. СПб.: «Библиополис», 2014. С. 8.

[2] Симфония – заложенный императорами Византийской империи принцип согласия и сотрудничества светской и церковной власти.

[3] *Шмеман Александр, протоиерей.* Исторический путь православия. (Репринт). М., 1993. С. 256.

Монастырские производства. Деталь прориси из жития преподобного Трифона Печенгского. Автор И.В. Куксенко. 2005

но пришедших не упустить своего шанса и энергично освоить это выпавшее им земельное богатство, – неизбежно столкнулась с уже существующими монастырями, с непреклонными подвижниками, исповедующими иные принципы иноческой жизни и, самое главное, с иным духом этих обителей.

И вопросы, задаваемые при постриге: «Отрицаешься ли мира… Не от некой ли нужды пришел еси, брате?» – повисали в воздухе, поскольку все чаще совсем иные, мирские, материальные причины и нужды стали подвигать народ идти в монастыри: «Покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать»[1].

Именно эту ситуацию и попытался «оседлать» знаменитый игумен Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря. Преподобный Иосиф взвалил на себя задачу, решение которой едва ли по силам смертному: организационными мерами, дисциплинарным воздействием, силой личного примера постараться воспитать массу идущих в его монастырь новых людей в духе истинного монашества. По сути, это невозможно. Преподобному Иосифу это удавалось, и его пример вдохновил многих настоятелей, возглавлявших монастыри в XVI веке. И эти монастыри соблюдались в вере и благочестии молитвами святых старцев до тех пор, пока они были живы. Это хорошо стали понимать царская и церковная власти, стремясь призывать заволжских монахов, старцев-пустынников, и назначать их настоятелями стремительно деградировавших монастырей.

[1] Стоглав, гл. V. Цит. по: Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882. С. 194.

Большей частью такие попытки заканчивались неудачами, поскольку для «наведения порядка» требовался подход, укоренившийся в монастыре Иосифа Волоцкого – жесткая, по сути, казарменная дисциплина. «Старцы-заволжцы» не могли принять таких методов. Человека можно включить в некую систему мер воспитания, можно принудить ко всему, кроме одного: нельзя заставить любить. Без всепоглощающей любви к Господу, без всецелой готовности всего себя принести в жертву этой любви, по мнению тех великих старцев, в монашестве делать нечего. Потому так трудно шел у них диалог с государственной властью о сотрудничестве в деле строительства Державы Российской, о созидании Царства Божьего на земле, поскольку они всем сердцем своим *«горнего искали, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляли, а не о земном» (Кол. 3, 1; 2)*.

В дальнейшем, по мере естественной убыли монахов старой школы, «далеко зашедшее обмирщение внутреннего монастырского быта и падение дисциплины в результате владения землей пагубно отразилось и на организации управления, и на деятельности монастырских властей, и на монашеской дисциплине»[1]. Все это в полной мере влияло на духовно-нравственное благополучие монастыря на Печенге и стало тем фоном, на котором развернулась трагедия декабря 1589 года, а также в полной мере определило дух и характер всей последующей жизни обители.

§ 2. Свидетельства духовно-нравственного упадка в Печенгском монастыре после событий 1589 года

В осмыслении истории монастыря на Печенге до недавнего времени существовал некий стереотип: «В 1589 году шведы разорили монастырь, и он был наконец восстановлен в конце XIX века». И то, и другое не совсем верно. Во-первых, отряд Пекки Весайнена лишь ограбил, нанес серьезный ущерб этому обширнейшему монастырскому хозяйству, широко раскинувшемуся на обширных территориях Кольского Севера. Главное злодеяние Весайнена состояло в том, что он вырезал последних учеников великого печенгского старца, которые еще являлись носителями истинного духа монашества первых северных монастырей, «первохристианских» обителей, основанных преподобными Феодоритом и Трифо-

[1] *Смолич И.К.* Русское монашество. М., 1999. С. 164.

ном. Именно в этом смысле монастырь прекратил свое существование. И второе: объективно восстановленный в конце XIX века Печенгский монастырь, при всей масштабности своего роста, в духовном отношении не вполне сумел решить задачу восстановления древней обители преподобного Трифона.

После разорения монастыря, к началу наступившего XVII века, образ монастырей преподобных Трифона и Феодорита как идеалов монашеского жития, как «северная Фиваида», остался в памяти лопарей и поморов, в их преданиях и легендах, не имея уже никакого отношения к той реальности, которая пришла на смену и теперь называлась Кольско-Печенгским (или Колоспеченгским) монастырем.

Известное предание о разорении монастыря, описывая избиение иноков, спешит утешить читателя: «Перебив всех, разбойники бросились искать добычу, но нашли очень мало, так как монахи вели скромную богобоязненную жизнь, о накоплении благ земных не заботились»[1]. И иные исследователи вполне искренне убеждают своих читателей в крайней скудости Печенгской обители: «Бедность монастыря была такова, что и через сто лет после основания иноки писали, что питаются-де они нашим царским жалованием, милостынею»[2], или же: «разбойники мало чем попользовались, так как обитель была очень бедна»[3]. Увы, движущей силой шведских разбойников во многом служила именно жажда наживы, ибо они хорошо знали, какая модель монастырского устройства принята на Руси и какие непомерные богатства в связи с этим стяжала в стенах монастыря печенгская братия. О величине этих «стяжаний» можно судить, например, из донесения кольского подьячего Ивана Махонина: «Старцев, слуг, трудников побили и многую казну монастырскую поимели… на 45107 рублев»[4]. В этом смысле Печенгский монастырь вполне приблизился по богатству к великому Соловецкому монастырю, в котором «в 1578 году найдено было в казне 61 000 рублей, считая по 3 далера в каждом рубле *[один далер – 28 г чистого серебра. – **Е.М.**]*»[5].

Как известно, финны задержались в Печенге после кровавой резни на целых 10 дней. Причина такой задержки на пепелище ясна: «“Амстердам-

---

[1] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 26.

[2] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берега. С. 53.

[3] *Гешин Е.В.* Трифоно-Печенгский монастырь // Русская мысль. М.–СПб., 1913. С. 60.

[4] *Губанов П.П.* Путь в Колу. Л., 1986. С. 92.

[5] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 20.

ский торговый дом" обязывался доставлять в дар монастырю… для личных нужд братии две бочки[1] водки *[около 1000 литров. – **Е. М.**]* и анкер[2] рейнвейну»[3]. Осень накануне трагедии как раз была временем расчетов.

«В Печенгском монастыре свейски немцы многую казну поимали… по смете на 55 тысяч рублев»[4]. Безусловно, такой монастырь не мог быть уничтожен шайкой разбойников, поскольку те богатства, которые таили в себе необъятные и не облагаемые данью его владения, делали его поистине «непотопляемым».

Управление монастырскими владениями переместилось в Колу, и настоятелем монастыря стал игумен Вассиан. Сам монастырь разместился за стенами Кольского острога, при приходской Благовещенской церкви, той самой, что была построена и освящена преподобным Феодоритом Кольским еще в 1532 году. На церковной колокольне разместили немногие из колоколов, что уцелели на Печенгском пепелище[5]. Самое первое, что было построено уже к 1591 году, – это торговый «двор для приходу немецких людей в Кольском остроге»[6]. Тут же находились и строения бывшего Кольского подворья монастыря: «6 келей, да хлебня, да поварня, да три амбара, да погреб с напогребницею, да клеть соляная, и за двором амбар монастырский, да за острогом амбар с приделом, да погреб монастырский»[7].

Этому «погребу» к 1608 году монастырь нашел применение весьма показательное для наступившего нового, кольского, периода монастырской жизни: «*Подле двора монастырского погреб монастырский, ставят в него государево кабацкое питье "банка" Печенгского монастыря, а в ней немчик Созомонко новокрещеный и изба государева кабацкая*»[8].

---

[1] Бочка как мера жидкостей на Руси применялась в торговле с иностранцами и равнялась 40 ведрам, т. е. 492 литрам.

[2] Один амстердамский анкер содержал около 39 литров красного вина (рейнвейна), имевшего в монастыре богослужебное значение.

[3] *Фрисс Я.А.* Печенгский монастырь. С. 271.

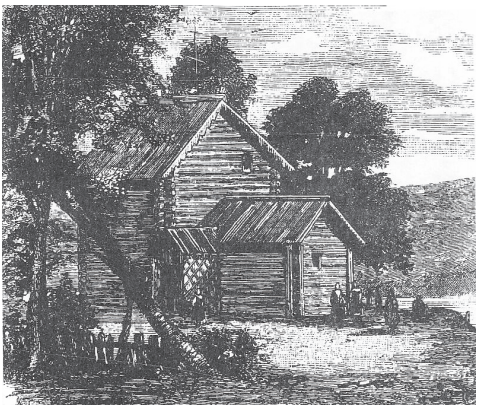
[4] Из «Наказа князю Ивану Туренину октября 1594 года». Никодим (Кононов) // Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 227. Чтобы представить величину этой суммы, вспомним, что пуд (16 кг) муки стоил 6 копеек, пуд семги – около 7 копеек, курица – 2 копейки, корова – 1 рубль.

[5] «У Благовещения Пречистые Богородицы в церкви образа, книги и ризы и всякое церковное строение и на колокольнице колокола монастырское строение» (*Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 433).

[6] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. С. 433.

[7] Там же. С. 433.

[8] Там же. С. 414.



Церковь святых Бориса и Глеба на Мурманском берегу 1565 года постройки. Рис. 1881 года

Что касается самой Печенги, то и там монастырь довольно скоро вновь обустроился. Необходимо было неустанно контролировать обширные монастырские владения, своевременно собирая положенные подати и оброки со всех, кто там жил и трудился. Были построены два дома на «15 мест келейных», в них жили «монахи Печенгского монастыря, переменяясь по годам, приезжая из монастыря, да два амбара, да поварня, да двор коровный, да хлев, да баня». При этом церквей для крещеного Трифоном лопарского племени, как мы видим, восстановлено не было. Огромные пространства на запад от Кольского залива остались без пастырского попечения.

У реки Маны, на месте Печенгского монастыря «новоначального», над могилой преподобного Трифона и его учеников в начале XVII века была поставлена небольшая часовенка. Полноценное здание церкви появилось на этом месте лишь в 1708 году и было освящено в честь Сретения Господня. Эта церковь была построена силами кольских купцов, а служили в ней священники из кольского собора, приезжая ежегодно на 1/14 и 2/15 февраля. Таким же образом, раз в году, на память святых Бориса и Глеба, происходило окормление лопарей Пазрецкого и Нявдемского погостов при древней Борисоглебской церкви, построенной преподобным Трифоном в 1565 году.

Еще со времен Трифона монастырь пользовался особым монаршим благоволением. Также и после переезда в Колу монастырь, начиная с Жалованной грамоты царя Феодора Иоанновича 1591 года[1], непрерывно

[1] Текст грамоты упомянут: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. С. 433.

увеличивал свои владения[1], а льготы и права его расширялись необычайно: «Милостыни монастырю давать на хлеб, на рожь, на овес, и на горох, и на воск, и на фимиам, и на мед, и на масло, и на крупы, и на конопляное семя, всего с году на год по 50 рублей»[2]. Подтверждена полная неподсудность монастыря и принадлежащих ему крестьян, дарован беспошлинный проезд по России, расширено освобождение от податей и повинностей в пользу государства и т. п. С окончанием «Смутных времен», в 1619 году, царь Михаил Федорович Романов своей грамотой в полной мере подтвердил и закрепил льготы и права монастыря.

Вне всяких сомнений, при таких условиях «положение монастыря в **материальном отношении** было прекрасным»[3]. В духовном же плане монастырь был тяжело болен.

Не будем останавливаться на удручающих свидетельствах ситуации, сложившейся в монастыре в XVII веке, равно как и на тех отчаянных усилиях, что прилагали Патриарх Никон и архиепископ Афанасий по призвании «буйной Печенгской братии» к порядку, трезвости и послушанию[4].

После переселения в Колу монастырская хозяйственная политика очевидным образом сосредоточилась на изыскании различных способов отторжения земель, принадлежащих лопарям. Этот процесс особенно активизировался в первой половине XVII столетия. «В краткий срок времени, с 1620 по 1646 годы, новый, или, как он назывался теперь, Кольско-Печенгский (или Колоспеченгский), монастырь приобрел очень много угодий от лопарей. В своем стремлении к увеличению владений монастырь, по-видимому, шел не всегда законным путем»[5].

О том, каков был этот путь, ярко свидетельствуют царские грамоты от 1649, 1651, 1661, 1675, 1677, 1687, 1697 и других годов, являвшиеся ответом на бесчисленные лопарские челобитья с просьбами о заступни-

---

[1] Об этом см.: Разбор тяжбы между лопарями и печенгскими старцами. Грамота царя Петра Первого от 1697 года. Цит. по: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 1. С. 395–409.

[2] Из грамоты царя Василия Шуйского 1607 года. Цит. по: *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 31.

[3] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 31.

[4] Об этом: *Митрофан (Баданин), игумен.* Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития. Мурманск – СПб.: «Ладан», типография «Моби Дик», 2009. С. 243–250.

[5] *Козьмин Н.* Печенгский монастырь в Лапландии // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 10. С. 292–293.

честве от этих захватов и притеснений. Во всех этих указах повторяется одно и то же повеление: «…лопских угодьев продавать и в оброк отдавать не велено… а буде которые люди в том объявятся, и тем учинено будет жестокое наказание, и угодья и земли велено назад поворотить»[1]. Тем не менее, несмотря на запрещение, «захватывая в свои руки все большее количество угодий, монастырь богатеет, но вместе с возвращением богатства он становится из просветителя угнетателем лопарей. Так успешно начатое дело преподобного Трифона принимает постепенно совершенно другой оборот»[2].

11 мая 1701 года «ради неистового жития строителев и монахов» Печенгский монастырь царской грамотой был приписан к Холмогорскому Архиерейскому дому[3], а в 1765 году упразднен окончательно.

§ 3. Итоги просветительской деятельности святых подвижников Кольского Севера с раннего Средневековья и до конца XVI века

Итоги просветительской деятельности подвижников XVI века на Кольском Севере надо признать весьма успешными: аборигены края были крещены. Английский путешественник в 1556 году свидетельствует: «русский царь (emperour) недавно установил над многими из них *[лопарями. – **Е. М.**]* свою власть, и они подчинены ему. Народ этот говорит, что он верит в русского Бога; живут они в палатках, как финны»[4].

В крае было построено три монастыря. В каждом поморском и по возможности каждом лопарском поселении налажена приходская жизнь. Центры поморской жизни на Терском берегу Кольского полуострова – села Умба и Варзуга – имели по нескольку храмов. Кола, Кандалакша и Печенга в полной мере стали духовными центрами западных территорий Кольского Севера.

Мощный посыл, данный великими просветителями Кольского Севера, преподобными Феодоритом Кольским, Трифоном Печенгским, Варлаамом Керетским и их учениками, позволил решить стратегическую задачу в духовном и государственном плане: «полнощные земли» Крайнего Се-

---

[1] Акты Исторические. СПб.,1842. Т. V. С. 254.

[2] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 42.

[3] *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды… СПб., 1908. С. 285.

[4] Английские путешественники в Московском государстве. С. 32.

Исповедь на приходе. Гравюра Н.И. Каразина. Журнал «Север», 1896

вера были просвещены светом веры Христовой и вошли в сферу российского влияния.

К сожалению, наступившие перемены в монастырском строительстве, обмирщение монашеской жизни и ослабление «старческой школы» оказали негативное воздействие на последующий ход «северной миссии» и закрепление просветительских результатов XVI века. В результате даже в конце XVII века, спустя более чем 150 лет с начала великих духовных деяний преподобных Феодорита и Трифона, многие лопари вновь оказались некрещеными и возвращались к язычеству. В 1681 году московское правительство повелением царя Феодора Алексеевича рассылает распоряжения по возобновлению миссионерской деятельности среди лопарей.

Однако все эти указания касаются лишь приходского духовенства Колы и церквей Терского берега и совершенно не затрагивают монастырскую братию, надо полагать, по причине морального несоответствия предстоящим задачам миссионерства и возникшей нелюбви к монастырю со стороны лопарского племени.

Кроме того, к концу XVII века побуждающим мотивом для крещения становится не евангельская проповедь и образец святой жизни подвижника, а холодный расчет и материальный стимул: «Крестящемуся лопарю давать Великого государя жалование по два рубли человеку и льготы в службе и в тягле на два года»[1].

В 1681 году «по Указу Великого Государя Кольского острога соборный священник Алексей Симонов»[2] представил отчет о своей поездке «по Лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и возсоединения их к Православной Церкви»[3]. В этом отчете представлены «правдивые показания крещеных старейшин саами (на что указывают их кре-

[1] Об обращении лопарей в христианство священником Алек. Симоновым и колянином Фед. Сусловым // ЧОИДР. Смесь. СПб., 1887. Кн. 1. С. 152.

[2] Текст самого «Указа Великого Государя Федора Алексеевича о призывании иноверцев и идолопоклонников и отступников во благочестивую нашу православную христианскую веру» не сохранился.

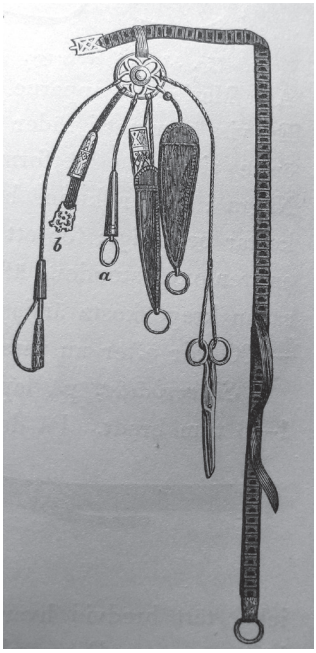
[3] РГАДА. Боярские и городовые книги. Ф. 137, оп. 2, д. 114, л. 1.

Лопарка 26 лет. Рис. из Duben Gustaf von. Om Lappland och Lapparne. Stockholm, 1873

стильные имена и отчества), данные ими под церковной присягой («по духовенству»)»[1].

Во всех лопарских погостах Кольского Севера на вопрос, знают ли что лопари о православной вере, ответ был один: «Крещены де оне из давних лет, а веры Православной християнских обычаев никаких не знают, и проповеди Святого Евангелия, и о благочестии поучения ни от кого не слыхали, а от Святого Крещения лет по двадцати и по тридцати, а иные и до старости у отцов духовных и во церквах не бывали, и Таины святого покаяния не знают, и Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа не причащалися, равно и иных святых Православных християнских Таин».[2]

Кроме того, жители трех из девяти посещенных погостов совершали все прежние языческие служения: «Богоотступные жертвы и идолопоклонство и иные волхования вражии». По свидетельству лопарских старейшин, «обычаев они-де от прародителей держатся, и приносят жертвы древам и кусту и камению, да отдают своих домовых оленей в жертву горам и дереву»[3].



Обязательный элемент лопарской одежды – магические привесы. Рис. из книги: Duben Gustaf von. Om Lappland och Lapparne. Stockholm, 1873

[1] *Жуков А.Ю.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 316.

[2] РГАДА. Боярские и городовые книги. Ф. 137, оп. 2, д. 114, л. 3 об.

[3] Там же. Л. 8.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КОЛЬСКИЙ СЕВЕР БЕЗ МОНАСТЫРЕЙ. КНИЖНИКИ-ПРОСВЕТИТЕЛИ И ПРИХОДСКИЕ ПОДВИЖНИКИ КРАЯ

§ 1. Печенга без монастыря. 1886 год – начало возрождения

Как мы отметили выше, Печенгский монастырь, разместившись под стенами Кольского острога, от миссии среди аборигенов края очевидным образом устранился и строительством церквей в западных районах лопарского обитания не занимался.

После разорения 1589 года на месте двух сожженных монастырских церквей была поставлена часовня. «На усть реки Печенги часовня поставлена для лопского крещения и веры православныя, да две келии, а в них живут старцы Печенгского монастыря переменяяся по годам, приезжая из монастыря»[1]. Тогда же и на реке Мане «на месте первоначальном Печенгского монастыря», там, где «лежит начальник монастыря строитель Трифон, над ним сделана часовня»[2].

Сретенская церковь. Журнал «Нива». Гравюра Флюгеля по рисунку Н.Н. Каразина

Эту первую часовню жившая на Печенге братия решила построить в 1608 году, вразумленная известным по житию случаем, когда *«кровоточивая жена безстрашно дерзнула сесть»* на могилу преподобного и была отброшена *«крепко невидимою силою и с оленем на пять сажень [10 метров. – **Е. М.**], и повержена на землю не мало времени бывши яко бездушна»*[3].

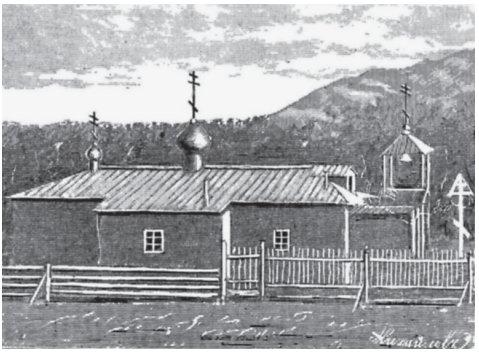
Сретенская церковь для лопарских погостов Печенги была построена лишь в 1708 году попечением кольского купечества. К этому

---

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 432.

[2] Там же. С. 432–433.

[3] Житие и чудеса преподобного отца нашего Трифона. С. 541.



Трифоновская церковь, переосвященная как Никольская после переноса в Баркино. Рис. П. Михайлова. Журнал «Нива», 1904

времени монастырская братия практически ушла из этих мест. При церкви Сретения Господня, возведенной взамен обветшавшей часовни, было несколько келий, в них всегда жили «старушки-богомольщицы, и было 2-3 лопарских тупы для съезжавшихся сюда ежегодно 1 февраля, на день памяти преподобного Трифона, лопарей со всей Лапландии»[1]. Здесь же на следующий день, 2 февраля, праздновался храмовый праздник Сретения Господня. По случаю праздника сюда прибывал весь причт из кольской Благовещенской церкви. Лопари съезжались не только из Западной Лапландии, но и из Кандалакши, и с Терского берега.

С убытием лопарей на летние рыбные ловли, в апреле, причетники также переезжали от Сретенской церкви к устью Печенги, на место сожженного Печенгского Троицкого монастыря. Здесь у могилы убиенных мучеников кольский купец Роман Шабунин в 1808 году поставил Троицкую часовню взамен пришедшей в полную ветхость монастырской часовенки, сооруженной в 1608 году. Над самой же могилой стоял крест, и она была обозначена оградкой.

Местный церковный причт со священником полностью оформился к 1857 году, когда был открыт Печенгский приход при Сретенской церкви для четырех лопарских погостов: Печенгского, Мотовского, Пазрецкого и Нявдемского.

Для окормления лопарей в местах их кочевий, в основном, строились часовни. Здесь, на Северо-Западе Кольского края в середине XIX века существовало пять часовен: Троицкая в Печенгской колонии, Преп. Трифона в становище Малонемецкое, Воскресения Христова в истоке

[1] *Терентиев Георгий, священник.* О перенесении и освящении Трифоновской церкви // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 1. С. 30.

Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь в Луостари. Фото 2015 года

Мотовской губы, в становище Китовское, Николая Чудотворца в Мотовском зимнем погосте, Георгия Победоносца на правом берегу Нявдемы.

В 1886 году с прибытием в пустынь у Сретенской церкви соловецких иноков и началом восстановления Печенгского монастыря причт этой церкви вынужден был окончательно удалиться к устью Печенги. К этому времени уже активно шла колонизация мурманского берега, поощряемая правительством. В устье Печенги поселилось до 300 колонистов, и их попечением и усердием известного подвижника – священника Георгия Терентиева – Троицкая часовня была перестроена в церковь. В 1883 году состоялось ее освящение во имя преподобного Трифона Печенгского. На этом месте Трифоновская церковь просуществовала до 1900 года, когда была перенесена в район селения Баркино, ниже по течению реки, дабы освободить место монастырю. Эта церковь, переосвященная в честь Николая Чудотворца, пережила все перипетии безбожных времен и была уничтожена в 1998 году волюнтаристским решением военного командования Печенгского гарнизона.

В 1891 году игумен Ионафан воздвиг на могиле 116-ти мучеников внушительную часовню в честь Рождества Христова. В 1911 году эта Рождественская часовня была обращена в алтарь новой монастырской церкви Рождества Христова.

Спустя многие десятилетия богоборчества в уцелевшем здании этой церкви с 1995 года расположился начавший вновь возрождаться Трифонов Печенгский монастырь. Однако вечером 1 декабря 2007 года это единственное сохранившееся за прошедший XX век здание монастыря сгорело.

Это печальное событие стало поворотной точкой в истории возрождения Печенгского монастыря. Было принято решение о том, что духовной основой усилий по возрождению Свято-Троицкого Трифонова Печенгского монастыря должно было стать осознание необходимости возродить обитель в исконном месте «монастыря первоначального» – там, где в 1532 году сам преподобный построил первую Свято-Троицкую церковь, как о том свидетельствуют документы XVI века: «*Да на той же реке Печенге, на усть реки Маны* **монастырь Печенгской первоначальный**, а в нем церковь деревянная ж Троицы Живоначальные»[1].

Возвращение обители в пустынь, в сторону от центральных дорог, должно создать необходимые условия для уединенной и молитвенной жизни братии, возрождения «Трифоновской» старческой школы, черпающей духовные силы в исконных местах подвигов печенгского старца и его учеников – в «месте церковном Живоначальныя Троицы, да тут же лежит начальник Печенгского монастыря строитель Трифон»[2].

В настоящее время Свято-Троицкий Трифонов Печенгский монастырь возрожден на своем историческом месте.

§ 2. Кандалакша без монастыря. 1742 год – упразднение обители

К концу XVII века Рождества-Богородичный Кандалакшский монастырь переживал период очевидного угасания монашеской жизни. Незадолго до своего окончательного упразднения, в 1693 году, «Кандалажской монастырь волею Божиею погорел без остатка»[3]. Через двенадцать лет после пожара, согласно описи 1705 года, здесь стояла церковь Рождества Пресвятые Богородицы, деревянная, «о пяти верхах, с трапезою и келарскою теплыми, главы обиты чешуею»[4], с 18 окнами, папертью. Внутри храма – трехъярусный иконостас (ряды: местный, деисусный и праздничный), множество украшений («царские двери и сени и столбцы резные, золоченые… образа в серебряных окладах… привесы жемчужные» и т. д.)

---

[1] *Харузин Н.Н* Русские лопари. С. 432.

[2] Там же. С. 432.

[3] Цит. По: *Ушаков И.Ф.* На Усть-Ниве реке / Избранные произведения. Вып. III. Мурманск, 1998. С. 47.

[4] ГАМО. Ф. 29. «Архангельская духовная консистория». Оп. 31, д. 318. Цит. по: *Шургин И.Н.* Исчезающее наследие. М., 2006. С. 37.

Церковь Рождества Иоанна Предтечи
1786 года постройки.
Фото В.А. Плотникова 1909 года

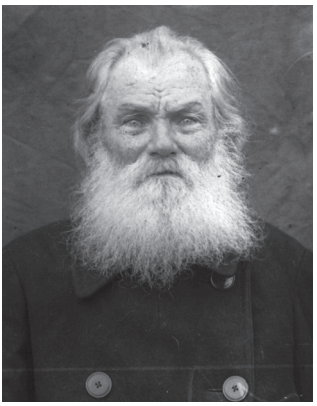
К этому времени монастырь постоянно находился в долгах. В сентябре 1730 года иеромонах Пахомий занял для покупки хлеба сорок два рубля у холмогорца Якова Жеребцова, обязавшись в счет этих денег отдать ему «реку Колвицу» с монастырской избой, семужьей тоней и лесом на шесть лет.

В 1738 году в суде рассматривалось дело о взыскании с монахов двадцати восьми рублей заимодавцу Алексею Яковлеву. Однако оказалось, что «за крайнею их нищетою ни по которой мере взыскать тот долг не можно, понеже… они претерпевают глад и нужду».

14 апреля 1742 года последовал указ архиепископа Архангельского и Холмогорского Варсонофия (1740–1759 гг.) о приписке Кандалакшского монастыря к Соловецкому монастырю «за необходимыми нуждами и скудостью и за неумением братии и служителей» вести дела.

Что касается приходской Предтеченской церкви, то в 1751 году была получена грамота – разрешение на ее ремонт. Позднее, в 1786 году, убедившись в нецелесообразности ремонта старого здания, прихожане «своим иждивением» начали строительство нового. Из-за недостатка средств строительство длилось 30 лет, освящена церковь была в 1801 году.

Эта церковь отличалась необычной для Поморья конструкцией – пирамидальной ярусностью. Позже, в начале XX века, искусствовед И.В. Евдокимов писал: «Мил и очень любопытен храм Рождества Иоанна Предтечи в Кандалакше. Он четырехярусный, с чередующимися двумя восьмигранниками и четвериками, увенчанный огромной чешуйчатой луковицей… Чередование его ярусов… оставляет впечатления шатра».



Протоиерей Федор Миролюбов, 72 года. Фото из следственного дела 1940 года

Высота церкви была 7 саженей, а длина 10 саженей *[1 сажень – 2,16 м. – **Е. М.**]*. «При церкви находится деревянная, одноярусная колокольня, высота ее 10 саж., устроена осьмериком»[1].

Окончательное упразднение монастырского хозяйства произошло в 1764 году, и Рождества-Богородичная церковь также стала приходской. В 1818 году по благословению преосвященного Парфения (1809–1819 гг.) на средства крестьян были отремонтированы крыша и потолки. Тогда же была разобрана на «церковные дрова» немалой величины келарная, пристроенная к трапезной для проживания монахов. В 1848 году на средства кандалакшанина Антона Жидких в храме были произведены ремонтные работы.

После того как древняя церковь Кандалакшского монастыря была сожжена англо-французскими войсками, в 1865 году на Высочайше пожалованную сумму была построена новая церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы с колокольней в одной связи с церковью.

Предтеченская церковь при нападении не пострадала, колокольня, разбитая ядрами, была в 1865 году исправлена, обшита тесом и покрашена. Тогда же была покрыта тесом и покрашена белилами и Предтеченская церковь.

Древние монастырские колокола были увезены в Архангельск после упразднения обители в 1742 году. Оставлен лишь один весом один пуд у входного крыльца.

После революции, вплоть до ареста 4 июня 1940 года последнего священника Кандалакши протоиерея Федора Михайловича Миролюбова, храм Иоанна Предтечи был действующим[2]. Судьба обеих церквей была решена 5 сентября 1940 года Постановлением Мурманского облисполкома: «…Учитывая ходатайство большинства населения села, церкви Иоанна Предтечи на большой стороне и Рождества Богородицы на малой стороне закрыть с использованием церквей на большой стороне под

[1] *Евдокимов И.* Север в истории русского искусства. Вологда, 1920. С. 23.

[2] ГАМО, ф. 405, оп. 1, д. 39, л. 11.

стационарный кинотеатр и на малой стороне под районный клуб»[1]. Здание монастырской церкви разобрали в 1942 году под предлогом: «как служившее ориентиром для фашистской авиации».

Здание приходской церкви использовалось как кинотеатр «Маяк», и «приблизительно в сентябре 1948 года книги и иконы были вынесены из колокольни, сложены на площади перед кинотеатром "Маяк" и подожжены. Горели самые большие иконы нашей церкви. Местные жители уносили по домам то, что можно было еще спасти…» (Из воспоминаний очевидца Жидких Г.Ф.).

«…Кинотеатр в церкви не пользовался спросом. Здание пустовало. В конце 70-х оно было передано Кандалакшскому заповеднику. К стенкам бывшего алтаря церкви была пристроена клетка, в которой содержались два медведя. Любопытные со всего города приезжали сюда посмотреть на них…» (Из воспоминаний очевидца Е.А. Нинбурга). В 1984 году по вине работников заповедника возник пожар уничтоживший здание Предтеченской церкви.

В наше время кандалакшская церковь Рождества Иоанна Предтечи возрождена на небольшом расстоянии от своего исторического места. На само́м историческом месте стоит памятный крест и часовня.

На месте монастырской Рождества Богородичной церкви, что «на усть реки Нивы на наволоке», в периметре ее фундамента в 2006 году установлен памятный крест, проводятся археологические изыскания.

§ 3. Кола после упразднения монастыря в 1764 году

В начале XVIII века в Кольско-Печенгском монастыре было 13 монахов и три церкви: Святой Живоначальной Троицы, Успения Божией Матери и Святых апостолов Петра и Павла.

В 1764 году императрица Екатерина II отменила все прежние льготы и владения Кольско-Печенгского монастыря. В ходе этой общероссийской секуляризации монастырь в Коле был упразднен и причислен к кольскому собору. Сохранилась лишь Троицкая церковь как трехпридельный собор, которая обрела статус городской, кладбищенской.

Память о Успенской и Петропавловской церквях сохранилась в посвящении двух пределов Троицкой церкви, что отмечается в описи 1727

[1] ГАМО (Кировский филиал), ф. 146, оп. 2, д. 89, л. 331.

Кладбищенская церковь
во имя Святой Троицы в Коле.
Фото 1911 года

года: «Троицкая деревянная, холодная, о пяти главах, две придельные церкви (теплая Успенская и холодная Петропавловская)».

Незадолго перед закрытием монастыря в 1757 году церковь была вновь перестроена. Тогда над папертью была возведена «колокольня рубленая, шатровая». В 1854 году при сожжении города Колы англичанами, в результате обстрела с корвета «Миранда», все храмы были уничтожены. Чудесным образом не пострадала только Троицкая церковь. Городской голова Григорий Харчев в одном из писем указывал, что церковь эта особая: «она по Провидению Божию уцелела при сожжении города Колы в 1854 году». В течение длительного времени богослужения проходили лишь в этой уцелевшей церкви. К началу XX века в память о монастыре на Монастырском острове оставалась только эта кладбищенская церковь Троицы Живоначальной.

Что касается востребованности церквей в Коле, то, как свидетельствуют современники, «коляне весьма набожны, каждый праздник церковь Божия полна народа; священнослужители пользуются должным уважением и сильным авторитетом во всех случаях жизни своих прихожан»[1].

Эта последняя церковь монастыря была закрыта в 1933 году, в 1935 году отдана под Дом пионеров и разобрана в послевоенное время[2]. Благодаря уцелевшей могиле протоиерея Георгия Терентиева, захороненного у алтаря Троицкой церкви в 1904 году, удалось установить «церковное место» и обозначить его поклонным крестом.

[1] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. 1861. № 32. С. 263.
[2] ГАМО, ф. 16-и, оп. 1, д. 248, л. 21.

§ 4. Владыка Афанасий (Любимов) – первый архиерей Крайнего Севера

Архиепископ Афанасий (Любимов) Холмогорский и Важский, духовный писатель и полемист. Портрет начала XVIII века

Архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий (Любимов) – церковный иерарх, с именем которого тесно связана вся история активного церковного развития на территории Архангельской губернии и непосредственно Кольского Севера в конце XVII века. Этот архиерей оставил яркий след в истории Русской Церкви и неизменно ставился в пример последующим владыкам. В 1707 году император Петр I, рассуждая о предстоящем избрании кого-либо из архиереев на северную кафедру, напоминал о необходимости поступать «к чести и славе Российского государства, яко же и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал»[1].

Надо прямо сказать, Алексей Артемьев, сын Любимов, с детства обладал незаурядными способностями. Родился он в 1641 году в семье тюменского казака Артемия. Мать Алексия Пелагея после ранней смерти мужа постриглась в монахини с именем Параскева, равно как и сын ее Алексий принял постриг с именем Афанасий.

Природные задатки и высокое умственное развитие юноши из Долматова монастыря заметил митрополит Сибирский и Тобольский Корнилий. В 1667 году Афанасий был рукоположен в иеродиакона, а вскоре стал иеромонахом и келарем Свято-Успенского Далматовского монастыря.

Здесь, в монастыре, будущий святитель уже проявил свой писательский талант. Первое его произведение – Толковая Псалтирь, здесь же он приступил к написанию толкования на Первую книгу «Бытия» – «Шестоднев».

В августе 1679 года, будучи по монастырским делам в Москве, он был замечен Патриархом Иоакимом и оставлен крестовым иеромонахом *[крестовые попы – без своего прихода. – **Е. М.**]* при Патриаршем доме. Иеромо-

[1] *Рункевич С.Г.* Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Афанасий (Любимов), архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник: Духовный журнал. 1904. Т. 2. Ч. 2. С. 496.

наху Афанасию поручили редактирование переводов с греческого языка Священного Писания и трудов отцов Церкви. С этого времени отец Афанасий вступает в активную полемическую борьбу со старообрядцами.

Особенно широкий размах старообрядчество приобрело на Русском Севере, на материковой части Беломорья. Надо заметить, еще в 1667 году для противодействия расколу на церковном Соборе было принято решение о необходимости создать там самостоятельную епархию.

При этом интересно отметить, что в 1681 году царь Федор Алексеевич представил свой проект открытия новых епархий. Всего предполагалось образовать тридцать три новые епархии. «На Русском Севере предполагалось создать пять (!) епархий: на "Колмогорах, на Кевроли, в Мезени, **в Кольском остроге** и на Ваге"»[1]. Вновь была близка к воплощению мечта преподобного Феодорита о создании епархии Великой Лапландии, но, увы, в 1682 году царь Федор Алексеевич скончался, а Патриарх Иоаким (Савелов), который и был инициатором этих важных преобразований, так и не сумел убедить «епископат, который увидел угрозу своим полномочиям и доходам».

В 1682 году царский проект был воплощен в жизнь лишь в отношении одной епархии в Колмогорах. Совершилась хиротония иеромонаха Афанасия во епископа Холмогорского и Важеского с возведением в сан архиепископа – «в город Холмогоры, славившийся в то время многолюдством и торговлею, утвердя здесь навсегда архиепископский престол»[2]. «Марта в 19-й день поставили во власти первым архиепископом на Колмыгоры и на Вагу крестового священника святейшаго патриарха Афонасия, а ставил его святейший Иоаким патриарх Московский и всея Руси со властьми»[3].

Еще до убытия на свою кафедру владыка Афанасий принял на себя жестокую агрессию одного из духовных лидеров старообрядчества – Никиты Добрынина (Пустосвята). На так называемых «прениях о вере» в Грановитой палате Кремля в июле 1682 года архиепископ Афанасий

---

[1] *Булатов В.Н.* Поморье (XVI – начало XVIII в.) // Русский Север. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1999. Кн. 3. С. 22. (Далее: *Булатов В.Н.* Поморье).

[2] *Ивановский Александр, протоиерей.* К жизнеописанию первого архиепископа Холмогорского Афанасия // Архангельские губернские ведомости. 1870. № 50.

[3] Разряд без мест царя и великого князя Федора Алексеевича … 8190 года. Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. VII. С. 310.

Фрагмент картины В.Г. Перова
«Никита Пустосвят. Спор о вере»

столь «умело и жестко вел полемику, что его главный оппонент, Никита Пустосвят, не имея иных аргументов, стал “бити и терзати” владыку. По легенде, Пустосвят выдрал у Афанасия часть бороды, и архиерею приходилось впоследствии брить бороду»[1].

Борьба с расколом стала главной заботой архиерея. Учитывая, что «старообрядчество на Кольском Севере не получило широкого распространения, и по официальной статистике в уезде числилось не более 2-3 раскольников»,[2] основные усилия в деятельности владыки Афанасия были сосредоточены на приходах Корельского и Архангельского Поморья и в Соловецком монастыре.

При этом нельзя не упомянуть о большом внимании холмогорского архиерея к Кольско-Печенгскому монастырю и к той крайне неблагополучной ситуации, что сложилась в монашеской жизни обители к концу XVII века.

Об уровне монастырской жизни в это время Владыке поведали «допросные речи»[3] священника Кольского острога Борисоглебской церкви Симеона (Борисова), который принужден был «по священству своему» преосвященному Афанасию «поведать истинную правду» о состоянии Кольско-Печенгской обители в 1696 году. Владыка Афанасий, ознакомившись с «допросными речами», предпринял очередную попытку навести

---

[1] *Булатов В.Н.* Поморье. С. 121.

[2] *Ушаков И.Ф.* Православие на Кольском Севере в досоветское время. Мурманск, 2002. (Рукопись).

[3] *Ефименко П.С.* Юридические обычаи Лопарей, Корелов и Самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского русского Географического общества по отделению этнографии. СПб., Т. 8. 1878. С. 61–65.

порядок в этом монастыре, поскольку все то, что он узнал о жизни монахов, не могло не вызвать законного возмущения и гнева Его Высокопреосвященства. Среди насельников монастыря не оказалось ни одного, кто бы не был подвержен тяжкому и застарелому недугу пьянства.

И только единственный монах Павел (Холмогор), в недавнем прошлом священник Кольского острога Воскресенской церкви поп Петр, который «житие в монашестве ныне проходит доброе», обнадежил владыку Афанасия. Его Высокопреосвященство указом от 5 мая 1696 года приказал монаху Павлу быть строителем Печенгского монастыря, а в казначеи приискать монаха доброжительного из другого монастыря и сделать точный учет в приходе и расходе. «Чернецов же, которые в том монастыре живут пьянственно и зазорно и к свойственным их людям в Колский острог для пьянства ходят и монастырскому иждивенью чинят похищенье, тех чернецов смирить их строителю и сыну боярскому, при братии, плетьми без пощады, чтоб так делать им и иным впредь не повадно было»[1]. Казалось бы, появилась надежда, что Владыка властной рукой положит предел разложению братии, восстановит попранные монастырские устои…

Но, увы, строитель Павел недолго «житие в монашестве проходил доброе», и вскоре «ведомо учинилось преосвященному Афанасию, что к той Печенгской пустыни Строителю Павлу приходят в келью робята невозрастные и ночуют, и он с ними пьянствует». В 1701 году вновь было учинено дознание, «и били плетьми нещадно о познании прямой правды о непотребном и богомерзком, а его, Павла, до указу держали в той пустыни скована и под караулом»[2].

Как показывают документы в период с 1696 по 1701 годы, холмогорский архиерей уделял неослабное внимание обстановке в Кольско-Печенгской обители. Именно в этот период усилиями Владыки Афанасия была создана новая редакция жития преподобного Трифона, которая должна была нести благочестивый пример и стать назидательным душеполезным чтением для монастырской братии.

При этом можно понять Владыку, не благословившего описать правдивую историю лихой юности основателя Печенгской обители, с его атаманским прошлым, с разгулами и пьянством. В результате неведомый нам

[1] *Ефименко П.С.* Юридические обычаи Лопарей… С. 63.
[2] Там же. С. 64.

Архиерей и император. Художник А.З. Иткин. 1990

автор (скорее всего, сам Владыка Афанасий)[1] написал житие в духе искусственных житий русского Средневековья. В результате бывший гроза всей Каяни и Восточной Ботнии, «много крови проливший и много народу ограбивший»[2], стал «*от юности изряден постник, кроток, милостив*»[3].

Это подтверждается мнением исследователей о том, что автор архетипа (первоначального текста) дошедшей до нас редакции жития – «современник Петра I, работал над житием не ранее 1680 года и не позднее самого начала XVIII века»[4]. Поэтому не трудно было сделать заключение, что «произведение появилось, вероятно, по заказу архиепископа Афанасия Холмогорского или, во всяком случае, отражало его замыслы по укреплению иноческого устава в Печенгском монастыре»[5].

Безусловно, архиепископ Афанасий «отличался высокой образованностью и обладал одной из самых крупных библиотек своего времени. Она состояла из 270 названий и насчитывала до 490 отдельных томов»[6]. Но особо востребованным в это время оказался труд владыки «Увет *[увещевание. – **Е. М.**]* духовный», ставший главным практическим наставлением в полемике со старообрядцами. Книга была разослана по приходам и активно использовалась священниками в проповедях. Также следует упомянуть труды Владыки: «Книга о пресуществлении» (1688) и «Щит веры» (1690). Из научных трудов интересен медицинский трактат «Реестр дохтурских наук» с рецептами изготовления различных лекарств и способами их применения.

В 1701 году архиепископ Афанасий, желая помочь Петру I в войне со шведами, написал удивительное сочинение, называвшееся «Описание

---

[1] Архиепископ Афанасий (Любимов) – «духовный писатель и полемист». *Панич Т.В.* Афанасий (Любимов) // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 9.

[2] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 302.

[3] Житие преподобного Трифона. С. 97.

[4] *Калугин.* Житие Трифона Печенгского в письменности. С. 449.

[5] *Калугин В.В.* «Житие Трифона Печенгского» – памятник севернорусской агиографии петровского времени // Человек между Царством и Империей. М., 2003. С. 338.

[6] *Кузьмин А.Д.* Игумен Далматова монастыря Афанасий Любимов – соратник Петра Великого // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2012. С. 116.

трех путей из России в Швецию», в котором обнаружил неожиданно глубокое знание предмета. Старания архиерея были не случайны. Можно сказать, что царь Петр и Поморский Владыка были в близких, дружеских отношениях. Сохранились свидетельства о личных, конфиденциальных беседах Царя и архиерея, подчас «в ночи не со многими своими ближними людьми»[1].

В этом смысле прослеживается схожесть отношений с царем владыки Афанасия и святителя Митрофана, епископа Воронежского, также в 1682 году рукоположенного на вновь учрежденную кафедру.

В 1694 году в знаменитом плавании царя по штормовому Белому морю, когда «поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился Святых Таин из рук сопровождавшего его архиепископа Афанасия»[2]. Усилиями искусного кормчего Антона Тимофеева все закончилось благополучно.

«Известно, что Петр I предполагал сделать архиепископа Афанасия преемником Патриарха Андриана. Однако этого не случилось, зная твердый характер поморского владыки, который мог не поддержать предстоящую церковную реформу, царь Петр изменил свое решение»[3].

§ 5. Архимандрит Сергий (Шелонин) – духовный писатель начала XVII века

Архимандрит Сергий (Шелонин) (ок. 1590 – 1664[4] гг.) монах Соловецкой обители, в миру Семен Михайлович Москвитин[5], – «грамотей-книжник, пылавший любовью к словесам житий»[6]. И действительно, перу архимандрита Сергия принадлежат жития Иоанна и Лонгина

---

[1] *Булатов В.Н.* Поморье. С. 121.

[2] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1991. Кн. VII. С. 458.

[3] *Булатов В.Н.* Поморье. С. 122.

[4] «Мы можем с большим основанием считать дату смерти книжника Сергия – конец 1664 года». *Сапожникова О.С.* Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 200.

[5] *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 2. С. 296. Придя в Соловецкий монастырь в 1617 году, «подьячий Семен Михайлов сын Москвитин» уже состоялся не только как придворный чиновник, но и как «грамотей-книжник, пылавший любовью к словесам житий», потому и взял он себе писательский псевдоним «Шелонин».

[6] *Шульман Ю.М.* «Повести о чудесах … ». Писатель-маринист монах Сергий Шелонин // Север. Петрозаводск, 1990. № 9. С. 139.

Книжник. Рисунок из лицевой рукописи начала XVII века

Яренгских, игумена Филиппа (Колычева), преподобного Германа Соловецкого, преподобного Варлаама Керетского и ряд других произведений. «Эти жития, вместе с трудами книжников Сийского монастыря Феодосием и Никодимом, составили классику северорусской агиографии»[1] и образовали самостоятельную и самобытную школу рукописной книги на Севере России. Надо прямо сказать, что, если бы не его творения, мы были бы лишены исключительно ценного исторического материала – подлинных историй жизни Кольских Святых.

Не так давно обнаруженный Сборник канонов северным святым письма архимандрита Сергия (Шелонина)[2] долгое время считался безвозвратно утраченным после трагических событий «Соловецкого сидения». Проведенный анализ текста канонов, посвященных преподобному Трифону и преподобному Варлааму Керетскому, выявил значительные расхождения в изложении многих обстоятельств жизни этих подвижников Севера с ныне известными редакциями житий. Так, широко известная ныне редакция жития преподобного Трифона признается «самобытным памятником **поздней** севернорусской агиографии»[3] рубежа XVII–XVIII веков. Таким образом, подлинные факты житий наших северных святых вернулись к нам благодаря творениям архимандрита Сергия, что позволило восстановить удивительные истории их жизненного пути.

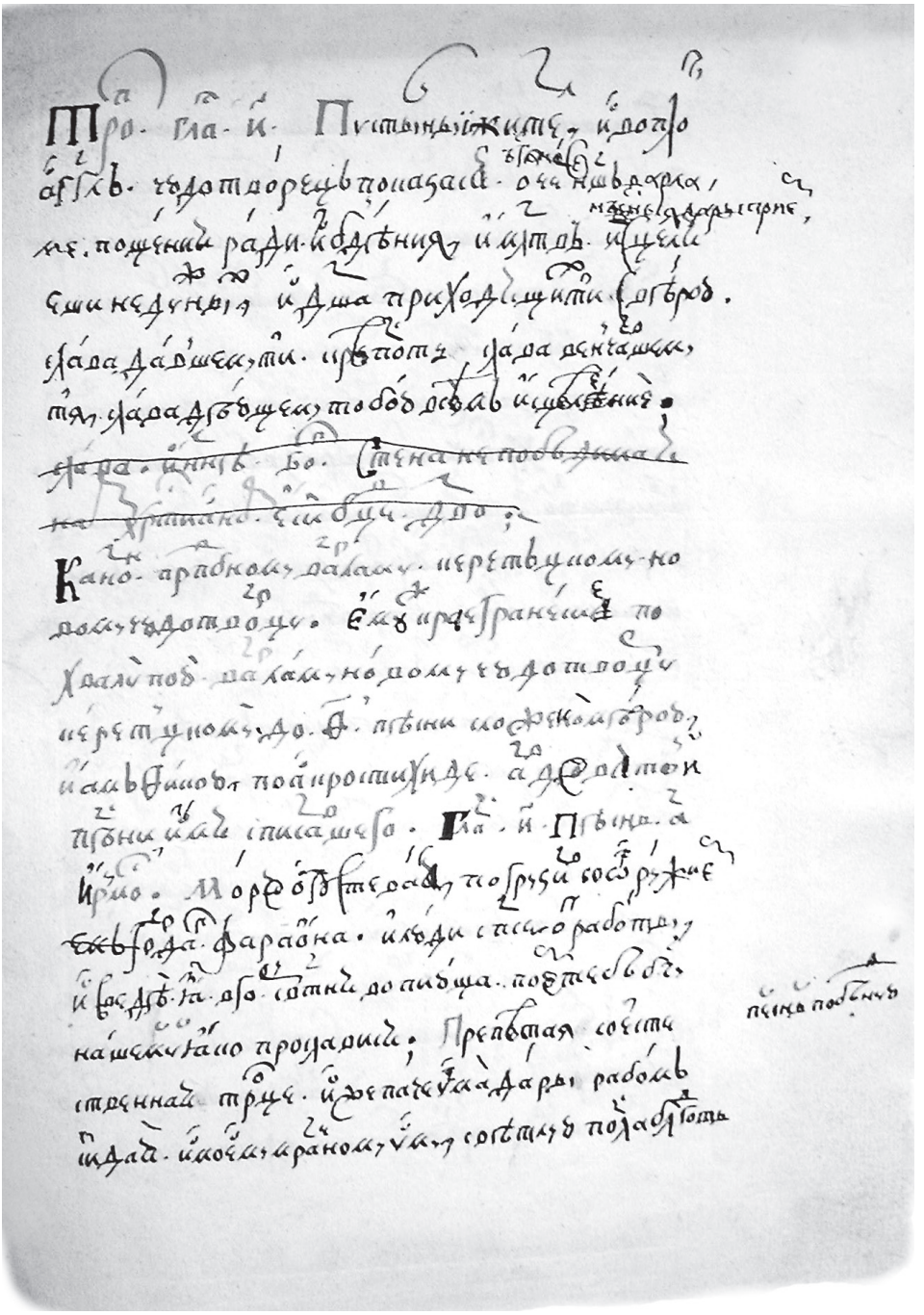
Надо понимать, что книжник «Сергий, смиренный инок и презвитер обители Пантократовы сущего Понта окияна на полунощной стране, иже на Соловецком отоце»,[4] прежде чем писать упомянутые выше кано-

[1] Там же. С. 141.

[2] «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чюдотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292. Л. 413 – 420 об. Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника, ф. Никандровой пустыни, № 292. Л. 92–97.

[3] *Калугин В.В.* Житие Трифона Печенгского в письменности. С. 449.

[4] *Знаменский П.В.* Сергий (Шелонин) – один из малоизвестных писателей XVII века // Православное обозрение. М., 1882 г. Февраль. «Пантократор» – pantokrator (греч.) всевластитель, т. е. Христос; «понт» – море (церк.-сл.); «отток» – остров (церк.-сл.).



Начало канона преподобному Варлааму Керетскому письма старца Сергия (Шелонина). Фото 2003 года

ны, должен был написать жития Трифона Печенгского и Варлаама Керетского. Однако тексты этих житий в шелонинской редакции до нас не дошли. До исследований начала XXI века, проведенных Комиссией по канонизации святых Мурманской епархии, почитатели памяти подвижников Кольского Севера пользовались творениями, написанными людьми хоть и благочестивыми, но не являющимися современниками – «самовидцами» событий жизни святых отцов XVI века.

Что касается жизни самого отца Сергия (Шелонина), то биографические сведения о нем достаточно скудны, и потому будет уместно упомянуть то немногое, что сохранилось в анналах Соловецкой обители. Тем более что речь идет о весьма необычных обстоятельствах, связанных с его кончиной.

В составе рукописных книг Соловецкого собрания Российской национальной библиотеки можно увидеть книгу творений святителя Григория Паламы и Николая Кавасилы, на внутренней стороне обложки которой есть примечательная надпись. Писана, мол, та книга «тщанием преподобного Сергия, священноинока и архимандрита… А больше Сергию за скорбию, в ней же и смерть его постиже, писать не прилучилось»[1].

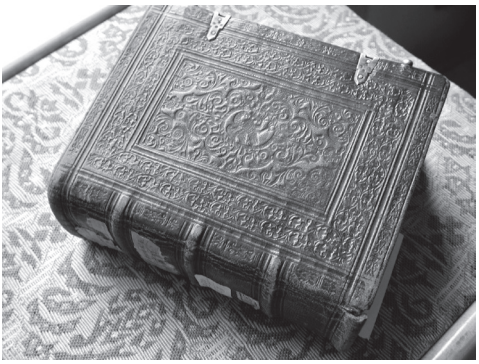
Комментируя эту запись, исследователи обычно полагают, что речь идет о болезни старца Сергия, от которой он и скончался. Однако следует уточнить, что «болезнь» на старославянском обозначается словом «немочь». Слово же «скорбь» означает именно скорбь, как некую особую «душевную муку, давление, сильное угнетение»[2].

Какая же столь сильная скорбь «постигла» священноинока Сергия, что в конечном итоге явилась причиной его кончины в 1664 году?

Изложим суть событий, зафиксированных в монастырской летописи под названием «О чудесах в Анзерской пустыни…». Днем 5 мая 1664 года инок Исайя, келейник соловецкого книжника, к тому времени уже престарелого архимандрита Сергия Шелонина, как обычно находился на послушании в монастырской келье старца. Старцу Сергию нездоровилось, и он дремал на своей кушетке. В это время внимание инока привлекли странные тени, промелькнувшие за окном кельи. Подойдя к окну и вглядевшись в нечто летавшее над монастырем, Исайя в ужасе прошептал: «Господи, помилуй». И в этот момент некая мерзкая тварь, в виде

[1] Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание, № 87/87.

[2] *Дьяченко.* Словарь. С. 609.



Драгоценный для нашего края сборник канонов северным святым письма старца Сергия (Шелонина), обнаруженный в древлехранилище Псковского музея. Фото 2003 года

крылатого змея, заметив в окне Исайю, развернулась в воздухе и ринулась на него. Инок едва успел отпрянуть от окна, как «змий, прилетев к окну его и пробив окончину у окна, едва его Исаию не достигнул»[1]. Разбуженный внезапным грохотом, архимандрит Сергий приподнялся с постели и к ужасу своему обнаружил, что его келейник борется с какой-то гнусной тварью, вломившейся в окно кельи. Возопив молитву «Да воскреснет Бог… », старец схватил бутыль с крещенской водой и начал поливать борющихся. Почуяв святыню, крылатая нечисть разразилась душераздирающими криками. Общими усилиями и уже изнемогая, все же удалось задавить это исчадие ада, которое, страшно шипя и извиваясь, наконец испустило дух. Келья при этом наполнилась столь ужасающим смрадом, что жуткую бестию поспешили скорее вытолкнуть за окно[2].

Однако радоваться победе, как оказалось, было рано. Взглянув в окно, старец с келейником похолодели от ужаса. Окна кельи выходили на монастырскую трапезную, и, совсем рядом, на кресте трапезной, «нагорбяся сидел змий велик и страшен зело, три главы имущий, а хобот *[хвост. – **Е. М.**]* его висел аж до кровли». В это время в келью вбежали иеромонах Артемий и несколько иноков, которые, взглянув в окно, также в ужасе стали креститься. «И на того змия зряху множество людей иноков и бельцов, полон монастырь, и за монастырем множество людей смотряху»[3].

Для инока Исайи все эти события имели самые тяжелые последствия, что вовсе не удивительно, поскольку непосредственный контакт челове-

[1] РНБ, Соловецкое собрание, № 895/1005, л. 234 об.

[2] Аналогичное прямое физическое противоборство происходило в житии святой великомученицы Марины Антиохийской (304 г.), и победа оказалась на ее стороне.

[3] РНБ, Соловецкое собрание, № 895/1005, л. 235.

Святой Георгий поражает змея.
Гравюра на меди. Автор Ж. Стелла.
Вена, 1623

ка с миром бесовским неизбежно приводит к сильнейшим духовным расстройствам. «И от того времени случилась ему болезнь: нападе на него страх велий, начал боятися людей, и от того страхования впал в конечную болезнь, был не в целом разуме, стужаем от бесов»[1].

История эта была записана на Соловках под полным заголовком «О чудесах в Анзерской пустыни, как Господь Бог наш Иисус Христос исцелил больного инока Исаию от бесовского озлобления… », и завершалась она чудесным исцелением инока спустя три года – в результате явления ему святых соловецких угодников. Именно это продолжение истории показалось тогда, в 1668 году, наиболее интересным современникам, поскольку несло в себе некие поучительные моменты, важные в то время для идеологической полемики в ходе уже начавшегося «Соловецкого сидения».

О том, какие последствия имел этот контакт с миром бесовским для монастырского старца архимандрита Сергия Шелонина, в истории не упоминается. Однако, как мы писали выше, известно, что после этой истории «Сергию за скорбию, в ней же и смерть его постиже, писать более не прилучилось»[2]. Таким образом, мы видим, что следствием тех невиданных событий на Соловках стала невозможность для Сергия Шелонина далее совершать свое главное делание – «писать», и в этом же 1664 году он скончался.

[1] Там же. Л. 235 об.

[2] Рукописный фонд РНБ, Соловецкое собрание, № 87/87.

§ 6. Священномученик Никодим (Кононов) – духовный писатель начала XX века

Епископ Никодим (Кононов) (1871–1919) – автор книг о подвижниках Архангельской, Олонецкой и Вологодской земель. Его перу принадлежит исследование жития преподобного Трифона Печенгского (Преподобный Трифон Печенгский чудотворец и его ученики. СПб., 1901). Также он являлся одним из главных составителей многотомного труда «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX столетий», а также иных книг по истории подвижничества на территории Архангельской епархии (Архангельский Патерик. СПб., 1901; Древнейшие Архангельские святые и исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901). В 1910 году была опубликована его книга «Старец отец Наум Соловецкий, подвижник-карел». Кроме этого, им были написаны несколько сборников жизнеописаний подвижников Соловецкого монастыря (Соловецкие подвижники благочестия XVIII–XIX вв. СПб., 1900).

Особое внимание Владыка Никодим уделял изучению истории монастырского старчества. Также он является автором акафиста *[хвалебный жанр православной церковной гимнографии. – **Е. М.**]* святителю Иоанну Златоусту.

С 1913 года став епископом Белгородским, первым викарием Курской епархии, Владыка пишет труд «Житие, прославление и чудеса святителя Иоасафа» и составляет акафист святому. «Этот благодатный труд преосвященного является образцом среди акафистов, составленных в России… Красотою образов духовных легко запоминаясь, он рождает святую любовь к угоднику Божию»[1], – так отзывались современники о труде владыки.

Владыка Никодим был инициатором создания и одним из составителей многотомного труда «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX столетий» и в 1917 году был удостоен степени магистра богословия.

За небольшое время служения в Белгороде он снискал любовь и уважение людей. Проповеди епископа Никодима отличались «необыкновен-

[1] Новые мученики Российские. Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. Jordanville, 1949. С. 111.

Епископ Никодим (Кононов)
(†1919)

ной силой богословской истины, красоты, выразительности и убедительности». После Октябрьского переворота владыка Никодим решительно встал на защиту Православной Церкви и смело высказывался в отношении новой власти, обличая происходящее в стране беззаконие. Близкое окружение предостерегало любимого архипастыря от смелых шагов, совершенно обоснованно опасаясь за его жизнь, но он был непреклонен.

В праздник Рождества Христова 7 января 1919 года Владыка был арестован ЧК и вскоре расстрелян.

Определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года епископ Никодим причислен к лику святых новомучеников и исповедников Церкви Русской. Мощи священномученика Никодима были обретены 2 ноября 2012 года в Белгороде.

§ 7. Протоиерей Георгий Кириллович Терентиев (1823–1904) – подвижник Лапландии XIX века

Можно с уверенностью сказать, что с момента печенгской трагедии XVI века молитвы у могил Трифона и монахов-мучеников не прерывались никогда. Истинные ревнители православия скорбели о духовном сиротстве края и молили Господа исполнить предсмертное пророчество

печенгского старца и *«не оставить жезла грешных на жребии Своем и паки обновить обитель»*[1].

Одним из тех, кто всем своим долгим служением приближал время воплощения в жизнь пророчества преподобного Трифона о возрождении обители, был священник Георгий Терентиев. Этот замечательный православный подвижник и просветитель народностей Крайнего Севера прожил в Русской Лапландии около сорока лет и вместе с протоиереем Константином Щеколдиным явился достойным продолжателем просветительских деяний великих Трифона Печенгского и Феодорита Кольского.

Отец Георгий всю свою жизнь посвятил пастырскому окормлению лопарского племени Кольского Севера. Он служил в Нотозерском лопарском погосте, в Ловозерском погосте, в Печенгском приходе[2]. Будучи человеком высоко образованным, имеющим явный писательский талант, он выстраивал всю свою деятельность в русле миссионерского служения подвижников XVI века – преподобных Трифона и Феодорита. Его многочисленные статьи по истории Лапландии и лопарском быте печатались в Архангельских епархиальных и Губернских ведомостях.

Среди таких публикаций встречаются удивительные свидетельства тяжести его поистине равноапостольного служения и явной помощи Божией в критических ситуациях. Вот строки одной из его публикаций, описывающей чудесное спасение при кораблекрушении шхуны «Трифон» во время сильнейшего шторма в Белом море 27 сентября 1862 года[3], «оптимистично» озаглавленной «Путевые приключения».

Отцу Георгию предстояло добраться из Архангельска в Колу, но по причине «стесненности в средствах» он не мог отправиться в путь на большом пароходе вместе с семьей и был вынужден воспользоваться попутной шхуной промышленников братьев Шабуниных, оставив жену и детей на берегу. *«В 7 часов утра при свежем ветре мы благополучно пошли на всех парусах, и лишь только пустились в море, как вдруг все покрылось темными нависшими тучами, пошел густой снег, ветер скрепчал так сильно, что волны поднимались как горы»*[4]. Вскоре все стали понимать, что возможны «дурные последствия этого пути», и часто обращались к священ-

---

[1] Житие преподобного Трифона. С. 114.

[2] ГААО, ф. 29, оп. 32, д. 289, л. 1–4.

[3] *Терентиев Георгий, священник.* Путевые приключения. Крушение шхуны «Трифон» // Архангельские губернские ведомости. 1862. № 11. С. 91–93. (Далее: *Терентиев Георгий, священник.* Путевые приключения).

[4] Там же. С. 91.

Протоиерей Георгий Кириллович Терентиев (†1904), священник Нотозерского и Кольского приходов, просветитель и исследователь культуры и быта кольских саамов

нику: «Что-то, батюшка, нам будет. Такая страшная буря». *«Между тем наступила ночь, а буря не стихала, море кипело все сильнее, ветер бушевал на просторе с ревом, шхуна стонала под напором волн, снасти трещали»*[1]. По всем расчетам, шхуна лишь к утру должна была выйти к Терскому берегу, однако уже в два часа ночи в полной темноте судно на всем ходу налетело на береговые камни. *«С криком "Погибли, батюшка!" все выскочили на палубу, но ничего было не видно. Гибель наша казалась неизбежною: шхуну сильно качало и било, и волны перекатывались через судно. При виде такой опасности я прощался с жизнью и всеми милыми моему сердцу, благословляя их и призывая на помощь Матерь Божью, святых угодников Николая Чудотворца, Зосиму и Савватия Соловецких»*[2].

Господь не оставил своего верного служителя, и отцу Георгию с командой шхуны удалось доплыть до берега, где поблизости оказалось несколько промысловых построек. Там страдальцы сумели развести огонь и обогреться. Опуская все дальнейшие немыслимые испытания и перипетии путешествия, скажем, что до Колы отец Георгий сумел добраться лишь через два месяца, в конце ноября.

По отзывам современников, личность отца Георгия производила сильное впечатление на всех, кто с ним встречался. Его яркие рассказы о лопарском быте вызывали горячее сочувствие к этому небольшому народцу, у которого отец Георгий пользовался громадной любовью и непререкаемым авторитетом. В духе великого Апостола Лапландии, преподобного Трифона, отец Георгий являлся верным и смелым защитником интересов этой северной народности.

В этом смысле он в полной мере унаследовал поистине «трифоновско-феодоритовское», отеческое отношение к лопарскому племени: *«Лопари – народ смирный, покорный, послушный, добрый, твердый в вере, но нуждающийся в попечительной охране и заботе о нем»*[3]. Как тут не

---

1 Там же. С. 92.

2 *Терентиев Георгий, священник.* Путевые приключения. С. 92.

3 *Немирович-Данченко В.И.* Страна холода. СПб., 1877. С. 311.

вспомнить слова, сказанные в XVI веке его славным предшественником, преподобным Феодоритом Кольским: *«Люди эти зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко спасеному же пути тщательны и охочи зело»*[1].

По воспоминаниям отца Георгия в завершающий период своего пастырского служения, пришедшегося на печенгский приход, он неоднократно испытывал чудесное заступничество как преподобного Трифона, так и 116-ти печенгских мучеников, при могиле которых старец прожил долгие годы. Много сил отдал он делу возобновления монастыря на этом древнем святом месте. Во многом благодаря огромному авторитету отца Георгия удалось убедить колонистов Печенги не препятствовать возобновлению Трифонова Печенгского монастыря в устье реки Печенги и согласиться на переезд в селение Гагарку. Думается, что именно по его молитвам произошло известное чудо с появлением в окрестностях поселения строптивых колонистов загадочного «медведя святого Трифона»[2].

До восьмидесяти лет этот замечательный подвижник окормлял свою лопарскую паству, и лишь последний год старец прожил на покое в Коле у сына, где и скончался на 82-м году жизни. Погребен протоиерей Георгий на кладбище г. Колы, при Свято-Троицкой церкви Кольско-Печенгского монастыря, с 1764 года ставшей приходской и кладбищенской. Могила отца Георгия в безбожном XX веке подвергалась поруганию, но место ее сохранилось. В настоящее время место упокоения батюшки приведено в порядок и память подвижника почитается прихожанами кольской церкви.

§ 8. Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин – подвижник Лапландии XIX–XX веков

Верным помощником и единомышленником отца Георгия Терентиева был еще один подвижник русской Лапландии – отец Константин Щеколдин (май 1845 – 5 октября 1915 гг.). С именем этого замечательного священника, педагога, писателя и фольклориста, неразрывно связана история самых дальних лопарских приходов – Пазрецкого и Нявдемского, тех, что, располагаясь на Норвежской территории, до 1920 года продолжали считаться приходами Русской Православной Церкви.

---

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

[2] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 39.

Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин (†1916). Фото из музея Сёр-Варангера

Константин Прокопьевич Щеколдин родился в мае 1845 года в семье бедного сельского священника. Успешно окончив Архангельскую Духовную семинарию, с 1868 года отец Константин в сане священника становится настоятелем Сретенской церкви, что в Печенгском приходе. Вскоре благочинный, священник Печенгского прихода Георгий Терентиев дает отцу Константину следующую характеристику: «Много потрудился в проповедании слова Божия и заслуживает от своих духовных детей особую любовь и уважение»[1].

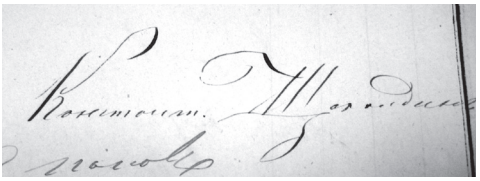
10 августа 1874 года отец Константин определяется священником ко вновь построенной Борисоглебской церкви и возглавляет Пазрецкий приход, который выделяется в самостоятельный приход из состава Печенгского. Именно в этом приходе он прослужил до самой своей кончины. В то время в самом Пазрецком погосте проживало 122 лопаря. Кроме того, в число прихожан отца Константина входили лопари Нявдемского (Нейденского) погоста, что с 1826 года отошел к Норвегии.

Просвещению и окормлениию лопарей отец Константин посветил сорок два года своей жизни. Трудами пазрецкого священника были изданы книги для лопарей, в том числе и священные. Лопари почитали протоиерея Константина за отца родного, советовались с ним во всем и слушались беспрекословно.

Из-за бесконечного кочевья лопарей было крайне сложно организовать их обучение. Единственная возможность для этого представлялась во время их возвращения на зимний Пазрецкий и Нейденский погосты. Но для этого было необходимо иметь для лопарских детей общежитие рядом со школой. «Достопочтенный настоятель Пазрецкой церкви отец протоиерей К.П. Щеколдин уступил для общежития кухню и комнату своего дома бесплатно. В том же доме еще одна комната была уступлена причтом для учебных занятий»[2]. Таким образом, именно отец Констан-

[1] Высочайшая награда // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 293.

[2] *С.В. М.* Опыт устройства ученического общежития при Пазрецкой лопарской школе // Архангельские епархиальные ведомости. Архангельск, 1911. № 10. С. 513.



Подпись отца Константина

тин открыл первую церковно-приходскую школу на Мурмане. «С течением лет, освоив лопарский язык, отец Константин составил для своих воспитанников специальный учебник «Азбуку для лопарей», перевел Евангелие от Матфея, а также рассказы из Ветхого и Нового Заветов»[1]. В 1895 году при содействии Архангельского епархиального миссионерского комитета отец Константин издал азбуку для лопарских детей.

Помимо напряженного приходского служения в столь неустроенных местах на отца Константина было возложено еще одно тяжелейшее послушание. Ежегодно в весенние и летние месяцы он командировался в становища, раскинутые по всему мурманскому берегу, «для исправления треб у рыбопромышленников».

В те годы «ездить по морю приходилось исключительно на небольших карбасах – тройниках и ёлах. При попутном ветре шли на парусах, а при отсутствии «поветерья» приходилось медленно продвигаться на веслах»[2]. Эти морские походы по морям Северного Ледовитого океана были сопряжены с большой опасностью и, по словам отца Константина, ему не раз приходилось прощаться с жизнью. «Но Господь явно хранил своего служителя и всякий раз дивно избавлял его от касалось неминуемой смерти»[3]. Добираясь до места назначения, священник не мог рассчитывать даже на элементарные удобства. «Придешь бывало в какое-нибудь становище, – рассказывал сам отец Константин, – где бы обсушиться и согреться, но нет, сами рыбопромышленники подчас живут под открытым небом. Приходилось мне располагаться в амбарах или избах без крыш. Так и странствуешь по берегам все лето, а к зиме вернешься к своей церкви измученным, разбитым и больным»[4].

---

[1] Записки Архангельского Губернатора Н.А. Качалова. Архив РАН, Ф. 646. Редакция журнала «Голос минувшего». Оп. 1. Д. 358.

[2] Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин. Некролог // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 10. С.247.

[3] Там же

[4] Там же. С. 248.

Отец Константин с семьей на крыльце «новой», 1874 года постройки, церкви во имя святых Бориса и Глеба

Условия жизни отца Константина и при «своей церкви» также были непростыми. Почтового сообщения в то время с Печенгой не было. «Почта приходила только до Колы, а из Колы за 300 верст посылалась с попутчиками и обыкновенно приходила два раза в год: зимою 2 февраля, когда отовсюду стекались на храмовый праздник богомольцы, и летом 20 июля, когда сюда приезжал становой пристав»[1]. При этом батюшка, не сетуя на задержки, был одним из самых активных подписчиков газет и журналов на Мурмане. Он не оставлял своих просветительских занятий и был одним из первых собирателей саамских сказок, легенд и сказаний, которые были опубликованы в сборнике «Живая старина» за 1890 год. Для этнографического отдела Русского музея в Петербурге в 1903 году отец Константин собрал коллекцию лопарских предметов.

Отец Константин был человеком высокой культуры и цельной личностью. Его деликатность и тактичность, известные всем, позволяли многие годы поддерживать на Паз-реке благоприятный климат, установить дружеские, сердечные отношения с соседями-норвежцами. Для отзывов по-

[1] Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин. Некролог // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 9. С. 226.

Древняя Борисоглебская церковь Пазрецкого погоста, построенная преподобным Трифоном в 1565 году. У этого алтаря в 1916 году и упокоился отец Константин. Журнала «Живописная Россия», 1912

сетителей Паз-реки у приходского священника имелась специальная книга. В ней имелись записи Р. Амундсена, Ф. Нансена, русских великих князей, членов королевских семей Дании и Швеции.

Много лет отец Константин вел деловую переписку с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым – патриотом России и ревнителем православия. Письма были подробными, доброжелательными и очень информативными.

В 1905 году император наградил отца Константина орденом Святой Анны «за усердную и полезную его 31-летнюю деятельность на границе с Норвегией», «при чем Его Императорское Величество независимо от пожалования ордена, ознакомясь с его трудами повелел выразить о. Шеколдину Монаршее благоволение за столь полезную деятельность»[1].

В 1910 году императору было угодно «сопричислить отца Константина к Ордену святого Владимира»[2].

Осенью 1915 года отец Константин тяжело заболел. Считая необходимым исповедаться перед близкой кончиной, он послал нарочного на оленях в Трифонов Печенгский монастырь, поскольку иного сообщения между поселениями с началом войны не стало. Посланный из монастыря иеромонах Иона из-за осенней распутицы прибыл с большим опозданием и в живых отца Константина уже не застал. Он подготовил покойного к погребению и совершил над ним этот прощальный чин.

В некрологе, посвященном памяти протоиерея Константина Щеколдина, опубликованном в «Архангельских епархиальных ведомостях» за 1916 год, сказано: «Не далеко то время, когда светлая личность и похвальная деятельность отца Константина найдут в нашей отечественной церковно-исторической литературе надлежащее освящение и достойную их оценку»[3].

---

[1] Высочайшая награда // Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 293.

[2] Высочайшия награды // Архангельские епархиальные ведомости. 1910. № 10. С. 118.

[3] Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин. Некролог // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 21. С. 439.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ТРУДЫ ОТЦОВ-НАСТОЯТЕЛЕЙ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ ТРИФОНОВА ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Попытки возродить монастырь на Печенге предпринимались неоднократно. Монахи Соловецкого монастыря пытались основать скит у могилы преподобного Трифона Печенгского в 1824 и в 1867 годах. Но, видно, не было на то Божьего благоволения.

И наконец, 16 июля 1886 года, одиннадцать соловецких иноков во главе со строителем иеромонахом Никандром, во исполнение Указа Святейшего Синода от 12 марта 1886 года, прибыли к церкви Сретения Господня, «что у преподобного над мощами» и начали возрождение монастыря.

§ 1. Игумен Никандр (Чуватин)

Свое служение отец Никандр начинал послушником на Соловецких островах, а в 1872 году здесь же принял постриг, где его рукоположили во иеромонаха и вскоре назначили ризничим.

В 1886 году на отца Никандра возложили ответственное послушание – возродить основанный в XVI веке преподобным Трифоном Печенгский монастырь на границе с Норвегией.

Архимандрит Соловецкого монастыря Мелетий (Якимов), губернатор князь Н.Д. Голицин, русский консул в Норвегии Д.Н. Островский, протоиерей Георгий Терентиев и другие неравнодушные к судьбе обители люди в августе 1886 года непосредственно на Печенге приняли решение по месту возрождения монастыря. Рассматривалось два варианта: либо «при Сретенской приходской церкви, где почивают мощи преподобного Трифона», либо «близь вершины Печенгской губы, против реки Княжухи, где некогда существовал монастырь Святой Троицы».

Игумен Никандр (Чуватин) (†1909)

Первое предложение, как способствующее молитвенному настрою братии, было высказано бывшим преосвященным Архангельским, епископом Серапионом, и подтверждено сменившим его епископом Нафанаилом. На втором варианте настаивал Комитет общества содействия русской промышленности и торговли, во главу угла ставя возможности и удобство коммерческой деятельности монастыря близ торговых путей.

При осмотре места древнего монастыря, там, где Мана впадает в Печенгу, было высказано единодушное мнение: монастырь необходимо восстанавливать здесь, на этом святом месте, у могил преподобного Трифона и его учеников, убиенных Ионы и Германа, на месте того самого «Печенгского первоначального» лопарского монастыря. Это заключение и было утверждено Святейшим Синодом.

И летом 1886 года в заповедных местах подвигов преподобного Трифона Печенгского началась новая жизнь: «5 июня 1886 года я Строитель, с приехавшей братией, отслужил перед ракой угодника Божия первый молебен и у гробниц мучеников – панихиду об упокоении братии Печенгского монастыря»[1]. Н.Ф. Корольков писал: «В июле 1887 года братия монастыря уже разместилась на жительство в новом, на десять по-

[1] Из дневника иеромонаха Никандра // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28.

мещений корпусе. Старую церковь, насколько возможно, поправили, стены внутри обшили тесом и поставили чугунную печку, вставили в окна новые рамы, заменили косяки. Поновлен был иконостас, расчищены святые иконы. Был сделан ремонт и с наружной стороны церкви. К 1889 году провели дорогу к устью Печенги по старой пешеходной тропинке. Хотя и с неудобствами, но появилась возможность доставлять грузы»[1]. В этих трудах и молитвах спокойно прошли первые три года возрождения обители.

В 1889 году помощник управляющего канцелярией Святейшего Синода господин С.В. Керский, производя ревизию в Соловецком монастыре, проехал и к возобновляемому Трифонову Печенгскому монастырю.

В результате этой поездки «Сергей Васильевич, видя малоуспешность и трудность возобновления обители в этом пустынном месте, усмотрел, что для руководства этим делом нужен человек ума широкого, воли закаленной, энергии неутомимой»[2]. «Проницательность ума» Сергей Васильевич подкрепил и своими энергичными действиями.

В результате строитель Никандр, монах молитвенного, аскетического склада, Указом Синода 1890 года был возведен в сан игумена и переведен настоятелем старинного Свято-Георгиевского монастыря в Крыму. Этим же указом настоятелем Трифонова Печенгского монастыря назначался «молодой, энергичный» сорокалетний иеромонах Ионафан (Баранов), ранее бывший строителем Савватиевского скита на Соловках.

Игумен Никандр, убыв в Крым и вступив в должность настоятеля Свято-Георгиевского монастыря, перенес в его богослужебную практику положение Устава Соловецкой обители о неусыпном чтении Псалтири с поминовениями, что ранее было им заведено и в Печенгском монастыре. Чтение совершали в пещерном Рождественском храме шесть избранных настоятелем монахов-старцев, которые сменялись каждые два часа по призыву колокола. В результате поминальные записки о здравии и упокоении братия стала получать по почте со всей России.

Вскоре после прибытия в Балаклавскую обитель отец Никандр, изучив уникальную древнюю историю этого святого места, предложил начать подготовку к празднованию приближающегося 1000-летия Георгиевского монастыря. Безусловная глубокая древность этого уникального

[1] *Корольков Н.Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь. С. 43.
[2] Там же. С. 43.

Свято-Георгиевский монастырь
в Крыму. Литография 1856 года

по красоте и благодатности места на мысе Фиолент была общеизвестна, но при этом точной даты основания крымской иноческой святыни не сохранилось. Достоверное документальное свидетельство существования монастыря относится к XVI веку, в котором об обители говорится как о древней и широко известной. Известный специалист по истории Крыма А.Л. Бертье-Делагард справедливо заметил: «определенное тысячелетие существования какого-либо монастыря дело редкое, а в России (кроме Кавказа) даже и вовсе неимоверное»[1]. Безусловно, установление столь ранней даты возникновения этой святыни, во многом основанное на устных преданиях, потребовало от отца Никандра смелости и решительности. Тем не менее, эта идея была принята церковной полнотой. Объявленное празднование юбилея, столь значительного по сроку и, прямо скажем, уникального для российских монастырей, привлекло внимание не только паломников, но и именитых попечителей, и благотворителей.

Вскоре удалось издать прекрасный фотоальбом с монастырскими видами. Благодаря его распространению Георгиевская обитель получила известность и обрела венценосных жертвователей и попечителей в лице самого императора Александра III, великих князей Российских, короля и королевы Греции. Особое внимание благоукрашению обители выказывали ректор Петербургской Духовной академии епископ Выборгский Антоний (Вадковский), годом ранее рукоположивший отца Никандра во игумена, а также святой праведный Иоанн Кронштадтский, обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и многие другие.

В ходе подготовки к торжествам насельники обители много потрудились над благоустройством обители. Был приведен в порядок гостевой флигель, заново вымощены дворы, проложили две дороги к морю – как

[1] *Бертье-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму. Одесса, 1908. С. 9.

Икона, обнаруженная на берегу Варзуги в 1998 году

для путешествующих верхом, так и для пешеходов, обновив паломнический маршрут – восемьсот девяносто одну каменную ступень, по цифре года основания обители. Были приготовлены различные памятные подарки[1].

14 сентября 1891 года, в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, началось монастырское торжество, возглавляемое епископом Таврическим и Симферопольским Мартинианом. После Божественной литургии начался уникальный Крестный ход по морю, участники которого на лодках отправились к Святоявленской скале, где, по легенде, греческими моряками была обретена чудотворная икона великомученика и Победоносца Георгия. После молебна у этого чтимого места верующие поплыли в обратный путь. В обители всех ждала трапеза. Общее настроение прекрасно выразил министр внутренних дел тайный советник Е.В. Богданович. Он отметил: «праздник этот является не для одной Тавриды, а для всей необъятной Руси праздником торжества из торжеств!»

[1] В ходе подготовки к празднованию были изготовлены памятные иконы металлической чеканки с последующей раскраской с изображением «Чуда Георгия о змие». И вот уже в наше время, в 1998 году, такая иконка чудесным образом была обретена в Мурманской области на берегу Варзуги после наводнения. Не признанная в собственность никем из жителей Варзуги, икона эта ныне находится в Афанасьевской церкви села.

Игумен Никандр с братией монастыря мыса Фиолент. Фото 1893 года

Словом, монастырь в те сентябрьские дни пережил исключительный подъем. И последующие восемь лет игумен Никандр молитвенно созидал его благосостоятельное житие. В 1897 году на свои средства настоятель построил двухэтажный больничный корпус для насельников. Через год, 17 октября 1898 года, в обители в присутствии императорской четы Николая II и Александры Федоровны епископ Никон (Софийский) заложил Вознесенский храм в память о чудесном избавлении в 1891 году цесаревича Николая Александровича от покушения в Японии. Монастырский собор с двумя приделами, во имя святителя Николая и великомученицы Александры, задумывался как патронажный правящей царской фамилии. Тогда император пожертвовал обители 3000 рублей.

В 1899 году игумен Никандр оставил настоятельскую должность по состоянию здоровья и вернулся в родной Соловецкий монастырь, откуда в 1906–1907 годах предпринял паломничество – «ходил» в Святую Землю.

Игумен скончался в 1909 году в возрасте 70 лет и был погребен на кладбище Соловецкого монастыря.

§ 2. Архимандрит Ионафан (Баранов) и его пример создания образцового монастырского хозяйства

Настоятель Трифонова Печенгского монастыря архимандрит Ионафан был человеком необычайных организаторских способностей и неоспоримого природного ума.

В должности настоятеля монастыря он плодотворно потрудился в течение двадцати пяти лет, с сентября 1890 года и до своей кончины 24 февраля 1915 года. Трудами этого подвижника и благодаря его неукротимой

Архимандрит Ионафан (Баранов) (†1915)

энергии полноценно возродился монастырь святого Трифона. Достигнув удивительного расцвета, обитель заявила о себе как о мощном центре православной духовности на Крайнем северо-западе России. «Труд и работа были его стихией»[1].

Отец Ионафан (в миру Иван Баранов) родился в 15 января 1849 года в семье крестьянина. Образование получил домашнее и продолжил его в Соловецком монастыре, куда поступил по обету своей благочестивой матери Марии Варлаамовны в 1867 году. Через три года Иван был определен в число послушников, а через десять лет, в 1880 году, пострижен в монашество с именем Ионафан[2].

Священный сан иеромонаха отец Ионафан сподобился получить в 1882 году, после чего был назначен на должность строителя Савватиевского скита Соловецкой обители. Хозяйство скита было немалым: несколько братских корпусов, гостиница, баня, конюшня.

Через семь лет Указом Святейшего Синода от 17 сентября 1890 года иеромонах Ионафан был назначен строителем Трифонова Печенгского монастыря. Энергичный и хозяйственный новый настоятель монастыря отличался природными талантами и умением находить подход к самым разным людям. Отцу Ионафану удавалось заинтересовать окружающих своими планами и побудить их оказывать помощь как в восстановлении святынь северной земли, так и монастырской инфраструктуры в целом. Круг благотворителей монастыря неуклонно расширялся, принимая все новых и новых почитателей.

Надо сказать, в числе людей, проявивших пристальный интерес к масштабным начинаниям отца настоятеля, оказался высший свет страны, в том числе и представители Дома Романовых во главе с самим императором. Отец Ионафан неизменно позиционировал свою деятельность как составляющую часть великой работы по укреплению державности Рос-

[1] *Мелетиев В., священник.* Памяти архимандрита Ионафана // Архангельские епархиальные ведомости. 1915. № 8. С. 138.

[2] Ионафан – старший сын царя Саула, друг Давида. «Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу» *(1 Цар. 18, 3).*

сии, неукоснительного следования монархической идее. Он глубоко почитал как царя Николая II, так и его венценосного родителя императора Александра III.

Известие о крушении 17 октября 1888 года поезда, в котором ехал Александр III вместе с семьей, глубоко потрясло отца Ионафана. На заседании совета старшей братии монастыря было принято решение, что памятником в ознаменование чудесного спасения императора станет храм, построенный на могиле 116-ти печенгских мучеников, а также школа для детей, которую вскоре откроет монастырь[1].

Надо сказать, отцу Ионафану выпала честь дважды лично встретиться с императором Николаем II – в 1899 и 1907 годах. Для России, где в то время существовало около полутора тысяч монастырей, такое внимание, оказанное простому настоятелю с дальнего Севера, – факт, не имеющий аналогов.

В 1901 году игумен Ионафан был возведен в сан архимандрита.

Отец Ионафан имел безусловный авторитет у светских лиц и гражданских властей. Его знакомства простирались далеко за пределы Архангельской епархии, но в большинстве случаев эти лица были не духовного звания.

Вскоре «источником немалых огорчений и неприятностей» для отца Ионафана стали появившиеся высказывания о том, что масштабные строительные проекты и хозяйственные попечения монастыря практически свели к минимуму богослужебную деятельность и молитвенную составляющую обители. Те массы людей, которые стремились в монастырь преподобного Трифона за утешением и духовной поддержкой, находили там лишь обычные трудовые будни и в богослужебной жизни монастыря участия почти не принимали. В этом смысле, пожалуй, иронично звучат слова отца Василия Мелетиева: «Жизнь в монастыре для паломников была отличной школой труда»[2].

По словам И.В. Сосновского, в то время архангельского губернатора, «находятся такие недальновидные лица, которые вменяют ему в вину увлечение “мирским” делом в ущерб духовному… быть может, он и не стоит на высоте всех требований канонических уставов, но приносит зато огромную пользу нашим государственным интересам на Мурмане, а по-

[1] *Ануфриев Д.А.* Записки очевидца. С. 93.

[2] *Мелетиев В., священник.* Памяти архимандрита Ионафана // Архангельские епархиальные ведомости. 1915. № 8. С. 139.

тому и заслуживает деятельной поддержки правительства». Безусловно, эта поддержка деятельности отца архимандрита оказывалась всемерно. О том, как воспринимали отца Ионафана современники, ясно высказался адмирал А.А. Бирелев, морской министр России: «Если бы я имел власть, то признал прежде всего необходимым открыть Мурманскую губернию и назначить о. Ионафана губернатором»[1].

Эта «государственная» сторона деятельности настоятеля впоследствии нашла отражение в статье, посвященной его памяти, в которой значительная часть воспоминаний, увы, была посвящена дорожному строительству: «Нам необходимо оценить заслугу отца Ионафана в области дорожного строительства. Устраивая свои дороги, о. Ионафан указал, с чего надо начинать работу на далекой окраине». И вновь: «Устраивая свои дороги, о. Ионафан… »[2].

За церковные заслуги и особые труды по благоустройству обители и народному образованию отец Ионафан был награжден орденом Святой Анны 2 и 3 степеней и орденом Святого Владимира 3 степени.

При этом было бы несправедливым утверждать, что искренняя и всепоглощающая любовь отца Ионафана к братии и к монастырю как к своему единственному детищу не были приняты Господом. Настоятель сподоблялся и очевидных духовных дарований. Известный художник Константин Коровин позже с изумлением вспоминал его рассказ: «Сидим мы на скамейке, февраля двадцатого, все в сборе, братия, то есть… Ждет братия, как после зимы и ночи непроходимой солнышко впервые заиграет, благодатное… И они, медведи, тоже рядом с нами сидят и на небо глядят… Вы не пугайтесь, милостивцы… Медведи тут ходят, семь их. Так вы, милостивцы, медведей не пугайтесь: они тут свои и человека никак не тронут. Лесные звери, вольные, ух и здоровые они, как горы! И как только солнце выглянет из-за горы, мы молитву поем, а коли кто из нас что вспомнит, тот бывает и поплачет. А медведи тоже бурлыкать по-своему зачнут. Что, как и мы, солнцу рады. Хотя и звери, а понимают: солнышко любят… »[3]

Надо признать, упомянутое автором 20 февраля (5 марта по новому стилю) как дата встреча солнца в Печенгском монастыре вызывает законные сомнения. К этому времени солнце уже давно как вернулось после Полярной ночи. Скорее всего, в это время возвращались к монастырю

[1] Там же.

[2] Там же. С. 138.

[3] *Коровин К.А.* «То было давно… там… в России… ». Воспоминания. М., 2010. С. 212.

Могила архимандрита Ионафана, восстановленная братией в 2015 году

после спячки упомянутые «монастырские» медведи святого Трифона.

Отец Ионафан всецело был поглощен задачей преобразования северо-западного приграничья и страстно желал увидеть воплощение всех своих грандиозных планов. Как бы неуместно это ни звучало в отношении монаха, но он «сгорел на работе». Преставился архимандрит Ионафан в возрасте 66 лет, 24 февраля 1915 года. Погребен возле Сретенской церкви на братском кладбище обители.

О том, что, в отличие от светских лиц, священноначалие Архангельской епархии не вполне поддерживало курс, проводимый отцом Ионафаном в монастырской жизни и расставленные им приоритеты, свидетельствует весьма скромная статья-некролог в «Епархиальных ведомостях» за 1915 год. Думается, этому способствовал тот факт, что незадолго до своей кончины отец Ионафан сумел получить полную независимость обители как от Соловков, так и от епархиального начальства: монастырь обрел статус ставропигиального[1]. Но вскоре грянула революция, монастырь отошел к Финляндии, и про этот удивительный факт позабыли.

В настоящее время могила отца Ионафана при Свято-Троицкой церкви монастыря восстановлена, увенчана крестом и почитается братией.

§ 3. Игумен Иакинф (Алексеев) – старец Иоанн

Схиигумен Иоанн (в миру Иван Алексеевич Алексеев) родился 14 февраля 1873 года в крестьянской семье. Уроженец Тверской губернии, Иван Алексеев шестнадцатилетним юношей попал на Валаам и остался в Спасо-Преображенском монастыре. К братии причислен в 1907 году, через три года пострижен в монашество с именем Иакинф.

В 1921 году отца Иакинфа рукоположили в иеродиакона, вскоре в иеромонаха и практически сразу после этого назначили настоятелем Печенгского монастыря. Для скромного и «незаметного» отца Иакинфа

[1] Подчиненным непосредственно Святейшему Синоду.

Настоятель монастыря игумен Иакинф (Алексеев) у могилы своего предшественника, архимандрита Ионафана. Фото 1922 года

это было полной неожиданностью. Прямо из простых монахов-пустынников его посвятили в сан игумена с возложением наперсного креста.

Свои первые благоприятные впечатления по прибытии в монастырь игумен изложил в письме на Валаам: «Церковная служба отправляется исправно, поют хорошо, напев соловецкий, обедня совершается ежедневно. Здесь принято так: когда служит игумен, то делают ему встречу и надевают шелковую мантию. Хотел было я отменить встречу, но мне сказали: не надо отменять, пусть будет по-старому»[1].

Через год отец Иакинф, глубже вникнув в ситуацию, отмечает, что в духовном плане в монастыре существуют давние проблемы: «Устроение братии внешнее, материальное, воспитаны на физическом труде, церковь и духовное развитие – на втором плане»[2].

Это наследство, доставшееся от прежнего настоятеля, в виде мирского настроя монашествующих, отец Иакинф старался изменить в течение долгих лет. Ему удалось добиться, чтобы братия ходила на вечерню, чего никогда раньше не было: считалось, что работа важнее молитвы. При этом старец постоянно обращался к братии с поучениями: «Святые отцы! Скорблю и скорблю о том, что вижу среди братии упадок духовный. Ходите в церковь почаще, а то ходите, как миряне, только по воскресным дням, надобно и на буднях ходить»[3].

Так прошло десять лет. В 1931 году отец Иакинф, утомленный этой малоуспешной борьбой, написал прошение о своем освобождении от должности настоятеля. Предписанием архиепископа Германа (Аава),

---

[1] АФВМ. Ea: 137, д. 24. 1921. Л. 19–20 об.

[2] Там же. Л. 21–22 об.

[3] *Иоанн (Алексеев), схигумен.* Загляни в свое сердце. Письма Валаамского старца. М., 2003. С. 21.

Старец Иоанн (Алексеев), схиигумен Валаамский (†1958)

отец Иакинф был оставлен в Печенгской обители духовником.

В 1932 году батюшка вновь подал прошение с просьбой о возвращении на Валаам. Просьбу удовлетворили, поручив ему быть смотрителем Предтеченского скита. Надо сказать, в скиту Иоанна Предтечи спасались те, кто избрал для себя весьма суровый образ подвижничества. Пост там соблюдался значительно строже, чем во всех иных скитах монастыря. Помимо всегда отсутствующего в монастырском рационе мяса также были полностью исключены молоко, масло и яйца. Не благословлялась и рыба, а растительное масло разрешалось лишь в редкие дни. В скиту также не дозволялось употреблять чай.

Через год игумен Иакинф был пострижен в наивысшую степень монашества – великую схиму с именем Иоанн. Теперь схиигумен Иоанн в полной мере воплотил свои сокровенные чаяния – стал монахом-пустынником, главным послушанием которого была непрестанная молитва о спасении своей души и о душах своих ближних.

Летом 1937 года отца Иоанна призвали вернуться в монастырское общежительство и принять послушание главного духовника обители.

В 1940 году, с началом войны, насельники Валаамского монастыря покинули остров и были эвакуированы вглубь Финляндии в сельское поместье Папинниеми, которое стало называться Новым Валаамом.

Схиигумен Иоанн скончался 5 июня 1958 года в возрасте 85 лет, окруженный многочисленными духовными чадами. Похоронен на братском кладбище Ново-Валаамского монастыря.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в своей «Келейной книжице» называет отца Иоанна «схиархимандритом Иоанном Финляндским» и приводит молитвенное правило старца, читаемое «за недослышанное и недопонятое во время службы». Правило такое: «Всего 45 молитв: 33 Иисусовых молитв и 12 “Богородица Дево радуйся”. Порядок чтения: 1) 12 Иисусовых молитв, 4 Богородице; 2) 9 Иисусовых молитв, 4 Богородице; 3) 12 Иисусовых молитв, 4 Богородице».

Канон преподобному Трифону Печенгскому первой половины XVII века письма соловецкого книжника архимандрита Сергия (Шелонина): Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292

Канон преподобному Трифану Печенскому чюдотворцу

Єму же краегранесіе. Приими песнь, Трифане, приемляи дни благи.

Глас 4
Песнь 1

Ирмос. **Наставльшаго древле Израиля, бежаща от работы фараоня и спасша в мори, и в пустыни питевша, воспоем избавителя Бога нашего, яко прославися.**

Азъ Богъ первый, азъ же по сихъ, разве мене несть Бога к тому яко же азъ пророкомъ своимъ рече, ты и намъ отверзи плотная уста воспети твоего раба и сего поющу слово ми вдохни.

Приими песнь твоего раба, отче, богатными благодетьми и воздаждь грехом оставление, на суде милость и небеснаго царствия наслаждение, идеже ты пребываеши, отче.

Руце простертиемъ чистыхъ ти молитвъ бесплотныя враги струями слезъ твоихъ до конца потопил еси и купель мысленую в них соделалъ еси, омываеши прегрешения восхваляющим тя, преподобне.

Богородичен. **Из ложеснъ твоихъ восия преславно великое солнце - Христосъ Богъ, Богородице Дево, и вся земныя конца просветивъ и преподобных поты приялъ есть честно.**

Песнь 3

Ирмос. **Да не хвалятся хваляися, но о сем еже разумевати, яко несть, яко же Богъ нашъ, воздвигнувыи рогъ нашъ и дая крепость царю нашему.**

Имуще споспешествующую божественую благодать, исцеления безчисленная источаютъ мощи твоя и отгоняютъ от человекъ лукавыя духи притекающимъ ти, преславне.

В место от места преходя, бегая славы от человекъ, небесныя славы рачитель бывая, отче преподовне Трифоне, страстеи мрак разгнавъ и къ свету добродетелеи дошед.

И ненаселенная тобою населяется, отче, яко во заря просияша ти добродетели; ею же осиявшися в пустыню, яко во град, множество мнишеское стичется.

Пречистая владычице, рождьшия земнымъ окормителя и Господа, страстеи моихъ непостоянное и лютое разжени смущение и тишину подаждь сердцу моему.

Седален. Глас 4

Страстное поработилъ еси плотское мудрование и горшее покорил еси лучшему, отче преславне, сокрушилъ еси выя бесомъ и постом восиял еси в мире, яко солнечныхъ сиянии твоя добродетели, сего ради тя почитаемъ. Слава. И ныне.

Богородичен. Стена непобедимая...

Песнь 4

Ирмос. Услышахъ славное смотрение твое, Христе Боже, яко родися от девы, да от лести избавиши вопиющая ти, слава силе твоеи, Господи.

Естеством добродетелеи, отче, наветы нося, терпя же и своя, на тя востающая, отеческимъ нравомъ последуя, техъ житие в себе имея.

Сланное, отче, неверия море истекающими от тебе силами изнамении возмущается и злочестие благочестиемъ лопи изменяется и тма неведения богоразумиемъ просвещается.

Невозвратно шествовалъ еси ведущими к небеси стезями божественными, отче, преподовне Трифоне досточюдне, от злых ведущих до конца уклонилъся еси.

Богородичен. Ты едина сущим на земли, иже естества благимъ ходатаица, мати Божия, явися, тем же ти радуися вопиемъ.

Песнь 5

Ирмос. Часть моя еси, Господи, и слава лицу моему, ты бо мя ис тмы неведения единъ избави богоразумие [богоразумне?], и тебе молюся, Христе: Даруй рабу си миръ, яко человеколюбецъ.

Разгнавъ страстей мракъ, отче, ко свету добродетелей дошед и светелъ

бывъ, мрачныя духи лукавствия отгоняеши от человекъ, Трифоне.

Иже от лютаго беса насилуемый юноша, праведне, от тебе исцеление приемлетъ з запрещением, погрешьшу же ему паки в сладосластие от тебе, отче, поносим бываетъ.

Фомаиды преподобные целомудрию поревновавъ, чистоту, отче, притяжавъ, им же на божественую любовь восшед, приятъ дары исцеляти недуги душь и телесъ нашихъ.

Богородичен. О, цыстилище естеству, ты еси едина богоблаженная, на раме бо херувимских седящаго Бога дланми носивши, вопиеши: Даруй рабомъ своимъ миръ, яко человеколюбецъ.

Песнь 6

Ирмос. Да не погрузить мене буря водная, ни же да пожретъ мене глубина, отвержен бо быхъ во глубину сердца морскаго золъ моихъ, тем же ти вопию яко Иона: Да изыдетъ от тля животъ мой, к тебе, многомилостиве.

Носиши, отче, кротостию наветы и лаяния лукавыхъ бесовъ, и человек злых нахождения, бесовскою прелестию подвизаемых на тя убити. Ты же сия терпя, отходиши во внутренюю пустыню.

Единой любве Христове душу свою, преподобне Трифоне, приложивъ, всею душею подщался еси искоренити елинская бесовская мудрования и от зверского устремления свободити люди, тяжкия и суровыя.

Прешед море, в далнюю и незнаемую страну вселяешися, идеже благочестие ни слово слышаше[с]я. Тамо своими молитвами, яко дивиихъ зверей, укротил еси и на пажить живоносную наставивъ, ко Христове вере, яко овчата, привел еси.

Богородичен. Руно богоносное тя прообрази, Дево, запечатленный источниче присноживыя воды, одръ его же обыстоятъ силнии, сего неискусомужно вместила еси, чистая.

Кондак. Глас 2

Чистотою душевною божественне вооружився и непрестанныя молитвы, яко копие в руце имый, крепко пробол еси бесовская ополчения, Трифоне, отче нашь, моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

Икос. Возлюбив, преподовне, Христовы божественныя заповеди и возненавиде мира сего наслаждение, прииде усердно к тому и бысть светилникъ просвещая концы блистанием духовным. Темъ припадая молю тя: Просвети ми очи душевнии воспети твоя подвиги, пощение, и бдение, и слезы болезни, и изможданиe тела блаженныя ради будущия жизни, ея же ныне наслаждаешися, моли непрестанно о всех.

Песнь 7

Ирмос. Не предай же насо до конеца имени твоего ради и не разруши завета твоего, и не отстави милости твоея от нас, Господи Боже, отецъ нашихъ прехвалный вовеки.

Иже злыми присно обуреваемии и страстьми садержимии, к тебе прибегающе, Богови молитвеника предлагаемъ, Трифоне преподовне. Темъ же милостивно нас посещаи, отче, да тобою спасени, поемъ: Благословен Богъ отецъ нашихъ.

Едино естество Троицы безмерную силу богословил еси и суетныхъ служения дерзновенно всемудре изообличилъ ега, и божественными наказании укрепль, аггеломъ сожителниче Трифоне, память твою празднующихъ соблюди, да спасени поемъ: Благословенъ Богъ отецъ нашихъ.

Мечь острой языкъ твой показася, во Христовъ страхъ вооружився, блаженне, разумно изообличи лопи начальствующихъ, во свидетельство Христа, всех царя, приводя и божественых его ученикъ, поя: Отецъ наших благословенъ еси.

Богородичен. Лютыми страстей наветы обуреваемъ есмь и прилоги греховными погружаемъ, къ твоему единому и невла-

емому пристанищу притекаю, ущедривъ, спаси мя, Приснодево благословеная, яже Бога плотию рождьшая.

Песнь 8

Ирмос. Во Вавилоне отроцы, божественою опаляеми ревностию мучители и пламень прещение мужски поправше и посреди огня вовержени, прохлажаеми, вопияху: Благословите вся дела Господни Господа.

Ярость бесомъ раздражи, иже угодники ихъ, Богу угодники твоими молитвами соделал еси, осиял еси, богомудре, земныя конца, ко свету от света умер прешел еси. Тем вопиемъ: Благословите вся дела Господня Господа.

Исцеления бесчислена источаютъ мощи твоя, преблаженне Трифоне, и отгоняютъ от человекъ болезни душевныя, и телесныя страсти уврачюютъ похваляющихъ труды твоя, всечестне, от вопиющих верно: Благословите вся дела Господня Господа.

Добродетелей труды и поты, Трифоне, покой со всеми святыми приемля, их же возвесели своимь житиемь, поя Христови: Благословите вся дела Господни Господа.

Ни гробь забвения ходатаи возможе твоя добродетели утаити, отче, трубы бо яснеише проповедаетъ твоя болезни посническия. Ими жи Богови приближися, вопия: Благословите вся дела Господни Господа.

Богородичен. Иже Вышняго, о, священно божественное селение, радуйся, тебе бо ради дасться радость, Богородице, вопиющимь ти: Благословена ты в женах, всенепорочная владычице.

Песнь 9

Ирмос. Моисей на горе неопалимую купину виде, Иосифь во вертепе неизреченно рожество слыша, нескверненая Дево, безмужная мати, песнеми Рожество твое величаемь.

Благочестивому царю Феодору явлься, спасаеши сего от смерти руки прикосновениемь, оному же тя спасителя сеи напасти получиша, имя твое уведети хотя, ты же и сие возвестиль еси.

Лукавые людие тебе спону бесовским советом учинити хотевша, еже тебе смерти предати, ты же сих, яко же Моисей, манною питати не престаеши, дондеже сихъ и въ благоразумие приведе.

Аще и питаеми роптати не престаютъ, но ты сих зверство на кротость в благоразумие приведе молитвами непрестанными и пениемь, и бдениемь, дондеже ихъ Христови чисты представи.

Глаголом сила божественая последующая познаваешися от царя чюствене, он же по прежде реченнымь хотение твое, еже къ божественнымь воля, исполняя, воздаровав тя, отпусти.

Богородичен. Изравнитися желание ми вложи змий вселукавый, содетелю, яко пленника мя, восхити тобою, бо призвань выхъ пречистая обожився истинне, ты бо, о Богомати, иже мене обожившаго.

Тропарь. Глас 8

Пустынный житель и во плоти аггель, чюдотворець, показася, отче нашь Трифане, пощения ради и бдения, и молитвь исцеляеши недужных и душа приходящих ти с верою. Слава давшему ти крепость, слава венчавшему тя, слава деющему тобою всемь исцеления. Слава. И ныне.

Богородичен. Стена непобедимая намъ християном еси, Богородице Дево.

Канон преподобному Варлааму Керетскому первой половины XVII века письма соловецкого книжника архимандрита Сергия (Шелонина): Канон преподобному Варламу Керетьцкому, новому чюдотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Научная публикация текста: см. *Митрофан (Баданин), игумен*. Неизвестные подробности жития преподобного Варлаама Керетского (на материале Канона письма соловецкого монаха Сергия (Шелонина)) Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2009. Т. XI.

Тропарь. Глас 8

Пустынный жител(ь) и во плоти аггелъ, чюдотворець показася, богоносе, отче нашь, Варламе. Пощения ради и бдения, и молитвъ небесныя дары прием, исцеляеши недужных и душа приходящих ти с верою. Слава давшем ти крепость, слава венчавшем тя, слава деющему тобою всемъ исцеление.

[Слава и ныне Бог(у). Стена непобедимая нам христианом еси, Богородице Дево.]

Канон преподобному Варламу Керетьцкому, новому чюдотворцу

Ему ж краегранесие: Похвалу пою Варламу, новому чюдотворцу Керетцкому. До 9й песни сложено мерою и амъфикою по акростихиде, а в девятой песни имя списавшего.

Глас 8. Песнь 1

Ирмос. Море огустевая, погрузив со оружием гордаг(о) фараона и люди спасе от работы и введе я в гору святыня, вопиюща:

Поем тебе, Богу нашему, песнь победную, яко прославися.

Препетая соестественная Троице, иже паче ума дары рабомь си дая и моему мрачному уму светлую посла благодать, всех страстей очищающую. Песнь ныне начинающи ми.

Освящен убо быв Божественною благодатию служити святому жертвеннику, всесожжение словесное принеслъ еси. Приятно Бого-

ви, яко ж Аарон по закону агньца во всесожжение, проображая волное страдание и смерть Христову за вес(ь) мир.

Слава. Христову плоть роздробляя рукама, и 2 служителя сего истинный явлься, возношения в премирная вознося и оттуду и мир людемъ своимъ снося, Варламе пречюдне.

И ныне. Великий во пророцех Моисей тя написа иногда: Скрижаль богообразне, свещникъ света, и сен(ь), и жезлъ процветъший, Всенепорочная, и ручку, манну носящую, ею же возведохомъся от земли к высоте.

Песнь 3

Ирмос. Утвержен рукою своею Слове Божии небеса, на утвержение истинънна (так!) разума, утверди наша сердца на тя надеющихся.

Агньца нескверната и богоприятного руками заколая, аггелскому житию поревновав непрестанными молитвами, зрител(ь) и жрець сподобися быти благодатию совершаем Святого Духа.

Лукавый змий, не терпяше зрети тя выну Богу предстояща и молитву о людехъ приносящу, подходитъ на твою супругу, вадя насмешение странно. Ты жи ю яко узрев с яростию, на ню устремився, поражаеши ю смертною язвою и гробу предаеши.

Убийству убо совершившис(ь) и земли тело предав, отходиши во град в Колу к тамошнему иерею, и вествуя о убийстве и прося прощения, слезами землю омокая, о содеянных ти въ ярости и невоздержании.

Повинувся убо иерей о содеянных ти и дает ти иго лехко: еже мертваг(о) носити во гробе, дондеже изгниет тело умершия, самому ж в посте и молитве пребывати, и таково воздержание имети, яко и рыбе точию единою на Пасху причащатися.

О убийстве убо мертваго таковое запрещение приим течаша, радуяся, и сие откопав, в судно вложив во гробе, сам же во второй устремився, с мертвым шествуя летом дванадесят путей по окияну морю по непроходнымъ местом.

Богородичен. Юже лествицу древле Ияковъ виде, прообразующу о тебе, Богомати, рече: Степен(ь) Божия сия, яж(е) достойно слышиши. Радуйся, обрадованная, Господь с тобою.

Седален. Глас 8

Носиши за плещми мертвое тело, подобяся древнимъ скитскимъ отцемъ, превитая по горам и по вертепамъ яко птица, терпя смрад и всяку скорбь от мертвого телесе, яко ж Никифор, великий патриархъ от разбойника, умершаго в вертепе. Но онъ убо три месяцы, ты ж три годы, дондеж(е) мертвое тело изгни до конца, и тако паки земли предаде, тем исцеления дар от Господа сподобися прияти, Варламе преподобне, отче нашь, м(о)ли Христа Бога грехов оставление подати чтущимъ любовию святую памят(ь) твою.

Слава и ныне.

Богородичен. **Яко двуедину.**

Песнь 4

Ирмос. **Услыша ж(е), Господи, слух твой и убояхся яко неизреченнымъ советомъ Бог сый присносущен от девы произоде, воплощся. Слава славе твоей, слава, Христе, пришествию твоему.**

Видел еси окиянскую пучину нечисту и человеки непроходиму от множества червия, иже оста вертети корабли естество навыкьших. Яко ж Лествичный Иоаннъ вопиеть: Сей же священныя воды кроплениемъ отгнал еси [вариант: в непроходимую] на пучину моря.

Аще и естествомъ непобедими червие быша, но твоея молитвы Богу послушавши. Отвегнути и отойти повелевши имъ не в проходимая места от Святаго Носу, идеже тма и мракъ глубокъ безпрестани бывает.

Руце, иногда окровавленнии убийственною женскою кровию, ныне ж чисти и святи, воздеши к вышнему о нас моля, преподобне, и испрошая от того благодать обрести, нам грехов оставления и будущих благъ получити молитвами твоими.

Людие возрадовашас(ь) радостию неизглаголаннаю, получивши пут(ь) морский строен и благоспешен, и благополучен, тя, своего заступника, воспевающа и Христа величающа.

Аще не бы ты предстал и помоглъ, не бы толиких грузущих червий избавихомъся. Ныне ж тебе благодарная возглашаемъ, яко

корабли с песнию отпущающе вспят(ь) возвращающеся целы и невредими приемлюще зовемъ: Слава, Христе, пришествию твоему.

Мужеством души в веру вооружився, бурю и дождь и всякую воздушную нужду терпя, потщался еси сохранити заповедь отца своего духовнаго и того ради приял от Вседержителя Бога венець победный на страсти и на бесы исцеление.

Богородичен. Устави неуставное смущение, чистая Мати Божия, еже къ Сыну ти направляющи движение, воспевающих: Слава славе твоей, слава, Христе, пришествию твоему.

Песнь 5

Ирмос. Мрак души моея отжени, светодавче Христе Боже, зачалобытную тьму. Разгнав бездныя, издаруй ми светъ повелений твоих, Слове, да утренюя, прославляю тя.

Носиши мертваг(о), яко жива, в пустыню в Чюпу с собою и тамо молитвою на врага вооружашеся, нестерпимыя его стрелы сокрушая постом и терпениемъ, дондеж(е) приял, преподобне, помощь от вышняго.

Обновляешися яко орел, преподобне, измывся и очистився в пустыни от всех страстных деяний, и яко елен(ь) быстротекий ко источникомъ вод очищаяся змииныя яди.

Видел еси зиждему святымъ Трифаномъ обител(ь) в Печенге, за окияномъ моремъ, и тамо устремися видети того труды и подвизи. И пребыв немного время, пророчески тому о составлении обители прорече:

Оставляеши бо трифаново селение и возвращаешися паки къ Керети,— вся тому изрекъ. О Трифане, сподобился еси обител(ь) воздвигнути и братию собрати, будут бо людие и села зле неукротимы, яко дивии звери, твоей ярости и острожелчию подобящася.

Море убо на плещу своею тебе ношаше ис Печенги в пустыню в Чюпу, влеком корабли своими струями, идеже ядовитыя черви очистил еси и по тонямъ телеса мертвыхъ востающа бесовским действомъ виде и симъ уснути до Христова втораго пришествия

повелеваеши, да не безсмертно пребудет злое, яко ж рече иже богословию тезоименитый Григорие.

Богородичен. Уловити мя всегда ищет прелукавый и от того мя сетей исхити, Владыце, и божественным кровом крилу твоею цела соблюди.

Песнь 6

Ирмос. Бездна последняя и прегрешений буря смущаетъ, и во глубину нужную реет мя нечаяние, но самъ крепкую руку ми простри, яко Петрови ото тля, Боже мой, возведи мя.

Чювственныя страсти победив воздержания броздами, чюдодействене Варламе, чистотою душевною божественно вооружився, стяжав безстрастие и целомудрие, имъ ж(е) Богови паче приближився.

Юности цветъ, поты и труды умертвив воздержаниемъ, в вышний вниде чертогъ во одежду облчен, достойну звания, на ню ж и зван бысть украшен добродетелми, в невестнице неизреченныя славы возглеглъ еси.

Добродетели труды и поты, Варламе, покой со всеми святыми приемля, их же и возвесели своимъ житиемъ.

Образы и подобие къ добродетели, отче, возводя всех къ высоте божественнаго рачения, добродетели прилежати наказуя.

Богородичен. Тебе общую любочестия, Всенепорочная, нашего естества вси славимъ, устна едина бывша, и едино согласие совершающа воспевающих тя, едину матер(ь) неискусомужную [бывшую].

Кондак. Глас 4.

Волнений множество не влажно проходя, безплотныя враги струями слез твоих крепко погрузил еси, богомудре Варламе преподобне, и чюдес дар приемъ, исцеляеши страсти всякия, моли непрестанно о всех насъ.

Икос. Отверзи ми устне, преблаженне, богоприятными ти молитвами предстоя Богови, всеславне Варламе. Да воспою божественное твое житие и возглаголю достойной добродетели твоя, еже на земли Христа ради совершилъ еси, преподобне, столпъ бо

явися и правило светло инокомъ, равно аггеломъ, стяжав житие, в незаходимая воистинно вселився, моли непрестанно о всех насъ.

Песнь 7

Ирмос. Дети благочестивыя в Вавилоне телу златом не поклонишася, но посреде пещи пламенны прохлаждаеми, песнь воспеваху, глаголюще: Отецъ наших, Боже, благословен еси.

В молитвах бодренное и в пощении крепкое, и терпение во искушениих неослабное, ума чистотою, преподобне, показался еси, земля бо и земных достойно отступль, небесное обретъ, наслаждение воспевая: Благословен Богъ отецъ наших.

Острыя имея къ Богу внимати страсти душетленныя усыпил еси, и рукоя ти благоплодия пожал еси, питая благочестно восхваляющих тя и поющих: Благословен Богъ отецъ наших.

Ревностию Христовою ярость поострив непреклонно слезами и слезными каплями истиннаго плача. Все ярости и напрасньства пламень погасив желания безчестия несытна, и устну молчаниемъ, вопияше: Благословен Богъ отецъ наших.

Целомудрие, отче, притяжав, имъ ж(є) на божественную любовь возшед, приятъ дары исцеляти недуги душь и телес наших, ими ж(є) къ Богу приближитися можемъ вопия: Благословен Богъ отецъ наших.

Богородичен. Углем Исайя от Серафима от олътаря очищается, возопи велегласно: Се девая во чреве приимет и родит сына и нарекут имя ему Еммануил, яже есть сказаемо: С нами Богъ. Ему ж(є) вопиемъ: Благословен Богъ отецъ наших.

Песнь 8

Ирмос. Мосикейскимъ арганомъ согласящим и людемъ, без числа кланяющимся телу сущу на молебне, трие отроцы песнословяху: Господа пойте и превозносите его во веки.

Кротокъ и милостивъ, и чистъ бывъ, кротких землю достиг, отче, укроти настоящую бурю сердцу моему. Да в тишине божественней быв, песнословлю твоя подвиги воспевая: Господа пойте и превозноситя его во веки.

Естество плотьцкое повинув духови постомъ и воздержаниемъ, душу ж(є) божественными дарованми просветив, превысокъ умомъ сущих в вещех явлься, невещественна дарования Духа Святаго приял еси, воспевая: Господа пойтя и превозноситя его во веки.

Рака твоя источает верным исцеление, памят(ь) ж(є) твоя, блаженне, сияющи паче солнца и всемъ души просвещающи, и мира мысленнаго восхищающи поющих: Господа пойтя и превозносите его во веки.

Естествомъ добродетелей любве сопрягся отцу Трифану въ духовных ему исправлениих в пусте моря с нимъ оземъствуяся с причастное души очищающи, воспевающе: Господа пойте и превозносите его во веки.

Целиши независтно верно призывающии тя, целител(ь) от Бога показас(я), очистникъ блаженне и прогонитель лукавымъ духомъ, яко звезда всесветлая от пустыни воссиявъ чюдес лучами, просвещая вопиющих: Господа пойтя и превозносите его во веки.

Кротостию, отче, наветы нося, терпя же и своя на тя востающая, отческимъ нравомъ последуя, тех житие в себе имея, приим от Бога действо благодати, пояше: Господа пойтя и превозносите его во веки.

Оружие убо пение, молитву ж(є) — стену, непорочную слезу — умывание имел еси, омывалище сквернамъ душевнымъ, память ж(є) смертную сожителницу стяжав, преподобне, ее ж(є) умъ очищь Бога зрети сподобися, поя: Господа пойтя и превозносите его во веки.

Морское ядро освятил еси, преподобне, кропление мъ священныя воды, яко паучину червие отгоня, не терпяще бо ти крепости духовныя зрети и нечювственная отбегающу Господу, тя всемъ прославльшу яко верна своег(о) раба: Господа пойтя и превозносите его во веки.

Богородичен. Умъ убо нерожденный, отецъ образно премудрым провещася, Слово же собезначална, соестественный Сынъ и Духъ Святый, еже в деве от Слова созда воплощение.

Песнь 9

Ирмос. Тя, браку неискусимую, Матерь Бога Вышънего, тя паче ума рождьшую Словом Сущаг(о) Бога и вышшую пречистых сил, немолчными славословлении величаемъ.

Слезная капля гасило стяжав еси, воистинну страстным розгорением и любовию огня божественнаго росе совокупився Христу Богу нашему, тем же тя чтем, Варламе богомудре, и верою увлажаемъ.

Единое любви Христовы приложивъ свою душу, Варламе преподобне, и исполнител(ь) заповедей Божиих многих чюдес приял еси благодать, всехвалне, тем же тя почитаемъ.

Рака мощей твоих, Варламе, источникъ показася исцелением, к ней же всякъ притекаяи, яко от от (так!) крина воды почерпаетъ исцеление независтно и избавляется всяких страстей душевных и телесныхъ. Сего ради тя увлажаем, преподобне.

Господь прославльши своего угодника, яко ни гробу ходатаю забвению того добродетели сокрыти, но трубы яснеиши вопием: Истекающими от него знаменми чюдне (или: чюдно?) не точию ж(е) ближняя, но и далняя оглашая, проповедая мужа подвиги и труды.

Иже памет(ь) твою священную творящим, отче, не престай моля Избавителя даровати согрешением оставления и небесное царьство воприяти, идеж(е) глас празднующих веселит вся.

О двоица приснoблаженная, равночестная отца, Трифане и Варламе, яко едино блаженство имущих от Бога, версто предобрая, нас призывающих ваю от всех лютых спасати я теплымъ предстателствомъ вашим вас восхваляющихъ.

Богородичен. Стешняет мя широта величий твоих, Владыце, подавляя слово от частости, и преславно ми приходит недоведети от благодушства, тем же иже толико тя возвеличившая славим.

Тропар(ь) Варламу Керетцкому, новому чюдотворцу. Глас 8

О тебе, отче Варламе, известен бысть спасения образ, восприимши бо крестъ последовал еси Христу, творящи ж(е) и учащи, еже презрети плоть, преходит бо прилежати ж(е) о души вещи безсмертней, тем же со аггелы радуется, преподобне, духъ твой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Грамоты и крепости Кирилло-Белозерского монастыря (копии), рукопись XVII в. (РНБ, ОСРК Q.IV.113б)

Список с памяти

Се яз игумен Гурей Троицы Живоначалные Мурманскаго моря Печенского монастыря, да яз келарь Исаия, да яз казначей Макарей, да яз священноинок Иона, да священноинок Пахомей, да священноинок Иов, да яз старец Сергий, да яз // *(л. 590 об.)* старец Еуфимей, да яз старец Антоней, да яз старец Тарасей, да яз старец дьякон Иван, да яз старец Иов, да яз старец Спиридон, да яз старец Измаил, да яз старец Петр, и вся яже о Христе братия Троицы Живоначалные Печенского монастыря с Мурманскаго моря, что мы владели рыбные ловли в поморьи в Умбской волости в реке в Умбе и на море три луки, и государь царь и великий князь пожаловал, в Кирилов монастырь Умбу отдал в вотчину тритцать два лука, а те три лука, которыми мы владели, государьской // *(л. 591)* посланник Захарья Сущов описал в том же числе в тех же тритцати дву луках. И игумен Козма и старцы Кирилова монастыря Бога рад[и] дали нам за те три лука сто полтретьятцать рублев. И мне игумену Гурью, и всей еже о Христе братии впредь о том государю не бить челом, и дела мне игумену и братии, или по мне иной игумен будет в Печенском монастыре, до тех трех луков дела нет. А учнем мы то дело всчинать и государю о том вперед бити челом, и яз игумен Гурей з братиею, или по мне иной игумен будет, на игумена и на старцов Кирилова // *(л. 591 об.)* монастыря, игумену и старцом Кирилова монастыря на нас денги взяти по сей памяти назад, и убытки, и волокита нам платити, что станет убытка Кирилову монастырю от нашего начинанья. А память писал Печенского монастыря дьячек Стефанец Семенов лета 7090 *(1581/1582 гг.)*. А позади памяти: Троицы Живоначалные игумен Гурей Печенского монастыря руку приложил. Священноинок Иона руку приложил. Священноинок Пахомей руку приложил. Священноинок диякон Иван руку приложил. Старец Сергий руку приложил. //

(л. 592)

Список с записи

Се яз старец Иуфимей с Мурманскаго моря Троицы Живоначалные Печенского монастыря, что у нас были угодья в Умбе реке и мы то угодья продали Кирилова монастыря келарю Мисаилу да казначею старцу Елеуферью и всем старцом соборным Кирилова монастыря, три луки рыбные ловли, а взяти было нам за то угодья сто дватцать рублев денег, да кабала на нас была в полутретьятцати рублев у келаря Мисаила да у казначея у старца у Елеуферья и у всех старцов соборных Кирилова // *(л. 592 об.)* монастыря Савы Водникова. И мы им дали за то угодья отпис во всех денгах во сте в дватцати рублех и в кабале, а у них взяти за то Умскоя угодья сто рублев денег да ту кабалу безденежно за то же Умское угодья, а дватцати рублев денег у них в те поры не доняли. И яз старец Еуфимей ти дватцать рублев денег взял у старца Кирилова монастыря у Христофора, и в тех есмя досталних денгах в дватцати рублех и отпис дал на Москве, а досталные денги у них дватцать рублев на Москве ж *[видимо, пропущено «получил»]*. А на то послуси Болота Игнатиев сын Тринков, // *(л. 593)* да Богдан Офонасьев сын Шемякин, да Левонтей Фролов сын Рянкин, да Роман Истомин сын Романов, а запись писал Федорец Иванов сын Пупышев лета 7093 *(1584/1585 гг.)*. А позади записи послух Болотец руку приложил. Послух Богдан[е]ц руку приложил. Послух Лева руку приложил. Послух Романец руку приложил.

(л. 595)

Список с памяти

У Кондратья у Савельева четверть купили, да у Якова четверть купили, да у Обленка четверть купили, у Кисляка да у Ивана поллука купили, у Мирона да у Луки поллука купили, у Степана Запрудина да у Зуба поллука купили, у Фили у Сухих Голянищ да у Ивана у Къстинина зятя поллука купили, у Угрима да у Ивана у Кукиева четверть купили.

Да 14 крепостей старых выданых Печенского монастыря игумена Гурья з братьею на те купленые Умбские угодья. //

л. 595 об.

Список с купчие

Се яз Степан Иванов сын Ившаев продал есми в дом Троицы Живоначалные в Печенской монастырь строителю Трифону и старцом чет-

верть лука угодья своего в Умской волости промеж волощаны, куда ходила коса и топор, и с рыбными ловлями, со всем без вывета опрично нижного забора. Взял есми на той четверти денги все сполна десять рублев московскую казенные Печенского монастыря у старца Филофея да у слуги у Гаврила Семенова сына у Обленка. А продал есми им ту четверть лука и впрок без выкупа, а в снимке и в оцыщеньи тое четверти от кого ни буди яз Степан. А на то послуси // *(л. 596)* Кузма Никитин сын да Яков Иванов сын Курище, а купчую писал дьячек Умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1576 г.)* октября в 27 день. А четвертью заборною промышляти по празговой Федору Малафееву и его племянником шесть лет по празговой, а как оне шесть лет по празговой отпромышляют в заборе, и Троецким Печенского монастыря старцом и слугам после тех срочных лет, что у Федора в празговой писано, промышлять тою заборною четвертью то же и впрок без выкупа за тои ж ценой за десятью рубли по сей купчей. А писал диячек Умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1576 г.)* // *(л. 596 об.)* октября в 27 день.

А позади купчие: в послусех Коземка Никитин и руку приложил.

Список с купчие

Се яз Мирон Андреев сын, Умбские волости жилец, продал есми в дом Троицы Живоначалные в Печенской манастырь строителю Трифону и всей же о Христе з братьею четверть лука угодья своего в Умбские волости промеж волощаны, что есми купливал у Фили у Намова, и со всем без вывета, с рыбными ловлями и сен[н]ыми покосы и с лесами, чем есми по той четверти сам владел, продал есми и впрок без выкупа. // *(л. 597)* Денги взял есми на той четверти казенные Печенского монастыря у старца у Филофея да у слуги у Гаврила Семенова сына у Обленка все сполна десять рублев московскую, а в снимке и в оцыщеньи тое четверти от кого ни буди монастырю яз Мирон, от всяких крепостей. А заборным нижнего забора промыслом по той четверти монастырю промышляти, как у Зориных празговая выкупитца. А на то послуси староста Угрим Фомин сын да Ждан Яковлев сын Звягин, а купчую писал дьячек Умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1576 г.)* ноября в 4 день.

А позади купчие: в послусех Жданко руку приложил.

л. 597 об.

Список с купчие

Се яз Василей Ларионов сын Кисляк, да яз Митка Васильев сын Кисляков, продали есми четверть лука в дом Живоначалные Троицы началнику Трифону, да священноиноку Савелью, да келарю Измаилу и казначею Макарью и всей же о Христе з братьею, промеж волощаны умляны в реки и на море и в леших озерах и в сенных прокосех и в леших ухожаях, куда ходила коса и топор. А продали есми им в дернь без выкупа, а взяли есми у них на той четверти лука двенатцать рублев. А та у нас четверть лука ни продана, ни заложена никому, а кто взыщет//*(л. 598)*ца с купчею или з закладною на ту четверть лука, и мы в оцыщеньи от купчих, и от закладных, и от всяких крепостей. А на том послуси Остафей Гаврилов Обленков, купчую писал Никитка Васильев сын сам своею рукою лета 7085-го*(1576 г.)* ноября в 22 день.

А позади купчие: к сей купчей послух Осташ руку приложил.

Список с купчие

Се яз Алексей Александров сын Куропольец двинянин продал есми анбар свой в Умбской волости и с пристеном им с Троецкого монастыря священником Саве и строителю Сергию и всей же о Христе братии Печенского монастыря, // *(л. 598 об.)* что есми купил у Сурова Иванова сына. А в ряду стоит тот анбар з горнюю сторону з Десгницынским двором и анбаром, а от реки и с пристеном с Вячинским анбаром. А взял есми у них на том своем анбаре и с пристеном два рубля московскую денег. А продал есми им тот анбар и с пристеном в дернь без выкупа, а во оцыщеньи того анбара от купчих и от закладных быти мне Алексею, а Троецким старцом убытка в том не учинить. На то послуси Сумор Парфеньев сын двинянин да Михайла Яковлев сын двинянин же, а купчую писал диячек Колские волости Яковец Пантелеев лета 7085-го *(1577 г.)* июля в 11 день. // *(л. 599)* А позади купчие: к сей купчей Федор во отца своего место руку приложил

Список с купчие

Се яз Леонтей Васильев сын Губанин двинянин продал есми в дом Живоначалной Троицы Печенского монастыря строителю и началнику старцу Трифону яже о Христе и з братьею четверть лука угодья за морем в Умбской волости промеж волощаны, что есми купил тое четверть лука

у Олексея у Александрова в Ташковской четверти, а продал есми тое четверть со всеми угодьи, и тое четверти лука с речными и с морскими и с озерскими ловлями и с сенными покосы, куде ходила коса и топор, и с прежними трема // *(л. 599 об.)* купчими, а взял есми на той четверти лука и на угодьях четырнатцать рублев денег все в ру*[чьх?]*, без останка. А в очищеньи той четверти лука от купчих и от закладных яз, Леонтей, продал есми в дернь без выкупа. На то послуси Захарья Иванов сын монастырьской да Федор Васильев сын Левонова. Купчую писал Ивашко Михайлов сын Дудоров лета 7085-го *(1576 г.)* сентября в 15 день. А позади купчие: Левка четверть продал и руку приложил. Послух Захарка Иванов руку приложил. Послух Федка Васильев сын руку приложил.

Список с купчие //

(л. 600)

Се яз Иван Аверкиев сын Кукиев продал есми Троецким старцом, Печенского монастыря строителю Сергею да священнику Савы *(так!)* и всей еже о Христе братьи полчетверти угодья в Умбской волости промеж умбскими жилцы, в луку с Петром с Меншеем да с Селиваном Степановым сыном Ригачева, а денги взял есми на том угодьи все сполна шесть рублев московскую казенные Печенскаго монастыря. А продал есми им ту свою полчетверти и впрок без выкупа, а в снимке и в оцыщеньи тое получетверти Печенскому монастырю от кого ни буди[1] Печенскаго монастыря старцом оцыщати, и что монастырьским от кого ни буди учинитца убытка и в волоките в той получетверти, и мне им // *(л. 600 об.)* убытки платити, что монастырские Поченского монастыря старцы убытков скажут. А на то послуси Игнатей Никифоров сын Заец да Селиван Степанов сын Регачев. А купчую писал дьячек умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1577 г.)* июля в 16 день.

А позади купчие: Игнашко Заец руку приложил.

Список с купчие

Се яз Олексей Максимов сын пономарь Умбские волости продал есми в дом Троицы Живоначалные в Печенской монастырь строителю Трифону и старцом в Печенской монастырь *(так!)* четверть лука угодья сво-

[1] *На левом поле:* яз Иван. ***На нижнем поле:*** + [*нрзб. одно или два слова*] яз Иван того угодья от кого ни буди.

его в Умбской волости// *(л. 601)* промеж волощаны, куда ходила коса и топор, и с рыбными ловлями со всем без вывета, и с старыми крепостьми и впрок без выкупа. А денги взял есми на том згодьи сполна двенатцать рублев московскую, а в сним[ке] и в оцыщеньи тое четверти от кого ни буди яз Алексей. А дал есми те денги за собя в той же Печенской монастырь за собя вкладом. А на то послуси Игнатей Никифоров сын Заец да Герасим Клементьев сын Яргачь. А купчую писал дьячек умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1576 г.)* октября в 9 день.

А позади купчие: Послух Заец руку приложил.
(л. 601 об.)

Список с купчие

Се яз Угрим Фомин сын продал есми полчетверти угодья своего в дом Троицы Живоначалной Печенского монастыря строителю Трифону и старцом, да и теребки свои, чем есми сам владел в Умбские волости промеж волощаны и со всем без вывета, куда ходила коса и топор, и с рыбными ловлями. А преж та полчетверти была в складе с семьею моею Агафьею, а ныне та полчетверти после Агафьи по Огафьину приказу з Гришей Самухиным. А взял есми на той получетверти денги все сполна сем рублев московскую, и на теребах, а в снимке и в оцыщеньи от кого ни буди яз Угрим, а денги // *(л. 602)* взял есми на том згодьи у старца Филофея казенные, а продал есми им то згодье и впрок без выкупу. А на то послуси Игнатей Никифоров сын Заец да Степан Иванов сын Звягин. А купчую писал дьячек умбской Петелка Лукиянов лета 7085-го *(1576 г.)* октября в 15 день.

А позади купчие: Послух Игнашко Заец руку приложил. Послух Степанко руку приложил.

Список с купчие

Се яз Гордей Михайлов сын Кудрявцев Умбские волости продал есми двор свой стару Петру Печенского монастыря в Умбской волости на погосте на горе за колоколницею. // *(л. 602 об.)* А во дворе хоромов изба на взмостье, да клить противу избы, да сини промежу избою да клитью, да хлев, да сенник на хливе, да мылна, да пристен. А взял есми у старца Петра за двор 15 рублев московским числом. А нету моево двора ни в [ка]

балах, ни в записех, ни в каких каверзах. А выляжет на тот мой двор любо купчая, любо кабала или запись, и в том во всем яз Гордей Михайлов сын Кудряковцев *(так!)* в очищеньи. А на то послуси Нечай Иванов сын Тяполков да Кузма Самойлов сын Июдин, да Федосей Григорьев сын Лукизинин. А купчую писал Палка Перфирьев сын вологжанин лета // *(л. 603)* 7083-го *(1574-75 г.)* А позади купчие: Послух Нечай руку приложил. Послух Куземка руку приложил. Послух Федоско руку приложил. К сей купчей Гордюшка двор продал и руку приложил.

Список с купчие

Се яз Яков Иванов сын умбянин продал есми Живоначалные Троицы Печенскаго манастыря строителю и началнику Трифону яже о Христе и з братьею четверть лука угодья в Умбе реки промеж волощаны в реки и на мори и в лесу, куде моя ходила коса и топор, и всякие рыбные ловли, чим яз владел. А взял есми на том згодьи четверти лука тритцать рублев с четвертью. А то у меня згодье // *(л. 603 об.)* четверть луку ни заложена, ни продана никому ни в чем. А кто выищетца на ту четверть лука с кабалой или з закладной, и мне Якову очищати. А продал есми в дернь без выкупа и отвел. А на то послуси Гордей Михайлов умблянин да Степан Карпов сын корелянин. А купчую писал Стефанец Семенов лета 7082-го *(1573-74 г.)*.

Список с купчие

Се яз Иван Фефилов сын, да яз Ульяна Яковлева дочь, а Иванова жена, продали есми в дом Живоначалные Троицы Печенской монастырь началнику Трифану яже о Христе з братьею четверть лука угодья в Умбе реки промеж волощаны Умбские волости // *(л. 604)* со всеми угодья с водяными и с лешими, куды ходила коса и топор. А та четверть лука у нас в луку с тещею моею Овдотьею да Захаром. А взяли есми на том угодьи четверти лука четырнатцать рублев, а продали есми в дернь без выкупа. А учнет кто в то згодье вступатца с кабалами или з закладными на ту четверть лука, и мне Ивану очищати от кабал и от закладных то згодье четверть лука. На то послуси Никита Дорофеев сын корелянин да Осиф Игнатьев сын корелянин. Купчую писал Стефанец Семенов лета 7082-го *(1574 г.)* марта в 15 день.

Список з даные

Се яз Филип Моисеев сын, староста // *(л. 604 об.)* Умбской, с своим сыном Нечаем отдали есми Троицы Живоначалной началнику Трифону, строителю Сергею и священницем и еже о Христе з братьею в Печенский монастырь четверть лука угодья своего в Умские волости промежи волощаны и со всеми рыбными ловлями, с речными, с морскими, с озерными ловлями, и с сенными покосы и с лесами, куда ходила коса и топор, вкладом за собя и за сына своего Нечайка, чем есми владели сами от лета 7082-го *(1574 г.)* , и впрок без выкупа. А во втором лете ловити того же монастыря старцом тою четвертью за те денги, что за нас заплатили Семену Пирожникову да Игнатью Зайцу двенатцать рублев и пять алтын, и впред им тем згодьем вла//*(л. 605)*дети безвыкупно. А в четвертей в луку в складе та четверть с Олексеем Максимовым да с Стефаном Киприяновым. А на то послуси Игнатей Никифоров сын Заец, да Алексей Максимов сын Зуб, да Гаврило Семенов сын Обленок. А даную писал дьячек умбской Петелка Лукиянов лета 7082-го *(1574 г.)* февраля в 4 день.

А позади даные: Послух Заец руку приложил.

Список с купчие

Се яз Ивашко Семенов сын Прохнов умлянин продал есми Живоначалной Троицы в Печенской монастырь началнику Трифону да // *(л. 605 об.)* строителю Сергию и всей о Христе братии, в Умбе реки угодья своего поллука владенья в реки и в заборе и в тонях и в пожнях и во всем угодьи чим яз владел промеж волощаны умляны. А взял есми за то угодье свое полтретьятцать рублев все сполна. А то у меня угодье ни продано, ни заложено никому, а выищетца на то угодье купчая или закладная, ино мне Ивашку во очищеньи ставитца во всяком месте. А у сей купчей сидели добрые [люди] Яков Омельянов сын кандалакшанин, да Нестер Иванов сын Запрудин пасынок умлянин, да Еремей Никифоров сын Попов колянин, да Павел Стефанов Томило, да Конан Федотов сын // *(л. 606)* Кавалева корелянин. А купчую писал Якуш[ка] Федоров сын Глазановы лета7079-го *(1571 г.)* апреля в 23 день.

Список с купчие

Се яз Филип Наумов сын умлянин продал есми в дом Живоначалные Троицы Печенского монастыря строителю и началнику Трифону яже о Христе з братьею четверть лука угодья в Умской волости промеж волощаны, что есми купил ту четверть лука у Алексея Максимова сына у Долгого. А продал есми ту четверть лука со всеми угодьи, с рыбными ловлями, и с морскими и с озерскими, и с сенными покосы, куде ходила коса и топор, а взял есми на той // *(л. 606 об.)* четверти лука и на [у]годьях ч[е] тырнатцать рублев денег все вручь. А в о[чи]щеньи той четверти лука от купчих и от закладных яз Филип я, а продал есми в дернь без выкупа. А у сей купчей сидели люди добрые: староста волостной Сидор Григорьев да Микита Андреев да Григорей Васильев Волков, а купчую писал Самсонец Кузмин лета 7060-го *(1551 г.)* октября в 11 день.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аделунг Ф. Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М., 1863. Т. II.

Азбелев С.Н. О Рюрике и Гостомысле // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10.

Аксиянова Г.А. Соматология // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836–1838. Т. 1. № 1. С. 157–158.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академией Наук. СПб., 1836.

Акты Соловецкого монастыря: 1479–1571 гг. Л., 1988.

Амвросий (Орнатский), иеромонах. История Российской иерархии. М., 1813. Ч. 5.

Англиийские путешественники в Московском государстве в XVII веке. Перевод Ю.В. Готье. Л., 1938.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937.

Андреев А.И. К истории колонизации западной части Кольского полуострова // Исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 1.

Андреев А.И. О подложности Жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 года // Русский исторический журнал. Пг., 1920. № 6.

Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.

Антонов М.Ф. Договориться с народом. Избранное. М., 2012.

Антонова В.И. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском» // ТОДРЛ. М.–Л., 1957. Т. 13.

Ануфриев Д.А. Записки очевидца Д.А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 гг. Архангельск, 1916.

Артемий, бывший игумен Троицкий на Москве // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 4.

Архангельский А.С. Любопытный памятник русской письменности XV века // Памятники древней письменности и искусства. СПб.,1884.

Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882.

Архангельский миф о Машке-Кицке // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1872. № 76.

Архив Кирилло-Белозерского музея // К свету. 1996. № 15.

Башилов Борис. Московская Русь до проникновения масонов. М., 2008.

Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1.

Белов М.И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.–Л., 1958. Т. 14.

Белокуров С.А. Материалы для русской истории. Архив Соловецкого монастыря. М., 1888.

Белокуров С.А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906.

Белявский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

Беляев И.Д. О географических сведениях в древней России // Записки Императорского русского географического общества. СПб., Кн. VI. 1852.

Бер, Мартин. Сказания современников о самозванце. СПб., 1859.

Бернштам Т.А. Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л., 1978.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 75.

Бертье-Делагард А.Л. К истории христианства в Крыму. Одесса, 1908.

Берх В. Жизнеописания первых российских адмиралов. СПб., 1833. Ч. 3.

Берх В.Н. «О времени открытия россиянами Ледовитого моря»: статья из книги «История географических открытий россиян». СПб., 1817 (не опубликована).

Берх В.Н. История географических открытий Россиян. Пермь, 1817.

Бибиков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1.

Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 2001.

Бибиков М.В. Русь и «Гиперборея» в византийской традиции // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2011.

Богданов А.П. Александр Невский. М.: Вече, 2009.

Богуслав И.А. Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. СПб., 1862. Т. LXII. №10.

Божич П.К. Защита дерева от морских древоточцев. М., 1939.

Боси Роберто. Лапландцы. Охотники за северными оленями. М., 2004.

Боярский П.В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1.

Браун Ф. Северная мифология // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 29.

Бубновский М.И. Свидетельство очевидца // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 6.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947.

Булатов В.Н. Поморье (XVI – начало XVIII в.) // Русский Север. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1999. Кн. 3.

Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителя. М., 1993.

Буров В.А. О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 1993.

Бутков П. Три древних договора // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 528–529.

В лето 6735… // ПСРЛ. 2-е изд. / Под ред. Е.Ф. Карского. Вып.1–3. Л., 1926–1928. Т. 1.

В лето 6749 года... Софийская Первая летопись. Вып. 1. // ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 5.

В лето 7040 года… Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6.

В нынешнем, в 7098 году… // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества. СПб., 1861. Т. 2.

Валинг Т. Гортер-Гренвик. Часовня святого Георгия и история РПЦ в северной Норвегии. Вадсё, 1989.

Валишевский К. Иван Грозный (перевод с французского). М., 1912.

Вальдман К.Н. Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия Всесоюзного Географического общества. 1962. Т. 94. № 2.

Варашев камень // Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1841. № 4.

Васильевский В.Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881.

Верещагин В.П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.

Вершинин Е.В. Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал // Журнал «Родина». 2001. № 11.

Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды... СПб., 1908.

Веселовский А.Н. Эпизоды о рае и аде в послании новгородского архиепископа Василия // Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., Вып. 6. 1891. С. 91–104.

Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. Приложение № 35, 36. С. 134–135.

Вессен Э. Скандинавские языки. М., 2007.

Вестель Ю.А. Амбивалентность библейского Севера // Четвертые Феодоритовские чтения «Север и история». Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2011.

Вести с Печенги // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28.

Визе В.Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1912. № 9.

Вильям Диксон. Швейцария. С приложением 6 глав // Свободная Россия. СПб. 1872.

Виноградов Н.Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Лабиринт Б. Заяцкого острова // Соловецкое общество краеведения: Материалы. Вып. XII. Соловки, 1927.

Власова М.Н. Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982–1988 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. XXXII.

Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1914.

Волков Н. Рукопись из архива МАЭ РАН. 1947года // Живая Арктика. Апатиты, 1999.

Волости великого князя Двинские (1563 г.) // Архангельский Север в документах истории. Архангельск, 2004.

Воронин Н.Н. Крепостные сооружения // История культуры древней Руси. М.–Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1951. Т. I.

Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры древней Руси. М.–Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1951. Т. 1.

Вторая Псковская летопись // Псковские летописи. М., 2000.

Высочайшая награда. Архангельские епархиальные ведомости. 1905. № 22.

Высочайшия награды. Архангельские епархиальные ведомости. 1910. № 10.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Гваньини Александр. Описание Московии. М.: Греко-Латинский кабинет, 1997.

Гебель Г.Ф. Наша Лапландия // Изв. Архангельского Общества по изучению Русского Севера. СПб., 1909. Т. VIII.

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск, 2004.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. 2-е издание, М.–Л., 1938.

Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939. Т. 1.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Изд. К.В. Миллер. СПб., 1776–1777.

Герберштейн С. Записки о московитских делах / Пер. А.И. Малеина. СПб., 1908.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., МГУ. 1988.

Геррит Де-Фер. Плавания Баренца. De Veer (Diarium nauticum) 1594–1597. Amstolredami MDXCVIII / Пер. с латинского проф. А.И. Малеина. Полярная библиотека. Л., 1930.

Гершин Е.В. Трифоно-Печенгский монастырь // Русская мысль. М., СПб., 1913.

Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.

Голубев В.И. Методика изучения и толкования географических названий, или топонимия. Ковров, 2005.

Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892.

Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого и отражение их на русской карте середины XVII в. // Вопросы географии, М., 1950.

Голубцов Н.А. К истории города Колы Архангельской губернии // Изв. Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. № 1.

Гордиенко Э.А. Новгород и Готланд. Церкви Каллунги и Гарды в системе русской, византийской и западноевропейской монументальной живописи // Византийский временник. Т. 62 (87). М., 2003.

Горсей Дж. Записки о России XVI–XVII вв. М., 1990.

Горский А.А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII веках. М. – Вологда, 2014. Ч. 1.

Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002. С. 211–215.

Грамота 1583 года Царю Иоанну Васильевичу ответная от Английской Королевы Елисаветы // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822. Ч. 2.

Грамота царя Василия Ивановича 1606 года Лопского погоста крещеным и некрещеным лопарям // Акты исторические. СПб., 1842. Т. V.

Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 129. М.–Л., 1949. С. 185–186.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н. Валка. М.–Л., 1949.

Грамоты Двинского уезда // Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 2. № 105.

Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.

Григорий Двоеслов, свт. Беседы на пророка Иезекииля. В 2-х книгах. Казань, 1863.

Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. М., 1960. Вып. 17.

Грот Л.П. Информационная война против России и ее исторические истоки. Лекция в ЛГУ им. А.С. Пушкина. 15.02.2016 г.

Губанов П.П. Путь в Колу. Л., 1986.

Гулевич В.Р. Русская Лапландия и ее промыслы. Архангельск: Губернская типография, 1891.

Гуревич А.Я, Кан А.С. История Норвегии. М., Наука, 1980.

Гуревич А.Я. Древние германцы. Викинги / Избранные труды. СПб.: Издательство Фонда поддержки науки и образования «Университетская книга». Т. 1. 1996.

Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., Наука, 1977.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла и раннего Средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.

Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40.

Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. http://fanread.ru/book/8826610/?page=11.

Даркевич В.П. Государева крепость на Беломорье // Наука в России. М., 2000. № 5.

Две каменные Новгородские иконы // Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Т. 1.

Девис Р.Х.С. Нормандцы и их мифы. Лондон, 1976.

Дергачев Н. Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 96.

Дергачев Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877.

Джаксон Т.Н. Александр Невский и Хакон Старый: обмен посольствами // Князь Александр Невский и его эпоха. Материалы и исследования. СПб., 1995.

Джаксон Т.Н. Бьярмия – легенды и действительность // Сквозь века и границы» – «Norge-Russland. Naboer gjennom tusen år». Изд. «Россия-Норвегия», ГМВЦ РОСИЗО, 2004.

Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А. Связи Северной Руси и Беломорья в IX–XIII вв. (по данным письменных источников // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 24–29.

Джон Х. Линд. Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам (перевод

с англ. С. Л. Никольского) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М., 2001.

Димитрий Ростовский, свт. Жития святых. М., 1906. Кн. 4.

Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.–Л., 1970. Т. 25.

Дмитриев Л.А., Копанев А.И. Археографическая экспедиция в Мурманскую область летом 1960 года // ТОДРЛ. М.–Л., Т. 18.

Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999. Ч. 2

Донесение д. Иоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Ерцгерцогу Австрийскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрийской Империи, о нравах и обычаях Московитян // Отечественные записки. Ч. 25. № 70. 1826.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. IX.

Досифей (Немчинов), архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1853.

Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836.

Дранникова Н.В., Ларсен Р. Репрезентация чуди в норвежском и русском фольклоре // Живая старина. 2006. № 2.

Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1981.

Древнейший быт Скандинавии // Московитянин. М., 1855. Т. 4. С. 13.

Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 13, 14, 15.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Древнескандинавские источники. М., 2009. Т. 5.

Дуров И.М. Опыт терминологического словаря Рыболовного промысла Поморья. О. Соловки. 1929.

Дурылин С. Кандалакшский «Вавилон». (К изучению северных лабиринтов). М., 1914.

Дьяченко Георгий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993.

Дюби Жорж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / Перевод с франц. Ю.А. Гинзбург. М., 2000.

Евдокимов И. Север в истории русского искусства. Вологда, 1920.

Егоров Андрей, священник, Иванов С.И. Тверской монастырь. Савватиева пустынь XIV – XXI вв. Святыни, тексты, исследования. Тверь, 2006.

Еременко А.Б. Трактовка великанов в викингских сагах: эволюция образа // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004.

Ефименко П.С. Заволочская чудь. Архангельск, 1869.

Ефименко П.С. Юридические обычаи Лопарей, Корелов и Самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского русского Географического общества по отделению этнографии. СПб., Т. 8. 1878. С. 61–65.

Жалованная грамота жителям Колы // Отечественные записки. СПб., 1829.

Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю 1675 года июня 15 // Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. С. 550–552.

Жалованная грамота Печенгскому монастырю 1556 года. РГАДА. Грамоты Коллегии Экономии, ф. 281. № 4139.

Жалованная несудимая грамота Кандалакскому Богородицкому монастырю // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2.

Жалованные грамоты царя и великого князя Федора Ивановича 8 апреля 1590 года // Отечественные записки. СПб., 1829. Ноябрь. Кн. CXVC.

Жданов В.П. Памятник морской славы // Наука и бизнес на Мурмане. Серия «История и право». 1997. № 2.

Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Минск, БГУ, 2010. Вып. 5.

Жизнь и деяния Эймунда и Рагнара, норвежских князей и полоцких в России владельцев, в исландском подлиннике с латинским переводом и кратким введением. Издана по древнему списку королевской библиотеки Королевским Обществом Северных Антиквариев. Копенгаген, 1833.

Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. П., 1919.

Житие и чудеса преподобного отца нашего Трифона Печенгского // Жития русских святых (сентябрь – декабрь). Оптина пустынь, 1993.

Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 89–120.

Житие святого Стефана Пермского // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4.

Жития святых, в землях Британских и Ирландских просиявших. Сурожская епархия. Лондон, 2012.

Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней Св. Димитрия Ростовскаго. М., 1906. Кн. 8.

Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1.

Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.

Жуковский А.Т. Кольский Воскресенский собор // Известия императорского Русского Археологического общества. СПб., Т. 2. 1861.

Забелин И. Скандинавский корабль на Руси // Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб.,1890.

Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания. М., 1880.

Заметки о Мурманских поселениях. Из отчета Колл. Секрет. Островского в 1880 году // Живая Арктика. Апатиты, 2002.

Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период / Имп. Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1874.

Зацепин В.И., Филатова З.А. Класс двустворчатые // Жизнь животных. М., 1968. Т. 2.

Зигабен Е. Толковая Псалтырь. Киев, 1882.

Зиновий Отенский. Истины показания к вопросившим о новом учении. Казань, 1863.

Знаменский П. Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1867. Т. XXII.

Знаменский П.В. Сергий (Шелонин) – один из малоизвестных писателей XVII века // Православное обозрение. М., 1882 г. Февраль.

Зюганов В.В. Арктические долгоживущие и южные короткоживущие моллюски жемчужницы как модель для изучения основ долголетия // Успехи геронтологии. М., 2004. Т. 14.

Ивановский Александр, протоиерей. К жизнеописанию первого архиепископа Холмогорского Афанасия // Архангельские губернские ведомости. 1870. № 50.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Слово о человеке. СПб., 1995.

Из дела Архангелогородского губернатора Е. Головцина. Оп. № 13 // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909. № 1.

Из дневника настоятеля Печенгского монастыря Строителя иеромонаха Никандра // Архангельские губернские ведомости. 1888. № 28.

Из Кузомени // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 32.

Илларион (Алфеев), иеромонах. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание // Избранные гимны. М., 1998.

Иловайский Д.И. О мнимом призвании Варягов // Русский Вестник. 1871. Ноябрь.

Иннокентий (Смирнов), архимандрит. Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. СПб., 1817. Т. II.

Иоанн (Алексеев), схиигумен. Загляни в свое сердце. Письма Валаамского старца. М., 2003.

Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. М., 1960. Гл. IV.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Изд. 2-е М.А. Александрова. СПб., 1908.

Исландские викингские саги о Северной Руси / Перевод и комментарии Г.В. Глазыриной. М., Ладомир, 1996.

Истомин М. Первые известия англичан об Архангельском крае // Архангельские губернские ведомости. 1861. Отдел второй. № 3.

История изучения озера Имандра // Апатиты: Природа. Экология. Туризм. http://eco-apatity.jimdo.com.

История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Кораблев Н.А. и др. Петрозаводск, 2001.

История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. / Под ред. А.Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952.

История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

История религий в России. Учебник. РАГС. М., 2004.

К истории Трифоно-Печенгского монастыря. Монастырские описи 1722, 1727, 1754 годов // Архангельские епархиальные ведомости. 1886.

К описанию Колы // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1830. № 11.

Кааран А. К истории русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1910. № 11.

Кавелин К.Д. Монографии по русской истории // Собрание сочинений. СПб., 1897. Т. 1.

Каган М.Д. Рукописание Магнуша, короля Свейского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989.

Казанский П. Кто были виновники Соловецкого возмущения? // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 4.

Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности XII века. М.: Тип. Семена Селивановского, 1821.

Калдубовский А. Очерки из истории древнерусской литературы Житий святых. Варшава, 1902.

Калевала: Финская народная эпопея / Перевод Л.П. Бельского. СПб., 1888.

Калугин В.В. «Житие Трифона Печенгского» – памятник севернорусской агиографии петровского времени // Человек между Царством и Империей: Сборник материалов междунар. науч. конференции. М., 2003. С. 328–341.

Калугин В.В. «Житие Трифона Печенгского» в письменности XVII–XX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2003. С. 418–453.

Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 томах. СПб., 1816–1829.

Карляйль Чарльз. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля 1664 г. // Историческая библиотека. СПб., 1879. № 5.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра, 1997.

Карташов А.В. Лекции по истории Русской Церкви. СПб., 1901.

Кастрен М.А. Воспоминание о путешествии 1838–1844 гг. СПб.: Академия наук. 1853.

Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

Керетский приход Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1909. № 24.

Керт Г.М. Фольклор // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Кизеветтер А.А. Русский Север. Вологда, 1919.

Кирпичников А.Н. Исторические данные о создании Русского государства // Русь в IX–XII веках. М. – Вологда, 2014. Ч. 1.

Кирпичников А.Н. Языческое святилище у Пскова //Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков,1988. С.18–20.

Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до Рождества Христова. М., 1854.

Классен Егор. Древнейшая история славян и славяно-руссов до рюриковского времени… М.: «Белые Альвы», 2008.

Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.

Клосс Б.М. Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003.

Ключ разумения. Устав преподобного Нила Сорского. М. – Екатеринбург, 2003.

Ключевский В.О. Благодатный воспитатель русского народного духа. Речь, произнесенная 26 сентября 1892 г. в память преподобного Сергия. Троицкий цветок. М., 1892. № 9.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Ключевский В.О. Курс Русской истории. М., 1904. Ч. 1.

Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1959. Т. 7.

Ключевский. В.О. Сочинения в восьми томах. Исследования, рецензии, речи (1866–1890). М., 1959.

Книга Большому Чертежу. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1838.

Книга, глаголемая описание о российских святых. М., 1887.

Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кодола О.Е. Архангельская область. Исторический путеводитель. Архангельск, 2006.

Козлов А.И., Лисицын Д.В., Козлова М.А. Кольские саамы в меняющемся мире. Москва, 2008.

Козмин К.В. Исторический обзор Мурманского берега // Изв. Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1915. № 1.

Козмин Кир. Варангерское море и его история (Из жизни Архангельского Севера). Архангельск, 1914.

Козмин Кир. Лапландия и лапландцы (Из жизни Архангельского Севера). Архангельск, 1915.

Козьмин Н. Печенгский монастырь в Лапландии // Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 10.

Козьмин Н. Распространение христианства среди лопарей // Архангельские епархиальные ведомости. 1900.

Колпакова Н.П. Терский берег. Вологда, 1937.

Кондратьев И.К. Московский Кремль. М., 1900.

Коновалов И.А. История Ребольского погоста (XVI век – 1922 год). Реферат. 2011. www.bestreferat.ru/referat-403813.html.

Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI века из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 322–383.

Коренева А.В. Обращения в речи терских поморов // Русская речь. 2008. № 1.

Корецкий В.И. Материалы по истории Земского Собора 1575 года // Археографический ежегодник. М., 1971.

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI века // Летописи и хроники. М., 1984.

Коровин К.А. «То было давно... там... в России...». Воспоминания. М., 2010.

Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908.

Корф Б.М. Принц Датский Иоанн в России // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822. Ч. 2. № 8.

Костомаров Н. О борьбе христианства с язычеством в России // Православный собеседник. Казань, 1865. Т. 2.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994.

Кочкуркина С.И. Древняя корела // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах (X–XVI в). Петрозаводск, 1996.

Кошечкин Б.И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск, 1979.

Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Петроград, 1916.

Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. (Арабская географическая литература). М.–Л., 1957. Т. IV.

Кривцов Н. Последний приют короля Магнуса? //Журнал «Вокруг Света». 1994. № 11 (2650), ноябрь.

Криничная Н.А. Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978. № 47.

Крушельницкая Е.В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001.

Крушельницкая Е.В., Тутова Т.А. Старцы Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001.

Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2–3.

Кузьмин А.Д. Игумен Далматова монастыря Афанасий Любимов – соратник Петра Великого // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2012.

Купчая на участок Парандоев, купленный Павлом, Иваном и Борисом у Бориса Калтоева. 15 в. // Материалы по истории Карелии XII–XVI в. Петрозаводск, 1941.

Куратов А.А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск, 2008.

Курбский Андрей. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. М., 1986.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 2-е изд. / Под ред. Е.Ф. Карского. Вып.1–3. Л., 1926–1928. Т. 1.

Ламартиньер П.М. Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов … // Из Записок Московского Археологического Института за 1911 г. М., 1911. XIV.

Латышев В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М., 1947. № 2.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482–1563). М., 1887.

Леонтьев А.И., Леонтьева М.В. Походы норманнов на Русь. М., 2009.

Лета 7016 (1508). Четвертая Новгородская летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 2.

Летописец новгородский. Синодальный список. М., 1819. Л. 161.

Летописец Соловецкий старца Петра Ловушки // Летописи и хроники. М., 1981.

Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1781.

Летописи и хроники / Соловецкий летописец конца XVI века. М., 1980.

Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 6.

Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10.

Лилов А.И. Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2.

Линд Дж.Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16).

Линник Ю.В. Духовность Русского Севера. Петрозаводск, 2007.

Лихачев Д.С. Иван Грозный – писатель. Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952. Т. 6.

Лопари, корелы и поморцы Архангельской губернии // Северное обозрение. СПб., 1849. Т. 1.

Лоция Белого моря. Управление Гидрографической службы ВМФ, 1964.

Лукьянченко Т.В. О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9.

Львов В.Н. Русская Лапландия и русские лопари: географический и этнографический очерк. М., 1903.

Львов Е.В. По студеному морю. Поездка на север. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1895.

Любкер Ф. Елизий // Реальный словарь классических древностей. / Под ред. Й. Геффкена, Э. Цибарта. СПб., 1914.

Любопытный месяцеслов на лето от Р. Х. 1795. М., 1795.

Маврикий, император. Тактика и стратегия. Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Маккиавелли / Пер. с лат. капитана М.А. Цыбышева, предисл. П.А. Гейсмана. СПб., 1903.

Мавродин В.В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти томах. М., 1983–1986. Т. 1.

Макарий (Булгаков), митрополит. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

Макарий (Булгаков), митрополит. История русской Церкви. СПб., 1866.

Макарий (Веретенников), архимандрит. Макарий, митрополит Московский и всея Руси. М., 1996.

Макарий (Миролюбов), епископ. Христианство в пределах Архангельской епархии // ЧОИДР. 1878.

Максим Грек. Сочинения. Ч. III. Казань, 1859.

Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. По сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев: Университетская типография, 1837.

Малков Ю.Г. Русь Святая. М., 2002.

Мальгин Т.С. Зерцало российских государей по Р. Х. с 862 г. по 1791 г., изображающее их родословие, союзы, потомство, царствование, кончину, место погребения и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. СПб., 1791.

Мартынов А.Я. О некоторых проблемах Соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Матузова В.И. Орозий короля Альфреда (IX век) // Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979.

Мацак В.А. Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск, 2005.

Мейерберг А. Бытовые картины России XVII века. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903.

Мелетиев В., священник. Памяти архимандрита Ионафана // Архангельские епархиальные ведомости. 1915. № 6, 8.

Мелетинский Е.М. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000.

Мельников В. Г. О старом и новом стиле. Новосибирск, 1993.

Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.

Миловидова О.В. «Вначале был север… Этимология топонимики Кольского полуострова» // «Север и История». Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск – СПб., 2012.

Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976.

Мирный договор между Швецией и Россией, заключенный 10 мая 1595 года в Тявзине // ЧОИДР. М., 1862. Кн. 2.

Молчанов К. Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательностей со многими древними историческими известиями и знаменями. СПб., 1813.

Мордвинов А.А. О присутствии Великого Князя Михаила Александровича на коронации Хокона VII в Тронхейме в июне 1906 года. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. М., «Кучково поле», 2014. Т. 1. С. 65.

Морозов Н. Руководство для плавания во льдах Белого моря. Пг., 1921.

Мосс В. Крушение Православия в Англии. Тверь, 1999.

Муллонен И.И. Территория расселения и этнонимы вепсов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Мурманская область: География и история освоения. Мурманск, 1996.

Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с греками // Русь в IX–XII веках. М. – Вологда. 2014. Ч. 1.

Нансен Фритьоф. Во мраке ночи и во льдах. Лейпциг: Изд. F.A. Brockhaus, 1897.

Насонов А. Псковские летописи. М.–Л., 1941. Вып. 1.

Начертание Церковной истории от Библейских времен до XVII века. Отд. II. СПб., 1877.

Невероятные приключения по ту сторону Туле / Пер. Н. Мильштейн // Поздняя греческая проза. М.: ГИХЛ, 1961.

Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских // Записки Императорского русского географического общества. Кн. VIII. 1856.

Немирович-Данченко В.И. Страна холода. Виденное и слышанное. М.–СПб., 1877.

Ниеншгедт Франц. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. IV.

Никодим (Кононов), архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902.

Никодим (Кононов), архимандрит. Преподобный Трифон Печенгский Чудотворец и его ученики. Исторические сведения о церковном их почитании. СПб., 1901.

Никодим (Кононов), иеромонах. Архангельский патерик. Архангельск, 1901.

Нильсен Й.П. Северо-норвежские предания о смутном времени на Крайнем Севере в XIII–XV вв. // Север и война. Седьмые Феодоритовские чтения. СПб., 2015.

Нильсен Й.П., Зайков К.С. Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5 (январь).

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М.–Л., 1950. Ч. 1.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III.

Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Пг., 1915–1929. Т. 4.

Новгородские и псковские летописи // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Издание 1-е. СПб., 1848.

Новиков Н.И. Две жалованные Грамоты. № 137 // Древняя Российская Вифлиофика. М., 1774. Ч. 3.

Новиков Н.И. Подробнейшая история Государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика. Изд. 2-е, М., 1791. Ч. XVI.

Новикова Г.Л. Скандинавские амулеты из Владимирских курганов // Тезисы первых Уваровских чтений. Муром, 1990.

Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе // Любопытное и полезное чтение / Пер. с датского профессора лапландского языка Кнуд-Лемса. М., 1792.

Новые мученики Российские. Первое собр. материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. Jordanville, 1949.

Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788. Ч. 1.

О борьбе христианства с язычеством в России // Православный собеседник. Казань, 1865. Т. 2.

О защите страны / Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса Исправителя Законов 1274 г. / Пер. и примеч. М.В. Панкратова. Институт Всеобщей Истории РАН. http://norse.ulver.com/src/other.

О монастырях, существовавших на Севере России // Архангельские губернские ведомости. 1872. № 52.

О недостатках русского народа по изображению Стоглава // Православный собеседник. Казань, 1865. Ч. 2.

О постепенном увеличении Российского Государства // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822. Ч. 2.

О правах Верховной власти в Московском Государстве // Известия и ученые записки Казанского университета. Казань, 1877. № 3.

О сборе дани и оброков // Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1828. Ч. 1–4.

О церкви и иконе «Пирогощи» // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5.

Об обращении лопарей в христианство священником Алек. Симоновым и колянином Фед. Сусловым // ЧОИДР. СПб., 1887. Кн. 1. Смесь.

Оболенский М.А., князь. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850.

Обросов О. Древняя цивилизация Русского Севера // Коношские ведомости. Коноша. 2007. (№ 37).

Общее обозрение Кольского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18.

Огородников Е. Мурманский и Терский берега по книге Большого Чертежа. СПб., 1869.

Огородников С.Ф. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1812.

Оксфордская иллюстрированная энциклопедия // Всемирная история с древнейших времен. М., 1999. Т. 3.

Олаус Магнус. История и описание Северных народов / Пер. с лат. и предисл. Жан-Мари Майефер. Париж, 2004.

Олаус Петри. Шведская хроника / Пер. А.Д. Щеглова. М., 2012.

Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.

Определения Московского Собора 1503 г. // Православный собеседник. Казань, 1863. Ч. 2.

Опыт изъяснения слова Князь // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. Июнь. № 11.

Ордин К. Покорение Финляндии. СПб., 1889. Т. 1.

Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020

года и дальнейшую перспективу. Утв. Указом Президента РФ № 1969 от 18 сентября 2008 г.

Островский Д.Н. Лопари и их предания // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1889. Т. 25.

Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России. СПб., 1898.

Островский Д.Н. Речь, читанная в зале обер-прокурора Святейшего Синода 14 марта 1888 года русским консулом Д.Н. Островским // Прибавления к Церковным ведомостям. СПб., 1888.

Охотина-Линд Н. Сказание о Валаамском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: ИРЛИ РАН, 2005. Т. 13.

Павленков Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1905.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38.

Памятники древлерусской духовной письменности: Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и похвальные слова в память их // Православный собеседник. Казань, 1859. Кн. II.

Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4.

Панич Т.В. Афанасий (Любимов) // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4.

Панченко О.В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55.

Панченко О.В. Соловецкие повести о «Видениях» 1668 года // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

Патрикеев А.В. Три истока Руси. Русь Беломорская через призму эпоса и топонимики. 2013. http://ukhtoma.ru/history13.htm.

Пашкина Л.Д. К вопросу о смерти князя Рюрика в городе Кореле // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 1999. Вып. 1.

Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956.

Первый Новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3.

Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 (1500) года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. XII.

Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. СПб., 1869.

Перссон Я. Наши права на Лаппмаркен и Триннес, 1581 / Пер. со шв. и примеч. Г.Ф. Гебеля // Изв. Архангельского Общества по изучению Русского Севера. Архангельск, 1909. № 5.

Петрей де Ерлезунда, Петр. История о Великом княжестве Московском. М., 1867.

Петренко Н.А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001.

Петри Олай (Olof Peterson). Sver cronika. Крит. изд. Клемминга, 1860.

Петрухин В. Мифы древней Скандинавии. М., 2002.

Петухов Ю.Д. Тайны древних русов. Страницы подлинной истории. М., 2001.

Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. Предание, добавленное архивными данными. СПб.: Изд. Т.Ф. Кузина, 1893.

Пигин А.В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010.

Пименов В.В. Вепсы. М.–Л., 1965.

Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.

Пинегин Н. Из записной книжки туриста // Известия Архангельского Общества по изучению Русского Севера. 1910. № 17.

Пирью Юино. Об истории Старой Ладоги // Акка Археологика, 1989. Т. 59.

Писков А. Наследие вождей Атлантиды. Элиста, 2008.

Письмо Иоанна IV игумену Косьме // Акты истории. Т. 1. № 204.

Плавание святого Брендана: Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров / Пер. Н. Горелова. М., 2002.

Плано Карпини И. История Монголов. СПб, 1911.

Планы гаваней и становищ Русской Лапландии. Составил прапорщик Растов. Шхуна «Полярная Звезда». СПб., 1874.

Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924.

Плиний Старший. Естественная история (фрагменты) / Сост. проф. М.С. Боднарский. М., 1953.

Плиний Старший. Естественная история. Книга четвертая. О странах Европы / Пер. с лат. и коммент. Б.А. Старостин // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. § 89.

Повесть временных лет / Подг. текста и комм. О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // ПЛДР М., 1978.

Повесть о Темир-Аксаке // Русские повести XV–XVII веков. М.–Л.: ГИХЛ, 1958.

Подвижники и монастыри Крайнего Севера // Христианское чтение. СПб., 1885. Ч. 1.

Подосинов А.В. Ориентация древних карт. С древнейших времен до раннего Средневековья // Вестник древней истории. 1992. № 4.

Подосинов А.В. Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Подробное описание Лопской земли //Архангельские губернские ведомости. 1869. № 65. С. 67–87;

Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. I.

Помпоний Мела // Античная география / Сост. М. С. Бондарский. М., 1953.

Попов А. К истории Варзужского прихода Александровского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 4.

Попов А. Послание многословное. Сочинение инока Зиновия // ЧОИДР. СПб., 1880. Кн. II.

Попов А.И. Валит // Советское финно-угроведение. Таллин, 1949. Т. 5.

Попруженко М.Г. Козмы Пресвитера слово на еретики // Памятники древней письменности. СПб., 1907. Вып. 167.

Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г., СПб., 1903.

Послание архиепископа овгородьского Василия ко владыце Тферьскому Феодору // ПСРЛ. 1853. Т. 6. Прибавления.

Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае / Подг. текста, пер. и комм. Н.С. Демковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999. Т. 6.

Последование молебное об избавлении недугующего от обуревания и насилия духов нечистых. М., 1999. 301 с.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1992.

Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша). Троице-Сергиева Лавра, 1996. Т. 1.

Приехаше к Москве лопляне ис Кандолакжской губы… Софийская летопись // ПСРЛ. Л.–М., 1929. Т. 4. Ч. 1.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950. Кн. II, Гл. 15.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. М., 1993.

Проложное житие князя Владимира // ЧОИДР. М., 1846. № 2. Отд. 1.

Пространный месяцеслов святых, в Земле Российской просиявших. Составил Н.Д. Тальберг. СПб., 1997. (Репринт).

Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин. Некролог // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 10.

Протопопов С.Д. Из поездки в Соловецкий монастырь, М., 1905.

Прохоров Г.М. Выбор князя Александра // Доклад на научной конференции: «Князь Александр Невский и его эпоха». СПб., 1995. (Рукопись).

Прохоров Г.М. Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.

Псалтырь в святоотеческом изъяснении / Издание Афонского монастыря. Афон, 1997.

Псковская вторая и Софийская Первая летописи // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. Прибавления.

Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 33–50.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Под ред. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971.

Пуцко В. Антоний Римлянин в Новгороде. Журнал «София». 2013. № 2.

Пыжов Н.Г. Сибирский Никола // «Порядок». 1881. № 295.

Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: ИРЛИ РАН, 1999. Т. 6.

Регель К.В. Терский берег: Краткое физико-географическое и естественноисторическое описание // Изв. Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1917. № 3.

Рейнеке М.Ф. Географическое описание северного берега России. СПб., 1850.

Рейнеке М.Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830.

Религия и церковь на Кольском Севере // Кольская энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. http://ke.culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast.

Роспись лопарским погостам 1581 года. Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1930.

Рукописание Магнуша // ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1.

Рукописание Магнуша, короля Свейского // ПЛДР. XIV – сер. XV вв. М., 1981.

Рункевич С.Г. Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Афанасий (Любимов), архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник: Духовный журнал. 1904. Т. 2. Ч. 2.

Русская Лапландия. Статист., географ. и этнографический очерки. Архангельск, 1877.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16.

Русские юридические древности. СПб., 1896. Т. II.

Рыбаков Б.А. Рождение Руси. М., 2004.

С.В.М. Опыт устройства ученического общежития при Пазрецкой лопарской школе // Архангельские епархиальные ведомости. 1911. № 10.

Савваитов П.И. О Зырянских деревянных календарях и о Пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М., 1873.

Савельев П. Пермская губерния в археологическом отношении // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1852. Ч. 39. Кн. 7.

Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – М., 1998.

Савич А.А. Главнейшие моменты монастырской колонизации русского севера XIV–XVII вв. Пермь, 1929.

Сага об Олаве, сыне Трюггви // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Пер. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980.

Сакса А.И. Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН, 1999.

Саксон Грамматик. Деяния данов. Книга И. Хаддинг / Пер. Т.В. Гимранов. http://norse.ulver.com/person/tild/dd01.html.

Сапожникова О.С. Материалы к биографии книжника Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001.

Сахаров И. Свадьба царя и великого князя Иоанна IV Васильевича с Анастасиею Романовною Юрьево-Захарьиной в 1547 году // Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 5–8.

Сахновский Н.И. Святая Русь. Краткая история православного царства. Буэнос Айрес, 1958.

Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1970.

Сванидзе А.А. «Хроника Эрика» (Erikskronikan) и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика. М., РГГУ. 1999.

Сведения о Соборах, бывших в Русской Церкви с X до XIII столетия // Христианское чтение. СПб., 1852. Ч. 1. С. 314–316.

Севергин В.М. Опыт минералогического землеописания Российского государства. СПб., 1809. Ч. 2.

Северные грамоты XV века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Т. XXXV.

Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси (по археологическим материалам) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988.

Седова Р.А. Алексий, свт. // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

Селицкий А.И. Воданические короли // Скандинавские чтения. СПб., 2002.

Сенковский О.И. О значении скандинавских саг для русской истории // Библиотека для чтения. СПб., 1834.

Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. СПб., 1834. № 1. Ч. III.

Сенковский О.И. Эймундова сага / Собрание сочинений. СПб., 1858–1859. Т. V.

Середонин С.М. Сочинения Дж. Флетчера как исторический источник. СПб., 1891.

Скабалланович М.Н. Первая глава книги пророка Иезекииля: опыт изъяснения. Мариуполь, 1904.

Сказание о Валаамском монастыре / Подг. текста, пер. и комм. Н.А. Охотиной-Линд) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13.

Скворцов А.П. Сколько памятников на Соловках // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836.

Слово о житии... святого Стефана, бывшего епископом в Перми. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Подг. текста Ю.А. Грибова, пер. Е.Г. Водолазкина, Н.Ф. Дробленковой, Л.С. Шепелевой. lib.pushkinskijdom.ru/Default.

Смирнов П.П. Челобитная Московских и всех городов торговых людей // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1912. Кн. 1.

Смирнов, священник. Кольский Благовещенский соборный приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896.

Смирнов, священник. Пазрецкий лопарский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18.

Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение. Развитие. Сущность (988–1917) / История Русской Церкви. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 1997.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Н.С. Всеволожского. 1813. Ч. 1.

Сойкин П.П. Православные русские обители. Соловецкий монастырь. СПб., 1910.

Соколов М.И. Послание Федора Жидовина // ЧОИДР. М., 1907. Т. 2.

Соловецкий летописец конца XVI века / Летописи и хроники. М., 1980.

Соловцов К. Очерки Архангельской губернии. Архангельские губернские ведомости. 1861–1862. № 9–29.

Соловьев В. Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки / Собр. сочинений. СПб., 1890. Т. VI.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1994. Т. 3.

Соловьев С.М. Отношение Новгорода к великим князьям // ЧОИДР. М., 1846. № 1.

Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М.: Изд. Калачева Н.В. 1850. Кн. 1.

Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сб. материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. / Подг. текста А.И. Андреев. Л., 1930.

Софийская летопись // ПСРЛ. Л.–М., 1929. Т. 4. Ч. 1.

Спасский Г. Книга Большой Чертеж. М., 1846.

Списки московских владений на Двине, составленные в Москве при подготовке ликвидации независимости Великого Новгорода (ок. 1462 – 1476) // Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Хрестоматия. Архангельск, 2004.

Стальсберг Анне. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001.

Старинный Датский документ о разорении Печенгского монастыря в 1589 году // Из сборника отд. русск. языка и словесности Академии наук. СПб., 1890. Т. 51.

Старков В.Ф. Поморские кочи XVI–XVII вв. // Наука в России. 2000. № 5.

Старшая Эдда / Пер. В. Тихомирова // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1975. Т. 9.

Стриннгольм Андерс Магнус. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877.

Строев П.М. Каталог славянско-российских рукописей, принадлежащих И.Н. Царскому. М., 1836.

Стурлусон Снорри. Круг Земной / Пер. М.И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980.

Табов Й. Когда крестилась Киевская Русь. СПб., 2003.

Тайные переговоры Царя Иоанна Васильевича с послом Английской Королевы 13 декабря 1583 года // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1823. Январь, № 2.

Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

Татищев В.Н. История Российская. М.–Л.: АН СССР, 1962.

Тацит Публий Корнелий. Германия. Сб. документов / Сост. Граков Б.Н., Моравский С.П., М., 1937. Гл. XLVI.

Тельпуховский Б, батальонный комиссар. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 128–133.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

Терентиев Георгий, священник. О русской колонии в лапландском крае // Архангельские губернские ведомости. 1873. № 3.

Терентиев Георгий, священник. Путевые приключения. Крушение шхуны «Трифон» // Архангельские губернские ведомости. 1862. № 11.

Терентьев Георгий, священник. О перенесении и освящении Трифоновской церкви //Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 1.

Тиандер К.Ф. Датско-русские исследования. П., 1915.

Тиандер К.Ф. Поездки норманов в Белое море. СПб., 1902; 1906.

Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1889.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города // Ученые записки Московского Государственного Университета. М., 1946. Вып. 99.

Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М.–Л., 1951.

Тихомиров М.Н. Соловецкий летописец // Исторический архив. Выпуск VII. М., 1951.

Тищенко А.В. К истории Колы и Печенги в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1913. Ч. 46.

Толстой М.В. Древние православные миссии на Крайнем Севере Руси. М., 1868.

Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. В 5 кн. Изд. 6-е. М., 1899.

Требник монашеский. СПб.: «Библиополис», 2014.

Указ о определении губерний и провинций // Северный архив. СПб.: Тип. Н. Греча, 1822. № 21. Ноябрь.

Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Устрялов Н. Сказание князя А. Курбского. СПб., 1842. Изд. 2-е.

Ушаков И.Ф. Кольский крест // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск, 1997. № 2.

Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001.

Ушаков И.Ф. Малые храмы на Кольской земле // Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 3.

Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Мурманск, 1998.

Ушаков И.Ф. Морское сражение на севере в 1496 году // Наш современник. 2001. № 8.

Ушаков И.Ф. Хрестоматия по истории Кольского Севера. Мурманск, 1997.

Фарли Моуэт. От ариев до викингов. М., 2004.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка / Пер. О.Н. Трубачева. М., 1986–1987.

Федотов Г.П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский Рабочий, 1990.

Федотов Г.П. Собрание сочинений. М., 2000.

Федотова М.А. К вопросу о житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001.

Фехнер М.В. Тимиревский могильник – Ярославское Поволжье X–XII вв. М., 1963.

Филарет (Гумилевский), архиепископ. Обзор русской духовной литературы: в 2 кн. СПб., 1884.

Филарет (Гумилевский), архиепископ. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Чернигов, 1864.

Филин П.А, Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1.

Филиппов А.М. Голландец Салинген в России в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1902. Т. 4. Кн. 6.

Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб. 1901. Т. I. Кн. III.

Филлипс Э. Православное христианство и старая Английская Церковь. Филикстоу, 1996.

Фиркс, фон И. Суда викингов. Л., 1982.

Фиш Г.С. Скандинавия в трех лицах. М., 1969.

Фишер И.Е. Рассуждение о гиперборейцах, или о народе, за севером находящемся // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль.

Флетчер Дж. О Государстве Русском. СПб., 1911.

Флетчер Джильс. О государстве российском / Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.

Флоренский П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия // Троице-Сергиева лавра. Сергиев Посад, 1919.

Флоровский Георгий, протоиерей. Положение христианского историка / Догмат и история. М., 1998.

Флоровский, Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1983. Монография.

Фомин А.И. Описание Белого моря с его берегами и островами вообще. СПб.: Имп. Акад. Наук. 1797.

Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.

Фон-Пошман. Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские губернские ведомости. 1873. № 31.

Форстен Г.В. Из Брюссельского архива. Архивные занятия в Париже, Брюсселе. Копенгагене и Стокгольме по истории Скандинавских и Московского государств в XVI–XVII столетии. СПб., 1887.

Фрисс Я.А. Печенгский монастырь в Русской Лапландии // Вестник Европы. СПб., 1885.

Харузин Н.Н. О нойдах у древних и современных лопарей // Этнографическое обозрение. М., 1889.

Харузин Н.Н. Русские лопари // Записки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и истории при Московском Университете. М., 1890.

Хвольсон Д.А. Абу-Али Ахмед Ибн-Омар Ибн-Даст. Книга драгоценных сокровищ. СПб., 1869.

Хвольсон Д.А. Известия Ибн-Даста о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и руссах. СПб., 1869.

Хитров М. Великий князь Александр Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893.

Холод М.М. Страницы из византийской лексикографической литературы. Стефан Византийский // Клио. 2003. № 2 (21).

Холодный Г.М. Жизнь и деятельность великого князя Александра Невского в связи с событиями на Руси в XIII столетии. Тамбов, 1883.

Хорошкевич А.Л. Торговля великого Новгорода с Прибалтикой и западной Европой. М., 1963.

Царская грамота Киприану Оничкову 1581 Июля 31 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836.

Царская грамота старцу Феогносту о возобновлении церкви в Помори, на реке Поной, и о защите Лопарей от притеснений даньщиков и посторонних людей // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб., 1836.

Царская жалованная грамота патриарху Филарету, на две трети Варзужской волости. 1619 Ноября 20 // Русское слово. СПб., 1864. Март.

Цветков В.А. Арктика – зона стратегических интересов России // Современная парадигма освоения и развития Арктики. Отделение общественных наук РАН. 15 декабря 2014 г. www.ipr-ras.ru/appearances/tsvetkov.

Цеттерберг С., Тиитта А. Финляндия сквозь века. Хельсинки, 1992.

Чарнолуский В.В. В краю Летучего камня. Записки этнографа. М., 1972.

Челобитная 1627 г. об изгнании иноземных купцов // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1912. Кн. 23, Вып. I.

Ченслер Р. Книга о Великом и могущественном Царе России и Князе Московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.

Чепель Е.Ю. Крайний Север в представлении древних греков // Четвертые Феодоритовские чтения «Север и история». Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2011.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чернышев Н.Г. О царской грамоте 1530 года // «Северная пчела». 1852. № 148.

Чернышева О.В., Комаров Ю.В. Церковь в скандинавских странах. М., 1988.

Чернякова И.А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории. http://illmik.petrsu.ru/Alkonost.

Чистович И.А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.

Что едят северные олени? // Познавательная энциклопедия. Экология. «Русич». Смоленск, 2000.

Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1782. Т. 1. Кн. II.

Чумиков А. Мирный договор в Тявзине 1595 г. // ЧОИДР. М., 1868. Кн. 2.

Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 3.

Чумиков А.А. О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 г. // ЧОИДР. М., 1895. Т. 4.

Чумичева О.В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 285–292.

Чумичева О.В. Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 92–94.

Шаскольский И.П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1987.

Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки, М., 1945. Т. XIV.

Шаскольский И.П. О возникновении города Колы // Исторические записки. М., 1962. Т. 71.

Шаскольский И.П. Политические отношения Новгорода и карел в XII–XIV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. № 10. С. 125–126.

Шаскольский И.П. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сб. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. Т. 15.

Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси в X–XIV вв. в Исландских анналах // ВИД. СПб., 1994. Т. 25.

Шаскольский И.П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы (Сборник статей). Л., 1973.

Шегрен А.М. Путешествие доктора Шегрена для исследования обитающих в России народов финского племени // Исторический, статистический и географический журнал. М., 1829. Ч. 4. Кн. 2.

Шергин Б.В. Древние памяти. М., 1989.

Шерцль В.И. Сравнительная грамматика славянских и других языков. Харьков, 1871. Т. I.

Шестаков П.Д. Просветители лопарей Феодорит и св. Трифон // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. Ч. 138.

Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк. СПб., 1912.

Шмаков Н.И. Понойский приход / Под. ред. Смирнова // КИОПЦ Архангельской епархии. Архангельск, 1896.

Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь православия. (Репринт). М., 1993.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе (о. Олений). Академия наук СССР. М., 1930.

Шпаковский А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI–XVII веках // Сборник статей. Студенческий историко-этнографический кружок. Киев, 1915. Вып. VII.

Шпилевский С.М. Древние города в Казанской губернии. Казань, 1877.

Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925.

Штукенберг И.Ф. Статья «Варзуга» / Энциклопедический Лексикон. СПб., 1837. Т. 8.

Шульман Ю.М. «Повести о чудесах...». Писатель-маринист монах Сергий Шелонин // Север. 1990. № 9.

Шумаков С. Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. 2. М., 1900.

Шумкин В.Я. Влияние природно-экологического фактора на заселение арктических районов Северо-Западной Европы // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.

Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006.

Щапов А.П. Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мире // Православный собеседник. Казань, 1861. Ч. 1–3. С. 270–271.

Щербачев Ю.Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. (164).

Эдинг, фон, Борис. Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины. М., 1899.

Энгельгардт А.П. Русский Север: Путевые записки. СПб.: Изд. А.С. Суворина. 1897.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907 гг.

Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях... 1838–1844 гг. // Этнографический сб. изд. Имп. Русским Географическим обществом. СПб., 1858. Вып. 4.

Ягелло В. Обозрение истории Церкви. Париж-СПб., 2004.

Яковенко Н.Г. Терский берег. Мурманск, 1985.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.

Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода // «История СССР». М.–Л., 1971. № 2.

Яхонтов И.К. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1881.

Зарубежные источники

Acerbi C. Voyage au Cap-Nord par la Suede, la Finlande et la Laponie. Paris, 1804. Vol. III.

Ahlenius K. Die älteste geographische Kenntnis von Skandinavien // Eranos, Uppsala. 1898/1899. Vol. 3. P. 4–47.

Arwidsson A.I. Handlingar till upplysning af Finlands hafder. Stockholm, 1846. T. VI.

Aslak Outakoski. Pekka Vesainen / Suomen Talonpoikia. Helsinki, 1952. S. 40–41.

Aspelin J.R. Jatulintarhat Suomen rantamailla // Suomen Muinaismuisto–yhtion Helsingissa, 1874.

Binns A.L. Ohthere's Northern Voyage // English and German Studies. Cambridge, 1961. Vol. 7.

Biörner Eric Julius. Cogitationes critico philologicæ de orthographia linguæ svio gothicæ tam runica quam vulgari...Stockholmiæ typis Laurentii Salvii, 1742.

Blom G.A. The Participation of the Kings in the Early Norwegian Sailing to Bjarmeland… // Arctic. 1984. December.

Botvidi Johannes. Theses de qvaestione: utrum Muschovitae sint Christiani? (*Ботвиди Й.* Христиане ли Московиты?). Holmiae – Abo, 1620.

Bratrein H.D. Karlsøy og Helgøy Bygdebok. Bind I Fra steinalder til år 1700. (Karlsøy Kommune, Hansnes), 1989. S. 235–238.

*Brock-Utne Martha.*Solberg i Finnmark omkring 1700: Aktstykker og oversikter, Hft. I: to jordeboeker fra 1694 //Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk Museum Universitet i Oslo. Oslo, 1932.Vol. I.

Bugge A. Norges Historie. 1103–1319. Vol. II. Kristiania, 1916.

Bugge Alexander. Norges historie (800–1030) fremstillet for det norske folk I–2. Utgitt av Aschehoug i Kristiania, 1910.

Büschings Magazin für Geographie und Geschichte. Th. VII. I. S. 304–310.

Carmichael J. Histoire illustrée de la Russie. Paris: Gallimard, 1960.

Castrén A. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. St. Petersburg, 1853.

Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolatres. Amsterdam, 1728. T. 2. P. 1.

Childs B.S. Myth and Reality in the Old Testament,. Naperville, Illinois, 1960.

Chronicon breve Northmannicum ab anno MLXI usque ad annum MLXXXV // Rerum Italicarum Scriptores, V. Milano, 1734 / Пер. И.В. Похлеба. 2002, комментарии. http://www.vostlit.info/Texts/rus/Norm_Chron/text.

Consett M. A tour through Sweden, Swedish Lapland, Finland and Denmark. London, 1789.

Daa Ludvig Kr. Skisser fra Lapland, Karelstranden og Finland. Kristiania, 1870.

Dalin Olof. Svea Rikes Historia Ifran Des Begynnelse. Til Wara Tider, Stockholm, 1750. D. 1. S. 225–226.

Description ethnographique des peuples de la Russie. St. Petersbourg, 1862.

Diller A.A. Geographical Treatise of Georgius Gemistus Pletho // Isis. Bruges, 1937. № 27.

Dudone Sancti Quintini decano. De moribus et actis primorum Normannia ducum auctore / Ed. Jules Lair, 1865. Ch. 2. P. 129–130.

Dudonis de St. Quentin. De moribus et actis primorum Normannorum ducum Historia Normannorum 1015–1030 / Ed. Felice Lifshitz. Berlin, 1996.

Ekrem I, Boje L.M. Historia Norwegie. Museum Tusculanum Press. University of Copenhagen. 2006.

Finska fornminnesföreningens tidskrift. Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja.

Flateyjarbok / S. Nordal. Akranes, 1944–1945. B. III. Bl. 537.

Fred. T. Jane. The Imperial Russian Navy. Its past, present and future. London, 1899.

Geer Gerard de. Om Skandinaviens nivåförändringar under qvartärperioden, Geologiska Föreningen. Stockholm, 1888.

Giulio Ferrario, dottore. Il costume antico e moderno, o storia del governo, della milizia, della religione, delle arti, scienze ed usanze di tutti i popoli antichi e moderni. Milano, 1826.

Gotefridi Viterbiensis Pantheon / Rec. J. Pistorius // Scriptores Germanicorum. Editio tertia. Tomus alter. Ratisbonae, 1726.

Grassi L. La Madonna di Aracoeli e le tradizioni romane del suo tema iconografice // Rivista di archeologica cristiana. T. XVIII. Roma, 1941. P. 65–96.

Gustaf von Dueben. Om Lappland och Lapparne. Stockholm, 1868.

Hakluyt's Collection of the Early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation. A New Edition, with Additions. L.P. London, 1809. T. I.

Hamilton B. The Monastery of S. Alessio and the Religious and Intellectual Renaissance in Tenth-Century Rome // Studies in Medieval and Renaissance History. Vol. II. Lincoln, Nebraska, 1969. P. 263–310.

Hanns Bachtold-Staubli (ed.), Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, 10 vols, 1927–1942.

Hansen L.I. Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders // Rindal M. (ed.) Two Studies on the Middle Ages. KULTs Skriftserie No. 66. 1996. P. 31–95.

Hansen Lars Ivar. The overlapping taxation areas of the North and the nature of the Russian–Norwegian border in Medieval and Early Modern times // Russia – Norway: Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005.

Havemann Wilhelm. Darstellungen aus der inneren Geschichte Spaniens während des XV, XVI und XVII Jahrhunderts. Göttingen, 1850.

Helgason Ed. J. Hauksbok. Copenhagen, 1960.

Helle Knut. Grunntrekk i norsk historie // Universitetsforlaget. Oslo, 1991. P. 19–21.

Helsinki, 1897. V. XVII.

Hrbek I. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen // Archiv orientalni. Praha, 1957. T. 25.

Ioakeim Iberiotes. Ioannou Staurakiou Logos… // Makedonika. 1940. T. 1.

Ivalo, Santeri. Juho Vesainen. WS. Helsinki, 1894.

Jerome Bowes voyage and ambassady to the Emperor of Russia in the year 1583. Hakluyt, Vol. I.

Johannes Messenius, Suomen, Liivimaan ja Kuurimaan vaiheita sekä tuntemattoman tekijän Suomen kronikka. Helsinki, 1988.

Johannis J. M. Tornaæ Beskrifning, öfwer Torneå och Kemi lappmarker: författad år 1672. Stockholm, 1772.

Johannis Peringskioldii. Historia Hialmari, regis Biarmlandiae atque Thulemarkiae, ex fragment runici Msti literis recentioribus descripta. Stockholm, 1722.

Johansson J.M. Continuous GPS measurements of postglacial adjustment in Fennoscandia // Journal of Geophysical Research. 2002. № 107.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä I. Venäjän Karjala renessanssiajalla (1478–1617), Helsinki, 1970.

Korpela Jukka. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone (1000–1555). Berlin: «Lit Verlag», 2008.

Kowalenko W. Bałtyk i Pomorze w historii kartografii (VII–XVI w.), Studia Pomorskie, Poznań, 1954.

La Finlande pittoresque. Helsingfors, 1886.

Lange C.A. De norske Klostres Historie i Middelalderen. Christiania, 1856.

Lange C.A. Unger Carl R., Chr. Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve, til kundskab om Norges indre... Christiania, 1849. № 670.

Larsen A.S., Larsen R. Hodelose menn og ihjelfrosne haikere: levende sagntradisjon fra Nord-Norge. Tromso: Eureka forlag, 2002.

Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962.

Levesque P.C. Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire russe. Paris, 1812. T. 1.

Lilienskiolds Speculum boreale // Finnmark omkring 1700: Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk museum. Bd. IV. 2–4 hefte. Forste bind. Oslo 1942–1943 Annen bind. Oslo, 1943.

Lind J.H. Early Russian – Swedish Rivaly… // Scandinavian Journal of History. Stockholm, 1991.

Lindahl E. et Oehrling J. Lexicon Lapponicum, cum interpretatione vocabulorum Sueco-Latina, et indice Suecano-Lapponico. Holmiæ, 1780.

Linnaeus. Lachetsis Lapponica. London, 1811.

Liutprands von Cremona Werke // Quellen zur Geschichte der saechsischen Kaiserzeit. Ausgewaehlte Quellen zur deutschen Gechichte des Mittelalters. Bd. 8. Darmstadt, 1977.

Lode O.H. von. Beskrivelse over Finnmarkens Lapper, deres Tungemaal, Levemaade og forrige Afgudsdyrkelse. Copenhagen, 1767.

Lukkarinen J. Eräs muinainen kulkutie Laatokan ja Oulunsuun välillä. Suomen museo XXIV. Suomen muinaismuistoyhdistys. Helsinki, 1917.

Malone K. King Alfred's North: A Study in Medieval Geography. «Speculum», Cambridge, Mass., 1930. Vol. V.

Matthew of Paris. Chronica Majora / Ed. H. R. Luard. London, 1873–1882. Vol. VII.

Miscellanea. Copenhague, Biblioteque Royale, cod. Gl. Kgl. Sml. 1812.

Munch P.A. Symbolae ad historiam antiquiorem rerum Norvegicarum. Kristiania, 1850.

Nansen F. Nebelheim. Bd. 1. Leipzig, 1911.

Navigatio Sancti Brendani Abbatis from Early Latin Manuscripts / Ed., introd. And notes. C. Selmer. Notre Dame, 1959.

Nicephori Gregorae. Historiae byzantinae libri … / Ed. I. Bekkerus. Bonnae, 1855. Vol. 3.

Nielsen J.P. Altas historie, b.1. Alta, 1990.

Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–153.

Norges Historie (1030–1103) af Ebbe Hertzberg og Alexander Bugge. Kristiania, 1915.

Norges historie fremstillet for det norske folk. Vol. I–II. / af A. Bugge ... [et al.], Kristiania, 1910–1917.

Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus / Olaus Magnus.Romae, 1555.

Olaus Magnus. Histoire et description des peuples du Nord. Paris, 2004.

Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia, Upsalæ, 1675–1698.

Perkins Richard. Thor the Wind–Raiser and the Eyrarland Image // Viking Society for Northern Research. London, 2001.

Phillips Andrew, Fr. Orthodox England, 11.3. Английское и русское влияние на христианизацию Швеции / Пер. Дмитрий Лапа. http://www.pravoslavie.ru/62439.html.

Porthan Henricus Gabriel. Solloge monumetorum ad illustrancam Historiam Fennikam Pertinentium.1887. P. 76–89.

Rabot Charles. Explorations dans la Laponie Russe. Ou presqu ile de Kola (1884–1885) // Bulletin de la Société Géographie. Paris, 1890. T. XI.

Rae Edward. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London, 1881.

Rafn C.C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. R. II.

Rafn C.C. Saga Hakonar konungs Haakonarsonar // Antiquités russes d'aprés les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. R. II.

Rimbertum S.S. Anscharii, primi Hamburgensium archiepiscopi, Vita Gemina. Holmiae, Keyser, 1677.

Ross A.S.C. Ohthere's "Cwenas and Lakes" // The Geographical Journal. 1954. V. 120.

Rudbecks Olf. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia. Upsalæ, 1679.

Rydberg O.S. Traktaten i Orechovets den 12 Augusti 1323. Stockholm, 1876.

Saage J.M., Woelky C.P. Scriptores rerum Warmiensium oder Quellenschriften zur Geschichte Ermlands, Braunsberg, 1866. 2 Vol.

Sanmark A. Power and conversion // A comparative study of Christianization in Scandinavia. Uppsala University. 2004.

Scheffer Jean. Histoire de la Laponie. Paris, 1678.

Selnes K. Russisk historie i norrøn saga // (N) HT. 1965. B. 44. H. 2.

Snorre Sturlason. Heimskringla, J.M. Stenersen & Co, 1899.

St. Georg's Greksorthodoxe Kapell. Kirkenes, 1978.

Storm Gustav. Kritiske bidrag til vikingetidens historie: (I. Ragnar Lodbrok og Gange-Rolf). Kristiania, 1878. P. 108–110.

Suhm P.F. Udtog af Danmarks, Norges og Holsteins historie. Copenhagen, V. XII, 1776.

Sverges traktater, I. Stockholm, 1877.

Tallgren A.M. Biarmia, Eurasia Septentrionalia Antiqua. Helsinki, 1931. Vol. 16.

Tallgren A.M. Bjarmienmaa / Kirjoittanut A.M. Tallgren. Helsinki, WSOY. 1930. S. 58–83.

The first nine books of Danish history of Saxo Grammaticus. London, 1894.

Thor the wind-raiser // Viking society for northern research text series. V. London, 2001. XV.

Thormodi Torfaei s.r.m. Daniae et Norvegiae & c. rerum Norvegicarum historiographi ... Historia rerum Norvegicarum in quatuor tomos divisa … Hafniae, 1711.

Thurston P.H. Harper's Dictionary of Classical Literature and Antiquities. New York, Harper, 1897. Vol. 1. P. 588–589.

Torfaeus, Thormod. Torfaeana. Sive, Thormodi Torfaei notae posterigres in seriem regum daniae, epistolae latinae, & index in seriem regum daniae. Hafniae, Godiche, 1777.

Tornaes Johannis. Lapmarckerna och Deras Tillstånd. Uppsala. 1900 // De svenska landsmålen ock svenskt folklif. Stockholm. 1901. S. 44–49.

Wallenius K.M. Petsamo. Mittaamattomien mahdollisuuksiem maa. Helsinki, 1994.

Weber Georg. Geschichtsbilder aus verschiedenen Zeitaltern und Nationen. Leipzig, 1883.

Weinhold K. Die Riesen des germanischen Mythos // Sitzungsberichte, Wien, D. – XXVI. S. 253–258.

Weinhold K. Altnordisches Leben. Berlin, 1856.

Wigum F. Norge og Russland som religiose naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1.

Voyagie ofte schip-vaert van J.H. van Linschoten van by Noorden om langes Noorwegen, de Noortcaep, Laplant, Vinlant, Ruslandt, de Witte Zee. . . Anno 1595.

Wunderers J.D. Reisen nach Dännemarck, Russland und Schweden (1589–1590). Frankfurtischen Archiv. Frankfurt a. M., 1812, Th. II.

Рукописные и архивные источники

Агиографический сборник с Житием преподобного Трифона Печенгского. 2-я пол. 1780-х гг. РГАДА. Рук. Собрание Ф.Ф. Мазурина, ф. 196. оп. 1. № 634. Л. 178–203.

Архангельская Духовная Консистория. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 318.

Архивно-следственное дело. ГАМО. № 6658/2.

Боярские и городовые книги. РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 114.

Ведомость о составе церквей. ГАМО. Ф. 16-и. № 2. Л. 4

Ведомость о составе церквей. ГАМО. Ф. 16-и. № 50. Л. 9.

Главная опись церковного и ризничного имущества Варзужского прихода за 1898–1900 гг. ГАМО. Ф. 7-и. Оп. 1. Д. 72.

Документы Посольского приказа. 1589 год. РГАДА. Ф. 96. № 1.

Жалованная грамота Печенгскому монастырю 1556 года. РГАДА. Грамоты Коллегии Экономии. Ф. 281. № 4139.

Житие преподобного отца нашего Трифона Печенгского чудотворца, лопарский народ просветившего святым крещением. XVIII век. РНБ. Соловецкое собрание. № 182. (Сборник смешанного содержания). Л. 86–119 об.

Житие Трифона Печенгского. XVIII век. ГИМ, Музейское собрание. № 1510. Выговский сборник. Л. 286–299 об.

Записки Архангельского Губернатора Н.А. Качалова. Архив РАН, Ф. 646. Редакция журнала «Голос минувшего». Оп. 1. Д. 358.

Иоанн Шеффер из Страсбурга. Лапландия. Франкфурт, 1674 / Пер. с лат. языка В.С. Золотилова. Апатиты, 1930-е гг. (Рукопись).

Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чюдотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 413–420 об.

Канон преподобному Трифану Печенгскому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 92–97.

Карта северного берега Русской Лапландии. Составлена с описей капи-

танов Литке и Рейнеке 1822–1832 гг. Гидрографический департамент Морского министерства. СПб., 1855.

Книга повести о пустынножителях Соловецкого острова. РНБ. Соловецкое собрание. № 1195/1366.

Кольский острог. РГАДА. Ф. 137. № 2. Л. 28–30.

Летописец в составе хронографа. Рукопись из собрания Ф. Толстого (XVI–XVII вв.). Отдел рукописей РНБ, QIV-88.

Марков А.В. Статья о этнографической поездке 1903 года. РГБ. Ф. 160, коробка 10, ед. хр. 5, рукоп. 10/8. Л. 3.

Николо-Корельский монастырь, ЛОИИ. Ф. № 935.

Описание царской грамоты 1563 г. МГАМИД, «Сношения с Англией». Ф. 35. Оп. 4. Л. 55.

Описи церквей ставропигиального второклассного Трифон-Печенгского монастыря за 1916 год. ГАМО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–118 об.

Опись 1802 года. ГАМО. Ф. 8-и. Оп. 1. Д. 20. Л. 13 об.

Опись Петропавловского прихода 1840 года за подписью священника Гавриила Гурьева. ГАМО. Ф. 7-и. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

Опросные речи данщиков и которые люди з данщики в Лопи езживали и всяких людей старожилцов, которые сказались в Лопской земли знатцы и про рубежи им ведомо, сказывали послом князю Семену Звенигородцкому с товарыщи. ЦГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г. № 1.

Отпись Колмогорского воеводы князя А. Вяземского о шведских нападениях на российские поморские Кандалакшские волости. РГАДА. Документы Посольского приказа. 1589 год. Ф. 96. № 1.

Пергаментный Требник XIV–XV веков. Отдел рукописей ГИМ. Син. 675 (371). Л. 28–29.

Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Л. Секирина. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. № 15056. 1678–1679 гг.

Переписная книга Терской доли и патриарших вотчин Кольского уезда стрелецкого сотника Богдана Ощерина. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. № 15056. 1679 г.

Петропавловская церковь в Поное. Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 247. № 30.

Письмо Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 15.10.2003 года на имя епископа Мурманского и Мончегорского Симона.

Повесть о преподобнем Варлааме Керецком. РГДА. Ф. 196. № 634. Ч. 4, 5.

Послания королевского наместника в городе Вардё Кольскому воеводе в 1702 году. РГАДА. Ф. 137. Кольский острог. № 2. Л. 30.

Сад спасения. Книжное собрание Мурманского областного краеведческого музея, рукопись Соловецкого монастыря, № 308.

Сказание вкратце от летописца. РНБ. Софийское собрание. № 452.

Слово историческо о житии преподобного Варлаама иже в край Соловецкого моря, в месте нарицаемом Кереть просиявшего. РГБ, рукописный фонд, собрание Егорова. № 1571. Л. 298–300.

Сношения с Англией. МГАМИД. Ф. 35. Оп. 4. Л. 1. Подлинник грамоты утрачен в архиве в 1938 году.

Соловецкий летописец. РНБ. Соловецкое собрание. № 877/987.

Указ Архангельской Духовной консистории благочинному Кольского Воскресенского собора. ГАМО. Ф. 8-и. Оп. 1. Д. 40.

Указ Архангельской Духовной Консистории. ГАМО. № 2028. Л. 2–2 об.

Ушаков И.Ф. Православие на Кольском Севере в досоветское время. Мурманск, 2002. (Рукопись).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ VIII
НАЧАЛО АКТИВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА
С КОНЦА XV ДО ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ XVI ВЕКА 5

Глава первая. 1481–1519 годы. Становление Московской державы как исторический фон формирования личности преподобного Феодорита Кольского

§ 1. Ростов Великий. Рождение просветителя 11
§ 2. «История» князя Курбского – важный источник знаний о Кольском Севере 14
§ 3. О годе рождения Феодорита 16
§ 4. «Сын Авраамов». О происхождении Феодорита 20
§ 5. Соловки как северный центр книжности 23
§ 6. Шуя – книжное подворье монастыря 27
§ 7. Подготовка к главному делу жизни 30
§ 8. Александр Свирский и «заволжцы» 33
§ 9. Догмат Троицы. Смена духовной парадигмы 34

Глава вторая. 1519–1533 годы – активная фаза христианской миссии. Преподобный Феодорит Кольский – просветитель лопарей

§ 1. К «Ребрам Северовым». Начало миссии 38
§ 2. Феодорит и Трифон – союз единомышленников 40
§ 3. «Феодорит Пустынник». Имя и суть мировоззрения 42
§ 4. Феодорит – основатель кандалакшской церкви для «поморцев и лоплян» 44
§ 5. Церкви в Коле как ответ на «челобитье лоплян» 45
§ 6. «За Святым Носом». О важнейшем рубеже древности 49
§ 7. Первый священник Колы отец Иоанн 52
§ 8. Миссия иероинока Илии – стратегический план святителя Макария Московского 55
§ 9. Географические масштабы миссии в XVI веке 65

Глава третья. 1485–1533 годы. Преподобный Трифон Печенгский. Формирование подвижника

§ 1. О юности Трифона. Свидетельства и домыслы 68
§ 2. Лопарское предание об атамане Митрофане 73
§ 3. Рассказ голландскому путешественнику 79
§ 4. Начало пути подвижника – покаянное делание 81

§ 5. Трифон и Феодорит – начало проповеди 85
§ 6. Митрофан – просветитель лопарей 89
§ 7. Печенгский подвижник Митрофан
и святитель Макарий Новгородский 92
§ 8. Рождение инока Трифона. Церковь на Печенге 94

РАЗДЕЛ IX
ИСТОРИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА С 30-Х ГОДОВ
XVI ВЕКА ДО РАЗОРЕНИЯ КРАЯ ШВЕДСКИМИ ПОДДАННЫМИ
В 1589 ГОДУ 97

Глава первая. Просветительские труды преподобного Феодорита (1534–1571 гг.)
§ 1. Завершение первого этапа Кольской миссии.
Преподобный Феодорит и святитель Макарий 100
§ 2. Заволжские пустыни – школа «богомыслия и молчания» 101
§ 3. Лопарская азбука – этап миссии по созданию национальной
письменности 103
§ 4. Кольская обитель – детище преподобного Феодорита 107
§ 5. Феодорит как духовный отец преподобного Варлаама 110
§ 6. Крещение аборигенов Лапландии – выдающийся результат миссии 112
§ 7. Монашеский бунт в Коле 1548 года 114
§ 8. Кандалакшская обитель – пристанище Феодорита 116
§ 9. Феодорит и Варлаам. Встреча на Ниве 117

Глава вторая. Преподобный Трифон и его Свято-Троицкий Печенгский монастырь
§ 1. Печенгский новоначальный монастырь. 1532–1549 гг. 119
§ 2. Развитие конфликта на Печенге в 1548–1549 годах 122
§ 3. Противостояние на Печенге 1548 года 124
§ 4. Варлаамово пророчество о пастырском кресте
преподобного Трифона 126

Глава третья. Преподобный Варлаам Керетский (ок. 1502–1599 гг.)
и православная духовность Поморья
§ 1. Морское богоискательство 128
§ 2. Подвиг Варлаама как высшая степень покаяния 132
§ 3. Поморский крест и его сакральное значение 138
§ 4. Научно-богословский анализ «чуда у Святого Носа» по материалам
Канона Сергия (Шелонона) 141
§ 5. Завершение скитаний Варлаама и его старческое служение 145

Глава четвертая. Преподобный Трифон и его духовный подвиг
§ 1. Мудрость северных старцев 148
§ 2. Главный духовный подвиг Трифона 151

Глава пятая. Житийные эпизоды и чудеса преподобного Трифона в историческом контексте

§ 1. Преподобный Трифон и Царь Иоанн Грозный 154
§ 2. Колокола Крайнего Севера 163
§ 3. Икона Божией Матери «Трифоновская» 167
§ 4. Преподобный Трифон и царь Феодор Иоаннович 169
§ 5. Медведи святого Трифона 171
§ 6. Чудо из «Канона … » 173
§ 7. «Белый крест на черной скале» 175

Глава шестая. Преподобный Трифон в завершающий период своего подвижничества до кончины в 1583 году

§ 1. «Места церковные» Печенгского монастыря 178
§ 2. Кончина преподобного Трифона 184
§ 3. Судьба мест захоронений преподобного Трифона Печенгского 186

Глава седьмая. Конфликт России с европейскими странами на Кольском Севере в 1589–1590 годах

§ 1. Внутренние причины трагедии 1589–1590 годов 190
§ 2. Внешние причины событий 1589–1590 годов. Большая европейская политика 195
§ 3. Военная составляющая политики 205
§ 4. Купец и дипломат Симон ван Салинген и его северная миссия 212

Глава восьмая. Гибель Печенгского монастыря и обстоятельства мученического подвига монастырской братии в 1589 году

§ 1. Миссия Весайнена. История конфликта с каянскими немцами и апогей противостояния 217
§ 2. Первый этап плана Весайнена. Борисоглебск – Успенская пустынь 224
§ 3. Второй этап плана Весайнена. Печенгский монастырь 231
§ 4. Игумен Гурий и 116 преподобномучеников 236
§ 5. Места захоронений печенгских подвижников и судьба их мощей 245
§ 6. История обретения мощей преподобного Трифона Печенгского 249

Глава девятая. Преподобные подвижники Терского берега Кольского полуострова

§ 1. Преподобные Астерий (Астий), Авксентий и Тарасий Кашкаранские, Соловецкие 255
§ 2. Монах Аксий как ученик преподобного Евфимия 257
§ 4. Монах Аксий как соловецкий постриженик 261
§ 5. Могила Трех монахов 262
§ 6. Безымянный Инок Терский 265
§ 7. Старец Феогност и селение Поной 267

РАЗДЕЛ X

ИТОГИ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ К КОНЦУ XVI ВЕКА. ПРОДОЛЖЕНИЕ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТРУДОВ В КРАЕ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ СТОЛЕТИЯ

Глава первая. Общая деградация монашеской идеи в конце XVI – начале XVII веков. Влияние этого процесса на задачи миссионерства

§ 1. Перемены в духовной составляющей монашеской жизни в российских монастырях в конце XVI – начале XVII веков 275
§ 2. Свидетельства духовно-нравственного упадка в Печенгском монастыре после событий 1589 года 278
§ 3. Итоги просветительской деятельности святых подвижников Кольского Севера с раннего Средневековья и до конца XVI века 283

Глава вторая. Кольский Север без монастырей. Книжники-просветители и приходские подвижники края

§ 1. Печенга без монастыря. 1886 год – начало возрождения 286
§ 2. Кандалакша без монастыря. 1742 год – упразднение обители 289
§ 3. Кола после упразднения монастыря в 1764 году 292
§ 4. Владыка Афанасий (Любимов) – первый архиерей Крайнего Севера 294
§ 5. Архимандрит Сергий (Шелонин) – духовный писатель начала XVII века 299
§ 6. Священномученик Никодим (Кононов) – духовный писатель начала XX века 305
§ 7. Протоиерей Георгий Кириллович Терентиев (1823–1904) – подвижник Лапландии XIX века 306
§ 8. Протоиерей Константин Прокопьевич Щеколдин – подвижник Лапландии XIX–XX веков 309

Глава третья. Труды отцов-настоятелей по возрождению Трифонова Печенгского монастыря в конце XIX – начале XX веков

§ 1. Игумен Никандр (Чуватин) 314
§ 2. Архимандрит Ионафан (Баранов) и его пример создания образцового монастырского хозяйства 319
§ 3. Игумен Иакинф (Алексеев) – старец Иоанн 323

ПРИЛОЖЕНИЕ

Канон преподобному Трифону Печенгскому, чюдотворцу. 326
Канон преподобному Варламу Керетьскому, чюдотворцу. 332
Грамоты и крепости Кирилло-Белозерского монастыря (копии), рукопись XVII в. (РНБ, ОСРК Q.IV.113б) 340

Источники и литература 349

Митрополит Митрофан (Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Том 3

Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи

2-е издание исправленное и дополненное

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подготовка схем
Павел Карпов
Ольга Баранова

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 70x100/$_{16}$. Печ. л. 24,5
Тираж 1000 экз.

Издательство Мурманской епархии,
Ладан

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте
http://mmeparh.cerkov.ru
Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
keparhia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:
183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11; тел. 8-815-25-97-61
В свободной продаже книги во всех церковных лавках Мурманской и Северо-морской епархий и в книжном магазине «Глобус», Театральный бульвар, д. 8.

ISBN 978-5-9907265-6-7

9 785990 726567